Ежемесячный
литературно-художественный журнал

ПОДЪЁМ

Издается
с января 1931 года

Главный редактор
Иван ЩЁЛОКОВ

Редколлегия:

АВРУТИН А.Ю. (Минск, Беларусь)
АГЕЕВ Б.П. (Курск)
АКАТКИН В.М.
АРШАНСКИЙ В.С. (Мичуринск)
БОНДАРЕВ Ю.В. (Москва)
ГОЛУБЕВ А.А.
ЖИХАРЕВ В.И.
ИВАНОВ Г.В. (Москва)
ИЩЕНКО Е.Н.
КАН Д.Е. (Новокуйбышевск)
КОНДРАТЕНКО А.И. (Орел)
ЛАПИН А.А.
ЛЮТЫЙ В.Д. — заместитель главного редактора
МИЗГУЛИН Д.А. (Ханты-Мансийск)
МОЛЧАНОВ В.Е. (Белгород)
НЕСТРУГИН А.Г.
НИКИТИН В.Н.
НОВИЧИХИН Е.Г.
НОВОХАТСКИЙ В.Е. — ответственный секретарь
ПАВЛОВ Ю.М. (Армавир)
ПЕРМИНОВ Ю.П. (Омск)
ПОНОМАРЁВ А.А. (Липецк)
РОМАНОВСКИЙ А.Г. (Харьков, Украина)
СКИФ В.П. (Иркутск)
СЫРНЕВА С.А. (Киров)
СЫЧЁВА Л.А. (Москва)
ШАЦКОВ А.В. (Москва)
ШЕМШУЧЕНКО В.И. (Санкт-Петербург)
ЯКУНИНА Г.П. (Владивосток)

Воронеж

10 ■ 2014

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА

Виктор ГЕРАСИН. **Живоносный источник.** Повесть 3
Александр ТИТОВ. **Третье окно.** Рассказы 57
Михаил ФЁДОРОВ. **Сирота.** Рассказ 74

ПОЭЗИЯ

Геннадий ЁМКИН. **Музыка и слово.** Стихи 52
Нина ЯГОДИНЦЕВА. **Бессонница на Покров** Стихи ... 69
Юрий СИЛАНТЬЕВ. **Человек, вернувшийся с войны.** Стихи 88
Светлана ГОЛУБЕВА. **Ветер.** Стихи 125
Сергей СОКОЛОВ. **В садах разлившаяся ночь.** Стихи ... 197
Елена СМОЛИЦКАЯ. **Простые вещи.** Стихи 216

МАСТЕРСКАЯ

Владимир ТУЛУПОВ. **Азбука эссе** 92

200 ЛЕТ МИХАИЛУ ЛЕРМОНТОВУ

«Роскошный талант, в котором таится что-то великое»
Иван ЩЁЛОКОВ. **Вечные странники.** (Эссе на фоне дождливого летнего утра) 130
Николай БЛОХИН. **«Приветствую тебя, Кавказ седой!»** 145
Владимир ПЕТРОВ. **«Когда мне вечный судия...»** ... 158
Валерий МИХАЙЛОВ. **Тайна поэта** 167
Александр ВЫСОТИН. **«Не кончив песни лебединой...»** 183
Эдуард ЕФРЕМОВ. **Была бы Родина... с Бородино.** (Легендарное стихотворение в образах Георгия Акатова) 192
Петр ДЁМКИН. **Все памятники в сборе.** (Уникальный каталог Валерия Кононова) 195

ЖИВЫЕ ИМЕНА

Петро РЕБРО. **«И правду выпустить на свет...»** *(Предисловие Евгения НОВИЧИХИНА)* 200
Николай ТИМОФЕЕВ. **Художественная точность и свобода.** (К 190-летию И.С. Никитина. Иван Бунин о великом русском поэте) 211

ИСТОКИ

Полина БОРОЗДИНА. **Страницы памяти** 218

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Геннадий ЛИТВИНЦЕВ. **Живем ли мы не по лжи.** (Встречи с Александром Солженицыным и его уроки) 235

Подписные индексы: агентство «Роспечать» 73312; МАП 51228
Сайт журнала: http//www.podiem.vsi.ru

***Виктор Иванович Герасин** родился в 1939 году в рабочем поселке Земетчино Пензенской области. Окончил Котовский индустриальный техникум, Мичуринский государственный педагогический институт. Работал киномехаником, педагогом, журналистом, главным редактором Котовской городской газеты «Наш вестник». В 1988-1993 годах был ответственным секретарем Тамбовской областной писательской организации. Печатался в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Подъём». Автор более двух десятков книг прозы, стихов, публицистики. Член Союза писателей России. Живет в городе Котовске Тамбовской области.*

Виктор Герасин

ЖИВОНОСНЫЙ ИСТОЧНИК

Повесть

Избранный чудотворец и изрядный угодник Христов, святитель отец Питирим, всем прибегающим к тебе скорый помощник!
Позволь нам недостойными устами нашими воспеть тебе похвалы.
Ты же, как имеющий великое дерзновение к Господу, от всяких нас бед освободи.
Радуйся, святитель Питирим, Тамбовский чудотворец!

1

У казаков Кузьминой-Гати какие-то злыдни угнали коней. Кони паслись на добрых травах вдоль вала, ночью их проведывал Степан, сын станичного атамана Василия Самойлова. Степан рыбачил в устье Липовицы, куда из Цны заходили покормиться крупные сомы. В полночь на луга вдоль воды лег туман, сделалось сыро и холодно. Степан посвистел, подозвал коня, который пасся неподалеку, вспрыгнул на него, чтобы на бегу погреться, разогнать сон, а заодно и проверить пасущийся табун. Жеребец Ворон, вожак табуна, встретил ночных гостей настороженным ржанием, подошел, узнал, потерся мордой о шею Степанова

коня, подставил лоб под руку хозяина. Степан почесал между ушами вожака, запустил руку в горячую его гриву, похлопал по крутой шее.

— Порядок держишь? Ну-ну. Как светать станет, так веди всех домой. Вот-вот выходить убирать хлеба. Ну-ну, не балуй, еще чего, покусать он захотел. Про то, как хлеб убирать слышать не желаешь? Во-во, тебе только бы за кобылицами по степи гоняться. Все, побежал я на место, а ты знай свое дело.

И Степан удалился. Не доскакал до места, где рыбачил, раздумал, повернул коня к станице. Решил поспать в сухости и тепле, а утром проверить поставленные на сомов снасти.

И вот утром новость: табун пропал! Сами кони далеко уйти не могли, привычные к дому. Да и Ворон — жеребец, вожак опытный и умный, он не мог распустить табун, не в его это характере. Кто ж тогда увел коней? Не иначе опытный кто-то, знаток коней. Вот и гадай теперь, и соображай, кто да как. А коней нет. Под самую уборку остаться без тягла — это беда. Хлеба посеяны верстах в пяти от станицы, на себе не перевезешь, надорвешься. А в станице коней осталось совсем мало.

Василий Самойлов сам, а с ним пяток казаков заторопились на то место, где паслись кони. Пошли по росистым травам, по заметным следам конским. Наряду с конскими следами находили следы людские. Значит, не сами кони ушли, значит, гнали их. И гнали-то куда? К затонам, что образовывала Цна. Загнали на возвышенность, справа вода, слева вода, впереди вода, кони в воду не пошли, тут и переловили их. Погоню бы организовать, а где коней взять? Нет коней. А впятером опасно пускаться в погоню. К тому же, если это степняки-кочевники умыкнули коней, то они хитрые, они засады оставляют после себя, чтоб, если появятся преследователи, перехватить их, остановить стрелами, увести за собой в сторону от пути, по которому угоняют табун. Пятеро — мало. Не отобьешь коней, если даже догонишь. Что делать, как быть?

Молодые казаки — Матвей Татаринцев и Петр Карев — горели желанием лететь вслед за похитителями. Крутились на своих лошадях, упрекали Василия в нерешительности. А он молчал, опустив голову. Наконец одернул молодых:

— Думайте сначала, а потом говорите. Нам не впервой в погоню ходить. Но не впятером же. Дурные вы головы. Ну, побьют вас в степи, кому прибыль от этого. Детей сиротами хотите оставить. Я поднял бы и полсотни казаков, да на что я их посажу, на чем они погонятся? То-то же. Нет и нет. В погоню не пойдем. Знаю повадки этих степняков, живыми от них не вырвемся.

Все пятеро вернулись в станицу. На площади уже собрались казаки. Вздыхали. Обсуждали, как им быть без коней.

— Казаки! Всяко у нас бывало. Деды ваши и отцы помнят времена лихие. Много нам было поругания от степняков. Забываться уже стали, есть ли они. А они — вот они, напомнили о себе. Надо опять нам зоркие дозоры на вал выставлять, поля беречь, пока не пожгли урожай. С нынешнего дня перевожу станицу на усиленное несение дозора. Иначе быть беде. А кони... Что ж, поскачу к бокинским казакам, в Донскую станицу наведаюсь, не оставят нас, поделятся конями. Со мной Степан мой да Петр Карев поедут.

Не уехал Василий из станицы, на выезде встретилась ему повозка, в которой ехал священник. Кто бы это мог быть? В округе храмов нет, только в Тамбове. Священников тамбовских Василий знал в лицо. А этот явно

новый. Повозки остановились. Василий поприветствовал священника. И понял по виду его и по обличью, что это сам епископ тамбовский Питирим, присланный недавно из Москвы в епархию. Представились один другому. Василию пришлось вернуться в станицу, не оставлять же епископа одного в незнакомом месте.

Питирим первым делом захотел побывать в храме Николая Угодника. Отца Алексея на месте не оказалось, ушел в поля осматривать урожай. За ним послали парнишку на коне Василия да пристегнули еще одного коня, Петр Карев отдал своего. Иначе когда дождешься отца Алексея, постарел, ноги немолодые, их не поторопишь.

Поджидая отца Алексея, Василий и Питирим сидели на крылечке. Василий рассказывал о постигшей беде. Питирим слушал его внимательно. Спросил:

— Я слышал, что казаки вашей станицы особо зорко берегли подступы к Тамбову. Храбро стояли. Сам государь Алексей Михайлович благодарные грамоты им присылал.

— Было, батюшка Питирим, было дело. В последние годы как-то притихли степняки, отступились, а то крупными силами рвались к Тамбову. Вот, к примеру, дай Бог памяти, в каком году это было? В семидесятом, наверное. Я тогда еще молодым казаком был. Кузьмина-Гать считалась самым опасным местом. Степняки прорывались горловиной между валом и Цной. И глухими укрепами нельзя было отгородиться, Ногайская дорога по нашим местам проходит. От Тамбова и в степь. Так вот, от Липовицкого леса до Цны мы соорудили линию с надолбами, с башней, а на противоположном берегу Цны, у переправы, установили надолбы с подъемными связями и набили в воде частик. В том памятном году степняки большими силами пошли на Тамбов. А тут мы встали на их пути. Вал они никак не преодолеют с ходу, высокий он, до трех сажен, а под валом ров глубиной те же три сажени, к тому же водой залитый. И оттянули мы их к самой Цне. Они хотели было вплавь уйти на правую сторону, лесом прокрасться, ну и налетели на наш частик. Колья мы набили в воду. Их не видно, а кони вплавь не могут, на колья ногами попадают. А тут мы их встречаем на правом берегу да назад в воду опрокидываем. Много степняков в воде осталось, все с конями. Большой бой был. Три дня степняки рвались пройти мимо нас, но не прошли. Восьми братьев-казаков мы лишились, вот тут рядом они лежат на церковном погосте. Батька мой средь них, Иван Самойлов, дядя мой, Игнат, тоже Самойлов. Не одолели нас степняки, ушли, вороги, степью к Лысым горам, там прорвались к Тамбову. Много бед натворили.

Рассказывая, Василий тайно приглядывался к Питириму. И Питирим нравился ему. Ловок осанкой, высокий, жилистый, глаза темно-карие, смотрят глубоко в душу, черная борода густо облегает смуглое лицо. Вроде бы на южанина всем видом смахивает, а он высокое духовное лицо, большой церковный начальник.

— А мне это внове все, — сказал Питирим. — Я все присматриваюсь к вашему казачьему быту, а не все мне понятно. Со временем разберусь. Поживу среди вас, и прояснится. И мордва мне непонятна. Замкнутый народец. Вижу, трудолюбивы, а проживают совсем бедно, глядеть на них прискорбно. И эти, что из Мещеры. Татары — с ними все ясно. Тяжелый край, раскольников, староверов много, беглых со всех сторон. Одна опора — казаки. Тоже ведь выходцы из северных мест. Православие давно приняли. Без вас, без вашей помощи нам этот край не привести к единой вере.

— Родом откуда же? Как в служении вере сподобился? — спрашивал Василий.

— Из неблизких краев я, из города Вязьмы, там у нас население особенно набожное, твердое в православной вере и благочестии. При крещении был наречен в честь преподобного Прокопия. Родителей рано Господь призвал к себе, остались я да сестра моя Катерина. Мы с детских лет возмечтали посвятить себя Богу, готовились к иноческой жизни. Монастырские богослужения окончательно определили мое желание принять иночество, которое я и исполнил, став послушником Иоанно-Предтеченского монастыря. Сестра же моя определилась послушницей в женский монастырь там же, под Вязьмой. Постригли меня в монашество с именем Питирим. Тридцати двух лет я был поставлен игуменом Вяземского монастыря, получив сан архимандрита.

— А вон и отец Алексей прискакал. Никак с коня не слезет. А уж какой казачина был, какой казачина.

Василий и Питирим встали навстречу отцу Алексею, троекратно поцеловались с ним.

— Беда у нас, Васька? Как же так? — спросил отец Алексей.

— Известно как, батюшка, проворонили коней, не уберегли.

— Ай-яй, беда-то. А к нам сам епископ пожаловал? С добрыми вестями, надеюсь?

— Объезжаю местность, знакомлюсь с храмами. В Бокино побыл, теперь вот к вам.

— Милости просим, милости просим, — распахнул дверь храма перед гостем отец Алексей.

В храме сумрак, оттого прохладно. Яркий свет входил через распахнутую дверь, освещал алтарь.

Питирим стоял перед алтарем, разглядывая иконы. Старого писания они были. Закопченые. Явно намоленные. Все это понравилось Питириму. А отец Алексей разъяснял:

— Церковь наша казацкая, однопрестольная, сорок восьмого года постройки, на Николу вешнего освятили ее. А вот окладная книга. Посмотрите, какой приход наш.

Питирим раскрыл книгу, прочитал: «Церковь Николая в селе Кузьминой Гати. У тое церкви двор попа Алексея, двор дьяконов, дьячка и просвирницы, двор вдовой попадьи, двор пономарский... Да в приходе к церкви: сто пять дворов казачьих, пятнадцать дворов бобыльских, семь дворов вдовьих, да дворника подьячего Конбарова... И всего 137 дворов. К сим книгам села Кузьминой Гати николаевский поп Алексей и дьякон Федор руку приложили».

— Похвально. Дворов много. Земли хватает?

— Здесь, отец Питирим, земли немеряно, — вступил в разговор Василий. — Не бедствуем. Добрые земли, урожаи снимаем богатые. Одна напасть — кочевники. Избавим край от них — и зацветет он на этих землях да среди вековечных лесов. Место знатное, все есть: земля, лес, луга, река. Жизнь надо налаживать, большую жизнь.

— Иконы-то, отец Алексей, обновить надо бы. У вас масло конопляное найдется? Или вам прислать? А коли найдется, то нежно так потрите мягкой тканью, маслом ткань смачивайте. И так несколько раз. А как масло снимет копоть, так потом воском аккуратно протрите сами иконы. И оклады сначала маслом омойте, а после масла воском. Есть легкая женская рука?

— Есть, батюшка, есть. Вдова почившего отца Илии. Она мне говорила: давай поухаживаю за иконами. А я все отнекивался. Опасаюсь трогать их. Мало ли... Икона ведь. Образ самого Спасителя, и Матери Его, и Николая Угодника. А теперь призову Лукерию и скажу, что сам отец Питирим благословил тебя в надлежащем виде держать иконы. Она и рада будет.

Покидая Кузьмину-Гать, Питирим уединился с Василием.

— Тут такие дела, атаман. Конями я вам помогу, урожай уберете. А мне ваша помощь очень даже потребуется. Не обойдусь без вас, станичников. Замышляю храмы ставить в Тамбове и под Тамбовом. Леса много потребуется. Плотники. У вас как, способные к этому делу люди есть?

— Люди есть, батюшка. А конями поможете, так мы и сами, и мордвинов приведем. Есть здесь неподалеку в лесу мордовское поселение, Пчеляй, дружны мы с ними. У них плотник один уж дюже опытный. Матвеем зовут. Там сруб под домовину поставит — сольет бревно с бревном. Шило нигде не подсунешь в щель. Очень мастеровит. Приведем его к тебе. Заранее говорю — не нарадуешься на его работу.

— Атаман, дело такое: если мордва не крещеная, то я благословить их не могу на храмовые работы. Сначала пусть веру нашу примут. А после уже договариваться будем. В конце недели коней вам пригонят. А с Покрова станем лес валить да вывозить к стройкам.

На том и расстались атаман Василий Самойлов и епископ Тамбовский Питирим.

Не стал рассказывать Василий Питириму о разинском восстании, коснувшемся тамбовских земель, о том, что в самой Кузьминой-Гати был центр восставших в этой обширной округе. Что атаман Никифор Черток большую силу набрал, под Тамбов и Козлов водил ватаги казачьи. А когда царские войска разнесли эти ватаги, то Черток с некоторыми станичниками Кузьминой-Гати на Дон ушел, на родные места увел часть казаков. Ждали наказаний от государя, но их не последовало. Значит, прощены были Кузьмино-Гатьские казаки. Потому и сами они не любили разговоры водить о восстании, как бы ни оказывали новому человеку свое участие в нехорошем этом деле. Так уж тревожно да тревожно живется на тамбовских землях, степняки покоя не дают, а тут еще сами взбунтовались, наслушались прелестных слов и пошли за Степаном Тимофеевичем да за помощником его Никифором Чертком. Не был, не жил в то время в Тамбове отец Питирим, вот пусть и докладывают ему чужие уста, а свои на замке подержим.

2

В марте 1686 года в Тамбов приехал святитель Питирим, который на сороковом году жизни, в Успенском соборе Московского Кремля Патриархом Иоакимом был рукоположен в епископы с назначением на Тамбовскую кафедру.

По пути в Тамбов Питирим сделал немалый крюк с тем, чтобы заехать в Воронеж и познакомиться с епископом Митрофаном Воронежским. Как же, епархии Тамбовская и Воронежская соседствуют, схожестей жизнеустройства много, да и не бывает лишним посмотреть, что и как у соседей, перенять доброе, поучиться вести дела. Так и повелась дружба между двумя епископами-соседями. Переписывались, звали друг друга в гости. И, наконец, жаркими июльскими днями Митрофан удружил Пити-

риму, приехал на пару деньков погостить у него. Он старше Питирима был на два десятка лет, и казалось, что они старший и младший братья. Рост, осанка, цвет волос, глаз, разлет бровей — все подчеркивало их родство, будто от одного корня они идут.

После установленных при встречах двух пастырей приветствий, трапезы и отдыха Митрофан пожелал войти в храм, оглядеть Тамбов. Питирим к этому времени уже как свои пять пальцев исследовал Тамбов, повел гостя показывать храм и крепость, а потом уже город.

Тамбов и крепость состояли из деревянных сооружений: 50-метровой проезжей Московской башни и церкви Знамения. Крытые небрежно соломой и неухоженные избы города вкривь и вкось стояли вокруг огромных, поросших кустарниками болот.

О церкви Питирим рассказывал гостю:

— Эту трехпрестольную Знаменскую церковь возводили в 1637 году казачий работный люд Черниевой пустыни. Они же и крепость строили. В храме хранятся записи о том времени, я покажу их.

Подошел сильно покалеченный человек. То ли он был невысокого роста, то ли увечья его сделали маленьким и потому суетливым: голова сидела на искривленной шее, одна рука висела плетью, другой он опирался на посох, так как ноги плохо слушались его. Благословившись от Питирима, калека спросил:

— Еще один священник к нам пожаловал?

— Микола, это гость у меня, — ответил ему Питирим. И пояснил Митрофану:

— Сказывают, добро казаковал Микола, ловким в сечах был. Да вот не повезло, кони потоптали его в бою. Сабля не тронула, а копыта косточки поломали. Писарем был при атамане, а потому, как имел озорной и веселый нрав, то первым скакал на супостатов. И доскакался. Держу его при храме, летопись ведет, ранние записи обновляет. Показывай, Микола, что нового сготовил.

Микола подал листы бумаги.

Митрофан углубился в записи:

«Монастырские наряжены были казаками к нашему Тонбовскому к городовому делу, и они де городового дела сделали одним своим монастырем: поставили на речке на Липовице острог, да в Тонбове городе поставили ж в Казачьей Слободе церковь во имя Знамение Пречистые Богородицы, а в ней три престола, да они ж де поставили в городе две большие башни, одну на четырех мостах, а другую на пяти мостах, да в городе же срубили и поставили они два раската, да торговую баню, да около города и острога копали они ров. А было монастырских деловцов на месяц по 25. Давали деловцу по 4 рубли человеку и больше».

Прочитал, подумал, покачал головой.

— У нас, можно сказать, то же самое. Все-то казаки да наемные ими люди строили. Пригодились они государю и добрую службу сослужили. Умели дело делать. Похвально. И воевали, и отвоевывали земли эти.

— А вот еще, — подал Микола лист Митрофану.

Митрофан и в эту запись углубился:

«В 145 [1637] году при Романе Боборыкине приходили воинские люди под Тамбов, и за ними он, Роман Боборыкин, послал лучших людей, дворян и полковых казаков, по числу 400 человек. И зашли тех татар на степи, и отбили у них всех коней те наши служивые люди и 2 человека от тех татар взяли, а те татары отошли пехотою, и после того он, Роман, послал нарочитых людей — Андрея Колоду, а с ним 50 человек. И дошли они тех татар у Северского Донца, и мурзу у них убили начального человека. И тех татар побито рядовых людей 5 человек, а в Тамбов привели тех остальных татар 63 человека».

Питирим давно познакомился со всеми этими летописными сведениями, а Митрофан читал внимательно, сожалел, что в Воронеже ему пока не удается напасть на летописи.

— Слышал, тамбовская земля славится монастырями, — сказал Митрофан, — верна ли молва?

— Славится ли — не знаю. Есть монастыри. Небогатые. Времена нынешние неспокойные, как же тут забогатеть хотя бы и монастырям нашим. Первый, кажется, начальный монастырь верстах в двухстах от Тамбова на север, в сторону Рязани. Это Шацкий Черниев монастырь. Значится от 1573 года. Столетний. На юг, в воронежскую сторону — Лебедянский Троицкий. 1621 года постройки. Шацкая Вышенская пустынь... Санаксарский, можно сказать, что новый монастырь, три десятка лет ему.

— А что ж, Питирим, не скажешь мне о Мамонтовой пустыни. Или не по нраву она тебе? Слухом об этой обители земля полнится.

— Как же, и о ней скажу. От Мамонтовой пустыни идет распространение и укрепление православия в нашем крае. Она самая ближняя, всего-то в 70 верстах от Тамбова. У села Мамонтово. Монастырь назван по имени основателя — инока Маманта. Старцу Маманту в 1629 году по велению местной землевладелицы инокини Марфы Ивановны было разрешено открыть пустынь во имя Святителя Николая на Никольской поляне. И озеро там известное, воды целительные в нем, издалека люди приходят омыться этими водами.

В крепости, в храме, на улицах люди спешили подойти к священникам, просили благословения, а получив, шли по своим делам. Подошла под благословение и женщина лет сорока, вдова церковного дьячка. Микола тут же напросился к ней:

— Вишь, Прасковьюшка, жар какой давит. Могутной какой. А у тебя, небось, квасок на льду постаивает. Как, угостишь нас, добрых людей?

— Ох, Микола, и не говори, пойдемте к избе, сделайте милость. Заходите ко мне, угощу, вы такого кваса, отродясь не пили. А хотите — поесть соберу.

— Поесть мы успели, а от кваса не откажемся, — сказал с готовностью Митрофан.

— Они успели, Прасковьюшка, а я не успел, потому как нечего куснуть. Я остаюсь у тебя отобедать.

— Миколушка, да ведь я не против, завсегда говорю тебе: есть захочешь — приходи.

Прошли к избе, сели на ветловом толстом лежаке в тени под яблонями. Квас на самом деле оказался хорош: молодой, пенящийся, сдобренный мятой.

— Из погреба только, — предупредила вдова, — помаленьку пейте, не остудите внутренности.

— Микола с ее мужем в одном бою был. Срубили того казака, а Микола вот таким остался. Прасковьюшка приветствует Миколу: покормит,

обстирает. А зимой, когда холода, у нее безвыходно живет, — рассказывал Питирим.

Поблагодарив женщину, еще раз благословив ее, пошли пыльной дорогой дальше.

Питирим подвел гостя к городским воротам и показал, как он первым делом по приезде в Тамбов над городскими воротами поместил иконы, среди которых была и написанная им самим Ильинско-Черниговская икона Божией Матери.

— Пишешь иконы? — спросил Митрофан.

— Не то чтоб с упорством, а когда время позволяет, то и я себе позволяю взять кисть да потрудиться. А не попробовать ли нам, отец Митрофан, с тебя образ твой списать?

— С меня? Образ? Надо ли? — засомневался Митрофан, польщенный предложением Питирима.

— Надо. Время не стоит на месте, время течет, и мы уходим из него в миры иные. А списанный образ — это память. Память надо уважать. То мы и будем делать.

Рано утром казаки подседлали двух смирных коней, предложили Питириму пяток сопровождающих — мало ли, какая нечисть бродит по лесам, береженого Бог бережет — но Питирим отказался от охранников:

— Не впервой. Бог милостив. Место привычное.

Келейнику своему, Иннокентию, сказал:

— Я все, что потребуется, приготовил там, возьмешь в сенцах, а сам запрягай в двуколку свою лошадку и следуй за нами вдоль реки до самого холма нашего.

Поднявшись в седла, Питирим и Митрофан тронулись в путь. За южными крепостными воротами перед ними открылись низинные луга с островками кустарников и стена леса, вплотную подступающая к лугам. Наезженная и натоптанная дорога повела вдоль реки.

Утро занималось светлое, высокое. Солнышко поднималось над заречным лесом. По низам лежал туман, постепенно растворяясь в солнечном тепле, открывая луговые дали. В бочажинах, обросших ивняками, громко крякали утки, били крыльями по воде, взлетали, делали круг и вновь пропадали в зарослях.

— Молодняк на крыло ставят, — сказал Питирим и глубоко, с задержкой в груди, вдохнул утренний дух лугов. — Скоро на юг потянут. Не нравятся им наши зимы. Суровые.

— А я вот чему удивляюсь, — в тон ему заговорил Митрофан. — Многие птицы улетают. А многие остаются. И мало того, что зимуют, так еще среди зимы потомство выводят. Сама кроха крохой, а выведет пяток голышат и греет их. Греет, не даст застыть. Это какая же сила и отвага в этой малютке имеется. Уму непостижимо. Клесты. Названы-то как ласково. Зимой птенцов выводят у нас эти клесты, в самые лютые морозы, в январе. Питаются семенами, которые достают из еловых, сосновых шишек. Клюв у них похож на клещи. Таким клювом им легко добывать себе пропитание. А так как обилие шишек в лесу бывает зимой, то и птенчиков эта чудо-птичка выводит именно тогда. Видывал таких? Нет? Советую, зимой в лесу поищи их и понаблюдай за ними. Мать и отец подменяют друг друга, один детенышей накрывает — другой корм носит, поменяются местами и опять за свое. От темного до темного кормят молочком, которое у них в зобу образовывается. Вот она, жизнь, какая. У каждого своя, особая.

Луг кончился отрывисто. Въехали в непроходимую густоту молодых лиственных деревьев: липы, березы, осины, клены, — все смешалось в этом лесу. С листьев стекала обильная роса. Одежда вскоре стала мокрой, неприятно холодила тело.

— А что, другого пути нет? — спросил Митрофан.

— Есть. Вот-вот этот лес кончится, пойдет сосна. Там просторно. И воды нет, — ответил Питирим.

И правда, лиственный лес скоро расступился. Высокие сосны стояли редко, позволяя воздуху гулять меж стволами. На землю пятнисто падал солнечный свет. Повеселели кони, пошли скорым шагом, поматывая головами, позванивая железками уздечек и седел. Так сосновым лесом и ехали вдоль реки Питирим и Митрофан, изредка переговариваясь. Выехали на просторную поляну на высоком месте над рекой. Питирим остановил коня.

— Вот мы и на месте, отец Митрофан. Давай сходить с коней. Седла снимем, уздечки замахнем на шеях и пустим их пастись.

— Не уйдут?

— Не уйдут. Кони не любят густых зарослей, будут на этой поляне кружиться. Травы здесь много. Куда им уходить? Скоро вслед за нами Иннокентий прибудет. Будем трапезничать. Да примусь на лист образ твой класть. Угольками. Я угольки на костре делаю из дубовых сухих веток. Твердые. Как карандаши выходят.

Набрали сушняка, запалили костерок. Развесили у костра одежду, от нее стал подниматься пар, она скоро подсыхала. Меж тем Питирим рассказывал:

— В Тамбов я въехал часа в четыре утра. Март был. Еще глубокая ночь. И сразу к храму. Отца Иннокентия позвали. Вскоре заутреня началась. Людей мало. Певчих вовсе нет. Отец Иннокентий службу ведет кое-как, с пята на десято. И понял я, если в основном храме такое отношение к службе, то что ж тогда в отдаленных храмах делается. Печаль на сердце легла. Начал наведываться в слободы, в храмы. Присматриваться. И увидел — это поле непаханое, надо все вновь поднимать. Священников готовить, певчих. Мало того, беглого люда, бродяг всяких полным-полно. Поехал я в Пяшкельскую слободу. Это близко от Тамбова. А там храма нет, служба не ведется, народишко отчаянный, звероватый, на ласковое слово не идет. Начал было с ними беседы вести, проповедничать, а они носы воротят от меня. Там ведь кто живет-то? Преступившие людишки, старообрядцы, мордва, татары. Противен я им со своим словом да скорбями о них, взяли меня и в подвал посадили со словами: посиди тут, подумай, раскинь умом — нужны ли мы тебе. Чувствую, может не добро все кончиться. Порешить могут. Я тихонько через одного сердобольного парнишку казакам в слободу знать дал: в беде я, выручайте. Ну, казаки из Донской слободы и подступились к Пяшкельским: где поп наш, отдавайте добром. Выпустили меня. Ушел я восвояси. А душа скорбит: не сумел я подойти к людям с добрым Христовым словом. Немного погодя опять пошел. Потом еще, еще и еще. Слушать стали, вздыхать, в глаза глядеть приучились.

Так один по одному стали они обращаться к Христу. А теперь там храм ладят строить. Помогаю им, чем могу. Говорю: «Стройте, стройте, ребятушки, Бог увидит ваши старания — на путь истинный направит вас». Построят храм — назовем его в честь Иоанна Предтечи, проповедника покаяния. Много чего я задумываю, в чем необходимость

есть. Строительство, благоустройство церквей, монастырей и помещений для причта, устройство архиерейского дома. А главная моя цель — это укрепить православную веру, заботиться о благолепии богослужений, неустанном духовном окормлении паствы. Все воскресные праздничные богослужения пока совершаю сам, а на будничных службах становлюсь на клирос, учу пению и чтению вновь пришедших, сам читаю, пою вместе с подобранным из казаков хором. По вяземским обычаям совершаю торжественные крестные ходы. А в последнее время все больше уединению отдаюсь, когда это можно, вот как нынешний день. Прихожу на эту поляну и погружаюсь в молитву и мысли о Боге. Но редкие часы, проведенные в лесу, не удовлетворяют моих потребностей в молитве. И надумал я создать в этом тихом спокойном уголке обитель, присмотрев во время своих уединенных прогулок лучшее место для нее. Вот этим замыслом и делюсь с тобой, отец мой. И прошу благословения твоего.

Подъехал Иннокентий, распряг лошадь. Втроем они пошли по поляне, обсуждая, насколько она способна для будущей постройки обители. Вид с крутого берега на реку удовлетворил их. Приглядывались, нет ли угрозы подтопления поляны полыми водами. Нет, не похоже на то, противоположный берег пологий, низкий, высокие полые воды будут стремиться уйти туда, в заливные луга. Словом, место понравилось.

— Иннокентий, — обратился Питирим к келейнику, — пойди-ка в лес, выбери дубовый пень повыше, поставим его на самом верху поляны.

Вскоре Иннокентий принес пень, ошкурил его, отесал и вкопал в указанное Питиримом место.

И все трое, прочитав сердечную молитву, благословили место, выбранное для храма и обители.

Вдруг затревожились, зафыркали, запрядали ушами лошади. То глядели на людей, то поворачивали головы в сторону прибрежных зарослей.

— Волка учуяли, — спокойно сказал Иннокентий, подошел к двуколке, вынул из-под брезента деревянную коробку на длинной палке, завертел, закрутил коробку, она стала издавать треск. Это была трещотка. Иннокентий направился к зарослям, все так же вращая коробку вокруг палки.

— Не опасно, что так смело пошел? — спросил Митрофан.

— Привычно, — ответил Питирим. — Поблизости в зарослях несколько нор волчьих. Начинают молодняк водить на охоту. Когда один идет, то так прокрадется краем воды, что кони его не учуют. А молодняк бестолковый пока, лезет по зарослям напрямую. Вот кони и забеспокоились. Волк у гнездовья своего не охотится, так что лошадей они не тронут. А попугать их надо. Пусть знают наших.

Кони успокоились, принялись щипать траву. Возвратился Иннокентий.

— Сидели, наблюдали за нами. Молодые. Любопытные: дескать, кто это покой наш тревожит? Кони их почуяли, затревожились. Стал подходить — сама мать-волчица тявкнула, только спины их мелькнули. Осенью удалять таких соседей подальше надо. Их по берегам тут немало увиваются. Ишь, уже и костер не про них. Соседи...

Питирим выложил на широкую короткую доску бумагу, взглядывая на Митрофана, начал отдельными точками наносить его образ на белый лист. Иннокентий умело обжигал на огне лучину, гасил на ней пламя, откладывал лучину на землю, чтобы они остывали. Этими угольками и

рисовал по бумаге Питирим. Наготовив достаточно лучин, Иннокентий принялся мыть пшено, готовясь варить кашу.

Пока каша сварилась, потомилась в углях, Питирим закончил делать первый набросок, показал Митрофану, что у него получилось.

— Краски положу, тогда будет ясно, что написано, а пока я это для памяти себе сделал. Ты завтра уедешь, а я уже по этой подсказке буду писать твой образ на доске. Краски знатные привез с собой с родины. Буду искать парней, способных к рисованию, к иконописи. Много икон надо в наши храмы. Вот и будем писать в своей мастерской.

Пообедали. Каша с густым квасом из ржаной муки на вольном воздухе показалась особо вкусной.

Прилегли в тенечке отдохнуть.

Уже объятый дремотой, Митрофан спросил:

— А что же ты не скажешь мне, Питирим, как и почему оказался здесь, вдали от родины?

Питирим ждал вопроса, знал, что слух идет о том, что его будто бы сослал в эту глушь сам патриарх. Да оно и было все близко к правде: только не сослал, а посоветовал и благословил послужить в отдаленных тамбовских землях.

Питирим стал рассказывать все, как есть, без утайки:

— Небесный покровитель Вязьмы, преподобный Аркадий Вяземский и Новоторжский, прославился подвигом юродства. Год назад в Торжке, в Борисо-Глебском монастыре были обретены мощи преподобного Аркадия, и почитание его в Вязьме оживилось с особенной силой. На крестном ходе среди других икон несли образ преподобного Аркадия Вяземского из храма Всемилостивейшего Спаса. На этой иконе святой Аркадий был изображен подобием мужа млада, на главе волосы клокаты, в правой руке древо с ветвями, подобием сосны, одежда зелена по колени, ноги голы. И задержался мой взгляд на этой иконе, не соответствовавшей канонам православного письма. Преподобный Аркадий в соответствии с иконописным подлинником должен был писаться подобием млад, в схиме ризы преподобнической. А это что, насмешка какая-то.

По окончании крестного хода я выдернул из рук несущего образ этот насмешный и задержал его в Предтечевом монастыре для подлинного ведения. Поступок мой вызвал недовольство и ропот среди некоторой части горожан. Вскоре после этого случая служил я в соборе царский молебен. По его окончании подступила ко мне целая толпа драгун, стрельцов и посадских людей во главе с неким Потапом Мироновым и другими подьячими. Они просили поставить икону преподобного Аркадия на старое место, в Спасскую церковь. Я обстоятельно рассмотрел дело и сообщил обо всем митрополиту Крутицкому Варсонофию. И вот когда от митрополита не было еще никакого решения, в день Вознесения Господня после крестного хода тот же подьячий Миронов и сотоварищи вновь явились ко мне, прося возвратить икону преподобного. Отставной рейтар Степан Ковалев горячо убеждал народ, что якобы за унижение этой иконы были посланы бездождие и другие бедствия на Вязьму. Ропот стал усиливаться. В день празднования Смоленского образа Пресвятой Богородицы некто Сенька Попов, сын Мухи, кричал народу: «Что вы, мир, за Аркадиеву икону не стоите, архимандриту терпите? Сколько за икону скорбей терпеть? Черви на сады и на овощи напали!» Миронов со своими единомышленниками явился в мою келью, угрожая, что не оставят меня живым, если я не отдам икону. Однако вид разъяренной толпы не устрашил меня. Я твер-

до стоял на том, что без архиерейского указа образ назад не верну. Вскоре недовольство и ропот горожан достигли чрезвычайной силы. После молебна в Троицком соборе в честь царской свадьбы, толпа стрельцов встретила меня криками и бранью. Они хвалились за икону убить архимандрита кирпичом и печень его разорвать. Избегая опасности, я поехал на воеводский двор. Человек пятьдесят гнались за мной до самых ворот. Воевода защитил меня, но отказался тех мятежников наказать. Волнение все более усиливалось, и мне явно угрожала смерть. Я же на своем стоял: извратили образ святого, не могу позволить быть такому глумлению. И написал в Москву во второй раз. Митрополит, видя всю серьезность происшедшего, передал дело наше на суд патриарха. Патриарх приказал взять чернеца Спиридона, написавшего икону, и сам образ преподобного Аркадия и представить в столицу для освидетельствования.

Патриарх Иоаким занял мою сторону, признал икону недописанной. Действия мои были одобрены. Ревность по вере и решительность мои понравились патриарху, он вызвал меня в Москву, с тем, чтобы уготовить мне новое, высшее, служение. Так в день церковного новолетия по воле Господа Бога и патриарха я ступил на новую стезю служения Церкви. Вот и вся история моя. Понимаю, патриарх своим решением вывел меня из-под удара и повелел не возвращаться мне в мой Иоанно-Предтеченский монастырь. Так я оказался в новых для меня краях. Не скажу, что забыл, скучаю по монастырю, потому и уединяюсь для молитвы и созерцания часто. Потому и здесь, на этом благословенном ныне нами месте, решаюсь построить храм в честь Иоанна Предтечи, а при нем обитель новую.

Помолчали, вглядываясь в небо, по которому спокойно, задумчиво проплывали белые облака.

— А я был женат, имел сына, — тихо заговорил о себе Митрофан. — Но в сорок лет овдовел. Сын по военной стезе пошел, чин большой ныне имеет. А я решил оставшиеся мне годы посвятить Господу Богу. Был пострижен в монашество с именем Митрофан в Золотниковской пустыни в честь Успения Божией Матери. По просьбе братии Яхромского Космина монастыря был поставлен игуменом этой обители. Во время настоятельства в монастыре нами построен новый Спасский храм, который снабжен всей необходимой церковной утварью.

Затем — игумен Унженского Троицкого монастыря, которому покровительствовал царствующий дом Романовых. И в этой обители сооружал новый храм — каменный Благовещенский с трапезною и колокольней.

По поручению патриарха Иоакима обследовал церкви в ветлужских селах, а также заменял в храмах Галича и Юрьевца Поволжского старопечатные богослужебные книги на новые. Одновременно с настоятельством в Унженском монастыре, был назначен управляющим Унженской десятиной, в состав которой входили 94 храма.

Теперь вот назначен епископом Воронежским, стал первым архиереем на вновь учрежденной кафедре.

— А вы поспите, поспите часок, — остановился над архиереями Иннокентий. — Ты, батюшка Питирим, и когда только отдыхаешь. Кажется мне, что и спишь-то ты с открытыми глазами: все думу думаешь, думу думаешь. Поспите, батюшки мои.

Иннокентий отошел. Вслед ему полетели всхрапывания двух сильных телом и духом пастырей православия.

3

Перед началом уборки хлебов Питирим приехал в Кузьмину-Гать. Побывал в храме, посоветовался с отцом Алексеем, к кому из молодых надо бы приглядеться, кого выбрать и обучить церковной службе, пению на клиросе. Позже, встретившись со станичным атаманом Василием Самойловым, Питирим повел разговор о том же:

— Станица ваша немалая, молодых людей обоих полов много. Думаю над тем, как создать у вас школу церковную, обучать местных церковной службе и пению, присылать из иных приходов на обучение тому же.

Василию предложение понравилось, он загорелся помогать Питириму:

— Да мы для этого божьего дела рядом с храмом домину поставим. Благо, сруб есть готовый, приспособим его к нашей необходимости. Будет школа самая настоящая. За этим у нас дело не станет.

— Ну и добре. А я где сам позанимаюсь с учениками, а больше того — пришлю опытного учителя. Запросил я из Иоанна-Предтеченского монастыря пяток опытных в этом деле монахов. Расставлю их в приходах. С вас и начнем. По-другому никак нельзя обойтись. Учить надо. Много учить, чтобы умели службы вести по всем канонам, чтобы пели ангельскими голосами, мужскими и женскими, к каждому празднику пригодными.

В станицу пригнали полсотни коней. Связаны они были по пятку. Остановили их на травянистой поляне за храмом. К площади потянулись со всех концов станицы казаки, приглядываясь к коням. Собрался круг. Атаман вышел в круг и пригласил с собой Питирима.

— Казаки! Вот нам обещанные отцом Питиримом кони. Завтрашний день есть день Прокопия-житника. Как у нас повелось — выйдем в поле. Рожь поспела. Пшеница тоже на подходе. Пора браться за серпы и косы. Ныне вечерню и завтра заутреню отслужит в храме сам гость наш, архиерей тамбовский Питирим. Благословит нас на уборку. А пока порешаем так: я буду называть имя казака, а он выходит и ему отдают коня. Кому какой достанется, чтобы без обид было.

Несколько слов сказал и Питирим:

— Знаю вашу беду, почти все вы остались без тягла. Но по моим просьбам и моему настоянию казаки из крепости, из станиц бокинской, донской, стрелецкой, пушкарской собрали для вас коней. Братья-казаки не оставляют в беде, вы будете с тяглом. А отблагодарите их излишками хлеба из вашего урожая. Не по указке, а кому как душа позволит. Был я на ваших наделах, порадовался, урожай у вас добрый зреет, будем усердно просить Господа Бога, чтобы послал сухую погоду, помог убрать без лишних потерь. А в помощь нам святой Прокопий-житник. Мой святой, ибо при крещении наречен я был его именем. Своим народным прозвищем — Житник — святой Прокопий обязан именно зерновому хлебу — житу. В день его памяти, в канун праздника Преображения Господня, крестьяне заклинают жнивы на все четыре стороны, призывая Мать-Сыру-Землю на помощь в очищении от всякой оскверняющей нечисти. Думаю, рожь сам пят, а пшеница и того более, сам восьми будет на ваших наделах.

— А как это, батюшка, сам пят, сам восьми? — спросил Василий.

— А это мера такая. Если семян вы посеяли одну меру, то урожай вам обещает дать пять мер ржи, восемь мер пшеницы.

— Да по нашим наделам и более того бывает.

— Вот и слава Богу!

Василий выкликал казаков по имени, названный подходил к коням, получал из рук в руки повод и передавал так же из руки в руку повод жене. Набрасывали на коня уздечку и вели домой. Рядом с конем или чуть сзади бежали ребятишки, на ходу срывали пучки травы и подсовывали к губам коня. И если он брал траву губами, жевал ее, то несказанно радовались, прыгали, хлопали в ладоши.

Закончили с раздачей коней. Напротив жилища атамана выставили столы, на столы — угощение: рыбу свежую, соленую, вяленую, и только что сваренную баранину, гороховый и ягодные кисели, вишневую прошлогоднюю настойку, пенящуюся медовуху. Казаки и казачки подходили к столу, перекрестясь, пили настойку, медовуху, ели мясо, рыбу, запивали киселями, свежей вишневой водой.

Так из года в год казаки праздновали перед началом жатвы.

Питирим остался ночевать у атамана, чтобы назавтра отслужить заутреню и вместе с казаками выйти в поле.

У края наделов Питирим прочитал нараспев тропарь Прокопию-житнику:

Слез твоих теченьми пустыни
безплодное возделал еси,
и иже из глубины воздыханьми
во сто трудов уплодоносил еси,
и был еси светильник вселенней,
сияя чудесы,
Прокопие отче наш.
Моли Христа Бога спастися душам нашим.

Благословил людей на зажинки и жатву. Казаки семьями пошли к своим наделам. Жнецы и жницы срезали серпами два-три колоска, затыкали их за пояс и говорили: «Как соломка гибка, так бы и моя спина была гибка».

Убирали зерновые серпами. Косы редко у кого были. Рожь выросла высокой и густой, местами полегла от дождей и ветров, от тяжести зерен, местами опутана вьющимися травами. Серпами владели как сами казаки, так и их матери, жены, сестры. Женщины-жницы начали запевать:

Как полосоньку я жала,
Раненько выходила,
Дочек-лебедок,
Невесток-перепелок
С собой выводила.
Пожинайте, невестки,
Пожинайте, дочки!
Дочки-лебедки.
Невестки-перепелки!
Поутру раненько.
Вечером поздненько, —
Чтобы было с чего жити
Добренько, ладненько.

Пожилые женщины вязали из длинных стеблей ржи свясла, раскладывали их рядом со жнецами, которые укладывали на свясла сжатую рожь, и когда набирался сноп, стягивали его свяслом и ставили на попа колосьями вверх.

Ребятишки отыскивали стебли, на которых было сразу несколько колосков. Набирали двенадцать стеблей, связывали в снопик. Назывался этот снопик житной маткой. Эти колосья хранят в продолжение всего года, приберегая их к посеву, во время которого зерна из них рассевают первыми с надеждой на получение обильного урожая.

Станичный атаман Василий подошел к Питириму. Вместе они пошли от загонки к загонке, где трудились казачьи семьи. Мужчины были одеты в белые рубахи, черные шаровары, мягкие сапоги. Жены их, матери и дочери тоже в белых одеждах, но с передниками поверх платья, вышитых красными узорами. Вокруг голов обмотаны и завязаны над правым ухом платки.

— День разыгрывается жаркий, — сказал Василий. — А мы по дню святого Прокопия угадываем будущую погоду. У нас говорят: «Каков Прокопий-житник, таков и декабрь». Если это так, то в декабре лютые морозы навалятся. Казаки говаривают: если в этот день вечером после заката солнца крикнуть, и эхо отзовется далеко, — то будет ясно, если же близко, — то будет дождь. Вот и проверим вечером.

— В Тамбов мне надо бы, — ответил Питирим. — По другим станицам проехать тоже надо. Келейник мой опытным стал, службу по всем правилам справляет, а люди вроде бы не одобряют моих частых отсутствий. Вот уж обговорю все планы свои на зиму в станицах, тогда и за службу примусь. Лес я уже приглядел, сосна зрелая, рослая. Морозы ударят, снег ляжет, будем валить и вывозить. Сосны много понадобится. Храмов несколько строить будем, архиерейский дом, некоторым жителям Тамбова надо помочь с лесом, избенки им надо или вновь рубить, или старые перетряхивать, нового леса в них добавлять. За зиму лес накопим, а с весны готовить начнем. Думаю, из круглого леса храмы рубить станем.

— Отец Питирим, на нас надейся, не подведем тебя в таком деле. Как снег ляжет, так давай нам знать, мы казаков с конями пришлем для валки и вывозки леса. Не сомневайся в нас.

По ходу Василий предупреждал казаков:

— Снопы на делянках оставлять не будем. К вечеру готовьте лошадей, телеги, свозите снопы в станицу, к своим жилищам, там выставляйте на просушку. А в поле не надо оставлять. Мало ли беда какая, так без хлеба останемся. И в полях дозоры надо усилить, чтобы все ночи не спали, держали ухо востро, глаз зорко. Пошаливать стали степнячки. Того и гляди заявятся.

Остановились возле повозки Василия. Он извлек из-под полотна редкую пока для этих краев косу, навязал на нее крюк.

— Пойдем на мою постать, отец Питирим, попробуешь косу. Косить когда доводилось?

— Нет, не доводилось, — с любопытством рассматривал Питирим косу. — И как ей, удобно работать?

— Удобно, гнуться не надо над серпом.

Вышли на полосу пшеницы. Василий поплевал в ладони, растер и начал косить. Он плавно заносил косу, подрезал стебли, крюк им не давал падать, укладывал их в рядок.

— Ой, ловко, ой, ловко, — удивлялся Питирим. — Я знал, что есть коса, а не видел, как ей работают, и сам в руках ее не держал. Мне позволишь, Василий, помахать?

— А чего ж, дело не хитрое. Помахай, отец Питирим.

Так же, как Василий, поплевав в ладони и растерев их, Питирим взял-

ся за косу, взмахнул, с силой запустил косу в пшеницу, и коса зарылась носом в землю.

— А теперь, отец Питирим, гляди, как надо. Замах делаешь повыше и постепенно косу приземляешь. А когда приземляешь, то напирай на пятку, пуская пятку ровно над землей, а носок приподнятым держи. Вот так, вот так. А теперь пробуй еще раз.

Питирим вновь взялся за косу, а Василий встал сзади, взял в свои крупные ладони сжатые на косовище руки Питирима и стал их направлять, показывать им, как владеть косой. И дело пошло. Василий отступил от Питирима, и тот, приноровившись к косе, пошел один, с каждым взмахом все ровнее укладывая рядок.

Пройдя саженей пять, Питирим остановился, отер на лбу пот:

— А, атаман! Получается?

Он был по-мальчишески рад и не скрывал радости.

— Получится, отец Питирим. Денек помахаешь косой — назавтра опытным косцом станешь, без куска хлеба не останешься. Я ведь зачем косу-то взял? Чтоб показать тебе, что это такое. А ты уж при случае расстарайся помочь нам. Как купцы в Тамбове появятся, так заказывать им надо косы, привезут из Тулы, на хлеб, на мед будем выменивать. В накладе они не останутся. Пока же коса только у меня одного, ну, а я ей не пользуюсь, домашние мои вон серпами жнут, как и все казаки. Как всем косы добудем, так все дружно рядами и пойдем косить. Видел на Дону как споро и ловко дело у косцов идет. Душа радуется. Пойдем, отец Серафим, к повозке, холодненькой вишневой водицы изопьем.

— Нет, нет, Василий, уволь меня, я косить буду.

Питирим сбросил с себя рясу, остался в нижней рубахе, в легких штанах и сапогах. Поплевав в ладони, начал косить.

Василий глядел на Питирима и отмечал: молод еще, ловок, гибок телом, вон как косой поигрывает. Добрый казак.

Василий отдал команду:

— Для первого дня хватит, поработали. Завтра многие не враз встанут да за серпы возьмутся. Будем отдыхать.

Казаки с семьями потянулись со своих наделов на край поля, на луговину возле оврага. Луговина просторная, с трех сторон ограничена оврагами, а с четвертой стороны выкопан ров. Только небольшой перешеек оставлен для проезда. Место удобное для постоя, чужие люди ни с какой стороны не подойдут незамеченными. Только если пеше или вовсе ползком.

Снопы свезли в станицу. Многие уехали ночевать домой. Но многие остались здесь провести ночь, на луговине.

Василий выставил дозоры на валу и за валом, на поле. Еще раньше он отрядил молодых казаков за рыбой на омута. Они вернулись с хорошим уловом мелкой рыбы. Окунь, ерш, пескарь, голавли, подлещики — именно та рыба, которая нужна для наваристой густой ухи. Развели костры. Повесили над огнем казаны с водой. В закипевшую вскоре воду насыпали пшена, бросили пучки дикого лука, ветки донника, рыбу опускали в полотняных белых мешочках в три раза — отдельно ершей и пескарей, затем окуней и красноперок, затем голавлей и подлещиков. Так варили тройную уху. Перед тем, как уха была готова, опустили в нее куски крупной соленой рыбы, в основном сазана.

От круглых хлебов отрезали большие ломти, складывали горкой. Ели уху компаниями из одной глиняной посудины деревянными ложками,

лежа на животах вокруг посудины. Девушки, молодые женщины не захотели ложиться в общий круг, поставили посудину на телегу и ели стоя, обступив телегу. У них и скатерть белая с вышивками была постелена.

Уха удалась на славу. Густоватая, ароматная.

Накипятили и пили отвар чабреца, зверобоя, душицы. По поляне растекался рыбный и травный дух, от которого на душе делалось благостно, успокоительно.

Кто-то крикнул:

— Гляди, гляди!

Все поднялись, глядели на дальний край поля. Степью рысисто шел табун лошадей без всадников. Дозорные уже скакали наперехват табуну, стараясь завернуть его от посевов, не дать потоптать хлеба.

— Да ведь это наши!

— Наши кони идут!

Казаки всматривались в неглубокие красноватые сумерки в степи, из которых появился табун.

— Наши кони идут!

Дозорные умело завели коней на луговину. Они закружились, умеряя бег, краем луговины. Всхрапывали. Казаки узнавали своих коней, брали их за гривы, останавливали. Василий вышел навстречу Ворону. Конь узнал хозяина. Ткнулся мордой ему в грудь, положил на плечо голову, стоял, клекоча горлом. Василий гладил коня по голове, почесывал меж ушами. К ним подошел Питирим. Василий наклонился к передним ногам Ворона:

— Видишь, батюшка, конь-то... Жалуется. Винится, что не уберег табун, позволил угнать его в полон. Стреноживали его коротко. Путы ноги до крови изъели. А не оборванные. Обрезанные кем-то. Кто ж этот добрый человек? Из них ли кто, или из другого табора кто прокрался и порезал путы на вожаке. Видишь, на каждой ноге привязка, а между собой не оборваны, а перерезаны. Вожак освободился от пут и повел табун одному ему известной дорогой домой, к своим хозяевам, к своим лугам. Вот ведь как, что конь, что человек, — в плену не хотят быть, к родному полю бегут. Так уж она, жизнь, устроена.

— Много премудрости во всем этом, — соглашался с Василием Питирим. — Много тайного в живых душах.

В телеге у Василия была припасена мазь для смазывания ран. Покос ведь, могут и человек, и конь пораниться. Вот и возит с собой атаман мази да ленты полотняные, которыми раны завязывают.

Помазал раны на ногах, на крупе.

— Супостаты, плетьми стегали его. А в плети не иначе как свинцовые полоски вплетены, вон как спину посекли ему. Досталось тебе, Ворон, досталось. Ты не дрожи телом-то, мазь погорит немного и облегчит боль твою.

Помазав и перевязав раны на ногах коня, Василий скомандовал молодым казачатам:

— Сводите, сгоняйте их на дно оврага. Там волгло, трава еще не пересохла. Пусть покормятся до утра.

Ночлежники успокоились, заваливались под телеги на траву да свежую солому спать.

Василий и Питирим лежали навзничь на соломе. Тихонько разговаривали. Глядели в темное небо, на котором щедро высыпались чистые, ядреные звезды.

— Думаю вот, думаю, где же начало всему положено и где конец всему? — спросил Василий.

— Сия велика тайна — велика тайна есть. Все в нем, Господе Боге. Вся тайна в нем. Познавая его, познаем тайны его. Не иначе, — рассуждал Питирим. — Уверуем — и познаем.

Сон наваливался на них, делал их безмолвными.

А на краю оврага молодые женщины тихо и слаженно пели:

Ах ты, степь широкая,
Степь раздольная,
Широко ты, матушка,
Протянулася.

Он, да не степной орел
Подымается,
Ой, да то донской казак
Разгуляется.

Ой, да не летай, орел,
Низко ко земле,
Ой, да не гуляй, казак,
Близко к берегу!

4

После утренней службы в храме Питирим беседовал с молодыми учениками в летней беседке. С ним вместе на беседе был келейник его Иннокентий, подсел к ним и казак-писарь Микола, случились и другие гости. На столе стояли горшки с вишневой и крыжовниковой водой, а кому не возбраняется, как Миколе, и горшочек с наливкой. Беседуя, собравшиеся вокруг Питирима слушали больше его, задавали вопросы. Каждый из них нес слово Питирима к некрещеным людям. Питирим не настаивал на скором крещении, он сам и его помощники постепенно приводили людей к православной вере. Особенно в этом отличался Микола. И его почему-то слушали внимательно мордва, мещера. Свой он им был, понятный. Микола и просил Питирима просветить его, чтобы быть готовым отвечать на вопросы тех, кого он сподвигает к крещению.

— Вот, батюшка Питирим, скажи мне без утайки, чем это тебе так близок святой Иоанн Предтеча? Какой бы ты храм не затеялся строить, — все Иоанну Предтече. На родине, как ты говоришь, храм с его именем, в Донской слободе поставили храм его имени, теперь собираешься невдалеке от Тамбова ставить опять же храм его имени. С чего бы это? Расскажи, как есть, чтобы и я до людей доносил стремления твои. Да и эти твои апостолы, — указал на учеников, парней лет восемнадцати-двадцати, — как раз их двенадцать у тебя, пусть и они послушают, не помешает им это с мордовками уговоры вести.

— Ты, Микола, если пришел к нам, то не ерничай, тем более не богохульствуй, — остановил казака Питирим. — На язык уж остер да остер ты.

— Все, отец-батюшка, молчу. Как рыбонька в тихом омуте помалкиваю да посапливаю, — шуткой сглаживал неловкость Микола.

— Для меня, Микола, пророк Иоанн Предтеча — это как светлая утренняя звезда, которая своим блеском превосходила сияние всех других звезд и предвещала утро благодатного дня, освещаемого духовным Солнцем Христом. Он потому и Предтеча, что явился в мир раньше Иисуса

Христа и проповедовал скорый приход его. Вот теперь послушайте об Иоанне, вернее, о его происхождении.

Питирим извлек из кожаного саквояжика тетрадь, заглядывая в нее, начал рассказывать:

— В этой тетради у меня все записано об Иоанне Предтече. Слушайте. Святой пророк Захария имел жену Елисавету. Захария и Елисавета были украшены всеми добродетелями, житие их было благочестиво. О сем свидетельствует сын их, честный и славный пророк, Предтеча и Креститель Господень Иоанн. Плод от доброго дерева не может быть дурным, ибо, как говорит Писание: «если корень свят, то и ветви». У Захария и Елисаветы детей не было. Сам Захария просил у Господа послать им чадо. Но годы их вышли, и они уже не помышляли о детках. Но вот Захария посетил ангел и благовествовал:

— Захария, молитва твоя услышана, и жена твоя Елисавета родит тебе сына, и дашь ты имя ему — Иоанн. И многие возрадуются о рождении его.

Захария изумился:

— Как, родить детей в старости — это же неестественно! Я стар, и жена моя в летах преклонных: как мы можем родить сына?

Ангел же ответствовал:

— О чем я возвещаю, не свойственно твоей природе, но на сие есть воля Божия, для которой нет ничего невозможного. Посему и твоей жене Всемогущий Бог дарует в старости рождение сына; ибо услышана молитва твоя.

— Я, — сказал Захария, — ныне приношу Богу свои молитвы о пришествии Мессии, коего Он обещал устами святых своих пророков. А о том, чтобы иметь сына, я ныне уже не молюсь.

Ангел же сказал ему:

— Я, предстоящий пред Богом. А он, услышав твои молитвы, дарует тебе сына. И вот у тебя родится сын, который велик будет пред Господом.

Захария отвечал:

— Почему имеющий родиться у меня сын будет велик? Разве он будет выше и святее пророка Иеремии, к которому было слово Господне: «Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя: пророком для народов поставил тебя».

Ангел же сказал:

— Велик будет пред Господом сын твой, и своим духовным величием не только будет равен пророку Иеремии, но и превзойдет его. Многие пророки проповедовали о пришествии Мессии, но отрок, рожденный тобою, не только будет проповедовать словом, но и перстом своим укажет людям Агнца Божия.

Захария на сие сказал:

— Хороша и радостна весть твоя, ангел Господень! Если и всякий премудрый сын веселит отца, то насколько более возвеселил бы меня, старца, сын мудрейший, нежели все пророки!

Ангел отвечал:

— «Верен Господь во всех словах Своих и свят во всех делах Своих». Так что у Бога не останется бессильным никакое слово.

Святая Елисавета зачала, но скрывала свою беременность пять месяцев, пока ее не посетила приходившаяся ей дальней родственницей Преблагословенная Дева Мария, чтобы разделить свою и ее радость. Елиса-

вета, исполнившись Святого Духа, приветствовала Деву Марию как Матерь Божию. И святой Иоанн, еще находившийся в утробе своей матери, взыграл радостно во чреве.

Пророчество ангела исполнилось, и праведная Елисавета разрешилась от уз неплодия, родив миру Предтечу и Крестителя Господня Иоанна.

С юных лет Иоанн жил в пустыне и там проводил время в посте и молитве, питаясь диким медом, акридами и водой, носил одежду из верблюжьего волоса.

Когда Иоанну исполнилось тридцать лет, Господь повелел ему идти в долину реки Иордана и возвестить всем людям о скором явлении в мире Спасителя и о том, чтобы все приготовились к Его встрече через покаяние и крещение.

Иоанн пришел в страну иорданскую и стал проповедовать: «Покайтесь, потому что приблизилось Царство Небесное», то есть приблизилось, настало время, когда должен явиться ожидаемый Спаситель, который будет призывать всех в Свое царство.

При этом Иоанн требовал от всех, чтобы покаяние было искренним и сопровождалось исправлением себя и добрыми делами.

Крещение Иоанново означало, что как тело омывается и очищается водою, так и душа человека, кающегося и уверовавшего в Спасителя, очищена будет Христом от всех грехов.

Среди приходивших к Иоанну были и такие люди, которые считали себя праведными и не хотели каяться, а на самом деле были порочны и злы, как, например, фарисеи и саддукеи. Фарисеи гордились своим происхождением от Авраама, хвалились исполнением закона и считали себя достойными войти в царство Мессии — Христа. Саддукеи же не верили в воскресение мертвых и в будущую жизнь.

Таким людям Иоанн говорил: кто научил вас, что вы своими силами можете избежать гнева Божия и вечных наказаний в будущей жизни. Покажите добрыми делами раскаяние свое. Помните, всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь.

Приходили к нему мытари, сборщики податей, и спрашивали: «Учитель, а что нам делать?»

— Ничего не берите лишнего, а берите только то, что полагается.

Спрашивали его также и воины: а нам что делать?

— Никого не обижайте, не клевещите и довольствуйтесь своим жалованьем.

Многие тогда думали об Иоанне, не он ли и есть Христос Спаситель? Но Иоанн объявил, что он не Христос.

Я крещу вас водою, — говорил он, — но вслед за мною идет Сильнейший меня, у которого я недостоин развязать ремень обуви Его. Он будет крестить вас Духом Святым и огнем.

Многое и другое проповедовал святой пророк Иоанн Предтеча, поучая приходивший к нему народ.

И вот к нему приходит Иисус. Иоанн, много проповедовавший о скором пришествии Мессии, увидев Иисуса, был удивлен и сказал: «Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?». На это Иисус ответил, что «надлежит нам исполнить всякую правду» и принял крещение от Иоанна. Во время крещения «отверзлось небо, и Дух Святый нисшел на Него в телесном виде, как голубь, и был глас с небес, глаголющий: Ты Сын Мой Возлюбленный; в Тебе Мое благоволение!»

После Крещения Христа крещение для людей уже не просто символ

очищения. Здесь Иисус явил Себя миру как Христос, Сын Божий. «Я видел, я свидетельствую: Он — Избранник Божий», — подтверждает Иоанн Креститель.

Теперь каждый окрещающийся приобщается этой тайне, по словам Христа к Своим ученикам «Идите, научите все народы, крест их во имя Отца и Сына и Святого Духа».

Питирим замолчал, закрыл и убрал тетрадь.

— Понятно, батюшка, излагаешь. Просто. Не мудрствуя. Запомню вот и тоже мордвам буду рассказывать. Я им на пальцах все расскажу, я им нарисую и Предтечу, и Христа. Они на такие рассказы охочие, всех, как есть приведу к тебе, крести их, не ленись, — восхищался Питиримом казак Микола.

— Завтра я вам и о лютой смерти Иоанна поведаю. А теперь почитаем молитву и пойдем по своим пристанищам, отдохнем перед вечерней. И Питирим нараспев заговорил молитву. Ему вторил Иннокентий. Подтягивал и Микола, пытаясь угадать слова:

— Святой Предтече и Креститель Христов, Иоанне! Проповедник покаяния, кающихся не презри нас, но молись к Владыке Христу за нас, недостойных рабов.

5

Зима основательно легла только в начале декабря. Недели две давили открытую землю морозы, а то вдруг ночью оттеплело и повалил снег. Он на вершок укрыл землю и остановился. Небо прояснилось. Солнце взошло и снег засиял нестерпимой для глаза белизной и чистотой.

С атаманом Василием Питирим уговорились заранее: как ляжет снег, так Василий берет с собой подручных казаков, и приезжают они к Питириму. И Василий не замедлил явиться. Благословясь, на трех подводах выехали в лес. На одной Питирим с Василием, на другой Иннокентий и вновь прибывший в епархию послушник из Саровского монастыря Нафанаил. Послушник имел опыт в строительстве храмов, потому Питирим призвал его в Тамбов, дабы он руководил как заготовкой материалов, так и самим строительством. На третьей — трое казаков из крепости. Побывав на предварительно освященном Питиримом, Митрофаном и Иннокентием месте, где намерились ставить храм, помолившись на установленный крест, отправились в лес. В полуверсте въехали в сосновый бор, остановили коней, стали осматривать сосны. Лес был зрелый, высокий, метров по десять над комлем ровный, без сучьев. Питирим разделил людей. Одни пошли вниз по склону, постукивая обушками топоров по стволам сосен, слушая их глуховатые отзывы на удары. Питирим же вел Василия и Иннокентия вверх по склону, и так же постукивал обушком по стволам, и так же прислушивался. Находившись вволю, вновь сошлись у поджидавших их казаков.

— Как вы определяетесь? — спросил Питирим.

— Сосна дельная, есть из чего отбирать по толщине и длине одинаковые бревна, — отвечали Нафанаил и Иннокентий. — А почему одни вниз пошли, а сам батюшка вверх поднялся?

— А теперь надо повалить две сосны, одну в самом низу, а другую на гребне склона, и посмотреть, что за материал они из себя представляют, — как бы ответил на вопрос Нафанаила Питирим.

И, разделив всех на две партии, сказал:

— Нафанаил опять идет вниз, берет с собой двух казаков. Как свалите сосну вот такого обхвата, — Питирим подал Нафанаилу гибкий ивовый прут, — так отрезайте от комля на аршин и приносите отрезок сюда. А мы пойдем вверх и там свалим сосну и сделаем то же самое. На уровне своих глаз этим прутом опоясываете сосну. Как в самый раз, как концы прута сходятся, то такую и валите.

Первым воротился с аршинным отрезом ствола Нафанаил. Вскоре подошли и Питирим с Василием, с таким же отрезком от ствола. Когда собрались все вместе, Питирим сказал:

— Иннокентий, считай кольца на своем отрезке. И ты, Нафанаил, считай.

Считали, сбивались, начинали вновь, отмечая ногтем каждое годовое кольцо.

— И каков результат? — спросил Питирим.

— Сто восемь, — ответил Иннокентий.

— Сто восемь, — сказал Нафанаил.

— А теперь смотрите сюда, — подозвал всех Питирим. — Поровну колец. Но расстояние между кольцами на этом вот шире, чем на другом. А по толщине они разные. Значит, сосна, что растет в низах, для строительства малопригодна, потому что легковата, рыхлая, плотность низкая. А выше, где мы повалили сосну, древесина плотнее. А все потому, что внизу сосна росла в затишье от северных ветров, а наверху — на самом холодном ветру. Потому древесина плотнее, более смолянистая. Холода давили ее, не пускали в бурный рост. А теперь сами видите, какой лес нам брать сподручней. С верхов будем брать.

— Так-то оно так, — согласился Нафанаил, — только об эту плотную сосну руки отшибешь, пока обработаешь ее...

— Согласен, твоя правда, но и моя правда в том, что срубленный из плотной сосны храм простоит гораздо больше лет, чем срубленный из мягкой сосны.

— И откуда же ты, батюшка, всю премудрость эту знаешь? — спросил Иннокентий.

— Я вырос-то где? В землях более северных. А там плотники опытные. Вот они и учили меня этой премудрости, — ответил Питирим. Он был явно удовлетворен тем, что против его доводов никто не стал возражать.

— А теперь, значит, так поступим. Ты, Иннокентий, сделай несколько смерок и дай каждому, чтоб стволы подбирали по толщине одинаковые. И пойдем по взгорку метить сосны. Подряд валить не будем, только выборочно.

— Вывозить будет трудновато, не каждый раз сани между оставшимися соснами пойдут, — возразил Василий.

— Твоя правда, — согласился Питирим. — Но когда мы наберем лес одной толщины, то его легко будет обрабатывать и укладывать в стены. Так, наверное, Нафанаил?

— Именно так, — ответил Нафанаил, взял подготовленный Иннокентием прут для обмера сосен, топор и пошел в лес подбирать сосны и делать на них затеси. За ним потянулись и другие.

В нетронутом доселе рукой человека сосновом бору за людьми наблюдали любопытные белки, скакали с дерева на дерево, цокали. Первые удары топоров насторожили белок, они поднялись и попрятались в кронах сосен, наблюдая за людьми.

Сын атамана Степан, сам Василий приехали с дюжиной казаков в

условленное место. Из Тамбова отец Василий и Иннокентий тоже привезли на санях дюжину казаков. Артель собралась немалая, в три десятка человек да пятнадцать лошадей с ними. Ни сам атаман Василий, ни Питирим не приехали, один и другой, не сговариваясь, приболели. Питирим через отца Василия передал, что все командование возлагает на Нафанаила. Услышав это распоряжение Питирима, мужики с любопытством стали поглядывать на незнакомца. Молод, тростиночка тростиночкой, голосом тих, по силам ли такому исполнять командные начала.

Нафанаил первым делом заставил расчистить, освободить от деревьев большую поляну.

— Сосны будем валять на ход, так, чтобы комель поднимать на сани, и волоком вытаскивать весь хлыст из леса на поляну. А здесь уже будем разделывать на деловые и дровяные части, обрубать сучья и жечь из них костер. Сварить кашу, отдохнуть, погреться от огня, — это все надо. Лес валить и вывозить — работа тяжкая. Коней надо в полдень хорошо овсом кормить. С собой у вас, я вижу, припасов нет. Поэтому Иннокентий едет в Тамбов, привозит оттуда овса для коней, круп, какие есть, для каш, масло... Холодно. Есть надо плотно. Иначе в лесу не наработаешь.

Шесть пар мужиков с топорами на длинных рукоятях пошли в лес, к помеченным затесями соснам.

— По четыре сосны валите и выходите на поляну, — напутствовал Нафанаил.

Вскоре подали голоса топоры, тяжело вздохнули, падая на землю первые сосны. Казаки на конях хотели уже ехать за хлыстами, но Нафанаил остановил:

— Пока рубят, близко подъезжать нельзя. Не ровен час, пойдет сосна неуправляемо и зашибет насмерть. Кончат рубить, отдыхать будут, вот тогда и вывозите хлысты.

Рубщики вышли из леса. Возчики повели коней в лес. И вот сосну за сосной стали вытаскивать на поляну. Сани были широки для вывозки хлыстов между соснами.

— Подсанки нужны бы, а так все сани порвем, домой не на чем ехать будет, — сказал Степан Нафанаилу.

— Вижу, вижу, думаю вот, как и откуда срочно доставить подсанки. Делать вновь — работы приостановим. Пока же снег неглубокий, надо вывозить сосны, по глубокому снегу кони не потянут.

— Отряжай со мной трое саней, поедем в мордовское поселение, — предложил Степан. — Там подсанки есть. Попросим у людей, небось, не откажут.

Так и сделали, ближе к полдню казаки на трех санях поехали в мордовское поселение. Степан повел их короткой дорогой по правому берегу Цны.

Оставшиеся разделали на поляне вывезенные из леса хлысты. Первый отпил делали, отмерив от комля двенадцать аршин. Тут же обрабатывали ствол топорами, срубали наросты прежних сучков, шкурили. Морозный воздух пропитывался смоляным духом сосны. Из обрубленных сучьев сложили два костра. Вокруг огня сидели на сосновых лежаках. Тут же стояли кони, уткнувшись мордами в сено.

Вернулся Иннокентий с овсом для коней. Привез гречневую крупу, растительное масло, куски замороженной баранины, три казана для варки каши.

Глядя на ошкуренные сосновые бревна, Иннокентий похвалил:

— Из таких свечек храм добрый получится, всем храмам храм.

Видя такую дружную работу, Питирим решил, не откладывая, тут же готовить сосновые бревна для строительства в Тамбове келий женского монастыря и архиерейского дома. И готовить лес впрок, так как одни храмы пора ремонтировать, добавлять в них новые венцы, другие же и вовсе строить вновь. Нужны были средства: деньги, провиант для строителей. Он встретился с тамбовскими купцами, попросил у них помощи. Купцы, как всегда, пожались, попереглядывались, но слова не сказали, пока не встал торговец пенькой и зерном Иван Истомин.

Рослый, с зычным голосом, он явно верховодил в купеческой среде.

— Отец Питирим обратился к нам с просьбой помогать ему приводить людей к одной нашей вере, к православию. Без этого нам нельзя. На наши земли идут со всех сторон все новые и новые поселенцы. Если все мы будем разноверами, то долго не будет единения народного. А без него, без единения, мы будем слабы и уязвимы. Отец Питирим — мы видим это — всего себя кладет в православную нашу веру, все силы свои. И без нашей помощи ему никак не обойтись. Гордый он, вижу его, но и он превозмог гордость и обратился к нам. О себе скажу так: я на нужды епархии буду жертвовать по мере возможности деньгами и зерном. Призываю и вас, купцы, вносить пожертвования.

После слов Ивана Истомина заговорили другие купцы. И не нашелся ни один, который возразил бы, не дал слово помогать епархии в креплении православной веры.

Вдохновленный и окрыленный поддержкой купцов, Питирим поехал смотреть, много ли наготовили леса. Заодно дать заготовителям немного денег из своих келейных сбережений.

Лес лежал на поляне, на той самой, где намечено было строительство храма. В каждом скате по сорок бревен: десять в один ряд, затем на подложках второй ряд, третий, четвертый. Бревна лежали неплотно, воздух гулял между ними, выветривал их. Возле бревен ходил Нафанаил. Питирим подошел к нему, благословил.

— Садись-ка, Нафанаил, со мной рядком, поговорим ладком.

Они присели на березовые пни, специально подготовленные для сидения на них. Спрятанные лесом звуки людских голосов, топоров были еле слышны, но указывали на то, что работа в лесу не прекращается. День заметно прибавился. Полдневное солнышко стояло уже высоко, пригревало спины. В воздухе стояла легкая синеватость.

— Вижу, потрудились, лесок добрый наготовили, — похлопал Питирим по сосновому ошкуренному бревну.

— Добрый лес, батюшка, еще плотников бы умелых. Мне известно, что мордвин Матвей достойно срубит храм. Казаки — нет, к топору не привычные, а мордва ловкие, умеют тонко работать.

— Мне, Нафанаил, давно указали на Матвея. Ты человек опытный в храмовом строительстве, как ты полагаешь ставить храм, расскажи-ка мне.

— Все, батюшка, зависеть будет от размеров. Как план наработаем, так по плану и ставить будем.

— Загоняться в размеры большие не следует. Это начальный храм обители. Построим его, соберем монашествующих, обживемся. И о просторном храме подумаем. Не все враз. Вот как есть на длину бревна, так в четыре стены и погоним. Алтарь приставной поставим. Приделы с северной и южной сторон. Колокольню отдельно поставим.

— Ты, батюшка, уже весь план продумал.

— Я не только план продумал, а как глаза закрою, так вижу храм вживе. Вот он, бери его и ставь на место, двери открывай и служи...

— Углы как будем мастерить? — спросил Нафанаил.

— В лапу, только в лапу. Лес ты подобрал бревно к бревну, правда, как свечки. А приделы врубим в основные стены потайным ласточкиным хвостом. Известен тебе такой способ?

Нафанаил усмехнулся:

— Рубили и такие углы. Всякие. Рязань. Владимир. Я с детства в плотницкой артели. Научили.

— Желал этого — и научили. Кто не тянется, того не научишь. Делай, Нафанаил, смерки и сам своей рукой станешь рисовать углы. Краски я тебе дам. Никому не доверяй, только сам и сам. Сажать будем на мох. И моченцем подобьем стены. На теплый будем делать. На низ, на два венца, надо дуб готовить. Уложим на закладные камни. Договорился, как снег сойдет и дороги откроются, то камни нам доставят лысогорские казаки.

— Закладывать когда же намечаешь? — спросил Нафанаил.

— Весь пост материал будем готовить. А после Светло-Христова воскресения приступим к храму. Я так полагаю, что за лето вывершим его с Божьей помощью.

6

По многим делам плотник Матвей приезжал в Кузьмину-Гать, каждый раз встречался с атаманом Василием Самойловым. Договаривались о строительных подрядах, о хлебе от казаков, о конях. Мордовское поселение поставляло лес, изделия из дерева — оконные рамы, двери, кузнечные изделия — подковы, стремена, шкворни для телег, скобы. Обмен шел натуральный, без которого ни казаки, ни мордва не обойдутся. У Матвея был сын двадцати лет, Егор. Годами молод, а опытен что по плотницкому, что по кузнечному делам. У Василия же была дочь, семнадцатилетняя Елена, статная красавица и рукодельница. При встречах Матвея с Василием дети их хоть изредка, хоть на издальках, но пригляделись и понравились друг другу. Да так, что Егор стал наседать на отца: засылай сватов к атаману. А как пойдешь свататься, когда казаки не любят отдавать своих девушек за чужаков, да к тому же неправославных.

Не стал Матвей нарываться на позорный отказ, но с Василием встретились с глазу на глаз.

— Вот какое дело, Василий Петров, сына моего, Егора, ты знаешь. Я знаю дочь твою, Елену. Оба хороши. Не договоримся ли мы поженить их?

Спросил напрямую, без дальних подходов. Хоть и рассудителен был Василий, но не сдержался, вскипел:

— Матвей, ты что же это мои седины хочешь на смех да на поругание казакам выставить?! Да не бывать тому, чтобы атаман дал повод казакам рушить свои роды, впускать в них чужеродцев. Да и вам, мордве, кстати ли родниться с казаками? У вас свои семейные устои, у нас свои.

— Знал я, Василий, что откажешь ты мне. Вот только как я Егору отказывать буду? Парень совсем голову потерял по твоей Елене. Ума не приложу, как мне быть, что говорить ему.

— Прикладывай, прикладывай свой ум, — сказал в сердцах Василий, и они разошлись.

Василий выбрал момент и откровенно поговорил с сыном:

— Степан, дела-то вот какие, сын мордвина Матвея Егор требует от отца, чтобы он шел сватать нашу Елену. Каково это? Мы ведь казаки, правоверные, а они... Отказываю я Матвею. Надеюсь на разум его, обиду не поимеет.

— Я давно, батя, вижу, как они переглядываются. Да говорить раньше времени не стал. Ко мне все Петр Карев присыпается, Елена ему нравится. Наверное, сватов зашлет.

Сваты от Петра Карева не замедлили явиться. Видно, Степан поторопил друга. Василий принял сватов радушно, добрая семья Каревых, род большой, казаки покладистые, хозяйственные. О чем еще мечтать атаману, как не о равной паре для своей дочери.

Поговорили, пображничали новоявленные сваты, по рукам уже намеревались ударить, поставить точку на сговоре, но в это время в комнату вошла сама Елена.

— Батюшка, матушка, гости дорогие, не делайте сговора, остановитесь.

— Елена! — прикрикнул Василий. — Не дерзи отцу-матери. Не посыпай наши головы позором.

— Батюшка и матушка, каждому вашему слову была я рада, каждому вашему взгляду на меня умилялась, а теперь прошу, остановите сговор. Послушайте меня, пусть даже неразумная я. Не быть тому, о чем вы сговариваетесь. В вековухах останусь, в монастырь уйду, но не быть. Простите меня, батюшка и матушка.

И как вошла с поднятой головой и открытым взглядом, так и вышла, не опустив голову.

И разошлись сваты, не глядя друг на друга.

Печаль легла на сердце Василия и жены его. Любили они дочь непомерно. Надо бы родительскую власть употребить да настоять на своем, и готовы уже были к этому, а все оттягивали, опасались нарушить в дочери какой-то их, самойловский, стержень, после чего гордость человек теряет, мягким становится, податливым, как глина. Лепи что хочешь из него, да только в слепленное-то душу не вдохнешь.

— Поеду-ка я, мать, к отцу Питириму. Совет он мне какой даст, его и приму.

Кони легко несли санки по наезженной дороге. Василий зарывался лицом в овчинный тулуп, укрываясь от встречного северного ветерка. Рассвет накрыл его уже под Тамбовом. Из избяных труб валили дымы и, не поднимаясь, сбивались ветром, рвались им в клочья. Ветер разыгрывался явно к непогоде.

А в храме шла служба. Сбросив с себя тулуп в санки, прикрыв его охапкой сена, Василий вошел в храм. Народа было немного. Мужчины стояли по правую сторону от пути к царским вратам, женщины — по левую. Василий встал к мужчинам. Вслушался в молебен, в пение, стал заодно со всеми креститься и класть поклоны.

Питирим сам вел службу. Не отвлекаясь от молитвы, он подал приветственный знак Василию. И на душе Василия сделалось хорошо от этого знака: его видит сам епископ.

Достояв до окончания службы, Василий поставил перед иконами свечи, подошел под благословение Питирима. Получив его, отошел в сторонку, освободив место для других прихожан. Пока молился, пока получил

благословение, душа как-то сама собой успокоилась. И дело его со сватовством к дочери вроде бы отодвинулось из души, уступив место той благодати, которая изливалась от икон, от горящих свечей, от успокаивающего голоса Питирима и пения певчих.

В трапезной людей было мало. Скоро потрапезничали. И Василий остался с глаза на глаз с Питиримом. Рассказав Питириму все без всякой утайки, Василий ждал его слова. Питирим молчал, перебирал четки. Молчал столько, сколько требовалось ему. Наконец заговорил:

— Отдавать дочь в мужья не христианину — это не почтить наши православные традиции. Насильно выдавать дочь — тоже церковью не приветствуется.

— О насилье речи, батюшка, нет. У нас в роду было такое, что бабушку мою хотели насильно отдать замуж. А она взяла да сбежала к любимому. Ушли они из станицы и жили невенчанными. Более года жили. А как первенец у них, отец мой, появился, так и родители их смирились, одним днем венчали и первенца крестили. Натуристые наши самойловские бабы. Она и Елена моя вся в прабабку лицом и статью удалась. Натворит да натворит, не приведи Господи. Затем к тебе и приехал, чтобы ты посоветовал мне, как узелок этот развязать.

Питирим задумался, углубился в свои мысли. Он бесконечно перебирал четки. Василий, вглядываясь в лицо молчащего епископа, видел ушедшие далеко отсюда его глаза, отмечал на лице усталость, глазные впадины смуглого лица заполнены были настораживающей желтизной, указывающей на нездоровье этого человека.

— Апостол Павел, — произнес тихо Питирим. — Да, апостол Павел так сказал: «И жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его. Ибо неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим». Но Церковь не пошла предначертанным Павлом путем, она то же самое настроила по-своему. Узелок ваш не нов, не вы первые — не вы последние. Вот что я тебе, атаман, скажу: были времена, когда Церковь относилась совершенно отрицательно к бракам с не членами Единой Вселенской Церкви, смешанные браки Церковь не благословляла. Одно из правил Вселенского Собора гласит так: «Не достойно мужу Православному с женою еретическою соединяться браком, ни православной жене сочетаться с мужем еретиком. Если же будет обнаружено что-либо подобное, сделанное кем-либо — брак почитать не твердым и беззаконное сожительство расторгать. Не подобает смешивать несмешиваемое, и с частью Христовою жребий грешников. Если же кто постановленное нами преступит: да будет отлучен».

Но позже того Собора было принято одно исключение, когда христианам позволялось вступать в брак с иноверцами: когда последние давали обещание перейти в православную веру.

«Не позволено соединяться браком с еретиком, разве только в таком случае, когда лицо, сочетающееся с православным лицом, обещает перейти в православную веру».

Вот он, ключик к разрешению вашего вопроса. Матвею с сыном надо предложить принять православие, и тогда все преграды сами собой упадут. С сына Матвея, который обратится в христианство, возьмем подписку в том, что дети, которые родятся у них после этого, будут крещены в Православной Церкви. Иноверец не будет никаким образом приводить к своей вере, а его верная половина не будет лишаться единобрачного со-

жительства во все время ее жизни. Если даст такую подписку и будет следовать ей, то брак признаем законным. При нарушении этих обязательств брак тотчас расторгнем. Так что дело за Матвеем и сыном его. Мастера оба хорошие, что отец, что сын. Когда бываю на постройке, то любуюсь их работой. Да ведь мордва. Сколько времени они уже бок о бок с нами, православными, живут, соответственно, духом православия напитываются. Многие уже перешли в нашу веру. Вот заодно и поработайте с этим поселением, приведите их к вере. Да и сам я займусь ими, как только посвободней стану.

Возвращаясь домой, Василий сделал крюк лесом, заехал в мордовское поселение к Матвею. Уединившись, они долго беседовали, и при прощании остались довольны друг другом. Дело у них явно сладилось.

Плотники отдыхали. Нафанаил встретил подъехавшего Питирима, показал ему, как готовят бревна, как зарезают концы под углы по отметкам. Приглядываясь к наготовленному лесу, Питирим ни в чем не замечал изъяна, представлял, как уже летом поднимется храм и как будет смотреться его смолистая желтизна на фоне зелени леса. Оставался доволен.

Подъехал верхом на коне Матвей, попросил Питирима отойти с ним в сторонку на два слова, и когда отошли на край поляны, заговорил:

— Батюшка Питирим, был у меня атаман станичный Василий, все мы обмозговали. Егор готов принять крещение. И мы, родители его и родственники, не возражаем ему в этом. Мало того, на сходе порешили креститься у тебя всем поселением нашим. Чего ж теперь, живем среди одной большой веры своим островком малой веры. Решили, крести нас, батюшка. И станем мы все одной веры, оттого жить дружно будем, свои среди своих. Не все, правда, к единому мнению пришли у нас. Семь семей решили съехать, пока санный путь лежит. Не бедные люди. Избы разбирают, грузят на сани, чтоб на новом месте скоро собрать их.

— Куда же путь наметили? — спросил Питирим.

— На север. К рязанской мордве. Родственные нам люди там живут, мы выходцы из тех мест.

После недолгого раздумья, Питирим предложил Матвею:

— Егора мы покрестим с тем расчетом, чтобы свадьбу до Великого поста сыграли. Покрестим и обвенчаем. А вас, остальных, я не тороплю. Но благословения на строительство храма я не дам, ибо иноверцев не благословляют. Сначала веру примите нашу православную, только после этого получите мое благословение. Иначе не могу. Примите нашу веру и своими руками стройте храм для новой веры. Жалко, что разделяетесь, что ваши близкие съезжают. Может, еще одумаются?

— Нет, батюшка, эти не одумаются. Они без колебаний.

— Предупреди их: на Рязанщине много мордовских поселений уже приняли крещение. Много. Если какие и остались вне православия, то редкость да редкость. Это наше Дикое поле отстало с крещением. Сам знаешь причины. Так что предупреди. А я вас не тороплю.

Тем же вечером, беседуя с учениками, Питирим сказал, что скоро будут крестить мордовское население, перед тем, как храм закладывать. Он был уже опытен в той вере, которую исповедует мордва. И теперь рассказывал ученикам о том, во что и как они веруют:

— Вот какие понятия имеют мордва о верховном Боге, по их Чам-Пасу: он не имеет ни начала, ни конца. Он живет на небе, а как он живет,

того никто знать не может. Он господствует и на земле, и земля, и небо, и светила небесные, и люди, и животные, и самые злые духи, все от него имеют свое начало. Он творец всего видимого и невидимого мира, управляющий всем. Чам-Пас любит свои создания, и от него происходит одно только добро, но, чтобы люди не забывались, он попустил Шайтану сотворить злых духов и посадил их в болотах и омутах. Если человек сделает что-нибудь противное Чам-Пасу, он дозволяет злому духу сделать вред тому человеку, но когда человек обратится к нему с мольбой избавить его от зла, он запрещает злому духу и велит ему сидеть в воде.

Обыкновенная молитва у мордвы к богу коротка: «Шкай! оцю Шкай, верду Шкай, ванымыст! Боже, верховный боже, начальный боже, помилуй нас!» К этому верховному богу мордва обращается в начале каждой молитвы. Самому же Чам-Пасу ни особых праздников, ни особых жертвоприношений не творят.

Кроме единого вечного бога, мордва признает созданных им добрых и злых духов. По их понятиям, эти духи, как и люди, плодятся, и их в мире множество.

Чам-Пас сотворил богиню Анге-Патяй (мать-богиня). Она — источник жизни, чадородия и плодородия земли, ведет постоянную борьбу со злым началом, охраняя жизнь и благоденствие всякого создания.

— Идолопоклонники они и есть идолопоклонники, — заключил молодой ученик из Донской слободы.

— Не совсем так. Не справедливо мордву называть идолопоклонниками. Никогда не имела она ни идолов, ни каких других изображений божества. Не имела мордва и особых храмов для совершения богослужения, проводила свои моления в лесах, на полях, на кладбищах.

Люди они гостеприимные и хорошие. Молятся редко, занимаются этим, когда пьют или когда режут животных. Тогда они молятся Богу, который создал небо и землю и все, что есть. Они благодарят его, что он дает возможность жить. Молятся, чтобы он их по окончании этой жизни повел в вечную радостную жизнь. Они живут мирно и без священников... При погребении ставят знак, указывающий, что умерший умел делать. Кладут в могилу топоры и кремни, чтобы покойники могли ими воспользоваться, коневоду кладут лошадиный хвост, даже дупло с пчелами кладут бортнику. Шкуры убитых животных вешают на деревья, перед ними становятся на колени и по-своему молятся.

Мы читаем молитвы, обращаясь к своим святым, пророкам. У них тоже есть молитвы. К примеру, мы чтим и читаем молитвы Илье-пророку. А они своему, которого называют Пурьчине-паз. Но обращаются, кто как может. К примеру, вот так мне довелось слышать:

«Пурьчине-паз. На трех огненных лошадях ты катишься по небу, молния высекается твоими колесами, в левой руке у тебя гром, в правой руке — дождь. Гром ты высекаешь, дождь льешь на землю-матушку, увлажняешь, посеянный хлеб растишь, голодные животы кормишь.

Одной думой надумали, одними словами говорили, в одно место собрались, в это место пришли молиться-кланяться. Молимся тебе, обращаемся к тебе, курочку тебе зарезали, поклоны тебе отдаем. Поклоны наши заметь, молитвы наши услышь, курочку возьми, что просим — дай. Дай на пашни, на наши хлеба спокойного хорошего дождичка, делающего добро. Не пускай на землю сильной дурной грозы, творящей зло, ломающей посеянный хлеб, прибивающий его к черной земле.

Пурчине-паз, кормилец, не оставь нас голодными, не заставляй нас

плакать, пожалей стариков, пожалей вверх растущих, в силы-слова входящих. Принесенное возьми, чего просим — дай!»

А теперь вы можете подумать, сравнить их веру с нашей стройной православной верой. Они близки и далеки одна от другой. Вот эту разницу мы и сводим на нет, обращая этих людей в православие. Почему я нашу православную веру называю стройной? Потому что она уже отстроена, ничего нового в нее добавлять, как и из нее убавлять, не следует. Есть Господь Бог, есть сын его Иисус Христос, есть проповедники и святые, есть слова молитв, есть стройность церковной и внецерковной службы. Потому я говорю: вера наша стройная. У мордвы же всего этого нет или все в зачаточном состоянии. Потому они вольно справляют свои молитвы, кому как нравится, кому где нравится. Они не приведены в церковь Христову, потому разобщены в вере своей.

7

Крестили людей из мордовского поселения в два приема. Которые на ходу, тех сажали в сани и доставляли в Никольский храм Кузьминой-Гати. Отец Алексей скоро уставал, его заменяли ученики Питирима, которые приехали поучаствовать в обряде крещения. А ближе к полдню и сам Питирим приехал в станицу. Он привез нательные крестики, свечи и возглавил обряд. Крестили без купели, так как людей было много, а на дворе стояла зима. Каждого крещаемого или крещаемую отец Алексей обрызгивал святой водой со словами:

— *Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.*

После чего надевали на шею крещаемому нательный крест.

Ученики непрестанно читали полагающиеся при обряде молитвы и пели:

Итак идите, научите все народы,
крестя их во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа,
уча их соблюдать все, что Я повелел вам;
и се, Я с вами во все дни до скончания века.

После этого Питирим совершал Таинство Миропомазания. Произносил:

— *Крещается раб Божий во имя Отца, аминь. И Сына, аминь. И Святаго Духа, аминь.*

Ученики по одному брали крещаемых и трижды обводили вокруг аналоя. По ходу торжественных песнопений читали Послания Апостолов и Евангелие, испрашивали «совести благи вопрошение у Бога, воскресением Иисус Христовым». В заключение происходил обряд сострижения клочка волос с головы крещаемого. Так христианин предавался воле Божией.

Одним днем окрестили более двухсот жителей мордовского поселения. Одни из них были сумрачны, другие радовались происходящему с ними. Прежде чем садиться в сани и трогаться в обратный путь, усердно крестились, хорошо выпивали крепкой медовухи, заедали вяленым мясом, соленой рыбой с хлебом и луком. А насытившись, вновь крестились и падали в сани:

— Поехали! Хоп, хоп, златогривая!

И запевали свои мордовские песни.

Управившись с обрядом, в храме отдыхали священники, ученики, Василий, Матвей.

— Отдохнем немного и поедем в поселение, — сказал Питирим. —

Надо дело до конца сегодня же довести. Там пожилые люди, дети малые. Тоже крестить надо.

— Нет, не советую, — остановил Питирима Матвей. — Пока приедете, там большинство пьяны будут. У нас так: свободный день — пей вино вволю. Вот теперь от двора ко двору все бражничают там. Так что нынешним днем не управишься, батюшка. Будет другой день, тогда покрестишь остальных. Как артель наша на твои работы выйдет, трезвая будет, и в поселении будет благостно. Тогда приезжай и крести.

Отец Алексей пригласил всех в трапезную.

— Отец Питирим, может, ко мне пойдем, к моей трапезе? — спросил Василий.

— Нет, Василий, благодарствую, останусь с учениками, заодно поговорю с ними, что так, что не так у нас ныне было. Стройности нет, последовательности. Мне это не нравится. Учиться будем.

Отобедав у Василия, Матвей в благостном расположении духа возвращался в поселение.

Солнце приближалось к закату. Легкий морозец настраивал на умиротворение, на уверенность в том, что плотницкая артель будет обеспечена большой работой на постройках храмов у отца Питирима. Первым делом храм Иоанна Предтечи, затем храм в новом Тамбове, женском монастыре, затем епархиальный храм, затем постройки и дом архиерейского подворья. Пальцев на одной руке не хватит, чтобы сосчитать все то, что задумал строить отец Питирим. И интерес он имеет в мордовских плотниках, значит, содержание плотникам обеспечено года на три, никак не меньше.

Матвей просчитывал, кого он возьмет в артель, как разобьет артель на звенья, кого поставит во главе каждого звена. И получалось по его подсчетам, что не менее сотни человек ему понадобятся, чтобы одновременно начать стройки всех намеченных храмов.

Сани выскользнули из леса на заснеженную луговину. В полуверсте по возвышенности раскинулось поселение. И вдруг Матвей привстал в санях. Глазам не верилось: избы горят! Горят сразу пять изб! Да что же это такое!? Среди зимы, снега чуть ли не по верхам крыш, а горят!

Матвей хлестнул по лошади вожжами, она от испуга прянула было в сторону, но тут же выскочила на дорогу и галопом понесла сани к поселению. По улице, между горящими избами суетились люди. Пытались снег бросать в огонь, но огню от этого убыли не было, он взвихривался на соломенных крышах, взлетал высоко, колыхался то в одну, то в другую стороны. В воздух поднимались «галки» горящей соломы, опускались на соседние крыши, их там сбивали длинными шестами, метлами на черенках, не давали зацепиться за солому.

На Матвеевой избе солома уже сгорела, занялись стропила.

Бросив лошадь, Матвей метнулся в избу — все ли покинули ее? Изба была пуста. Появился Егор. Без шапки, в одной рубахе, он был черен от копоти, по лицу и груди стекали грязные ручейки пота.

— Батюшка, жгут, жгут нас! Трое были! Видели их! В лес ушли! Готовь погоню за ними по свежим следам!

Прокричав охрипшим голосом все это отцу, Егор по лестнице взлетел наверх, метался по потолку, отбивал топором стропила, сбрасывал их на снег. И не просчитал, освобожденная угловая толстая стропилина пошла сверху на него, он не видел ее, не отклонился, и она ударила его по голове, отчего он упал навзничь, лицом вверх, а она, горящая во всю длину, завалилась на него.

— Егор-р-р! — дико закричал Матвей и взбежал по лестнице на потолок, норовя помочь сыну. Но под ногами вдруг хрустнула доска, и Матвей провалился в избу, оставшись висеть на локтях. Он видел, как Егор начал было освобождаться от стропилины, но другие, горящие, одна за другой падали на него. А Матвей висел на локтях и не мог подняться, спасти сына. Свел локти и рухнул в избу.

Подоспевшие мужики раскидали с Егора стропила, сняли его по лестнице вниз, положили на снег. Матвей выскочил из избы к сыну, с которого срывали тлеющую одежду. Егор лежал, откинув голову, из виска на снег стекала кровь. Матвей, жена его Анна, две дочери, плача, пытались привести Егора в чувство. Но это им не удавалось. Они видели, как Егор открыл обожженные глаза, посмотрел на всех, как бы пытаясь зацепиться взглядом за родные лица, даже улыбнулся, и голова его бессильно откинулась, глаза остановились открытыми. Уже над мертвым сыном Анна непрестанно выла, запрокидывая голову. Дочери обнимали ее, прижимали к себе, пытаясь остановить вой. Матвей сидел на снегу и остановившимися глазами глядел в умершие глаза сына.

Анна вдруг перестала выть, посмотрела внимательно на Матвея и сказала:

— Ты, это ты все. Это нам за крещение.

Вокруг семьи Матвея собирались люди.

В день похорон в поселение прискакал верхом Степан Самойлов. Его послали уточнить, как собираются хоронить Егора, по старому мордовскому обычаю, или как новокрещеного. Мать Анна наотрез отказала хоронить по-христиански.

— Мы еще не успели полюбить новую веру, потому не станем отступать от того, как делали наши матери и отцы. Будем хоронить по-своему, по-привычному.

И Матвей согласился с женой.

Хоронили Егора из своей обгоревшей с проломленным, кое-как заделанным потолком, избы. Родственницы, соседки помыли, поскребли полы, лавки, столы, жарко натопили просторную печку. Тело покойного обмыли, нарядили во все новое, еще ни разу не одеванные рубашку, штаны, суконную обувь. На подоконник поставили воду в горшках. Верили, что душа умершего по выходе из тела должна омываться водой.

Как принято, в похоронах участвуют все родственники покойного. А родственниками были в поселении двор под двор, каждая семья. Женщины повязывали свои головы белыми холстами так, что концы от повязок достигали пяток. Все несли с собой продукты и деньги, кто сколько мог.

Мужчины делали гроб. Для этого принесли толстый, высушенный сосновый комель, раскололи его пополам, и топорами выдалбливали в каждой из половинок углубление. Другие мужчины с утра отправились копать могилу. Матвей сам их повел на лесное кладбище, указал место, где копать, и размеры могилы. Трем опытным плотникам поручил сделать на дне могилы склеп: стены отынить и верх перекрыть дубом.

Гроб с телом покойника вплоть до кладбища несли мужчины, а женщины пели молитвы и причитания. При выносе умершего взяли с собой хлеб, соль, пироги, блины, платок и чашку с кружкой, полотенце, нитки. Все это отдавали первому встречному на пути к кладбищу — это чтобы на том свете душу покойного встретили так же хорошо, как на земле встречают первого попавшегося прохожего.

Когда гроб несли по деревне, то несколько раз останавливались у

жилищ родственников и соседей, которые выносили на улицу стол с хлебом и солью, прощались с покойником.

Кладбище располагалось на поляне в лесу, около воды, по берегу ручья.

В давние времена жители этого поселения, да и многих других мордовских поселений, хоронили совсем по-другому. Гроб с телом покойного не опускали в землю, а привязывали к четырем березам. Такое захоронение считалось воздушным. Люди верили в то, что души умерших воскресают в деревьях, и деревья почитались как божества плодовитости, из которых произошли все существа. Но давно уже в поселении так не хоронили.

Матери Анне представлялось, что если захоронить сына на деревьях, то она будет приходить к нему, быть рядом с ним, сколько ей захочется. Потому она уговаривала Матвея:

— Ну, уступи ты мне, Матвей, сына. Раз люди родились на деревьях, то и хоронить их надо там же. Ты ведь знаешь, что душа сына нашего примет образ птицы, и ей легче будет навещать нас. Это ведь не из-под земли ей высвобождаться.

Матвей угрюмо отмалчивался, понимая всю боль и скорбь материнскую. Но ушел в прошлое обычай захоронения на деревьях. А ушел — так что ж к нему возвращаться, пусть сын лежит в сырой земле в одном ряду с родственниками. Чего ж теперь...

Было принято, что после погребения во дворе разводили большой костер, вокруг которого обносили поминальные блюда и в котором сжигали пряди волос, остриженные с головы или бороды поминаемых.

Но Матвей и Анна не пожелали разводить костер. Они не могли смотреть на огонь, который отнял у них сына.

А перед вечером в поселение приехали отец Питирим, отец Алексей, станичный атаман Василий Самойлов. Они поговорили с Матвеем, усадили его в сани и поехали на кладбище. Там Питирим и отец Алексей прочитали заупокойную молитву над свежей могилой. Питирим подал Матвею крестик, попросил:

— Зарой, пока земля не смерзлась. Своей рукой зарой. Все же крещеная душа, упокой его Господи.

И когда Матвей сделал так, как просил Питирим, все вместе они сели в сани, пустили лошадей шагом.

— Три дня как крестили, и вот... — глубоко вздохнул Питирим. — Да, я понимаю, многим наше дело противно, будут и злобствовать, будут и мстить. Значит, нам, священникам, надо осторожно подходить к крещению, не торопить, выжидать, когда люди духовно созреют к этому. Не силой, тем более, а ласковым верным словом, убеждением надо действовать.

— Только так, только так, — кивал головой отец Алексей. И ему вторил Василий.

8

В середине Великого поста, когда санный путь еще не тронули предвесенние оттепели, к Питириму приехала гостья, родная сестра Екатерина. Питирим совсем не ожидал такой встречи, одновременно обрадовался и растерялся, и засмущался перед сестрой. Обнялись, троекратно расцеловались, глядя в глаза друг другу, поглаживали по щекам.

— Катенька, неожиданная радость для меня какая. Как ты так решилась. Путь-то какой долгий, да еще по зиме. И не предупредила.

— Прокопушка, — назвала Екатерина брата так, как звала в детстве, и тут же поправилась. — Питиримушка. Дорога к любимому братцу утомительной не бывает. Исхудал-то ты как, братец ты мой. Что, совсем плохо на чужой-то стороне? Или домой поедем? С тем и ехала, спросить тебя. Может, похлопочешь перед высшими начальниками в Москве, да и поедем с тобой к родным причалам.

— Нет, Катенька, она мне уже не чужая, она мне все больше своя, сторонушка-то эта. Дел много, сестра, никогда не думал, что на окраинах Руси столько дел еще предстоит совершить русскому человеку. Окраина Руси. Посмотрела бы ты, Катенька, какие здесь просторы, степи какие, леса, реки. Да что я говорю, посмотришь в ближайшие дни и сама полюбишь то, что полюбил я. Какое великое будущее ожидает этот край. Великое будущее. Главное, веру надо крепить нашу православную. Под покров нашей веры христиане придут и освоят эти просторы. Иной раз глаза закрою и явно вижу, какие грады и деревни богатые возрастут на этой земле. Нам, русским, православным, есть к чему стремиться, нам есть что созидать.

Постепенно Питирим пересказал сестре все, чем занят, чем озабочен. Екатерина вслушивалась в слово брата, вглядывалась в его лицо, в его вдруг помолодевшие и с искоркой черные глаза. Она бережно и тепло возлагала руку на его волосы и поглаживала по ним, а он от избытка ответного тепла брал ее руку, зарывался лицом в ладонь, легко целовал ее.

— Есть у меня, Катенька, пока потаенная мысль. Что ты мне ответишь на то, если останешься здесь, у меня, и вместе мы начнем строить женскую обитель. У меня в мечтах это залегло. Но мне нужна расторопная помощница. Я тебя не тороплю с ответом, но когда ты уразумеешь, где тебе быть, тогда и скажешь мне.

В отдельной комнате Питирим писал собственноручно иконы. Повел в ту комнату сестру. Снял с работ холсты, молча отошел в сторонку, давая возможность сестре вглядеться в полотна. Екатерина не торопилась говорить, стояла перед иконой сурового с пронзительными глазами неведомого ей служителя. Спросила:

— Что-то раньше не доводилось мне видеть лика такого. Кто же это, брат?

— А это Митрофан Воронежский. Епископ. Он старше меня, мудрее. Летом побывал у меня. Это с ним мы выбрали место под Иоанно-Предтеченский монастырь в лесу над Цной. Он и благословил это место, благословил и меня на постройку монастыря.

— Умный. Как проницательно глядит, в самую душу.

— Как думаешь, понравится Митрофану портрет?

— Еще б не понравиться. Серьезный. Достойный человек.

Питирим остался доволен такой щедрой оценкой его работы.

Екатерина перешла к другой картине. Спросила:

— А это ведь чудотворная икона Казанской Богоматери? Распятье Спасителя с Богоматерью и Иоанном Богословом? Ты, брат, их писал уже, помнится мне. Или я что не так поняла?

— Все так ты поняла, сестра. Только вот покоя мне не дает эта моя работа. Какой раз уже переписываю. Все-то мне кажется, что-то не доделал, не дотянул. Не знаю, остановлюсь ли на этой работе. Или продолжу. Размер мал. Надо бы раму делать, заполнить ее новым деревом и писать

в другом размере. Пока не нашелся опытный мастер для этой иконы. Работа уж особо тонкая. Надеюсь, найду. Один из учеников моих режет по дереву изящно. Приглядываюсь к нему. Скоро задам ему работу. Пошлю для начала по храмам монастырским посмотреть, как выполнены иконостасы, как работают мастера, готовя икону под писание. Надеюсь, со временем тонко будет мастерить.

— Дай-то Бог своего иконных дел мастера иметь.

И уже пару дней спустя Питирим и Екатерина, с ними послушник Нафанаил, келейник Питирима Иннокентий вышли на берег Студенца, в устье его, определяться с местом для будущей обители.

Питирим самолично уже до этого выхода исследовал место, оно ему пришлось по душе тем, что лежит в прямой от холма на берегу Цны, где он определил ставить кафедральный собор с отдельной колокольней и иные епархиальные постройки.

— И вознесутся главы кафедрального собора и храма женской обители, вознесутся так, что будут видеть один другого, будут переговариваться наши колокола. Благодать, благодать снизойдет на это место, — восторгался Питирим, вглядываясь в мартовскую синеву, опустившуюся на полудневный солнечный простор полей и леса.

— Что ж, место ровное, от воды удаленное, — раздумчиво оглядывал местность Нафанаил. — Подходы и подъезды открытые. За лето поставим кельи для будущих монахинь, трапезную с внутренней церковкой, пару сараев, постройку для нескольких лошадей. А потом уж за храм примемся.

Разыгралась метель. На работы в лес ученики Питирима не вышли. Стали готовить келью к беседе. Екатерина прошлась щеткой по потолку, по стенам, смахнула копоть, вымыла полы, поскоблила их косырем, отчего сосновые доски обновились, проявилась на них свежая желтизна. Расстелила домотканые дорожки.

Топилась печь. Перед иконами теплился огонек лампады. Питирим пересматривал духовные книги, делал пометки. Ученики пришли дружно, расселись по лавкам, кому не хватило места на лавках, те сидели на полу.

Ветер замахивал в трубу, отчего печка дымила. Открывали дверь, впуская свежий воздух. Тогда поленья в печке вспыхивали, дружно, с гудом горели.

Питирим благословил учеников, прочитал короткую молитву:

— Творец и Создатель, Боже! Ниспошли на нас благодать Духа Твоего Святого, дабы постигали мы мудрость Твою во имя Твое и на пользу Отечеству.

Положил открытую книгу рядом с горящей свечой, тихо заговорил:

— Послушайте же мою короткую проповедь во имя нашей православной церкви. Творческий труд во славу Воплотившегося Господа, терпеливое страдание и стояние за Истину есть Торжество Православия. Многие люди жаждут служения Господу: одни принимают постриг, ищут и находят обители, другие окормляют паству, несут службу в храмах, — и все это есть принесение себя в жертву Христу, есть то же самое Торжество Православия. И чем больше будет таких драгоценных Торжеств Церкви не только с амвона в праздничные дни, но и в повседневности, тем больше будет торжества в каждом православном христианине через исполнение Христовых заповедей.

Основа для всякого крещеного человека — это труд ради Христа. На

том маленьком кусочке Вселенной, за который ты отвечаешь, наведи порядок во славу Господа. Расчисть это место в душе твоей, и ты приготовишь это место для того, чтобы на нем появилось, крепко стало знамя Торжествующей Церкви, ее хоругвь — Крест Господень, Непобедимая Победа!

Церковь корнями своими пьет воду с апостольских глубин.

Церковь не учит нас просто становиться хорошими людьми — хотя и этому тоже. Это все азы. Наша Церковь учит нас любить личность Господа нашего Иисуса Христа. Бог остается неохватным, и храм не вмещает Его, но имя Божие пребывает и живет в храме, и очи Господни открыты на это место день и ночь, и для связи Бога и человека устанавливается особое место, именно для этой связи посвященное. Только для нее одной.

Первый киевский священник, грек Михаил, а вместе с ним и Великий князь, начали печься об обучении грамоте и подготовке на Руси священников. Для этого митрополит Михаил советовал Владимиру устроить училище на утверждение веры и собрать детей в научение. И Владимир повелел брать детей знатных, средних и убогих, раздавал их по церквям священникам-сопричетникам в научение книжное. Как видите, то делаем и мы ныне, и будем делать впредь. А теперь послушайте то важное, на что хочу обратить все ваше внимание. Послушайте:

«Премудрость светла и неувядающа и легко созерцается любящими ее. С раннего утра ищущий ее не утомится, ибо найдет ее сидящею у дверей своих. Помышлять о ней есть уже совершенство разума, и бодрствующий ради нее скоро освободится от забот, и начало премудрости есть искреннейшее желание учиться.

Я полюбил премудрость более здоровья и красоты, и избрал ее, ибо свет ее неугасим.

Бог даровал мне истинное познание существующего, чтобы познать устройство мира и действие стихий, начало, конец и середину времени, смены поворотов и перемены времени, круги годов и положение звезд, природу животных и свойства зверей, стремление ветров и мысли людей, различия растений и силу корней. Познал я все сокровенное и явное, ибо научила меня премудрость — художница всего.

Она прекраснее Солнца и превосходнее сонма звезд, в сравнении со светом она выше, ибо свет сменяется ночью, а премудрость не превозмогает тьма».

Премудрость. Она — основа нашей веры. Постигая ее, вы приближаетесь к Господу Богу. Я только что прочитал вам из «Книги Премудрости Соломона». Открывайте Библию и читайте о премудрости. Читайте раз, другой, третий, десятый. Читайте, впитывайте в себя.

Питирим закрыл книгу, задумался сам и давал возможность ученикам принять в себя только что произнесенное им слово о церкви и премудрости.

Ученик донского прихода Иван Караулов нарушил молчание, спросил:

— Батюшка Питирим, а благословишь меня и ученика Петра из лысогорского прихода на послушание в Иоанно-Предтеченский будущий монастырь?

Питирим молчал продолжительное время. Ученики затаили дыхание, ожидая его слова.

— Нет, отроки, не будет моего благословения вам идти в послушники

монастырские. Туда придут люди из мира на послушание, а ваша стезя — служение в храмах. У нас немного приходов, да и в тех священники уже не молоды, им пора замену подбирать. Вот вас я готовлю на эту замену. Вас ныне двенадцать, а через год-два потребуется дважды по двенадцать. А то и все три раза по двенадцать. Люди поехали с северных земель сюда. Будем храмы строить. Много храмов. В храмах проповедовать слово Божие, учить грамоте, песнопению. Большая работа предстоит. А вы первая опора Господа и моя. Ныне учу вас я, завтра уже вы будете учить молодых людей. У нас все впереди еще. Поэтому не задумывайтесь о монастырях, о послушничестве. Подойдет время ваше, и вы приобщитеськ монастырям. А пока нет, пока будете в приходах слово Божье продвигать.

Иван Караулов встал, припал к руке Питирима. За ним Петр из лысогорского прихода, за Петром приложились к руке ученики из Кузьминой-Гати, Бокино, стрельцов, пушкарей...

Екатерина приготовила кушанье, и Питирим пригласил всех к трапезе.

Прошли затяжные дожди, напитали снег водой. Он осел, сделался серым, тяжелым. В одну ночь небо очистилось, просветлело, и взошло яркое, чистое, теплое солнышко. Уже к полудню по низинам, по лощинам забулькала полая вода. День за днем она накапливалась, переполняла берега, устремлялась по склонам к рекам. И реки вздулись, подняли лед все с вмерзшими в него кугой, камышами, осоками, прибрежными тальниками. Лед гулко ломался, льдины устремлялись по ускорившемуся течению, громоздились, снова ломались и плыли, плыли дальше, подталкивая и подгоняя друг друга. Реки чистили, углубляли свои ходы-русла, уносили все, что выросло за прошлое лето под водой и что поднялось над водой, чтобы в новое лето войти чистыми, быстрыми и глубокими.

Весь пост во всех приходах шли предпасхальные службы. Питирим сам и ученики его почти не выходили из храмов, продолжительными службами начинали и кончали каждую неделю Великого поста. А в середине Страстной недели почувствовал себя нездоровым: в руках, ногах оживала мелкая дрожь от навалившейся слабости. Кружилась голова, подташнивало. Решил уединиться на денек в своем теперь еще больше полюбившемся лесу под Тамбовом, на взгорке и поляне, где накопили лес для строительства храмов. Взял с собой сестру Екатерину и поехали, запетляли по лугам, объезжая ложбины, наполненные водой. Грело солнце, искрились воды в его свете, высоко в небе трепетали жаворонки, захлебываясь радостными весенними трелями. Со свистом крыльев на воду садились стаи прилетевших с юга уток. Чистились, охорашивались на широких водах дикие гуси. И было безветренно, так безветренно, что, казалось, жизнь замерла, остановилась навечно на этом благодатном райском дне.

На поляне распрягли лошадь, поставили ее к сену, набитому в повозку. Екатерина пошла по поляне, наклоняясь над пробивающимися из земли первоцветами. Питирим отдыхал, сидя на сосновом оструганном бревне, подставлялся солнышку. Вскоре снял с плеч теплую одежду. Оглядывал штабеля бревен, прикидывал, просчитывал, сколько и куда потребуется их, и по подсчетам его получалось, что на большинство его задумок материала хватит. Ну, если самую малость надо будет прибавлять следующей зимой. Теперь, главное, набрать артели плотников. С мордовскими плотниками отношения почти не налаживались. После пожара в поселении и гибели Егора плотники сделались замкнутыми, на разговор

не шли, отмалчивались, уводили глаза в сторону. Даже Матвей — и тот стал другим, малоразговорчивым.

А коли так, то придется ему, Питириму, ехать в северные монастыри, в шацкое верхоценье и набирать плотников там. Деньги для найма мастеров накопились за зиму, не сказать, что щедро и густо несли тамбовские купцы подаяние, но и не совсем пусто было в епархиальной казне, есть чем заинтересовать плотников.

— Питирим, напрасно одежду скидываешь. Это тепло обманчивое, из глубокого леса вон как холодком повевает, там снег еще лежит. Простыть недолго. Оденься.

Екатерина стала набрасывать на плечи брата теплый кафтан.

— И то, Катенька, ты права, весеннее тепло — оно обманчиво.

— О чем мысли твои? — спросила Екатерина, садясь рядом с братом.

— О чем же мои мысли, все о том же, о строительстве. Леса накопили, а мастеров знатных нет. Мордовские плотники замкнулись, ума не приложу, как их наставить на работу. Подумываю вот: а не поехать ли мне в северные наши монастыри, не поискать ли там среди монашествующих мастеров искусных в храмовом строительстве. Возьму с собой Нафанаила, ему знакомые места, сам-то он из Саровского монастыря, с плотниками хаживал в Рязань и Владимир ставить храмы. Если ехать, то сразу же после Светло-Христова Воскресения. Лето — оно долгое вроде бы, но оно и короткое, когда столько дел намечено.

— Питирим, — после долгого молчания предложила Екатерина, — а не пойти ли мне в этот Пчеляй, в это мордовское поселение. Побуду у них, с женщинами поговорю, глядишь, и налажу их на то, чтобы они мужей послали храмы делать. Жены, матери знают, как мужей да сыновей настраивать. Думаю, нелишним будет мой поход к ним.

— Может, и так, сестра, может, ты и права. От настроя женского многое в семьях зависит. А что ж, завтра можешь ехать с Иннокентием. Он дорогу туда знает. И людей многих там знает. Рек вам не переезжать, все на одной, на правой стороне от Цны. Что ж, попытать можно.

Условились, что на следующий день Екатерина с Иннокентием поедут в Пчеляй.

— Каково теперь у нас там, на родине? — спросила Екатерина.

— Скучаешь?

— Не то чтоб скучаю, а нет-нет да увижу во сне. И мамушку с батюшкой иной раз увижу, царствие им небесное, — Екатерина и Питирим помолились за упокой родителей.

— Мне тоже иногда взгрустнется, вспомню монастырь, монахов, и думаю: хватит ли сил моих и здоровья здесь настроить подобное.

— Бог пошлет и сил, и здоровья, — сказала рассудительно Екатерина. — Глаза боятся, а руки делают. Все осилим, Питирим. Ты держись, брат, не поддавайся болезням.

Питирим развел костер. Екатерина готовила постный пшенный луковый суп.

9

Начало строительства храма Иоанна Предтечи освящали на Красную Горку. День выдался радостный, веселый. Легкий ветерок играл в появившейся зелени берез. Пели первовесенние лесные птицы. Искрилась светло-золотой рябью утихомирившаяся вода в Цне.

На чин освящения храма прибыли священники, диаконы храмовые и монастырские, послушники.

Поляна по самые кромки леса наполнилась нарядно одетыми людьми: казаки из Тамбова и окрестных станиц с женами, детьми стоят отдельными группами; плотной толпой стоят принявшие крещение мордовские и татарские поселенцы, купцы, иной работный люд. Черные кафтаны, белые рубахи на мужчинах, цветастые, красные платки, белые, украшенные цветными лентами наряды на женщинах, — все это превратило поляну в радостный гомонящий цветущий остров среди вековечного леса.

Под будущим алтарем выкопали яму для закладного камня и вторую яму для креста на месте престола. Приготовили дубовые бревна для нижних венцов.

Питирим облачился в мантию, епитрахиль и омофор и пошел к месту закладки храма в сопровождении церковнослужителей. Перед ним шли два дьякона с кадильницами, священники с крестом, клирошане, поющие стихиры святому Иоанну Предтече. На месте закладки заранее был поставлен стол, положены на него Евангелие и Крест. По чину, Питирим провозгласил: «Благословен Бог наш...» Во время пения тропарей прочитал молитву:

— Господи, Боже наш, на сем камне создается Тебе Церковь...

Попросил Господа, чтобы Он соблюл основателей храма невредимыми и основания храма незыблемыми. Взял в руки приготовленный, обтесанный с четырех сторон камень, прочитал над ним молитву, окропил святой водой:

— Основывается церковь сия во славу Великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, в честь и память святого Иоанна Предтечи, во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Начертав камнем крест, заложил его в основание алтаря. Совершив водоосвящение и благословив елей, окропил святой водой место будущего престола, поставил деревянный крест, прося Господа, чтобы Он благословил и освятил место это силою и действием Честного и Животворящего Креста для изгнания демонов и всякого супротивного, сохранил и место, и дом сей, и живущих здесь.

Плотники уложили первое бревно. Питирим трижды ударил топором по бревну, произнося слова:

— Начинается дело сие, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, в честь и в память святого Иоанна Предтечи.

Окропил бревно святой водой.

Закончив чин закладки, Питирим произнес слово, в котором разъяснил значение для верующих храма Божьего, призвал присутствующих к активному участию в построении храма своим трудом и средствами.

— А теперь соблюдем чин, потрапезничаем.

Направляемые Екатериной молодые парни и девушки понесли собравшимся людям стопки блинов, намазанных медом, сладкую воду, крашеные яйца.

Люди садились в круг на бревнах, стояли возле телег, сидели на раскинутых рогожах. Доставали свои кушанья, раскладывали их тут же. Выпивали вина, настойки, медовую брагу, закусывали пирогами, куличами, ветчиной, солеными огурцами, квашеной капустой, отварным и обжаренным мясом гусей, уток, кур. Женщины, ребятишки шелушили и ели крашеные яйца, запивали кто молоком, кто сладкой ягодной водой.

Кузьмина-Гатьевские казаки, их жены, сестры, дети сидели тесным

кругом. Василий пригласил проходящего среди людей и благословляющего их Питирима потрапезничать с казаками. Питирим благословил, пожелал:

— Мир вашему застолью.

Присел возле Василия.

Заговорили о стройке, о людях, о плотниках.

— Отец Питирим, говори, сколько надо тебе казаков с тяглом, но не более чем на две недели. В поле надо будет выходить нам, пахать землицу под посевы. А две недели поработаем. Со среды и начнем. Наши подъедут в среду. Какую работу определишь им?

— Если с тяглом, то лес отсюда надо будет доставить в Тамбов, на место строительства новой женской обители. Забор будем ставить там да десяток келий для монашек. А как здесь храм завершим, так начнем там ставить. Хорошо бы до холодов два этих храма сработать.

Питирим заметил, как на него зорко, отрывисто взглянула девушка в темной одежде, дочь Василия Елена. Он отметил, какая бледность легла на ее лицо — щеки и губы.

— С мордвой как, договор есть? — спросил Василий.

— Сестра моя, Екатерина, поехала к ним в поселение, дня три там пробыла, с женщинами беседовала, а после ее посещения мужики совсем другими стали, разговаривают, работой интересуются.

— Оно так уж у всех нас ведется, что у мордвы, что у казаков — ночная кукушка перекукукает на свой лад.

Питирим попрощался с казаками, стал обходить других гостей. Он заметил, как за ним неотступно следует дочь Василия. Подошла, попросила:

— Батюшка Питирим, я дочь Василия Самойлова, атамана казачьего из Кузьминой-Гати. Еленой меня зовут. Я услышала про женскую обитель в Тамбове. А меня вы благословите в обитель? Я очень и очень прошу вашего благословения.

Питирим знал, что у девушки погиб в огне жених, Егор. Он не мог сразу ответить Елене ни да, ни нет.

— Оставим, дочь моя, разговор этот до следующего раза. Скажу прямо, без благословения твоих родителей я своего благословения не дам. Сведу вас с сестрой моей, Екатериной, вы пообсудите с ней твое желание, а там Бог вразумит всех нас. А пока не обессудь меня.

Питирим поклонился девушке, она поцеловала его руку и пошла к своим.

Артель плотников да к ним подсобников набралась в три десятка человек. Прежде чем приступить к работам, Питирим привез свернутым в трубку большой лист бумаги, на бревнах постелили рогожу, на рогоже раскатали лист. Присутствующие обомлели: перед ними на листе бумаги во всей красе был нарисован храм. Темно-желтые стены на фоне зеленого леса, выше леса, будто плывущие в синем небе, глава храма и глава колокольни, поднятой над входом. С одного и другого бока храма приделы с небольшими главками, увенчанными крестами.

— Аккуратный какой, скромный храм, — с придыханием произнес один плотник. За ним заговорили другие:

— Это что же, батюшка, такой храм мы выстроим?

— А сумеем ли?

— Как, Нафанаил, сумеем? — спросил Питирим.

— А что ж тут мудреного, храм как храм, не дюже богатый. К Успению Пресвятой Богородицы будет стоять, будем службу справлять в нем, — ответил Нафанаил.

Питирим благословил плотников и подсобников. Не торопясь, степенно они принялись за работу.

Мордовские плотники оказались отменными мастерами. Бревна в венцы ложились плотно, между ними простилали сухой мох. Заспорили было, из чего — из сосны или дуба делать шипы для посадки бревен. Матвей сказал коротко:

— Только из дуба.

— Почему не из сосны?

— Дубовые шипы влагу не приемлют, потому не раздаются, да и стоят долговечней сосновых.

Подогнав бревно в углах, простелив под ним мох, осадив его на шипы, Матвей похаживал вдоль, простукивал обухом топора вдоль всей длины, приглядывался, как оно село на нижнее бревно. Если что-то его не устраивало, замечал излишне широкую щель, то подчеркивал это место и приказывал бревно снимать.

Даже Нафанаилу такая придирчивость Матвея не нравилась.

— Да ведь моченцем еще подбивать по пазам будем, заполнятся все щели.

Матвей не отвечал ему, а топором сам правил снятое бревно, поправив, заставлял укладывать на место. И если щель сводилась на нет, оставался доволен, шел проверять другое бревно.

Решили, чтобы не уезжать на ночь по домам, тут же поставить несколько изб. И на это дело занарядили еще шесть человек. Сложили каменку. На ней пекли хлебы, варили сливные каши, щи, уху. Постепенно место строительства обживалось. До полусотни человек в иной день садились за обеденные бревенчатые столы.

Питирим радовался такому началу. С удовольствием благословлял людей ранними утрами на долгий рабочий день. Жил почти безвыездно со строителями.

Молиться Питирим уходил под берег Цны. Там среди тальников у него было укромное местечко, из которого просматривалась река. Молился, оставался в долгих раздумьях о делах епархии. Пока вроде бы все шло так, как он планировал. Дружно поднимали стены храма. Пора было готовить церковную утварь, отряжать за ней кого-то в саму Москву. Заодно накопилось много бумаг для патриарха, главное, ходатайства о наделении будущих монастырей и приходов землей и лесом.

Женская обитель в Тамбове под управлением Екатерины тоже не отставала в строительстве келий для монахинь. Уже более дюжины послушниц вместе с Екатериной постоянно проживают в обители. А как поставят плотники храм Предтечи, так сразу же пойдут в женскую обитель ставить храм.

Не все получалось с крещением мордвы и татар. Но некрещеные стали приглядываться к тем, кто окрестился. Надо бы земли выделять побольше для вновь обращенных в православие, но опять дело становится за Москвой. Ехать туда надо, ехать...

Мысли, раздумья Питирима прервал появившийся атаман Василий Самойлов с дочерью Еленой. Поприветствовав Питирима, Василий сел около него, похваливая плотников:

— Подъехал, увидел, как стены подняли, душа возликовала. Ловко ставят.

— Ты, Василий, как здесь, за казаками пришел? — спросил Питирим.

— Нет, пока нет. В Тамбове были с Еленой, а на обратном пути, думаю, дай-ка взгляну на новый храм. Подъехал, посмотрел, с казаками поговорил, а они мне и сказали, что ты здесь, возле реки где-то. Не уеду же, не повидавшись. А казаки еще пусть поработают. На следующей неделе часть заберу, а часть оставлю. Которые останутся, мы их землю миром вспашем и засеем. Так круг порешил.

— Благодарствую, Василий, благодарствую.

Василий поглядывал в ту сторону, куда ушла Елена.

— Тоскует дева? — спросил Питирим.

— Да как тоскует-то. Сама не своя вот уже около полугода. Кровь хоть немного стала к лицу возвращаться. А веселья нет как нет. Заладила: в монастырь уйду. Ты уж помогай мне, отец Питирим, вместе отговорим ее.

Увидев подходящую к ним Елену, перевели разговор на иное.

Елена подождала, пока отец с Питиримом поговорят, а когда кончили они говорить, сказала тихо:

— Отец Питирим, сон мне был. Вижу Егора, мордвина, с которым к венцу условились пойти. Сгорел ведь он на пожаре. И говорит он так: жарко мне, горячо мне, поливай меня водой источниковой. А я не знаю, где источник, спрашиваю его: а есть ли здесь он поблизости? Егор указал: иди прямо, вот за этими зарослями источник малый схоронился, возьми из него воды и подай мне. И правда, за зарослями источник нашла, набрала воды в берестяночку и подала Егору, он пьет и на себя поливает. Я ему еще и еще воды подаю. А он нежится под студеной водой, спасибо мне говорит.

С того дня я все думаю, где же он, источник этот. А вот пришли с батюшкой сюда, гляжу, где мы находимся, а место то же самое, что приснилось мне. Эти вот заросли. Я зашла за них, а там бочажинка. И подумалось мне: а не этот ли источник будет, из которого Егора я спасала от жара?

Питирим и Василий переглянулись, поднялись:

— Пойдем-ка взглянем, что ты там нашла.

Елена повела их к бочажине. Увидев воду, они оба вроде бы разочаровались.

— Это не источник, — сказал Василий.

— Подожди, подожди, — остановил его Питирим. — Весенняя вода уже повысохла в бочажинках, а эта, гляди, свежая, по самые края.

Склонились над водой все трое.

— Ой, глядите, глядите сюда, под корень под этот глядите, — воскликнула Елена. — Видите, из-под корня течение в глубине. Глядите, песчинки переворачиваются. Как живые.

— И верно, гляди сюда, Василий, видишь, вода-то еле-еле движется.

— Верно, отец Питирим, движется. И песчинки ворочаются. Слабенько так, но и правда, как живые.

Сидели возле бочажины, смотрели в еле заметное движение воды.

— А как иначе, река все воды собирает в себя, сколько на ее пути в берегах, родников-то. Все в нее воду отдают, потому и полная она круглый год, а не только весной. И эта водица... Еле-еле пробивается, а хоть каплю свою малую, а реке отдает. Так уж устроено все Создателем, — говорил Василий.

Питирим помалкивал. И только когда Василий с дочерью собрались уходить, сказал Елене:

— Вещий сон твой, девушка. Сам Господь послал мне тебя сегодня. Благодарение Ему и тебе мое и почтение. Храни вас Создатель.

На второй же день, не мешкая, Питирим приехал из Тамбова и, никому ни слова не говоря, отправился к найденному источнику, прихватив с собой заступ, лопату, топор. На месте он расчистил заросли вокруг бочажины, стал копать под корни, выворачивая и обрубая их. Вода сделалась мутной.

Устал, отошел, настелил срубленные кусты, присел отдохнуть на них. Тянуло к воде, как там, что там? Встал, подошел: поднятая им муть еще не совсем осела, но по ней, по мутной пролегла извилистая дорожка чистой воды, устремляясь к краю бочажины. Переливаясь через край, вода впитывалась в землю.

— Работает, работает источничек. Вон как отделил чистую воду от мутной. Благодарю тебя, Господи, за щедрость твою несказанную, — встал на колени и молился над источником Питирим.

Чтобы не отвлекать людей от стройки, Питирим в свободное время вытесывал дубовые плахи, готовил сруб для колодца. Натесав, зарезав углы, переносил плахи к источнику, собирал сруб на воде, влазил в него, вычерпывал воду с песком, углублял и углублял колодец.

За этим занятием застал его келейник, привезший Питириму из епархии бумаги.

— Э-э-э, батюшка, так дело не годится. Вода-то родниковая, а ты в ней босой. Долго ли остудить ноги, да и все внутренности. Нет уж, изволь, бери мужиков, и пусть они на смену копают. А одному — это дело гиблое. Так нельзя.

Над колодцем установили барабан с веревкой. Бадью опускали в колодец барабаном. Накладывали в нее грунт, поднимали наверх. А сруб, который уходил в колодец, все наращивали и наращивали. Воды в колодце делалось все больше и больше. Ее уже не успевали отчерпывать.

— Остановимся на этом, — сказал Питирим. — Собьем из плах деда — сундук такой — и опустим его на дно, наберем вдоль речки камешков и навалим в сундук, чтобы очищали воду.

Вода поднялась высоко, убегала из колодца сквозь щели. Прорезали квадратное отверстие в плахе, установили в отверстие желоб из дубовой коры, и вода побежала по желобу, поигрывая, серебряно переливаясь.

Вскоре источник освятили, отслужили над ним молебны благодарности живой воде.

10

Нафанаил не ошибся в расчете: храм Иоанна Предтечи освятили в день Успения Пресвятой Богородицы. На торжества приехал Митрофан Воронежский, привез в подарок новому храму икону «Крещение Господне», принял участие в службе, обратился к присутствующим с проповедью:

— Предтеча — это тот, который всего себя без остатка отдает Другому, Грядущему за ним! «Он пришел для свидетельства, — говорит апостол и евангелист Иоанн, — чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали через него. Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете!» Предтеча был тот, кто открыто указал миру на грядущего Христа: «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира! Ему должно расти, а мне — умаляться!» В этом добровольном, жертвенном умале-

нии себя пред Господом — весь подвиг Иоанна Крестителя! Это та необычайная высота, на которую только могло взойти человеческое естество!

Питирим принародно вручил Митрофану портрет. Митрофан принял дар, поднял портрет над головой, показывая людям работу Питирима.

Закончив церемонию освящения храма и праздничную трапезу, Питирим с Митрофаном уединились, прошли к реке, остановились у новоявленного источника. Митрофан с любопытством осмотрел источник. Вода сбегала по наклонному желобу, вытесанному в длинном дубовом бревне. Место, куда она падала с обрывчика, было выстелено дубовыми плахами. Под струей стояла дубовая кадушка. Непрестанно падая в кадушку, вода смеялась детским голоском, радуясь солнцу, лесу и людям, всему тому, чего она не видела под землей.

— Это и есть жизнь, — произнес Митрофан, указывая на бегущую воду. — С малого начинается, с рождения. И дальше — больше. Река. Море. Океан. Изведенный Моисеем из скалы источник струил не простую воду. Как там, в Ветхом завете? И возьми святой воды в глиняный сосуд, и омойся, и тело исцелится, и очистится. Брат Питирим, привез я тебе в дар и еще одну икону, список с иконы Божией Матери «Живоносный источник», — Митрофан извлек из сумы сверток, развернул его, подал Питириму небольшую икону.

— Поставь ее здесь, рядом с источником. И помолимся на «Живоносный источник». Что-то душа возжелала такой благодати.

— Вот уж угодил, вот уж угодил ты мне, отец Митрофан! — радовался Питирим подарку. Будто мысли мои читал издалека, будто думы мои слышал. Я озаботился о «Живоносном источнике». Сам список сделал бы, да сколько храмов наших осмотрел — нет ни в одном иконы этой, Матери Божьей «Живоносный источник». Намеревался уже в Рязанскую, Владимирскую епархии обращаться. А ты сам с ней явился. Хвала тебе, Господи!

Питирим внимательно рассматривал икону. Божья Мать изображена с сыном Иисусом Христом, с воздетыми в молитве руками в купели, из которой через отверстия истекают воды.

Митрофан тем временем говорил:

— Богоматерь есть Источник жизни, ибо от Нее произошел Христос, Путь, Истина, Сама Жизнь.

Икону закрепили на столбе, возвышающемся над колодцем.

— Завтра же сделаем полку и навес над иконой, — продолжал радоваться Питирим.

Митрофан предложил:

— Так прочитаем же молитву «Живоносному источнику».

Почерпем, человецы,
цельбы душам и телом молитвою,
река бо всем предтечет,
Пречистая Царица Богородица,
источающи нам чудную воду
и измывающи сердец черности,
греховныя струпы очищающи,
души же освящающи верных
Божественною благодатию.

Вместе они — Митрофан и Питирим — подошли к источнику, набрали в ладони воды и испили ее, благодаря Господа Бога за его любовь и милосердие.

Питирим приезжал из Тамбова, много времени проводил в молитве — то в келье, устроенной для него в храме Предтечи, то возле источника. В субботние дни к нему приходили его ученики, которых он в конце лета обещал отправить в храмы нести службу. Приходили и свободные от работы строители послушать Питирима, поговорить с ним, задать вопросы.

Вокруг источника положили бревна, ученики сидели на них. Питирим не имел привычки сидеть перед учениками — стоял или медленно прохаживался.

— Батюшка, посидели бы, отдохнули, что ж все на ногах и на ногах, — предлагали ученики.

— Мне удобно, — отвечал Питирим, — высоко, далеко видно, каждого видно. Не беспокойтесь.

На этот раз он вел заключительную беседу с учениками.

— Кому из вас что неясно, вы спрашивайте. Уйдете по храмам — там спросить будет некого. Только книга вам ответит на все ваши возможные вопросы. Но с книгами пока сложности, мало их. Так что обращайтесь, как только представится возможность. Самые действенные ответы — это не многословное объяснение, не пространный ответ на вопрос, а желательно точное повторение слов священных писаний. Слова в них коротки, но емки по смыслу. Над каждым словом можно долго думать и открывать для себя все новое и новое. Меня с детства приучили к краткости и произнесения на память того, что написано в книгах. То и вам советую делать. Нет книги — запиши высказывание и повторяй, повторяй его, пока оно не врубится в память, в душу. А теперь спросите, что вам надо. Не стесняйтесь показаться малознающим, стесняйтесь спесивости, созданной на незнании. Вас будут спрашивать о Боге. Отвечайте так:

— Существо Божие познать нельзя. Оно выше всякого познания не только человека, но и ангелов.

Без веры угодить Богу невозможно, ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, что он ищущим Его воздает.

Бог обитает в неприступном свете, которого никто из человеков не видел и видеть не может.

Бог есть Дух — вечный, всеблагой, всеведущий, всеправедный, всемогущий, вездесущий, неизменяемый, вседовольный, всеблаженный.

О благости Божией сам Иисус Христос сказал: «Никто не благ, как только один Бог». Апостол Иоанн говорит: «Бог есть любовь».

Архангел Гавриил говорит в Евангелии: «У Бога не останется безсильным никакое слово».

Иисус Христос говорит: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди их».

Предназначение человека состоит в том, чтобы он познавал Бога, любил и прославлял Его и благодаря этому вечно блаженствовал.

Один из учеников задал вопрос:

— Как Иисус Христос мог страдать и умереть, будучи Богом?

— Иисус Христос страдал и умер, будучи Богом не Божественной, а человеческой природой, и не потому, что не мог избежать страдания, а потому, что сам желал пострадать. Он сказал: «Я отдаю жизнь мою, чтобы опять принять ее. Никто не отнимет ее у меня, но я сам отдаю ее. Имею власть отдать ее, имею власть опять принять ее».

— Как избавиться от страстей и похотей? — спросили Питирима.

— Воздержанием от страстей и похотей и действиями, им противоположными. Например, если гнев возбуждает нас ругать врагов и делать

им зло, но мы противимся этому, вспоминая, как Иисус Христос на кресте молился за своих врагов, и начинаем молиться за своих, то таким образом мы распинаем страсть гнева.

— Будет ли нас судить Иисус Христос?

— Придет Господь, который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога.

— Когда будет суд Его?

— Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением, но долго терпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию. Придет же день Господень, как тать ночью. Бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын человеческий.

Питирим поднял одного ученика и спросил:

— Как читается молитва Господа?

— Молитва Господа читается так, — уверенно ответил ученик. — Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое. Да приидет царствие Твое. Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь. И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должникам нашим. И не введи нас во искушение. Но избави нас от лукаваго. Яко Твое есть царство, и сила и слава во веки. Аминь.

— Достаточно ли одной веры без любви и добрых дел? — теперь уже Питирим спросил ученика, который без запинки прочитал только что «Отче наш».

— Не любящий брата пребывает в смерти. Что пользы, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет. Может ли эта вера спасти его? Как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва.

— Похвально, — одобрил Питирим то, как на память ученик говорит слова из святого писания.

В монастырь прибыли первые опытные монахи из северных мест во главе со старцем Варлаамом. Всего пятнадцать человек. Варлаам был опытен в обустройстве монастырской жизни. Питирим вскоре возложил на него обязанности блюстителя монашеских порядков не только в обустраиваемом Иоанно-Предтеченском монастыре, но и в иных монастырях Тамбовской епархии. Варлаам засомневался:

— Не много ли доверяешь мне, батюшка Питирим? Годами я уже не молод, хватит ли резвости в ногах моих на такую громадину.

— Резвость ума, отец Варлаам, в помощь ногам твоим. Тройку коней, добрую кибитку и казака-кучера на козлы. Птицей полетишь по тамбовским землям. А если без шуток, то скажу так: много чего сделали мы за эти годы, теперь уже тамбовские просторы уверенно стоят на ногах нашей веры. Много храмов пекутся о духовности паствы. И теперь самое время закрепить то, что мы наработали. Монастырских насельников надо направлять, приводить к общим монастырским правилам. Главное, устанавливать стройность, правильность церковного богослужения. А кому я поручу наблюдать за порядками и правилами православной нашей веры, где у меня такой человек? Вот мне Бог и послал тебя, отец Варлаам. Послал опытного духовника, наставника. Тебе и нести такое послушание. А я в помощь тебе. Потому и прими мое благословение со смирением.

— Коль так дело просит, то благослови, батюшка Питирим, послужить вере нашей православной, провести в послушании остатные деньки мои, а если Бог даст, то и годочки.

— Вот и порешим так по промыслу Божию. Благословляю, отец Варлаам. А я дальше пойду. У меня впереди огромной важности дело. Задумал я возводить каменный епархиальный храм. Редкость пока в тамбовских местах каменные храмы. Но надо же когда-то и кем-то начинать это святое дело на века. Прошу твоего благословения, отец Варлаам, на столь немалое дело.

И благословили друг друга два духовника, два пастыря, два ревнителя веры православной.

— А что, отец Варлаам, верно ли то, что твои монахи искусны во внутренней отделке храмов?

— Не знаю, насколько искусны, а доводилось иконостасы резные ставить в храмах. Доводилось и стены храмовые расписывать.

— Что ж, похвально. У меня подготовлены несколько молодых художников, соединю их с твоими монахами, и создадим такую артель мастеров по отделке, росписи храмов. Нужное дело, необходимое, очень уж пока убого в наших приходах. Будем радость и блаженство в них поселять руками мастеров наших.

Порешив таким образом дела свои, сняв с себя часть нагрузки по надзору за храмами, Питирим вплотную занялся подготовкой документов, проектов, чертежей основного Тамбовского епархиального храма.

11

Осень и зима прошли в больших хлопотах. Готовили много материала для строительства епархиального храма. Из дальних и ближних мест подвозили кирпич, известь, краски. Питирим понимал, что без своего кирпичного завода ему не поднять всего задуманного. И он послал знатоков искать глину поблизости. Вскоре Нафанаил и Матвей принесли ему глину с западных отрогов Тамбова.

— Мы не мастера кирпичных дел, но вот эти глины, кажется, в самый раз для кирпича, одни в меру жирные, другие в меру тощие. Надо бы испытать их.

Отрядили две подводы, привезли на них глину, замесили ее в теплом сарае, разложили в приготовленные деревянные клетки, поставили на просушку. Наблюдали, ощупывали подсыхающие кирпичи. На одних образовались трещины — это кирпичи из особо жирной глины, другие подтачивались, с них сыпался песок — это кирпичи из тощей глины. Соединили одну глину с другой, еще раз замесили и разложили по клеткам. Смесь дала хороший результат, кирпичи не трескались и не осыпались. Десятка два таких подсушенных кирпичей заложили в печь так, чтобы между ними были продыхи, обложили дровами и стали печь топить, обжигать кирпичи. Пожгут, пожгут, вытащат пару кирпичей, остудят их и осматривают. Вроде бы неплохо смотрятся, а в глубину не прожжены. Еще и еще жгут дрова. Наконец удовлетворились: кирпич красный, звонкий, прожжен во всю глубину.

Там же, на отрогах стали ставить сушильные сараи, печи для обжига кирпичей. И с первыми теплыми днями печи задымили, а вскоре на стройку стали завозить кирпич собственного производства.

К храму еще не приступали, а уже на берегу Цны, недалеко от крепостного тайника, построили каменный флигель для монашествующих, погреба, конюшню с каретным сараем, кладовую.

— Не много ли взвалил на себя, отец Питирим? — спросил казак-писарь Микола.

— Микола, город уже растет и будет расти. Храмы деревянные недолговечны. У меня на родине давно строят каменные храмы. И здесь будем строить каменные. Видишь, кирпичик своего изделия как густо пошел. Храм поставим такой, чтобы всем в нем места хватило. И через полвека, и через века чтоб всех жаждущих удовлетворил, окормил духовной пищей.

Испросив благословение Святейшего Патриарха Иоакима, Питирим приступил к строительству собора на месте старой деревянной Спасо-Преображенской церкви. По его задумке собор должен был быть одноэтажным. Но во время богослужения в день памяти святителя Николая в старом деревянном храме в присутствии верующих замироточила Казанская икона Божией Матери. И это событие вдруг как бы открыло глаза Питирима, он увидел храм во всем его величии: собор представился ему сердцем Тамбовской земли и символом укрепившегося православия на землях, которые совсем недавно назывались Диким полем. И он изменил план строительства. Собрал артельщиков и представил им новые чертежи:

— Господь сподвиг меня к новому решению. Будем строить двухэтажный храм, для чего в нижнем этаже пробьем еще окна, сведем своды над алтарем, а в задней четверти сделаем ползучие своды для лестницы, в южном же приделе устроим иконостас в честь святого Николая. Первый этаж будет отапливаться.

— Однако, — задумался Нафанаил. — Что-то даже робь берет при мысли одной. А главы, батюшка Питирим, какое расположение будут иметь, как обозначено на чертеже?

— Может, и не совсем по чертежу. Будем решать по нашим возможностям. Но скажу так: два купола означают два естества — Божеское и человеческое в Иисусе Христе. Три купола — три Лица Святой Троицы.

Питирим не уходил со стройки. Он был всем — архитектором, организатором работ, рабочим. Сам втягивался месить раствор извести, таскать кирпичи, даже научился укладывать их в стены. Радовался:

— Вот еще Ефимушка научит меня углы заводить да своды каменные сводить, и пойду я по Руси храмы строить. Люблю это дело — строить. Душа радуется.

— Скажешь тоже, отец Питирим, — стеснялся немногословный каменщик Ефим. — Того гляди, мне у тебя учиться придется, вон как цепко что глазом, что рукой берешь. Знатный каменщик из тебя, отец, получится.

Сестра Екатерина так и находила какое-нибудь дело для брата, старалась увести его от стройки.

— Прокопий, пойди-ка на минутку в дом, там тебя человек давно уже дожидается. Иди, иди, не медли.

Питирим с неохотой мыл руки, верил и не верил сестре, но коль говорит, то посмотреть надо, может, и правда кто по неотложному делу пожаловал.

Заведя брата в дом, Екатерина сажала его за стол.

— И чего это ты увлекся так стройкой? Погляди на себя, лица на тебе нет, извелся весь, почернел. Так не надо бы. Болезнь легко войдет, да трудно избыть ее будет.

Говорила, наливала молока, заставляла поесть с хлебом.

Питирим ел нехотя, лишь бы сестру не обидеть. По ее настоянию ложился отдохнуть.

И болезнь не замедлила явиться. Однажды утром он не поднялся с постели. Болей особых не было, но руки и ноги сделались как веревки, никакой твердости в них не стало.

Екатерина не на шутку перепугалась. Брат успокаивал ее:

— Пройдет, Катя, вот полежу, отдохну, и пойдут мои ножки сами собой. Понесут меня, резвенькие. Мне ведь годков-то, сама знаешь, нет ничего. Окрепну, встану.

— Дал бы Бог, — плакала тихими слезами сестра, — молиться будем беспрестанно.

Питирим не поправлялся. Прослышав о его болезни, к нему ехали начальники казачьи, священники из ближних и дальних приходов. Каждому посетителю он уделял время, беседовал, сколько силы позволяли. И только атаману Василию Самойлову сказал тихонько: видение мне было, предупреждение о долгой болезни и кончине. Думал молитвой и постом отойду, а не вышло по-моему. Дочь-то как, Елена-то?

— Да вроде бы повеселее стала, про монастырь все меньше говорит.

Питирим поманил пальцем Василия, и когда тот склонился ухом близко к лицу, выдохнул:

— Скажи ей, не благословляю. В миру пусть живет. Нужны монашки, слов нет, но и казачата нужны, защитники Отечества. Так скажи ей от меня.

Когда Василий ушел, то Питирим сказал сестре:

— Молитвенно прошу не здравия и продления жизни, но с любовью и надеждой испрашиваю оставления грехов и дарования вечной жизни в Царстве Небесном. С просьбой ходатайствовать об этом обращаюсь к своему покровителю, которому молюсь всю жизнь, — святому Прокопию. Во время молитвы явился мне преподобный Прокопий и стал молить о мне Господа. По молитве его в облаке явился Спаситель и благословил меня.

Питирим так и не встал, как говорил, на резвые ножки, постоянно недомогал, таял, как свечка — путь земной закончил 28 июля 1697 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

28 июля 1914 года святитель Питирим был причислен к лику святых Русской Православной Церкви с определением совершать день церковной памяти 28 июля — в день праведной кончины.

Жизнь святого Питирима, святителя свидетельствует о премудрости устроения Промыслом Божиим всего потребного для спасения души и прославления верного Богу человека, и о том, как полезно человеку горячее молитвенное обращение к своему Небесному покровителю.

Святитель и просветитель Питирим братской любовью воздействовал на заблудших. Он являл светлый лик чистой Божественной любви к тем, к кому вел его Промысел Божий.

Самой своей личностью, силой благодати Духа Святого, Питирим светил людям светом правды и бесконечной веры в них, как в создания Божии.

«Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» — вот чему учит вся жизнь святителя Питирима.

«Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды», — эти слова апостола Павла скажем о великом тамбовском архипастыре.

Примечание. *При работе над повестью автор пользовался материалами, выставленными на интернет-ресурсах.*

***Геннадий Михайлович Ёмкин** родился в 1961 году в городе Арзамас-75 (ныне Саров). Окончил Лукояновское педагогическое училище. Служил в армии в Туркмении, Афганистане, на Дальнем Востоке. Автор трех сборников стихотворений. Член Союза писателей России. Живет в городе Сарове Нижегородской области.*

Геннадий Ёмкин

МУЗЫКА И СЛОВО

СЛУЧАЙ НА ПЕРЕГОНЕ

Горит у каждой станции фонарь.
А где-то между поезд мой грохочет.
И темнота. И словно кто хохочет,
Качая вьюгу, поезд и фонарь.

Как будто все скопившееся зло
Обрушилось на поезд. Даже друга
Не слышно. И куда нас занесло,
Что впереди и сзади только вьюга?

Сквозь тамбуры угрюмый и зловещий
Зашел сквозняк, открыв за дверью дверь.
И веет тем, что никогда теперь
Не будет больше станции конечной…

Напрасно в ночь сигналят машинисты.
Нет ни огня.
И мглою скрыт разъезд.
Исчезло все — и небеса и смыслы,
Исчезли все.
И поезд наш исчез.

Лишь где-то там — за тридевять земель
Динамик всем объявит безучастно:
— На перегоне сильная метель!
Не ждите больше, граждане, напрасно!

Но поезд мчит.
А как ему не мчать?!
В груди стальной живые, верю, кони!
А значит, мы уходим от погони
И сможем всех родных своих обнять!

Вон там — блеснуло!
Я к окну приник.
Огонь! Огонь!
Он так неподражаем!
…трясет плечо похмельный проводник:
— Давай вставай! К конечной подъезжаем.

— Ах, милый мой!
За все твои грехи —
За жидкий чай и прочие услуги,
Я напишу такие, брат, стихи,
Что никогда не будет больше вьюги!

Сойду.
Морозным воздухом дыша,
Хрипит динамик, кашляя, качаясь:
— Ошибка ночью вдруг произошла.
Прошу прощенья, граждане!
Встречайтесь!

…пусть вам не знать;
Зверела и крутила
Шальная сила.
Близок был откос.
Но есть над ней еще сильнее сила!
И поезд всех до станции довез.

СНЕГИРИ

Гражданин, снимите шляпу…
Н. Рубцов

Утром в парке тихо-тихо,
Свет, снежинки, снегири…
Словно здесь не бродит лихо
По тропинкам до зари.

Все — одна большая ложь!
Ночью темною, без крика,
На скамейке умер бомж —
Гражданин страны великой.

На руке его культяпой
Выпавший не тает снег.
Гражданин! Снимите шляпу —
Умер русский человек.

На скамеечке своей
Он нужды уже не знает,
И душа его летает
Среди красных снегирей.

ЯБЛОНЕВЫЙ САД

Старый сад сегодня тих и болен,
Доверяет мысли мне о том,
Что с высоких льется колоколен
Весть о светлом, тайном, неземном.

Где-то птица крикнула лесная,
И тревожно стало на душе
Оттого, что осень расписная,
Может быть, последняя уже...

Видел я, что сад ночами плачет
И по небу ветками скребет.
Только это, милые, не значит,
Что к нему цветенье не придет.

Потому, любимые, живите
Так, чтоб я за вас всегда был рад,
А весною в гости приходите
В этот старый яблоневый сад.

Приходите в мае. Свет небесный
Хлынет вдруг. И грянут соловьи —
Это я вас встречу бестелесный:
— Здравствуйте, хорошие мои!

* * *

О, виды русские ночные
Укрытых снегом деревень!
Дымы высокие печные.
И небо всклень, и звезды взвень!

Ничто души вот так не тронет,
Как этот вид, как этот лад.
И месяц в облако утонет
Как в печку русскую ухват.

Там в звездах-угольях пошарит,
Как тот ухват.
Да зазвенит,
Да чугунок достанет с жару,
А в нем картошечка парит!..

О, счастье русское!..
Эпоха!
Ты счастье русское не тронь!
Когда с ладони на ладонь
И скачет, и парит картоха!

Обшелушу мундирчик ей...
Макну заместо соли в звезды...
Еще бы в подполе груздей
Достать,
Да ладно,
Нынче поздно...

Замкну плотнее на ночь дверь,
Да в печь полешечков подброшу
И стану думать о хорошем...
О чем же думать мне теперь...

...когда январь!
И небо всклень!
И звезды взвень!
И месяц пляшет!
О, виды русских деревень!
Покой небесный и домашний...

МУЗЫКА И СЛОВО

Галке Сывороткиной

1

В душе дано всем музыкам звучать,
Но грамотою нотной не владея,
Душа, — увы! — не может передать
Словами то, что властвует над нею.

Душе достался крест — нести слова,
Ворочая их глыбами глухими,
И признавать, что музыка права,
Когда она повелевает ими.

Она и ближе Богу, и слышней.
О, не молчите, звуки, не молчите!
Я все отдам, но только научите
Меня высокой музыке своей.

Я научусь!
И с музыкою в ряд
Мои слова, до времени глухие,
Однажды встанут и заговорят.
И по церквам зашепчутся святые.

И утвердит народная молва:
— Да, камень груб,
Но он всему основа!
Что музыка по-своему права,
Но первородным было все же слово!

2

Скажите, небо можно разделить
И часть земли означить как основу?
Вот так едины музыка и слово,
И нам ли суть высокую делить…

Вы слышали, как с небом говорит
Виолончель,
От тела отрекаясь?
Вы видели, как рукопись горит,
Ни перед кем ни в чем уже не каясь?

Пройдите вы хоть тысячу дорог,
Услышьте сто речей в любой оправе!
На это все ответить может Бог,
Но у него мы спрашивать не вправе.

3

Скрипка звучит —
Плачу.
Слово —
Несу в судьбе.
Господи!
Это значит —
Я не чужой тебе…

Александр Михайлович Титов *родился в 1950 году в селе Красное Липецкой области. Окончил Московский полиграфический институт и Высшие литературные курсы. Работал в районной газете, корреспондентом на радио. Публиковался в журналах «Подъём», «Молодая гвардия», «Волга», «Север», «Новый мир», «Новый берег», «Зарубежные записки», газетах «Литературная Россия», «Литературная газета». Автор семи сборников прозы. Член Союза российских писателей. Живет в селе Красное Липецкой области.*

Александр Титов

ТРЕТЬЕ ОКНО

Рассказы

КАШТАН

Вот уже несколько дней Иван Матвеевич лежал на койке без малейшего движения. Единственная рука его свешивалась до пола, крепко сжимая пузырек с лекарством.

Каштан и думать не смел, что хозяин мертв, не имел собачьего права на такие мысли, но чутье не обманешь: хозяину пришел конец!

Оставалось одно — охранять дом, оставшийся стоять с распахнутыми настежь дверями. Как заходил в последний раз Иван Матвеевич в хату — держась за грудь, натыкаясь на Каштана, услужливо мельтешащего под ногами, заглядывающего преданно в глаза: «Да пошел ты, безотвязный!» — так и оставил двери открытыми.

Каштану хотелось думать, что хозяин спит. Пес чутко дремал на коврике, словно все еще ожидал приказания, уткнувшись носом в холодную свесившуюся ладонь, подолгу лежал возле войлочных домашних тапочек, сохранивших живой запах Ивана Матвеевича.

На тумбочке, в простенке между зашторенными окнами, мерцал вот уже которые сутки экран работающего телевизора. Когда у Ивана Матвеевича прихватывало сердце, он ложился на койку и вклю-

чал телевизор, чтобы отвлечься от боли. Каштан тоже привык смотреть все передачи подряд, и когда в ящике лаяла собака, пес вскакивал, отзываясь на чужой голос.

Иван Матвеевич в такие минуты обычно смеялся и говорил: «Да угомонись ты, чудак!» — наклонялся с койки, ласково трепал собачий загривок.

Ночью изображение пропадало. Светящийся прямоугольник дергался, монотонно шипел. Это шипенье очень раздражало Каштана — он не мог спать, шевелил беспрестанно ушами, рычал. Или принимался бегать, подвывая, из угла в угол.

Каждое утро пес выходил за деревню, к асфальтированной дороге — там были машины и человеческие лица, проносящиеся мимо Каштана с большой скоростью. Он подходил к обочине и принимался выть, словно делал обязательную работу, печально вытягивая шею.

Шоферы с любопытством поглядывали на дворнягу, которая неизменно встречала их на одном и том же месте. Некоторые завиливали на полном ходу к обочине, норовя задавить, другие со смехом кидали псу зачерствелые шоферские бутерброды. Но Каштан, хотя и был голоден, не спешил кидаться за едой — он звал всех проезжих людей к Ивану Матвеевичу.

Соседская кошка, с которой пес долгое время враждовал, теперь тоже была одинока, только ее хозяева не умерли, а заранее уехали. Кошка одичала, и вся злость ее против Каштана бесследно пропала. Теперь она уже не шипела на него, не царапала за нос. Он подходил к ней ближе, принюхивался, угадывая в ее шерсти полузабытый запах соседей, всем своим видом как бы говоря: я теперь тоже остался совсем один!

Каштан жалел кошку и даже поймал для нее большую крысу, которую кошка почему-то есть не стала. С тех пор кошка спит рядом с Каштаном на половичке. Кладет голову ему на лапы, а пес ее облизывает неспешно, будто утешает. Дескать, не горюй, кошка, авось пока еще жив наш хозяин, не даст в обиду. Кошка в ответ лижет пса, прихорашивает ему коричневые лапы. Да так старательно, что бурые шерстинки ложатся одна к одной, облепляя сухие собачьи мускулы.

Пес, довольный таким вниманием, потягивается, блаженно жмурит глаза, зевает, открывая веселую зубастую пасть, поскуливает благодушно.

Часто, вспрыгнув на кровать, кошка принимается облизывать пузырек, лежащий возле коричневого лица покойника. Красный язычок торопливо бегает по наполовину свинченной крышке. Кошка очень любит валерьянку: крышка позванивала под маленьким бойким язычком, но свинчиваться окончательно не хотела.

Вчера по расхлябанной после дождя деревенской дороге проехал одинокий легковой автомобиль-вездеход. В кабине виднелись умные белые лица при галстуках. Они деловито смотрели по сторонам, печально кивали важными немолодыми головами. Люди заметили пса, отскочившего на обочину — Каштан держал в пасти кусок солонины, обнаруженный им в одном из сараев. Мясо было соленым, но вполне съедобным. Сквозь шум мотора и чавканье грязи под колесами вездехода, Каштан уловил знакомую фразу: «Бродячая собака... пресекать... возможно бешенство... применять профилактику!..»

Когда легковые машины проезжали через деревню, Иван Матвеевич всегда с любопытством и в то же время с достоинством разглядывал их, прикладывая единственную руку к козырьку — не забыть поклониться, может, и совсем незнакомому мимоезжему человеку. Даже оставаясь

единственным жителем заброшенной неперспективной деревни, Иван Матвеевич, зная точно, что родственников у него нет, все равно выходил из дома на шум мотора: вдруг кто решил его навестить?

Каштан, подражая в вежливости покойному хозяину, выронил из пасти кусок мяса, приветственно тявкнул, замахал пушистым хвостом. Он надеялся, что эти люди хотя бы по долгу начальников навестят Ивана Матвеевича, пусть даже и мертвого.

Но машина уехала, не завернула к их дому.

Бешенство... Каштану знакомо это слово. Он помнил, как года два назад бешенство приключилось на ферме, где Иван Матвеевич работал сторожем: животных тогда покусала больная лиса. Десятка два укушенных коров распустили слюни до самого пола и по очереди издыхали — брюхо каждой раздувалось шаром, ноги коченели, торчали палками в стороны. У Ивана Матвеевича было много хлопот: он цеплял дохлых коров за трос к трактору, махал рукой трактористу, а тот сволакивал туши в овраг, где их обливали соляркой и поджигали.

Каштан первым обнаружил эту лису, когда она во второй раз прокралась в коровник. С мокрой оскаленной пастью бросилась она на Ивана Матвеевича, уснувшего на куче соломы с вилами в руках: караулил рыжую злодейку!

Пес в прыжке перехватил лису, стиснул ей горло зубами.

Иван Матвеевич вскочил, разбуженный визгом и рычанием, ударил, не разобрав спросонок кто где, в бурый мельтешащий клубок, пропорол нечаянно бок Каштану. Зато вторым ударом, похмельно прицелившись, намертво пригвоздил хрипящую лису к пахучим навозным доскам.

Промыв рану своему любимцу, Иван Матвеевич повел его к ветеринару, чтобы тот сделал Каштану укол от бешенства.

И доярок тоже лечили. Они в свою очередь жалели собаку — тебе, Каштанчик, вдвойне досталось. Ишь, как саданул вилами старый пьяница!.. И как вы только живете в этих Старых Хуторах? Давно все уехали, а этот леший с собакой до самой смерти собирается там куковать!

Иван Матвеевич наотрез отказался от уколов. Никогда, мол, не лечился, и не собираюсь. Мыслимо ли вытерпеть — целых сорок дней без грамма самогонки?

В ту пору он почти не жаловался на здоровье.

Зато сейчас с каждым днем хозяин пахнет все ужаснее. Комната постепенно заполняется смрадом. Лицо хозяина стало черным, будто валенок.

...Завидев двух людей, неспешно заходящих в калитку, Каштан кинулся к ним навстречу, радостно виляя хвостом. Взвизгивал, и в этом визге были одновременно и радость, и упрек: что же вы так долго не приходили?

И опять послышалось страшное слово «бешенство».

— Кажется, насчет этой собаки указание было? — сказал тот, что повыше, и стал снимать с плеча палку на ремне.

Раздался неожиданный хлопок — Каштан качнулся в сторону, будто пьяный. Такое однажды было с ним, когда Иван Матвеевич раскрыл ему пасть и насильно, потехи ради, влил стакан красного вина: «Выпей, Каштанчик, со мной, а то мне одному скучно».

В боку вспыхнула быстрая жгучая боль. Растопырившись посреди двора, пес вяло оседал на брюхо, чувствуя в шерсти невыбранные репьи. Лапы расползались, как на льду, коричневая шкура трепетала.

— Может, у него хозяин имеется? — спросил тот, что пониже.

— Откуда? Деревня давно уже брошенная. Мы тут сейчас по домишкам пошарим, может, найдем что-нибудь нужное в хозяйстве...

Каштан завыл пронзительно, отрывисто взлаивая в небо, слизывая урывками с провалившегося мокрого бока сладкую кровь. В голосе его был какой-то странный отзвук, напоминающий человеческое отчаяние: «Ай-яй-ей-ой-о-о-аа-ах!»

— Мелкую дробь взял! — сказал тот, что был с ружьем. — Придется перезарядить.

— Не мучь его, — торопил второй. — Приканчивай скорее!

Гулко, словно во все небо, бабахнул новый выстрел. Крупная дробь, словно веником, смахнула пса к кустам шиповника, под которыми он любил дремать на твердой утоптанной земле вместе с курами, а Иван Матвеевич обычно сидел рядом на низкой скамейке и плел ивовые корзины.

Наступила тишина. Люди переступили через мертвую собаку, шагнули в приоткрытую дверь.

— В этой деревне не осталось ни одного человека! — сказал тот, что был с ружьем. — Все давно уехали отсюда... Смотри-ка, мигает что-то в хате...

Навстречу людям из комнаты выбежала кошка и, мурлыкая, стала тереться о пыльный сапог.

КОРШУН

1

«Клеванный коршуном», — так говорят о нем в деревне. У Ивана рваная губа — в детстве, когда лазил по деревьям за птичьими яйцами, губу ему разодрал когтями молодой коршун. К пятидесяти годам Иван сам сделался похожим на хищную птицу — заострившийся нос, вечно злые глаза.

Семья коршунов проживает неподалеку, на уступе скалы, выступающей над речным простором. Кхэн, так зовут пожилую коршуниху, часто дает мужу Гэнху советы. Она уговорила его переселиться с вершины старого дуба на отрог скалы, куда никто не сможет добраться. Кхэн больна. Однажды она попросила мужа принести ей кусочек уха давнего врага — Ивана, возомнила, что если она склюет это ухо, то тотчас выздоровеет.

— Я не хочу снова враждовать с ним... Я порвал Ивану губу, а он в порыве гнева отрезал мне лапу. Взаимная ненависть рождает новую, еще большую ненависть. Лучше я принесу тебе кусок говяжьей печенки!

— Хочу отведать человеческой плоти, вражеской плоти! — стояла на своем Кхэн.

— Я не дикарь, я честный коршун! Я не собираюсь мстить человеку за давнее зло, хочу все забыть.

— Тогда я сама накажу его!

— Не надо никого наказывать. Ты больна и слишком слаба. В схватке с человеком ты погибнешь. У него есть ружье, он до сих пор продолжает на нас охотиться. Мы чудом дожили до своей старости!

На глазах Кхэн появляются слезы:

— Не хочу умирать... — тихо произносит она. — Я слабею, внутри меня постоянная боль...

— Ты не умрешь! Я сегодня полечу на бойню, в райцентр, принесу тебе кусок свежего мяса, ты выздоровеешь.

2

Гэнх стремительно мчится сквозь лес, задевая краешком крыльев стволы ради ощущения скорости, и при всей своей лихаческой стремительности крылья не повреждает, а лишь чиркает ими о замшелую кору — раздается сухой шорох, почти визг мха, отваливающегося от стволов серой пылью; коршун умчался уже далеко, а мшинки все еще падают с легким щелканьем на прошлогоднюю листву, устилающую желтым слоем землю.

Вылетел за пределы леса, впереди — райцентр! Небо обнимает коршуна серебристой прохладой, жир на перьях блестит под яркими, ватного оттенка, тучами.

От полей поднимается сырость после дождя, от речушки, змеящейся в овраге, доносится запах осоки. Старый коршун летит из заповедника в райцентр, где на окраине расположена бойня. Сюда должны привезти последних колхозных коров. Бойня расположена возле полуразваленной фермы. Под дощатым навесом грубая скамейка, вкопанная в землю, стол, обитый железом, мужики в ожидании работы щелкают костяшками домино. Грузовики с коровами где-то задерживаются. Пронзительно визжит лезвие ножа, затачиваемого на электрическом круге, из-под острого стального лезвия веером летят искры.

3

Хищник ждет своего часа на крыше старого телятника, иногда, устав от неподвижности, скачет вдоль конька длинного строения, удерживая равновесие с помощью крыльев.

— Опять однолапый пляшет! — указывает рукой молодой рабочий. — Проголодался, наверное, сегодня отдам ему потроха!

Наконец подъехал грузовик с тощими коровами, и уже через два часа подвыпившие горластые мужики начали выбрасывать отходы.

Гэнх наелся потрохов, выбрал кусок мяса для больной жены и полетел домой. Коршун живет в заповеднике — самом маленьком в мире, занимающем несколько десятков гектаров. Заповедник уникален своими растениями, сохранившимися с доледникового периода. Сюда редко заходят браконьеры.

Гэнх возвращается в лес, летит через поселок нефтяников, над плоскими кровлями пятиэтажных домов, над асфальтированными улицами, по которым ползут сверкающие автомобильчики. Старому коршуну интересно узнать, кто в них едет, но лень снижаться, чтобы заглянуть в черные сверкающие окна.

4

Иван несколько лет назад выстрелами из охотничьего ружья прогнал из деревни семейство коршунов, живших на вершине старого дуба. В птиц не попал, гнездо разлетелось на мелкие щепки. Истратил запас патронов, сбив дробью почти всю листву с вершины дерева...

Коршун, не выпуская из клюва кусок теплого мяса, скрывается в сосновой чаще, разгоняя крыльями запах душистых, нагретых солнцем иго-

лок. Крылья вжикают по кромке известняка — здесь, на меловой скале, укрыто среди зарослей его гнездо. Залезть на скалу может опытный альпинист, а какие в деревне Тужиловка спортсмены? Ивану за пятьдесят, на голове у него почти совсем седые волосы. Но мужик он крепкий, а выпив, грозит коршуну кулаком, обещает достать его на самой высокой горе.

Иван почти каждый день заезжает на тракторе в заповедник, давит колесами цветы, толстые шершни на лету бьются в стекла кабины. Время от времени Иван нащупывает под сиденьем ружье, заряженное крупной дробью.

Сбитые ветровым стеклом шершни подрагивают на горячем, в царапинах, капоте трактора. Насекомые лежат на спинах, смешно болтают лапками. Стекла в кабине закрыты — шершни кусаются очень больно, от их укусов бывали смертельные случаи.

Иван еще в советские времена пытался вывести шершней, вылил в овраг тракторную цистерну аммиачной воды. И долго еще после этого случая местные экологи писали осуждающие статьи в газете и жаловались на самый верх. Председателя колхоза оштрафовали за нарушение природы заповедника, а Иван, в то время самый лучший местный тракторист, отделался строгим выговором и лишением премии за вспашку зяби.

5

Сегодня Иван решил окончательно покончить с коршуном. Ближе к обеду он бросил пахать землю под озимые, сказал бригадиру, что задержится после обеда по своим делам... Примерно в полдень он подъехал на колесном тракторе к меловой скале. Из-под нее выбегает ручей. Иван глушит мотор, вылезает из трактора, наклоняется, пьет из родника.

Затем достает из-под сиденья трактора ружье, вынимает из мешка веревку, клинья от бороны, которые сам заострил в кузнице. Он видел по телевизору, как альпинисты забивают в скалы клин за клином, затем цепляют за них веревку. И у него тоже получилось. Иван поднимается метр за метром вверх, в прокуренной сиплой груди шипит злая энергия. Ружье висит за спиной на ремне.

Выступающие плиты позволяют цепляться за них. Некоторые, ровные и плоские, выступают далеко вперед, будто балконы без ограждения. Здесь можно отдохнуть, проверить снаряжение. На одной из таких плит Иван встает в полный рост, переводит дыхание. До самой реки, сверкающей на горизонте, расстилался синеватый хвойный лес. Иван переводит дух, рассматривает дымчатую панораму полей, течение сине-свинцовых речных волн, желтую кромку противоположного берега, ярко-зеленую осоку, сгибающуюся под струями воды, то поднимающей, то опускающей острые листья. Плита под ногами уходит метра на три вперед, в белых точках птичьего помета. Иван машинально выкуривает еще одну сигарету. Затем бросает окурок вниз, летит вниз малиновый огонек, теряясь в траве между алых ягод.

6

Гнездо коршуна схоронено в выемке, заметны сухие веточки, травинки, прутики, белеют обрывки полотенец доярок. Иван узнал рукав своей телогрейки. Он вздрогнул — ему почудилось, что это его оторванная рука.

«Значит, этот паразит тоже следит за мной?» — невольно подумал он, спину защекотали мурашки страха.

Иван осталось сделать последнее усилие, чтобы взобраться на скалу. Пот ручейком стекал по сильной, в напряженных мышцах, груди. Однако коршун первым заметил человека и почти внезапно, с шорохом крыльев налетел сверху, сбил с Ивана промасленную кепку, вцепился в голову человека когтями.

Ружье выскользнуло из рук, полетело вниз, блямцая по выступам камней то звонко стволом, то глухо прикладом.

Иван машинально вцепился правой рукой в хрусткое перьевое горло птицы, лицо закрыл левой ладонью, чтобы коршун не выклевал глаза.

— Убью, сволочь... — Иван почувствовал, что падает со скалы, попытался вцепиться в траву, скудно росшую на камнях, но та вырывалась с корнями, обдавая лицо крошками земли. Он вдруг понял, что это не е г о коршун, у этого было две целых лапы.

Кхэн била клювом, норовя выклевать человеку глаза. Иван, не выпуская птичьего горла, стремительно летел вниз, распахнутые крылья коршунихи трещали по камням. В падении коршуниха, обдавая лицо Ивана болезненным жаром клюва, схватила человека за мочку уха, с силой выдрала мякоть... Иван закричал...

Удар о землю показался мягким и почти долгожданным. «Отмучился!» — подумал про себя Иван.

Коршуниха попыталась высвободиться из судорожно сжатой ладони человека. Дышать ей было нечем, она хрипела. У Кхэн не было сил расклевать врагу лицо. Потрепыхав беспомощно крыльями, она легла на грудь Ивана, глаза ее, наполненные слезами, остановились, помутнели, отражая небо над рекой.

7

Вскоре прилетел Гэнх, он увидел под скалой лежащего Ивана, правая рука которого сжимала горло Кхэн. В клюве у нее зажата мочка уха, подсыхающего черной кровью.

Иван был жив, он слабо стонал, пытаясь пошевелиться. Лицо человека с закрытыми глазами выглядело жалким, изо рта его текла тоненькая полоска крови, падала каплями на траву, теряясь среди ягод.

Гэнх встал на единственную лапу, оттолкнулся от груди человека и полетел к соседнему полю, где работали трактористы. Коршун кружил над полевым станом, летая на уровне роста людей, едва не задевая их лица. Трактористы как раз собирались на обед.

— Да это же Иванов коршун! — воскликнул кто-то. — Вот лапа-то, одна единственная!

— А где же Иван?

— Отпросился, сказал, что надо съездить домой! — пояснил бригадир.

— Не нравятся мне виражи однолапого, куда-то он нас зовет... Заводи, Вася, трактор, поедем за ним!..

8

Очнулся Иван в больнице с забинтованной головой, ощутив тяжесть гипса на правой ноге.

— Отживел? — над ним склонилось круглое лицо соседа по койке. Это был мужчина лет сорока в спортивных штанах, с бинтами на голом животе, торчал кончик алого рубца, сшитого крепкими белыми нитками.

— Где я, что со мной?

— Ты в больнице, со скалы упал. Тебя привезли трактористы. Вовремя они тебя нашли…

Иван смотрел на свой разбитый, в болячках, кулак, разжал его. На пол, кружа, скользнуло маленькое серое перышко. Слабым голосом рассказал соседу по палате о давнем случае: послевоенное детство, голод. Он, мальчиком, лазил по скалам, собирал птичьи яйца, чтобы накормить мать, бабушку, сестренок, и вдруг наткнулся в одном из гнезд на коршуненка. Надо было слезть и убежать, а он захотел забрать молодую птицу на еду, начал запихивать коршуненка за пазуху. Птенец вырвался из рук, вцепился когтем в губу мальчика, прорвал ее когтем насквозь. И сам в этой ранке увяз.

Ванька заорал, высвободиться от когтя сразу не смог. Усевшись на толстую ветку, мальчик кричал, пытаясь вытащить лапку из раны. Ничего не получалось, только еще больнее становилось, и коршуненок от ужаса хрипел, обивая крыльями мальчишечье лицо. Ванька вспомнил про складной ножик, достал его из кармана, открыл лезвие и торопливо, пилящими движениями отрезал коршуненку лапу, которая под лезвием ножа хрустнула, словно веточка, выступила кровь из раны, надулась красным шариком, будто алый сок на сорванном стебле. Наступила очередь молодого коршуна закричать хрипловатым неокрепшим голосом, жгучие капли крови упали на лицо мальчика и прижглись на коже темными точками, вроде как родинки образовались.

— Я очень хотел есть… — словно бы оправдываясь, говорил Иван. — Ни одного птичьего яйца в тот день добыть не удалось, и я слизнул с губ эти проклятые капли, до сих пор во рту горят!..

Иван окончил рассказ и теперь смотрел затравленным взглядом на свое забинтованное тело. Одна нога у него шевелилась, и он надеялся в ближайшее время покурить на балконе. А курить очень хотелось. Кто-то из догадливых трактористов положил ему на тумбочку нераспечатанную пачку «Примы» и коробку спичек.

— Лапку отрезанную принес в губе домой, брат помог ее вынуть, повесил на ветке дерева посреди выгона, привязал леской, она долго там болталась, зимой ветер в ней звенел.

— У птиц нет чувства мести, я читал об этом в газете! — сказал сосед по палате.

— Для чего же этот коршун так долго все кружит над моей жизнью? — воскликнул Иван, ощущая боль в голове и во всем теле. — Почему он всегда вырывался из моих сетей и не умирал, когда я попадал в него дробью?

Сосед по койке пожимает плечами, дескать, мало ли чего в жизни случается…

— Коршун! — бормочет Ивана, чувствуя всегдашний шрам под нижней губой. — Я уже стар и скоро не смогу работать… Я — коршун с подрезанными крыльями…

9

Сосед по койке уже спит, есть такие люди, которые засыпают мгновенно, едва голова прикоснется к подушке. Летний долгий вечер постепенно переходит в ночь, которая укрывает июньским полусветом сельскую двухэтажную больницу, ближние леса и поля.

Иван, подпрыгивая на одной ноге, с жадность закуривает сигарету. Из ближайшей рощи показывается черная точка, она вырастает, Иван различает знакомый силуэт коршуна. Зажженная сигарета падает из дрожащих пальцев вниз, огонек выписывает затейливый малиновый узор.

Человек в отчаянии стонет, ему хочется уйти с балкона, однако им вдруг овладевает странное оцепенение: «Зачем о н снова прилетел ко мне?»

Сделав вираж над балконом, коршун вновь стремительно разгоняется и, ударившись на полном лету о стену, падает вниз. Трепыхнувшись возле фундамента, птица затихает.

— Зачем *ты* это сделал? — восклицает Иван.

Коршун перестает шевелиться, похрапывает сосед по палате, звякает пробирками дежурная медсестра.

ТРЕТЬЕ ОКНО

На окраине деревни Тужиловка есть домик с двумя окошками, упрятанный среди кустарников и бурьяна. В палисаднике разлапистые задичалые кусты сирени навалились на изгородь толстыми изогнутыми стволами и едва не валят ее. Не поймешь, где забор, а где кустарник. Ранним утром, когда за холмом среди туч пробивается первый свет, из домика выходит дед Аким и смотрит, нельзя ли где навести порядок. Но лишь вздыхает — ни для чего уже сил не хватает.

Вскоре появляется бабка Солоха с ведром месива в руке, кормит поросенка, о чем-то разговаривает с ним.

К восьми часам все дела по хозяйству справлены. Раскрасневшийся, помолодевший Аким входит в хату. На щеках его задорно, как иней, поблескивает щетина.

В комнате вкусный запах — старуха варит щи с салом. Эти щи пойдут и на завтрак, и на обед, и на ужин. В небольшом чугунке еда на весь день. С боку плиты пристроился пузатый, закопченный, только что вскипевший чайник.

В ожидании завтрака Аким присаживается у окна, достает очки, разворачивает вчерашнюю недочитанную газету.

— Что за дьявол — вижу совсем плохо! — бормочет он, включает электрическую лампочку, желтовато вспыхивающую посреди хаты. Подходит с газетой к лампе — то же самое, строчки расплываются, ничего не разобрать.

— Неужто и эти очки слабые стали? — удивленно восклицает Аким. — Слышь, Солоха! Стекла для очков еще толщее требуются…

— Что же делать? — сокрушается старуха. — Ведь за ними ехать надо — примеривать да покупать. Опять хлопоты… Неужто совсем ничего не видишь? Хоть бы программу прочитал. Нам бы только узнать, что нынче по телевизору покажут.

Аким огорченно кивает головой, соглашается. Он выдвигает ящик стола, в котором разные шурупчики, болтики, гаечки, куски провода, несколько потрепанных книг.

Среди них руководство по эксплуатации трактора ДТ-54, еще 50-х годов прошлого века, когда он только начинал работать в колхозе трактористом, сказки Андерсена и церковная книжонка «Акафист» без начала и без конца, которую иногда читает полуграмотная Солоха.

Пошевелив рукой позвякивающий хлам, Аким находит большую

тусклую линзу без оправы. Обхватив ее толстыми, плохо гнущимися пальцами, вновь подходит к газете, водит линзой над строчками.

— «Ули-ца раз-битых фонарей», — вычитывает он. — Семерка и два нуля. Стало быть, в семь часов.

Солоха глядит на мужа с нескрываемым уважением — все ж таки он умный! Без него она бы не разобралась в программе.

Старуха берет потертый пульт управления, осторожно тычет в него коротким пухлым пальцем, телевизор тотчас включается. Солоха облегченно переводит дух, будто не телик включила, а выполнила сложную операцию.

Телевизор хороший — сын из города привез — цветной, почти как новый, девять программ показывает, смотри — не хочу!

— А новости-то вчерашние... — вздыхает она, не отрывая глаз от пока еще холодного экрана. — Опять нефть у них да газ — один разговор. Хорошо хоть мы тут дровами топимся, да углем.

— Кто же приготовит новости новые в такую рань? — ворчит Аким. — Вся земля только просыпается. Еще никаких делов не произошло.

— За ночь-то? Так уж ничего и не произошло? — испуганно всматривается в экран Солоха. — Небось одних преступлениев мильен.

— Оно верно, дык пленку только везут из-за гор-морей.

— Таперича никто пленку не возит — по эхвиру передается картинка! — восклицает Солоха, гордая тем, что знает про телевизионные новости больше мужа.

— А ты откель знаешь? — ворчит Аким.

— Мужик ихняй учорась говорил, что по эхвиру...

Аким внимательно смотрит на Солоху. Вроде бы глупая бабка, а сообразила лучше его. Он обиженно кашляет в кулак, недовольный, что так оплошал.

— Все равно вчерашнюю программу смотреть неинтересно, — вздыхает он.

— Отчего же? Мы с тобой позавчерашние щи и те не выбрасываем.

В программе новостей показывают заводы, стройки, диковинные машины, ползающие по болоту, врачей-хирургов, делающих операцию на сердце, далекую войну, на первом канале подбирают платье толстой женщине, в другой передаче учат домохозяев приготовлять заграничные блюда... За полчаса старики видят множество людей, и все эти люди что-то делают на свете.

— Велика земля! — восклицает Солоха, не отрывая глаз от экрана. В голубоватом свете, падающем от телевизора, лицо ее кажется еще бледнее, еще морщинистее. Перед ней тарелка с кашей, но Солоха забыла про еду, ложка свалилась на пол, там ее облизывает кошка.

— Какие люди есть на свете — черные, прямо угольные! — искренне удивляется она.

— Они в тепле живут, на солнышке пекутся, — поясняет Аким. — Оттого загорелые такие сделались.

— Господи! — крестится Солоха. — Как же они такую жару вытерпливают? Неужто у них дождика нету?

— Дождь бывает, только теплый. Подставишь руку, а он вроде чаю подогретого... Помнишь, на прошлой неделе про Африку новости были? Там тепло, поэтому войны там круглый год идут. Сначала в Ливии, теперь в Сирии...

— Далече, знать, эта Африка.

— Отсюда не видать.

— Аким, глянь-ка, — старуха снова тычет пальцем в экран. — Дубинками дерутся... Ай, ай! Лупят-то как, со всей силой... И девку бьют, за ноги тащат. Матерь божья, девку-то за что?.. Какие же там, за границей, жестокие драчуны, Акимушка, почему их в милицию не забирают?

— Это капиталисты. А милиции у них нет — одна только полиция. По приказу капиталистов трудовой народ мучают. У них такой закон: ежели не по-ихнему, не по-буржуазному, так вот тебе, получай дубинкой по голове! Могут дымовой гранатой шарахнуть. Нет мира во всем мире, прощай, несчастная наша Советская власть!..

— Скорей бы она возвращалась, справедливость-то, батюшки-светы. Наш колхоз, глядишь бы, восстановили. Людям работу бы дали, а то вон деревня пустая, остались несколько домов, да и в тех живут старики, вроде нас...

На экране диктор передает сводку погоды.

— Во, слышишь? — Аким довольно потирает руки. — Опять они в прогнозе маху дали. Передают слабые дожди, а у нас уже месяц ни капли...

— Откудова они там знают! — заступается за прогнозистов Солоха. — Нешто им видно оттудова, где погода правильная, а где неправильная? Нынче сухо, а завтра, бог даст, раздождится...

— Все равно они должны точно говорить, — сердится Аким. — Нельзя через телевизор врать. Его весь народ смотрит!

Следующая по программе детская передача. Старики смотрят примитивные цветные рисунки, вспоминают своих внуков, которые живут в разных городах и которых привозят в деревню только летом.

Затем документальный фильм про сельских умельцев-плотников, которые украшают наличники и карнизы домов затейливыми деревянными узорами.

— Экий нарядный домик! Вот бы нам такой... — Глаза Солохи мечтательно блестят, и тут же в них появляется тоска — никогда теперь не придется жить старикам в таком большом и красивом доме.

Особенно любят старики передачи про суд, когда в конце суда невинного человека обязательно оправдывают.

— Хорошие стали суды, справедливые! — вздыхает Аким.

Он сам еще в советские времена едва не угодил в тюрьму за мешок украденного из колхоза зерна, хорошо, что председатель сжалился, простил Акима.

Старики не пропускают ни одной «судебной» передачи. В сегодняшней передаче подсудимый, молодой скромный человек, оказывается, не виноват, его освобождают прямо в зале суда! Аким взволнованно расхаживает взад-вперед по комнате: есть еще, товарищи, на свете справедливость!..

Не успевает судья стукнуть по столу своим деревянным молотком, как вдруг за окном раздался могучий хлопок. Качнулся пол, с потолка из щелей посыпались труха и мышиный помет.

— Что такое? — Аким торопливо подошел к окну, отдернул занавеску.

Он увидел, как за ближним бугром, километрах в пяти от деревни, в небо взметнулся столб пламени в виде огромного гриба. Сначала гриб имел сизо-зеленый оттенок, в следующую минуту сам гриб тоже как бы взорвался, окрасившись сначала изнутри, а затем и снаружи ярким оранжевым пламенем, переходящим в белый блеск, слепящий глаза. Над бугром мгновенно вздулся огромный огненный шар. Раздался второй воздушный

удар, от которого закачался дом, затрещали бревна в стенах, с крыши посыпались кусочки гнилого шифера.

— Что это? Неужто война? — выдавила из себя Солоха. Она стояла ни жива ни мертва, прижав ладони к груди.

— Нет, не война, газопровод взорвался… — объяснил побледневший Аким. — Труба, наверное, лопнула, как три года назад, помнишь?.. Трубы газовые давно проложены, давление в них сильное, международное! Чуть проржавеет стенка трубы, или трещина в ней образуется — вот и результат…

Солоха кивнула, перекрестилась. Она собралась убегать, в руках ее узелок с документами, «похоронными» деньгами и одеждой, приготовленной на «смертный» день.

Аким продолжал смотреть в окно: пламя над бугром трепетало и металось до самого неба, огненный поток ревел — догорал газ, выходящий под давлением из трубы.

По улице бежал сосед Пантелей, волоча за собой тележку, набитую пожитками — маленький шустрый старичок в шароварах и домашних тапках на босу ногу, на голове мятый картуз. Пантелей спасался от «атомной войны».

Через час пламя утихает, гаснет само собой. Над деревней опять тишина.

После обеда старики принимают таблетки от давления, лечат больные колени жужжащей машинкой, которую на днях купили у бродячего торговца за две тысячи рублей. От этой машинки боль в суставах вроде бы затихает.

К вечеру неожиданно надвигается туча, начинается сильный ветер с дождем, который с пулеметной скоростью лупит по крыше — телевизионный прогноз сбывается! Над деревней вспыхивает молния, рвется линия электропередачи. Света нет, опять весь вечер и ночь придется коротать без телевизора.

— Перетерпим, не в первый раз! — Аким гремит спичками, чиркает, зажигает керосиновую лампу. В комнате делается уютно. Пахнет керосином и какой-то грустной старинной жизнью.

Разговор переходит на деловой лад, старики удовлетворенно рассуждают о том, что всего у них в хозяйстве достаточно: и масла подсолнечного припасли, и мука тоже есть, зерно для кур купили у проезжих мужиков, хлеб и молоко автолавка регулярно привозит…

Покачиваясь от слабости, Аким идет в сени, приносит охапку дров. Надо затапливать печку, в хате после дождя становится прохладно.

Аким, разжигая печку, потирает озябшие ладони, смотрит на желтые огоньки, слушает треск разгорающихся поленьев, нюхает покрасневшим носом дровяной дым.

Бабка Солоха горюет, что муку и зерно в кладовке помаленьку съедают крысы. Живет в доме кошка Муська, кормят ее нарочито скудно, чтобы ловила мышей, однако грызунов с каждым годом становится все больше.

У каждого старика своя кровать и своя перина, в которой утопаешь, словно в теплой ласковой воде.

Тощая Муська, свернувшись калачиком, спит на мешковине, постеленной на лавке. Спустя некоторое время старики тоже засыпают в уютной, пахнущей березовыми дровами, комнате.

Нина Александровна Ягодинцева *родилась в городе Магнитогорске. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Кандидат культурологии, доцент Челябинской государственной академии культуры и искусств. Автор многих книг, а также более 500 публикаций в литературной и научной периодике. Лауреат литературных премий им. П. Бажова, К. Нефедьева, Д. Мамина-Сибиряка. Секретарь Союза писателей России. В журнале «Подъём» печатается впервые. Живет в Челябинске.*

Нина Ягодинцева

БЕССОННИЦА НА ПОКРОВ

* * *

Маме

Спит в кувшине молоко,
Дочь уснула в колыбели.
Половицы заскрипели…
Оглянулась — никого.

Только дышит глубоко,
Белоснежна, как невеста,
Тоненькая занавеска —
И за нею никого.

За окном сплетает сад
Полуденную прохладу,
А по самой кромке сада
Колокольчики звенят.

Кто-то ходит стороной,
Просит птиц угомониться,
На узорчатые листья
Осыпая легкий зной.

Пригляделась — никого,
А прислушалась — молитва…
Тихо скрипнула калитка
Где-то очень высоко.

* * *

Вспомнил — и промолчи,
Вздрогнул — и успокойся.
Ангелы на покосе
Точат свои лучи.

Искрами бьет по коже
Их незнакомый смех:
Гости-то не из тех
Мест — из других, похоже…

Песенок не поют,
Меда на хлеб не мажут.
Лезвия отобьют —
То-то травы поляжет!

* * *

Холодно сердцу, не видно ни зги.
Жизнь воробьиного перышка легче.
Кто-то несет по дороге навстречу
Белый светильник январской пурги.

Оберегая неровный огонь,
Вьются и стелятся тонкие ткани,
То приникая к мерцающей тайне,
То разлетаясь неровной дугой.

И заметают невидимый след,
И обнимают, и прячут в пелены
Тьмою немыслимой усыновленный
Свет одинокий, покинутый свет…

* * *

Покуда нет в тоске таинственного брода,
Пока она стоит, как темный океан,
И ты на берегу, и так проходят годы,
Тебя из тишины зовя по именам —

Покуда нет в тоске ни паруса, ни лодки,
И скользкого бревна не вынесет прибой,
И все слова пусты, и все надежды кротки,
И ты на берегу, и только Бог с тобой —

Покуда нет в тоске рассвета и заката,
Зеленый сумрак сна и каменная гладь,
Все кажется: тебе какой-то смысл загадан,
И если ты его сумеешь отгадать —

Как посуху пойдешь! И только Бог с тобою,
Когда из глубины, незримые почти,
Проступят как прожгут пучины под стопою
Диковинных существ холодные зрачки…

* * *

Непогода пришла как отряд батьки Махно:
Гогоча, из горлá прихлебывая, прикладом стуча в окно,
Выгребая запасы осенние из подвалов и с чердаков…
Да не боись, чего там — ноябрь всегда таков.

Если воля и холод сойдутся — родится смерть.
Ничком на овчинку неба падает степь,
Серая, буранная пустота,
Но сердце уже не обманешь — родная, та,

Где не за что ухватиться душе слепой,
Где — если заплачешь, в сердцах оборвут: не пой!
А замерзнешь, тряхнут за шиворот: встань!
Россия моя, Россия, свиданье тайн

Непостижимых! Когда по снежной стерне
Ведут, матерясь, к обрыву или к стене,
На сквозном перекрестке иных дорог
Свернут напоследок цигарку: курни, браток…

И ты вдыхаешь дымок и не помнишь зла.
О жизни ли горевать, если все — зола?
О смерти ли, если даже махра — сыра?
Крайнему: докурите, а мне — пора.

* * *

Нельзя ни на миг оставить одну
Эту полночь, эту страну,
Наилегчайший из всех даров —
Эту бессонницу на Покров.

Нельзя ни на миг! Но, закрыв глаза,
Я забываю про все «нельзя»,
Я затеваю почти побег
Пламенем вдоль невесомых век.

Я прохожу по сырой траве
С белым лебедем в рукаве,
С тихим озером на душе —
И открываю глаза… Уже?

Да. Ни на миг. Разверни теперь
Белый свиток своих потерь.
Белым по белому — о былом:
Лебедь, бьющий о лед крылом.

То-то зима в России долга!
Из году в год на Покров снега,
Да и какие мы сторожа —
Укараулишь тебя, душа?..

* * *

За три дождя одежда трижды промокла.
На повороте была деревенька Еква.
Дальше стеной стояла тайга, и в нее река
Уходила как птица под облака.

А в деревеньке было печально-пусто,
Только сырой смородины злое буйство
У темных срубов, продавленных небом крыш…
И казалось, ты не идешь, а спишь:

Тропа на глазах зарастает гусиной травкой,
В бурьяне в прах рассыпается ржавый трактор,
По ветхим заборам струится ручьем вьюнок —
И только над самой дальней избой дымок

И женский взгляд за белою занавеской —
Беспечальный, пронзительный, занебесный…

ХРАМ

Видно, крепко небо помнило
Злую удаль здешних мест:
Трижды в купол била молния,
Трижды сбрасывала крест.

Трижды с долгими моленьями
Вновь увенчивали храм.
Уминали прах коленями,
Лбы крестили по утрам,

А потом порою шаткою
В зябкой розовой пыли
Появились со взрывчаткою —
Заложили, подожгли…

Только стекла мелко брызнули!
Но когда растаял дым,
Над приземистыми избами
Храм вознесся, невредим,

Всеми главами точеными
Над быльем и вороньем —
Только лики стали черными
В гневе горестном своем.

Пронеслись десятилетия —
Мастерская, школа, склад…
Все прожили — не заметили
Обретений и утрат.

Но однажды встала молния
Вместо прежнего креста,
В колокольное безмолвие
Пала горькая звезда, —

Загудел набат над крышами,
Поднял стаи на крыло,
И очнулись, и услышали:
Горе-горькое пришло.

А куда с крутого берега? —
Только в воды Иртыша…
И не заново поверила —
Болью вздрогнула душа:

Копоть смыли, сажу счистили,
Сцеловали боль и гнев,
В самой светлой Божьей истине
Усомниться не посмев…

* * *

И все равно меня влечет
В жестокий мир, под низкий кров,
Пока испуганный сверчок
Поет любимую, без слов.

Кто одарил тебя? О чем
Он размышляет над строфой,
Вздыхая, словно огорчен,
И повторяя: «Просто пой…»

Из всех пронзительных утех,
Во всей томительной тщете —
Простая песенка для тех,
Кто умирает в темноте.

Сквозь ледяную скань зимы
Как мы идем на этот зов,
Необъяснимо спасены
Наивной песенкой без слов!

Как будто пить небесный мед
Счастливо шествуем тропой
Прозрачных полуночных нот,
Легко затверженных тобой.

***Михаил Иванович Фёдоров** родился в 1953 году в Вологде. Окончил Высшую школу КГБ, юридический факультет Воронежского государственного университета, сценарный факультет Всесоюзного института кинематографии. Автор нескольких книг остросюжетной прозы и многочисленных журнальных публикаций. Лауреат премий журналов «Сура», «Полиция России». Член Воронежской областной коллегии адвокатов, руководитель адвокатской конторы. Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.*

Михаил Фёдоров

СИРОТА

Рассказ

1

Он плакал и не мог остановиться, а адвокат ждал, разглядывая худощавого паренька.

— Я не могу… Он перед глазами… Он и днем и ночью…

— Кто он? — уже чуть раздраженно одернул на себе жилетку адвокат.

— Он… Он…

— Бог? Черт? Или тот, кого убили?

— Дядя Сережа…

Адвокат стал немного догадываться: тот, кого убили.

— А как это перед глазами? Вот в камере, кроме нас, никого нет?

— Идет, идет, приближается и назад. И снова ко мне, ко мне…

— И что, долго такое?

— Третий день…

«С того дня, как убили», — понял адвокат.

— Ладно, — сказал он парню, когда тот немного успокоился. — Я твой адвокат. Фамилия моя Федин… Меня пригласила твоя тетя…

— Мама, — сказал парень, вздрогнув глазами.

— Хм… Мама… Но мама-то… А, да-да, — поправился, вспомнив, что уже знал: парень остался сиротой.

Мать умерла вскоре после родов, его воспитывал отец, но тоже умер, когда сын подрос до десяти лет, потом умерла его бабка, которая занималась им после отца, и вот тут взяла тетя, которую он называл «мамой».

Судя по тому, как парень поправил адвоката, тот понял: тема о родителях болезненная.

Это он прочувствовал еще глубже, когда услышал, что произошло.

— Я приехал в отпуск, — говорил парень, швыркая носом. — У меня же работа — водолаз. Тянем газопровод под Архангельском… Речек там тьма… Вот и ныряем, трубу кладем… Приехал и, надо же, встретил Санька…

— Кто такой Санек?

— Да сосед… Потянул он меня к Владимиру Михайловичу…

Федин удивился, что тот так уважительно называл взрослых — дядя Сережа, Владимир Михайлович. Молодые люди сейчас обращаются куда грубее.

— У них что-то… Санек ему стекла за что-то разбил… Он же как наколется, так всю улицу на уши поднимет… Орет… А у Владимира Михайловича оказался дядя Сережа…

— Почему дядя?

— Не могу… — На глаза парня опять навернулись слезы. Он замотал головой. — Не могу…

— Успокойся.

Федин еще не решил для себя, на самом деле так переживает парень, или делает видимость.

— Мы с ним даже сходили за водкой…

— Ты пил? — словно прицепился к слову адвокат.

— Да нет, может… — показал пальцами высоту в пять-шесть сантиметров.

— А дядя?

— Нализался…

— И…

— Сидели за столиком во дворе, разговаривали. Санек с Владимиром Михайловичем о чем-то. И дядя Сережа стал плохо говорить об отце.

— Так его же нет…

— Вот именно…

— А что?

— Что они что-то не поделили на шабашке. И он его обозвал.

— Плохо?

— Козел… Мразью называл… Я ему говорю: «Дядя Сережа, не надо».

Федин подумал: парня задели за живое.

Ему не надо было объяснять, что такое сирота: видел их в интернате, готовых кинуться к любому на шею, кто бы назвался папой, мамой. Таким острым был для них родительский вопрос.

— А он продолжал… — снова наклонил голову парень.

— И… — проявлял нетерпение Федин.

— Меня назвал «выродком»… Я терпел, терпел… А когда он мою маму шалавой обозвал, — выкрикнул парень. — Я не выдержал, ударил его.

— Не знаю, удержался бы я? — сказал адвокат.

«Вот именно», — посмотрели на адвоката затуманенные глаза паренька, который добавил: — И вот я теперь здесь.

— Да-а, — Федин прислонился спиной к стене, но, почувствовав холод кирпича, выпрямился.

Они сидели в каморке, которую заполняли стол, два табурета: на одном — адвокат, на другом — сирота.

— Что, один удар, и он каюк?

— Да нет, — парень склонил голову. — Он оперся о столик… А тот, как журнальный, развалился. Дядя Сережа поднялся, а он громила. В ВДВ служил. Он озверел: «Щенок!» — и на меня. Своими ручищами… Я ударил его еще раз и закричал: «Санек!» Тот — тут как тут. И стал дядю Сережу долбить. У меня руки трясутся, за сигаретой потянулся. А как дядя Сережа упал, Санек вошел в раж и стал прыгать на нем. Как на матрасе. Он всегда, когда наколотый, его не поймешь…

«Парень сорвался, потом самооборона», — подумал адвокат и спросил:

— А труп куда?

— Я даже не понял, что с ним. Владимир Михайлович сказал: «Убирайте отсюда это безобразие». Мы вынесли дядю Сережу на улицу.

— Чтобы не видел никто?

— Да ночь же. Я и не думал, что с ним… Даже поели пельмени. А как собрались домой, подошли к дяде Сереже. Санек руку потрогал и говорит: «Холодная».

Федину приходилось защищать молодых людей, встреча которых с близкими кончалась плачевно. Но этот случай был особый.

— Так кто он тебе, дядя Сережа?

— У моей тети мужем был…

— А что, папа, мама — они на самом деле? — спросил адвокат.

— Какая мама?

— Ну, которую обозвали.

— Что вы! Они хорошие люди. Мне отец говорил, что у мамы даже была дилемма: меня не родить и остаться живой, а родить и умереть. У нее что-то с раком по-женски. И моим рождением она спровоцировала болезнь…

— Да, когда женщину обвинят… — словно проверял что-то адвокат.

— Дядя Сережа мне: она подгуляла… Отцу изменяла… Нес такое… — он замотал головой.

Весь вид паренька говорил о том, что он находится в каком-то жутком состоянии.

— Ты только смотри, — сменил тему адвокат. — Не чуди…

Хотел сказать: не вздернись. Бывали случаи, когда человек от безысходности накладывал на себя руки.

— Да сосед по камере: «Все равно себе вены вскрою…»

— Ты что?! Ты думаешь, ты у меня такой первый… Вскрыть — ума не надо… А что ты ответил бы отцу, который тебя оставил жить, что матери, которая из-за тебя… Ты понимаешь?

— Понимаю… Но не могу…

— Твоя жизнь… Она ведь не тобой дана и не тебе, — вспомнил что-то из православного учения Федин.

Разговор затянулся надолго. На паренька свалилось все одним махом: он оказался в камере, соседи по камере пугали: «Сделаем голубым», «Все равно уроем — ты же урыл», «В зоне шага не дадут ступить — заточку в бок, и баста»…

И он от этого буквально не находил себе места.

Федин думал: не показать ли парня психиатру, но удержало: затянулось бы следствие, он не уехал бы в отпуск: через четыре дня собирался на две недели в Сухум.

Поэтому лишь успокоил, а уходя, полез в портфель и достал книгу в лощеной обложке:

— На, почитай.

— Что это?

— Библия. Помогает.

Он многим своим клиентам дарил эту книжку.

Паренек нехотя взял.

— Завтра ты будешь нормальным?

Паренек пожал плечами.

— Смотри, приду, проверю.

Выйдя из затхлого коридора следственного изолятора на свежий воздух, Федин задумался: «Вот же свела судьба. Сирота своего родственника…»

Лязгнули ворота изолятора, он зажмурился от августовского солнца — яркого в середине дня.

Достал сотовый и позвонил тете паренька:

— Встретились… Он держится, — малость слукавил. — Вас называет только «мамой»…

— Да ведь как умерла его настоящая мать, я-то «мамой» и «мамой».

— Собирайте документы. Характеристики. Справки, что умерла его мать… Потом отец… Что эта тема для него болезненная…

2

На следующий день Тема — так звали паренька, выглядел не так подавленно. Встретившись с ним в кабинете у следователя, адвокат подумал: «Вроде до суицида не дойдет». Предваряя допрос, он спросил:

— Ну, как ночь?

— Час поспал… — мял в руках Библию.

— Успел почитать?

— Страниц десять…

— В камере приставали?

Он намекнул на то, чего боялся парень.

Тот слабо мотнул головой, но подавленность не исчезла.

Следачка — долговязая, чем-то похожая на щучку, блондинка, слушая Тему, с ходу печатала протокол допроса и комментировала:

— Какой ужас… У меня же самой ребенок… И вот так бы с ним, с сиротой…

Когда Тема застеснялся назвать слова, которыми поливал дядя Серега, адвокат потребовал:

— Скажи…

Паренек произнес, после чего следачка еще резче застучала пальцами по клавишам.

На мониторе полезло: «нецензурными…»

«Жаль! Лучше бы напечатала слова…» — подумал адвокат, видя, как удлиняется строка, но промолчал.

При допросе выплыло: Санек сказал, что Тема с размаху ударил дядю Серегу головой о землю.

— Так было такое? — сжался адвокат.

— Нет, я не ударял…

— А он говорит, что было. И так на всех допросах, — следователь глянула на парня из-под челочки волос.

— Нет, что вы… Зачем он так?..

— А можно глянуть протокол осмотра трупа? — спросил Федин.

Он хотел посмотреть, какие телесные повреждения у дяди Сережи.

Но следователь, привстав, а потом присев в кожаном кресле, сказала:

— Проведем экспертизу, там покажу. У него ведь и ребер поломано одиннадцать...

«Это оттого, что Санек «танцевал»», — подумал адвокат, не желая спорить со следователем.

На этот раз Теме удалось повидаться с «мамой» — радушной, крупной, коротко стриженой шатенкой с усиками над верхней губой. Но, несмотря на то, что встреча вышла теплой, у Темы даже заслезились глаза, адвокату показалось, что все-таки она не оказалась такой, как если бы с настоящей матерью. Чего-то не хватало.

«Родную мать никто не заменит», — подумал адвокат, жалея паренька.

Тот имел «маму», но не ту, которая самая-самая, которая твоя кровь и плоть...

Федин не раз видел, как арестованные дети холодно и зло разговаривали с родителями, но там был совсем иной нерв общения. Глубинный.

«Мама» не рвалась к Теме.

Это настоящая мать прорвалась бы, сбила бы конвоира. От «мамы» - тети веял какой-то холодок, и от этого еще больше защемило сердце у адвоката.

Федин снова проведал паренька в изоляторе — снова сидели в каморке свиданий — Тема так же, теребя книжку и не поднимая головы, говорил адвокату:

— Не смогу сидеть... Я не представляю, как здесь буду... Неужели условно не дадут?..

И снова мотал головой.

— Подожди... Ты же понимаешь: ты вот видишь небо, хоть и в клеточку, — показал на закрашенное окно. — А он-то этого уже не видит... Хотя, сам понимаешь, хотел бы...

— Все равно, я не вытерплю...

— Ты мне пару дней назад говорил, что тебя это самое... Ну, сделали?

Тема отрицательно помотал головой.

— Вот... И это не заметишь, как время пролетит...

— Не говорите уж лучше... А сколько мне дадут?

— Понятия не имею... Но статья от пяти до пятнадцати...

— Пятнадцать лет сидеть! — Тема выпрямился и потом еще больше согнулся.

— Да нет... Ну даже если шесть дадут, то по двум третям — это условно-досрочное освобождение — выйдешь. Только надо там вести себя хорошо...

— Четыре года!

— Слушай, я же сказал: там кто, — показал пальцем в землю. — Труп...

— Да я понимаю... — сказал и через минуту молчания. — А условно?

— Ой, я не могу! — не сдержался адвокат. — Суд дает. А у нас задача минимизировать весь негатив. И открыть суду глаза, что ты не такой негодяй. А за маму, отца... Ведь каждому это понятно...

— Судить кто будет?

— Один судья... Хотя в твоем деле лучше бы суд присяжных...

Тема снова закивал головой, а потом вопросы повторились. Складывалось впечатление, что он зациклился на «дяде», который не покидал его воображения, на сроках, на соседях по камере, на всем, что случилось, и пытался все это как-то разрешить для себя, и от этого в голове у него кипело.

«Как бы крыша не поехала, — подумал Федин. — Как мальчишка среагировал! Другой бы на слова дяди Сереги рассмеялся. Хотя, как сказать, как сказать...»

Выйдя на улицу, Федин обратил внимание на первые зонтики, желтыми кругами повисшие в посадках. Дул резкий северный ветер, который шевелил волосы на голове.

Адвоката затронула судьба паренька, но свои желания тоже допекали.

«В Сухум! В Сухум!» — призывно зазвучало в груди.

Но не с легким сердцем он теперь собирался на юг.

На последнее перед отъездом свидание Тема пришел лысым, — этим напугал: «Уж не насильно ли?», а потом успокоил: это от вшей, чтобы всякая гадость не заводилась, и огорошил:

— К нам в камеру перевели дедка, он с Саньком сидел. Так тот сказал: «Санек хвастается, что всех купили».

И в привычной манере склонил голову.

— Купили — не купили, — пробурчал Федин.

Казалось, такое крыть было нечем. Но он резко сказал:

— Ну купили, так купили... Он и радуется... А мы будем доказывать. Понятно? Искать доказательства, оспаривать... Да и что купили, ты мне можешь сказать?

— Нет... — посмотрел на Федина. — А мы можем купить?

Это завело адвоката. Он никогда взяток не давал, хотя и не препятствовал, если такое происходило.

Но теперь его спросили в лоб, и он сначала произнес что-то нечленораздельное, а потом:

— Что ты гонишь волну! Еще рано об этом говорить...

— А вдруг будет поздно? — уставились в него глаза Темы.

Адвокат еще что-то говорил, а потом из него чуть не вырвалось: «Что я тебе, папаня, чтобы с тобой нянчиться. От каждого твоего вздоха вздрагивать».

И как обрубил:

— Хватит! Ты уже взрослый. Думай сам. И в Библию почаще заглядывай. А я пошел...

Но, желая хоть немного успокоиться, спросил:

— Дядя Серега преследовать перестал?

— Если бы...

«Час от часу не легче».

Федин почувствовал, что и его начинал преследовать фантом дяди Сереги, которого ни разу не видел, но которого чувствовал чуть ли не всеми фибрами души.

На следующий день он не ехал на юг, а скорее бежал, желая отделаться от всего — от убитого дяди Сережи, Темы и его нарастающих, как снежный ком, заморочек.

3

Дела у Федина были всегда разными, одно не походило на другое, а всегда обнажало свои особенности, которые где-то окрыляли, поражали, а где-то пугали и приземляли, и он привык относиться к этому, как к неизбежным чертам своей профессии. Ему казалось, что он обрастает шкурой, его уже не пронять неожиданным вопросом, от которого подпрыгнул бы прежде, хотя это была только видимость внешнего спокойствия, на самом деле внутри у него всегда кипело, как у ребенка.

И теперь, устремляясь на юг, он невольно чувствовал свое родство с этим пареньком и понимал, что и сам, окажись в подобной ситуации, вряд ли находил бы себе место, так же преследовал бы «дядя», так же он допытывался бы о страхах камерной жизни, о сроках наказания, об условном осуждении, о подкупе, об... об... и об...

Но, слава Богу, это «об» касалось не его: у него не было конфликта с дядей, он не находился за решеткой, его не могли «опустить», ему не грозил срок, и он не мечтал об условном наказании и не рассчитывал на подкуп.

С каждым километром, приближавшим к югу, Федин оттаивал душой и, расслабляясь, балдел от черноземного, потом кубанского, позже цитрусового раздолья.

Думал, что за две недели в Абхазии забудет о деле. До одури болтался в теплой воде сухумской бухты, но его не покидало ощущение чего-то плавающего рядом, жарился на солнце — но не мог выжечь мысли о бедолаге-пареньке, пил кружками вино — но не мог забыться. Для его холостяцкой, бездетной жизни Тема превращался в нечто большее, чем обычный подзащитный. И, возвращаясь, ощущал растущее волнение: снова забью голову, снова начнут трепать нервы, хотя, окажись на месте парня, сам не меньше бы трепал другим.

Когда снова оказался в изоляторе, то сжался, ожидая очередного наезда, который мигом смахнул бы южную беспечность с его шоколадного лица.

Но сначала все обошлось спокойно...

Тема появился потрепанным. И это сразу успокоило. Тема не грузил новыми, казавшимися ему непреодолимыми, проблемами, а со знанием дела спрашивал, сколько продлится следствие, сколько придется посидеть в изоляторе. Прежнюю бунтующую душу сменила уравновешенность познавшего тюремные истины завсегдатая. И это успокоило Федина, который даже пожалел, что столько переживал по поводу этого парня в Абхазии.

Думал, что объявившийся брат отца Темы, с которым пришлось час просидеть в его «джипе», посвящая в дело племянника, на него навалится с тяжелыми вопросами, но и тот после первых ответов уже советовался.

«Слава Богу», — вылез из «джипа» Федин.

Как и прежде, занимаясь этим делом, Федин старался контролировать ситуацию в изоляторе. И посещая Тему, узнавал, что Санька прозвали Тюленем, а почему, непонятно, что он в своей камере заявил, что собирается на свободу, что уже говорит, как Теме будет носить «дачки» (передачи), что будто Тема все берет на себя...

— Если бы, — Федин вздыхал, удивляясь апломбу подельника Темы. — Я бы не спешил с такими выводами...

Хотя ему говорила «мама» Темы, что матери Санька их адвокат заявляет: «У нас все хорошо».

Хотя что «хорошо», в голову взять не мог.

Узнал, что Тему прозвал Джусом сокамерник, которого закрыли за запугивание свидетелей. Другие его звали «Полосатый» за красный свитер с синими рукавами. Но большей частью просто доставали: «Чего такой необщительный?» А он не хотел ни с кем говорить, сокамерники для него были неинтересны. А те: «Раз необщительный, значит, у тебя в жизни что-то неровно». А что, пытались выяснить расспросами. Ему от этих расспросов становилось не по себе, а тут еще дядя Серега опять снился: «В дом хочет зайти, где я. Так еле успел дверь на щеколду закрыть» — звучало от Темы, и снова: «Не могу...»

Откровения вырвали адвоката из абхазской нирваны, и он, как мог, отбивался:

— Да, можно бы в другую камеру... Но оснований перевода не вижу...

— Почему? — засветились глаза у Темы.

— Ты боишься, что с тобой что-то сделают. Но мои клиенты такое слышали тысячи раз. И что-то все живы...

Но Тема не верил.

— Ты вспомни, в первый день думал, что над тобой надругаются. А ведь такого не произошло...

Тема кивал головой, но тем не менее не успокаивался.

«Опять засосало», — уже напрочь забыв абхазские прелести, выходил из следственного изолятора адвокат.

Тема доставал адвоката. Доставал, когда кончалось следствие, и он за него говорил следователю, как тому тяжело, стоит только вспомнить роковой день.

Но как тяжело было адвокату, это мало кого интересовало. А Федин тянул лямку, изредка вырываясь из города на дачу, и только в этом безлюдье отдыхал.

Уже отвьюжил листопад, мороз на несколько ночей сковал землю, превратив листовой настил в хрупкую корку, уже с северных горизонтов прорывалась предзимняя пора, а Федин будто прятался в продуваемый со всех сторон дачный домик, считая этот приют куда лучшим, чем у его подзащитного...

Когда Тема прочитал Библию от корки до корки, дело уже пошло в суд.

Тема еще жестче стал спрашивать:

— Нам кто-нибудь поможет?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну как, чтоб на судью...

Хотел отрезать: «Я этим не занимаюсь», но подмигнул, приставив палец ко рту:

— Т-с-с...

Мол, здесь стены все слышат.

Тема аж просветлел.

«Ох, уж этот чтец Библии...»

Но адвоката больше волновало другое: как подельник Темы умудрился переваливать дело на Тему, взял, да сказал: «Тема напоследок поднял

голову дяди Сережи и с силой ударил о землю. И после этого дядя Сережа перестал дышать».

Чей-то грубый почерк!

Вот так, запросто...

На другого...

На это Федин припас заготовку: записку, присланную Саньком Теме, в которой на вопрос Темы: «Почему поменял показания?», тот отвечал: «Так сказал адвокат».

Федина мутило от адвокатов, которые, если можно так выразиться, не ведали, что творят, советовали сказать подзащитным самую кощунственную неправду! А ведь за этим стояла жизнь другого, жизнь уже покинувшего мир.

— Я тебе устрою, — успокаивал себя Федин, представлял, как в суде, когда Санек снова «опустит» Тему, спросит своего подзащитного: «Вы подтверждаете это?» Тот ответит: «Нет, такого не было. Я его перед тем, как расстаться, головой о землю не бил...» — «Так почему вас оговаривает?» — «Потому что ему советовал это сделать адвокат...»

И, будто наяву, чувствовал, как замер бы сидящий рядом с ним адвокатишка, холеный хлыщ с безмозглой головой, в туфлях с длинными носами, весь из себя «пиджачок».

«Вы можете это чем-то подтвердить?» — звучал в голове Федина предполагаемый разговор. — «Да, Санек мне прислал записку...», — ответил бы Тема. И записка переместилась на стол суда...

Федин чуть не воскликнул:

«Вот я тебя и уделал!»

Но это пока бурлило в его голове.

Он, конечно же, не знал, как на самом деле все произойдет и как поведет себя адвокатишка, станет ли отрицать, прикинется ли несведущим, обвинит ли Тему во лжи, обругает ли его, Федина, или, как это теперь стало модным, кинет в Тему ботинком... Это ждало своего часа.

4

Выхолостило октябрь. Ноябрь начал с ночных минус шести: пронесся с морозцем и даже снежком до первой декады, потом во вторую декаду засыпало, запорошило. А в третью все растаяло. И вот принесли повестку в суд.

Все закрутилось с новыми оборотами. Опять тревожили вопросы: что будет? сколько дадут? что за судья?

Тема вжился в камерную жизнь и уже не возмущался, пытаясь вырваться, стоически переносил холод в камере и, молча, кутался во все теплое.

И вот суд...

Судья — лысый, а Федин знал его с пышной прической: «Вот чертяка! Как зэк побрился...» — отметил он. И неприятные предчувствия его не обманули.

Адвокат хотел одного — а судья:

— Уважаемый... Я отклоняю ваше ходатайство...

Стал прессовать.

И планы, надежды, что судьбами парней проникнется судья, казалось, полетели в тартарары.

Судья откровенно «щипал» словами Федина. Тот огрызался, протал-

кивая свое, а зал на замечания судьи, относящиеся к адвокату, посмеивался. У Федина создавалось гнетущее впечатление. И что странно: на улице жарил мороз, в зале жарило от батарей, а у адвокатов и обвиняемых по спине бегали ледяные колики...

Первый день просидели до трех дня. Судья объявил перерыв и удалился.

Отец Санька налетел на своего адвоката, как на мальчика, и понес: «Почему Вас давит судья? Почему не боретесь? Вы обещали!» Ему помогала мать Санька: «Что Вы спите... Что?!!» Федин собирал со стола материалы и думал: «Не дай Бог на меня налетит «мама» Темы!» А еще в голове пронеслось: «Слава Богу, я ничего не обещал... А тот: «У нас все нормально...» Вот тебе и нормально!» За этим «нормально» маячил десятилетний срок!

В растрепанном состоянии Федин покидал суд, и его не радовал предстоящий отъезд: на Новый год собирался на курорт — попить водичку, отдохнуть. Ему не очень хотелось вернуться и получить от суда очередную взбучку, а от подзащитного презрительное: «Что же так...» От «мамы», которую он малость озадачил: «Хотите, чтобы Теме меньше дали?» — «Хочу» — «Переведите тогда сыну дяди Сереги тысчонок пятнадцать... Чтобы загладить вред...»

И где-то подспудно кричало: «Скорее бы на юг! А там хоть трава не расти!»

Хотя — как не расти?

Когда адвокат ложился спать, ему нет-нет, да и снился сирота, как сироте дядя Серега, и адвокат сквозь сон отмахивался руками. А тот его толкал. В лесную чащу. Дальше. А что там, в лесу, одному Богу известно, одному дьяволу.

Подкатывал Новый год: адвокат укатил не на южный Кавказ в Абхазию, а на Северный — в Железноводск, в край с плюсовой температурой. Погода стояла весенняя, бесснежная, плюсовая, влажно-ветреная. Федин набирался сил, которые у него с возрастом и адвокатскими делами таяли на глазах. Гулял вокруг горы Железной, попивал пахнущую болотом минеральную водичку, как некоторые водочку, купался в бассейне санатория атомщиков, а потом, растирая глаза от хлорки до красноты, отгонял неприятные мысли о будущем.

И уже с каким-то напряжением в десятых числах января вернулся в свой заснеженный город, собираясь идти к Теме.

Казалось, тот снова встретит его агрессивно, будет требовать все перевернуть, все изменить, немедленно вытащить из клетки, а он по адвокатской привычке попытается проскочить «зигзаг клиента» с меньшими потерями. Даже если закричит: «Мне нужен другой адвокат», и на этот случай просчитал: пусть отойдет от дела, но с гонораром вряд ли продешевит, он почти весь его отработал. Отдаст новому адвокату крохи, что тот вряд ли захочет защищать сироту, биться и выкладываться...

Но Тема встретил его без агрессии. Разговор у них пошел мирно. Они обсудили не раз обговоренное. Федину понравилось, что Тема собирался убедить судью в своей правоте, а адвокат ему требовался только в помощь: чтобы поддакивал, иногда внося свои замечания. Федин подсказывал: «Ты вот так скажи...», «Ты это не говори...», и на радостях, что его не заставили нервничать и глотать валидол, забыл поздравить Тему с прошедшим Новым годом.

Не налетела на него «мама» сироты, которая могла бы: «Вот вы на курортах, а Тема томится...» Она покорно сообщила, что исполнила его пожелание и даже перевела потерпевшему пятнадцать тысяч.

«Все в шоколаде», — осторожно сказал себе адвокат, собираясь на следующий день в суд.

С одной хоть стороны он не предвещал ничего плохого. Со стороны клиента. А вот со стороны судьи. Прокурора. Подельника. Тут могло выплеснуться любое.

На Федина все-таки выплеснулось...

Нет, не кинулся дядя Темы, «мама»: «Вы не деретесь!»

В последний день судебного разбирательства всегда возрастала вероятность резких событий. И когда суд оказался на финишной прямой, на Федина накинулась родня Санька... Когда в суде все шло тихо и ничего не предвещало бури, оба подростка друг друга выгораживали, неожиданно выплыли прежние протоколы допросов. Прокурорша — патлатая дама в синем костюме — вцепилась в злосчастные показания Санька, где тот заявлял об ударе Темы по голове... В этот смертельный — по мнению Санька — удар!

И Федин не смог смолчать, извлек из папочки записку, которую прислал Санек, где писал, что поменял показания по совету адвоката.

— Александр оговаривает моего подзащитного, вот посмотрите, — Федин протянул записку судье.

Судья сморщился...

А холеный адвокат Санька завелся:

— Да это смешно!

Хотя на душе у него заскребли кошки.

Заскрипела скамья под Саньком...

«Тюлень»...

Судья невнятно что-то забурчал. Записка заставляла его копаться, прокурорше пришлось бы разбираться: как в изоляторе записки передают.

Градус напряжения взлетел запредельно!

Но судья, заерзав в огромном кресле и задвигав своими угловатыми суставами, как бы отмахнулся.

С запиской улеглось, но стало и понятно, что кто-то врет.

Федин незамедлительно получил удар в ответ. Стоило только кончиться заседанию, как к нему тигрицей подскочила мать Санька. Ударяя кулаком по столу, кричала: «Ты что топишь моего сына!» На что Федин: «А зачем топите сироту!» Отец Санька, выкатывая глазища, хотел схватить Федина за грудки. А Федин отстранялся: «На сироту хотите повесить! Не получится!»

В суде не вышло повторения схватки Темы с дядей Сережей. А то следующее разбирательство могло состояться в суде, только неизвестно, кто оказался бы на скамье подсудимых: Федин или отец с матерью Санька.

5

Федин глотал пилюли адвокатского поприща: «Получил же под конец...»

Его удивило: он из кожи вон лезет, чтобы помочь Теме, а дядя и «мама» даже не одернули родителей Санька.

Теперь перед глазами Федина нет-нет и появлялись не Тема, не дядя

Серега, а приплюснутое лицо мамаши Санька и разъяренные глазищи папаши.

Федин не знал, что его ждет дальше. Он не хотел лезть глубже в драку, но и бездействовать не позволяла его адвокатская честь. И, приглушая в себе пульсирующее негодование, он весь вечер и полночи готовил выступление.

Его выступление прошло на ура. Зал сразу будто замер. Каждому было объяснимо поведение паренька, которому крепко досталось по жизни... Била смерть матери... Смерть отца... Смерть деда... Смерть бабушки... Оскорбления дядей Серегой его матери, его отца... Дядей, которого Тема ни разу не назвал иначе как уважительно: «Дядя...»... И у всех напрашивался вопрос: что ж все так... Федин вспомнил службу Темы, когда его избили и раньше времени комиссовали... Это тоже говорило, что сироту некому было защитить... И закончил на той ноте, чтобы суд положил конец этой жуткой истории, проявил мудрость, милосердие и дал шанс скорее искупить вину Теме и войти в жизнь...

— Я смотрю сейчас на этих молодых людей, — голос Федина звучал в полнейшей тишине, — и ведь не за горами то время, когда они окажутся в нашем городе. И я верю, что тот же Тема позвонит мне и скажет: «Я был на могиле у дяди Сережи. Я там бываю теперь...» Вот тогда-то и поймешь всю человеческую и юридическую оценку происшедшего в тот трагический день... И оценку не очень благодарного, тяжелого судейского труда!

Когда судья взял текст выступления Федина, то стал оправдываться.

«А, зацепило!» — порадовался Федин.

Родители Санька теперь жали Федину руку. Все расходились с мыслью, что на этот раз не ударит судьба жестоко сироту.

Судья взял тайм-аут до последнего слова обвиняемых.

— Зачем ему нужно столько времени? — заволновалась родня парней.

Федину хотелось скорее услышать решение, когда суд еще находится под впечатлением выступления адвоката, но лишь развел руками:

— У нас суд подчиняется только Богу...

Последнее слово Темы прозвучало через неделю. Прозвучало как-то скомкано. Человек часто хочет сказать что-то важное, а выходит путаная невнятица. Сразу после слов Темы и Санька судья удалился в совещательную комнату, пригласив на оглашение в этот же день к четырем часам дня... Все разошлись кто куда — по домам, по этажам, Тема с Саньком забились в разные углы клетки в конвойке. Федин отъехал, отъехал и его холеный коллега. Но в четыре дня все замерли в зале. Замерли впустую — секретарь судьи зашла и объявила:

— Приговор объявят завтра в десять утра...

«Подчиняется только Богу...» — подумал Федин, прощаясь с «мамой» и Темой.

На следующий день все снова заполнили зал. Федин оставил куртку в зале, а сам сел в коридоре на свободную скамью, которая оказалась рядом с кабинетом судьи.

В ушах его звучало привычное: «Именем Российской Федерации... приговорил...»

Он прикидывал: сколько же даст судья. Статья-то от пяти до пятнадцати.

«Пять? Это было бы хорошо. Червонец? Плохо».

Он склонил голову: мимо проплывали платья, шубы посетителей и работников суда — пятнистые, светло-серые, кремовые, смоляные. Стучали по полу туфли, сапоги на каблуках, босоножки, полусапожки с меховой опушкой. И вдруг прошли ботинки. Он поднял голову и увидел судью в пальто и в нутриевой кепке — он направился не в зал, а к выходу из суда.

«Ого! — прозвучало внутри. — А все думают, он пишет приговор».

Хотел кинуться вслед и спросить: когда объявите решение, но адвокатское чутье удержало: не суйся, сейчас твоему Теме добавит пару годков и потом еще скажет: «Это за такого адвоката, который не уважает судью». В этот момент он готов был сдувать пылинки с пальто судьи, лишь бы только чем-то не задеть представителя Фемиды.

В голове Федина промелькнуло: «А если к любовнице свалил?.. А если в кафе?.. И в душе молил, чтобы любовница ласковой оказалась, и чтоб в кафе накормили лучшими блюдами...

Время текло.

Судьи не было уже час...

Полтора часа...

«Он что, хочет показать, кто здесь царь? Но это и так известно — он... Или чтобы пацаны прочувствовали глубже... Или разогнать всех из зала, чтобы приговор объявить келейно».

Два часа...

«Оттягивается по полной программе», — уже озлило Федина.

Те, кто ждал судью в зале, сиротливо бродили по коридору, ругались:

— Что же это... Я отпросился на час...

— Не уважает людей...

— Свинья!

«Что бы они сказали, если бы видели, что судья свалил? И если бы узнали, что он у любовницы?» — думал Федин, уже сам поглядывая на часы.

Три часа...

Народ стал рассасываться...

Слинял холеный адвокат...

Когда Федин посмотрел на часы: «Судьи нет четыре часа», он закряхтел и сказал «маме»:

— Я думаю, вы сами приговор услышите и мне позвоните...

— Хорошо, — согласилась та.

Когда Федин по льдистым прожилкам скользил на остановку, переваливаясь по заносам, ехал в маршрутке, то представлял, как охнут «мама», родичи Санька, когда увидят возвращавшегося судью и поймут, что того не было в суде, как напустятся на него!

Как он желал, чтобы его охаяли.

Он уже ждал звонка с любым известием: «Дали десять лет... Дали пятнадцать». Неожиданно замяукал сотовый, и он, вытащив его из кармана, услышал: «Шесть лет...»

Он замолчал, ожидая реакции «мамы», потом соскочил из остановившейся маршрутки на стоптанный наст:

— Повторите...

— Шесть... Шесть...

— Ну, это...

— Это не десять! — кричала в трубку радостно «мать».

— Ну, если вы согласны, то что ж...

— Да, он меньше не даст... Это и так у самого нижнего предела...

— Я же говорил: шесть лет дадут! — вспомнил свои предсказания, забыв все свои возмущения судьей.

На его взгляд, шесть лет колонии были нормальным результатом, но он еще не знал, что сказал бы на этот счет сирота, которому и шесть лет могли показаться сумасшедшим наказанием.

Тема встретил продрогшего с мороза Федина вопросами: что такое шесть лет, как их отбывать, в какой колонии, что там заставят делать, что его ждет после отбытия наказания, не бросит ли «мама»...

Град вопросов.

У адвоката вдруг промелькнула неожиданная мысль, что он сироте как отец... И на него сыплется все, что должно было высыпаться на родителя.

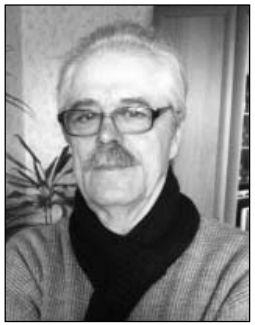
И он в первый раз попросил сжалиться над ним:

— Сынок, дай мне передохнуть...

Он понимал, какой груз на него опрокинется дальше, если он останется помогать пареньку.

Сирота смотрел на адвоката и о чем-то напряженно думал. Он никого не называл «папой», и это слово готово было сорваться с его языка и со всею силою влететь в однобокую жизнь Федина.

□ □



Юрий Леонидович Силантьев *родился в 1949 году в Грузии. Окончил Телавский государственный педагогический институт. Стал кадровым офицером. Проходил службу в странах ближнего и дальнего зарубежья, участвовал в боевых действиях в «горячих точках». Печатался в журналах «Огонек», «Кругозор», «Заря Востока», региональных альманахах и изданиях. Автор книг стихотворений «Все кони да звезды...», «А кроме быта есть еще стихи», «Монологи». Живет в Воронеже.*

Юрий Силантьев

ЧЕЛОВЕК, ВЕРНУВШИЙСЯ С ВОЙНЫ

* * *

Я пока еще не умер.
Я пока еще не старый.
Чуть красивый... Даже умный.
Только очень уж усталый.

Только очень я усталый,
жизнью битый-перебитый...
Вот и нервы не из стали,
вот и щеки не побриты.

Не примерены проливы,
не проверены дороги,
не разобраны архивы
и не собраны итоги.

Но и в этом мире зыбком
сохранил я шага твердость.
Не ушла из глаз улыбка,
только память поистерлась...

И уже тревожит осень
злым ознобом меж лопаток.
И в прическу вмерзла проседь —
за мои потери плата...

РОТА

Окопная легенда

А у роты был веселый запев,
средний возраст у нее — двадцать лет.
Молодая, едет рота теперь
в батальон свой по российской земле...

Вот приехали туда, где война.
Пулеметы берегут мост чужой.
А нужна главштабу та сторона!
Нужен мост. И не поспоришь с судьбой.

Батальон уж поредел на войне.
Значит, рота — как подарок судьбы...
И рассказ пора заканчивать мне,
чтоб успеть, покуда я не убит.

Встала рота под огнем в полный рост —
накачал ее спиртягой комбат, —
и пошла на этот проклятый мост!
И пошла!.. И не вернулась назад.

Только это, пацаны, не конец...
Говорят, что в подмосковном селе
с пьяных глаз комбат отмерил свинец —
и ушел в слезах за ротою вслед...

ЧЕЛОВЕК, ВЕРНУВШИЙСЯ С ВОЙНЫ

Месяц март, — и под землей трава,
пробудясь, готовится в десант.
И слегка кружится голова,
даже если вам за пятьдесят.

Четкий ритм качает поезда
день и ночь над рельсами страны...
Но не хочет ехать никуда
человек, вернувшийся с войны.

А куда, когда везде лежат
те, кого прикончила война...
Жизни жаль, и молодости жаль,
и тоски не вычерпать до дна!

Год за годом, вечно молодой,
ангел с неба столько лет трубит
зря над изувеченной страной
заповедь Господню «Не убий!»

Про любовь приносит сны весна.
Но совсем иные видит сны —
(если ночью не сидит без сна)
человек, вернувшийся с войны.

Свет луны течет, как чистый спирт,
сквозь окно в его пустой стакан…
Что с того — он спит или не спит?
Что с того — тверез он или пьян?

Пред иконой свечечка горит —
вечная отдушина вины…
Родина, когда ж тебя простит
человек, вернувшийся с войны?

ПОХОРОНЫ ВЕТЕРАНА

Отцу — посмертно…

Полковника везли не на лафете, —
несли через поселок на плечах…
И обдувал июльский знойный ветер
сосновый гроб в чехле из кумача.

Отдельно — впереди — несли медали
и ордена за взятье городов…
Он не хотел, чтоб с ним их зарывали, —
он не хотел кладбищенских воров!

Стенал оркестр — пять музыкантов местных,
из меди выдувающих шедевр.
Шли провожающие позади оркестра, —
и каждый будто в пустоту глядел…

А там — уже распахнуты ворота.
И у могилы — ветеранов горсть.
И к крышке гроба приложивши, кто-то
старательно вбивал в фуражку гвоздь.

За взвод почетный — три милиционера, —
из пистолетов дали залп тройной…
И опустили в землю офицера, —
в стране нелепой, горькой… но родной!

ПЛЕННЫЙ НАЕМНИК

Юрию Тиунову из 104-й дивизии ВДВ

Он стоял, заложив руки за спину,
и не щурясь смотрел на закат,
никаким государством не засланный,
не подвластный законам солдат.

Он стоял вне закона и родины,
прозываемый «диким гусем».
За Афган два потертые ордена
так неброско гляделись на нем…

Он стоял, улыбаясь презрительно,
зная горе свое наперед —
он умрет. Все ему извинительно,
потому что он страшно умрет!

Редкий гость — эта птица плененная.
Оттого и толпа собралась,
кровью будущей опьяненная,
поглазеть на жестокую казнь.

Ну, а он пил закат этот розовый,
веря, что Милосердный простит
все за муки его и за бронзовый
крестик, что под тельняшкой висит…

* * *

Жжет огонь мою душу. И в сердце гудят провода.
Я уже никогда от проклятой войны не остыну!
Напряженно хожу по своим, по родным городам, —
будто я еще там, где мне запросто выстрелят в спину…

В сны вторгается вдруг сквозь суставчатых гусениц лязг
леденящее кровь завыванье короткое мины.
И встает из-под ног, на дыбы подымаясь, земля…
И звенит в голове одинокая мысль, что — мимо!

Пепел прожитых лет навсегда мне присыпал главу,
поистерлась прическа, и в теле прибавилось груза.
По утрам удивляюсь, что выжил тогда. Что живу.
Что еще не погибла пробитая пулями муза…

***Владимир Васильевич Тулупов** родился в 1954 году в Уфе. Окончил филологический факультет Башкирского государственного университета. Сотрудничал с рядом уфимских и воронежских газет. Доктор филологических наук, профессор. Декан факультета журналистики Воронежского государственного университета. Автор около трехсот научных и научно-методических работ, нескольких книг стихов и публицистики. Живет в Воронеже.*

Владимир Тулупов

АЗБУКА ЭССЕ

Автор работает над этим циклом уже несколько лет, пытаясь представить в новом свете различные понятия, явления, книги, фильмы и т.д. — от А до Я. Заново постигая азбучные истины, он, тем не менее, предлагает относиться к процессу переосмысления со всей серьезностью: ведь — вспомните! — именно с «Азбуки» многие из нас начинали осознанно постигать мир.

АНЕКДОТ

Перефразируя классика, скажу, что анекдот в России больше чем анекдот... Хотя вполне возможно, что он так же популярен и в других странах: ведь этимология этого понятия восходит к французскому слову, обозначающему краткий рассказ об интересном случае, а еще — к греческому, буквально означающему «не изданное», «не опубликованное». Собственно, в этом суть анекдота — фольклорного (т.е. народного) жанра, короткой (обязательно смешной) истории, обычно передаваемой из уст в уста.

Есть и старинное русское название анекдота — байка (хотя у нас она, скорее, разновидность анекдота). Интересно, что сегодня анекдоты и байки вместе с их рисованными аналогами — карикатурами охотно публикуют газеты в качестве оперативных остроумных откликов на актуальные события дня.

Некоторые относят к анекдотам даже стихотворные формы, но мне все же ближе классический вариант этого жанра — маленького рассказика с неожиданным смысловым разрешением в самом конце, доставляющим эстетическое удовольствие. Приемы могут быть самые разные — главное, чтобы их применение вызывало смех. Очистительный смех. Александр Наумович Лук, всю свою жизнь посвятивший исследованию природы юмора и остроумия, выявил и классифицировал эти приемы. Вот лишь некоторые из них: ложное противопоставление; доведение до абсурда, нелепость, намек, ирония, парадокс... Что же касается проблематики, то анекдоту доступно все: он охватывает практически все сферы человеческой деятельности — от быта до политики.

В начале девяностых годов прошлого века мы с моим товарищем Вадимом Георгиевичем Кулиничевым решили подготовить серьезную книгу об этом несерьезном жанре, т.е. написать историю анекдота, представить его типологию и классификации, привести образцы качественных анекдотов... Но, как заметил позже Вадим в одной из своих статей, «сработал эффект открытого шлюза — хлынул поток. Торопливость, конечно, объясняется не только условиями рынка, но и подспудным, неискоренимым пока чувством: а вдруг пройдет время и снова запретят...». В общем, вскоре сборники анекдотов буквально заполонили книжные прилавки, эффект неожиданности пропал, а подборки анекдотов вызывали много претензий с точки зрения вкуса.

Да, оказывается, вкус в искусстве анекдота очень важен. Я регулярно просматриваю колонку анекдотов в «Комсомольской правде» и для себя отмечаю: сегодня выпускающий редактор с чувством юмора, а вот вчера (позавчера, третьего дня...) — просто ужас: пошлость на пошлости... Вообще, не каждый анекдот может быть опубликован. Какой-то пройдет в тесной мужской компании, но ни в коем случае — в СМИ. И иногда преградой может стать не этический, а, так сказать, типологический барьер. Есть анекдоты, которые надо показывать, помогать мимикой, интонацией.

Вот, например, анекдот, который в газетном варианте не вызвал никаких эмоций, а в талантливом пересказе просто уморил слушателей.

Утро. Касса магазина. Похмельный мужчина говорит:
— Два восемьдесят семь.
— В какой отдел?
— В кондитерский...

Ну, что здесь смешного? Вроде ничего, если не знать, что два рубля восемьдесят семь копеек в советское время стоила бутылка водки, если не изобразить трясущегося мужичка, высыпающего на блюдечко мелочь, кассиршу, бойко спрашивающую, в какой отдел пробивать чек, наконец, если не показать выпучившего глаза пьянчужку, после длительной паузы ехидно отвечающего: «В кон-ди-терс-кий...».

Поскольку чувство юмора может развиваться, некоторые анекдоты со временем начинают казаться несмешными и даже безвкусными. По анекдоту даже можно судить (и судят!) о человеке. Телевизионный ведущий Борис Ноткин каждую передачу о герое заканчивает просьбой рассказать любимый анекдот. Это неслучайно. Ведь если, например, вы смеетесь над анекдотами о поручике Ржевском, то считайте, что определенная репутация вами заработана... Уже не модно рассказывать анекдоты о Чапаеве, о Штирлице, о Вовочке, о чукчах, хотя и среди них встречаются остроумные и необидные.

В некоторых компаниях до сих пор популярны анекдоты, в которых фигурируют политические деятели. Например, такой:

Старичка, который родился при Ленине и жил при Сталине, Хрущеве, Брежневе, Горбачеве, Путине, журналист спросил, когда ему лучше всего жилось?
— При Сталине, — твердо ответил дедушка.
— Ну, как же, — удивился корреспондент, — ведь при нем крестьянина давили, раскулачивали... Подумайте хорошенько.
— При Сталине.

— Ну, погодите, а как же 37-й год, репрессии?..
— При Сталине.
— Но послушайте, и после войны — лагеря, борьба с космополитами и прочее, прочее... Ну, почему, почему вы на этом времени настаиваете?
— Девки моложе были, — вздохнул старичок.

Почти ушли в прошлое анекдоты про армянское радио, а вот грузинские, еврейские анекдоты по-прежнему популярны.

Приехал Брежнев в Грузию. Идет по селу и видит, что ему навстречу грузин несет арбуз.
— Какой красивый, какой крупный арбуз!
— Вибирай!
— Да чего же выбирать, у тебя всего один арбуз.
— Ти же у нас тоже адин, а вот ми тебя вибираем.

Или:

Поймал Рабинович Золотую Рыбку. Рыбка, как обычно, предлагает три желания. Рабинович задумался, почесал лысину:
— Хочу дом на Средиземноморском побережье, три миллиона долларов на счет в банке и молодую жену. Это, значит, раз!

Не так давно появились анекдоты о «новых русских» и блондинках, театральные байки становятся основой многих телевизионных передач, студенты придумывают и разыгрывают анекдотические ситуации в Клубе веселых и находчивых... Все это говорит о том, что анекдот жив, и он нам, как и песня, строить и жить помогает.

БЕЛАЯ ВОРОНА

Белая ворона — существует ли она в природе? Оказывается, вороны с белым оперением редко, но встречаются. Ученые называют это явление альбинизмом, и отмечают, что такие птицы из-за своей заметности более уязвимы для хищников. Но я хочу говорить, конечно же, не о птицах, а о людях, которых называют белыми воронами, о самом явлении инаковости, часто сопряженной со страданием, непониманием и отчуждением со стороны окружающих.

Итак — белая ворона, противоречивый символ необычности. Кстати, в некоторых европейских языках есть аналог — «черная овца» Но если белая ворона — это символ некой избранности, чистоты, беззащитности, то «черная овечка», «черный барашек» (по-английски *black sheep*) — это символ своенравия, и вообще что-то такое отрицательное, негативное...

Как же живется белым воронам в современном обществе? Нужны ли они? Много их или мало? Стали мы терпимее к тем, кто выбивается из общего ряда, или по-прежнему отторгаем их? Непростые вопросы.

Есть мнение, что белые вороны характерны для табуированного, нормативного общества, а там, где много свобод, это понятие исчезает. Ведь когда выделено все — не выделено ничего. Когда белых ворон много — их перестают замечать, а когда их становится очень много — начинают выделяться черные вороны. Вот такой парадокс.

По сути, это разговор об ограничениях и стереотипах, о моде и традиции. И о том, что все движется по спирали, многое повторяется, меняясь лишь по форме. Например, те, у кого материальные ценности были на первом плане, раньше были белыми воронами, а сегодня так называют тех, кто ставит выше ценности нравственные. Вот вам пример — наш знаменитый математик Григорий Перельман. Посмотрите, какое раздражение вокруг него: что это такое, что он там из себя корчит — от миллиона долларов отказывается?.. А у него просто другие ценности, ему достаточно общения с мамой и сознания того, что он великий.

Как-то проходя мимо ЦУМа, я среди выставленных картин увидел портрет нашего известного афориста Аркадия Давидовича. Вот кто всю жизнь был и остается белой вороной. Или наш земляк Юрий Верменич — историк джаза с мировым именем! Он выучил английский язык с одной целью — захотел изучить историю джаза. Сегодня любой серьезный джазист мира знает его имя. Когда-то говорили: кто сегодня любит джаз, завтра родину продаст, а сегодня это модно: конкурсы и фестивали джазистов проходят не только в столицах, но, например, в Саранске, в Воронеже, джазу отдан целый радиоканал... Получается, что белые вороны — это те, кто смотрят в будущее чуть дальше, чем обычные люди. Иногда их понимают лишь потомки. Они опережают время. Посмотрите фильмы Тарковского, которые когда то называли трудными — просто режиссер во многом предвосхитил стилистику современного кино.

Значит, белые вороны — это своего рода «подсказки» обществу, «указатели движения». Это — двигатели прогресса. Это — люди вертикали, совершающие прорыв. А есть люди горизонтали, которые этот прорыв развивают и укрепляют.

Но — заметьте — обществу нужны и те, и другие.

Если, например, взять литературу, то в ней есть классики, есть литераторы второго, третьего ряда... Произведения первых не всегда однозначно принимаются публикой, их критикуют, порой нещадно, но они — всегда на слуху. Беллетристы второго и третьего рядов подхватывают тему, метод, приемы, развивая их, и тем самым — развивая аудиторию. Читающей страна может стать, лишь имея много крепких профессиональных писателей. Спрос рождает предложение — и наоборот.

Но есть произведения, а есть проекты. Когда появились первые романы Бориса Акунина, я их читал с огромным удовольствием. Потому что за ними была целая жизнь автора, который неслучайно посвятил первые, кажется, шесть романов великой литературе XIX века. Первые романы о Фандорине — и увлекательные детективы, и великолепные характеры, и, как говорят литературоведы, литературные реминисценции, стилизации, масса исторических, культурологических, этнографических сведений... Когда же написание романов стало проектом, частью тщательно продуманной и организованной маркетинговой кампании — пошли повторы, искусственные коллизии и т.д. и т.п. Да, пришли деньги, но ушла глубина, ушла настоящая литература. Сегодня прочитал — завтра не вспомнишь что и о чем...

Но вернемся к белым воронам. Почему общество чаще всего нетерпимо к ним? Может быть, их неприятие — это неприятие перемен, которые за ними стоят. Ведь люди в основной массе своей не любят перемен. А белые вороны, хотя и не революционеры, но революционны по своей сути. Наверное, поэтому белых ворон не должно быть много, желание сохранить статус-кво — это в порядке вещей. Потому что есть базовые вещи, которые нужно сохранять. Ведь белая ворона, нацеленная на отрицание всего и вся, при этом обладающая свехэнергетикой, — это скорее страшно, чем хорошо. История знает тому много примеров. Наполеон, Гитлер...

Есть известная притча. Учитель ведет своих учеников, а навстречу им идет путана, женщина свободных нравов. И она говорит учителю: «Ты окружен учениками, они почитают тебя, но стоит мне поманить пальчиком, как они бросят тебя и пойдут за мной». «Да, — ответил учитель, — ведь я веду их в гору, а ты с горы».

И все же белые вороны как оригинальные явления (феномены, по-научному) крайне необходимы развивающемуся обществу. Вот и русские — очень молодая нация. Мы еще бурлим, как молодое вино, и среди нас огромное количество уникальных людей. Мы должны искать новое — и мы его ищем. Мы ищем этих белых ворон, которые и возникают потому, что мы их ищем, иначе они незамеченными пролетали бы мимо...

ВРЕМЯ

Известен такой забавный случай: Самуил Яковлевич Маршак, прогуливаясь по набережной Темзы, поинтересовался у полисмена, который теперь час... Наш замечательный поэт, прекрасно знавший английский язык, вдруг ошибся, применив по отношению к слову time («время») неопределенный артикль... Служитель порядка, видимо, не лишенный юмора, ответил: «О, это очень философский вопрос».

Действительно, время, по словам Аристотеля, — это «самое неизвестное среди неизвестного в окружающей нас природе». Что ж, мудрецы мыслят глобально, но нам, простым смертным, осознающим, что ход времени нельзя не замедлить и не остановить, все же (и именно потому!), необходимо научиться хотя бы чуть-чуть управлять им. И это вполне реально, если даже в теории и практике менеджмента появилось целое новое направление — тайм-менеджмент. Отсюда и новое понятие — самоменеджмент, означающее «планирование, организацию, распределение и контроль за использованием рабочего времени в организации и собственного времени руководителя с целью повышения эффективности работы отдельных подразделений и организации в целом».

Всем известна крылатая, но почти затертая фраза «Время — деньги». Но не все, возможно, понимают, что ее глубинный смысл связан не столько с финансами как таковыми, сколько с актуальнейшей проблемой производительности труда. Речь о той самой научной организации труда (НОТ!), которая начинается с поиска причин дефицита времени. Эксперты выделяют как внешние причины (нагромождение работ, неэффективный информационный обмен, слабая мотивация труда), так и причины внутренние: постоянная спешка, домашние доработки, суетливость, бесплановость работы, уход от проблемы и др. Они же сформулировали простые, но очень действенные правила управления временем:

Начни с главного.
Отклоняй помехи.
Своевременно делай паузы.
Соблюдай размеренный темп.
Используй временные промежутки.
Придерживайся ритуала.

Последнее особенно важно применительно к началу и концу рабочего дня, который начинается или завершается просмотром писем и документов, подготовкой рабочего места и т.п.

Казалось бы, все это рутина, но ведь именно такой подход к делу высвобождает время для творчества или для философствования... Я, например, переписал все свои записные книжки в один электронный файл, который постоянно уточняю и пополняю. Знали бы вы, сколько времени экономится на этом! А еще составляю подробнейший план на полгода вперед, в котором сначала записываю все обязательное и повторяющееся: расписание занятий, заседания кафедры, ученых советов факультета и университета и т.д. Какой-нибудь звонок о приглашении на конференцию или защиту диссертации не ставит меня в тупик: ведь передо мной лежат месячный и еженедельный планы, а также план дня.

В общем, надо помнить, что Время непобедимо, но все же договориться с ним по мелочам, кажется, можно:

Время-времечко — что за материя?
Говорят, оно мчится быстрей...
Понимая умом, все же не верю я,
Что почти шестьдесят, хоть убей...
Ах, ты, времечко-время, обманчивое,
Вызываешь и трепет, и страх:
Ведь себя ощущаю я мальчиком,
Хоть другим предстаю в зеркалах...
Время сильное, времечко мудрое,
Расставляешь ты все по местам:
Тень ночную смахнув светлым утром,
Вновь ты судишь людей по делам...

ГАЗЕТА

Мы все привыкли, что газета — это бумажное печатное периодическое издание, выходящее под постоянным названием несколько раз или всего один раз в неделю. Но газеты не всегда были такими: еще до изобретения бумаги ими считались глиняные дощечки с хроникой событий и даже белые стены, на которых записывалась разнообразная информация. Газету называли *акта диурна урбис* или *акта диурна попули*, если информация представляла собой ежедневную хронику, дневник сообщений коммерческого и светского характера; газету называли *акта сенатус* или *акта патрум*, если это были официальные протоколы совещаний римского сената.

Но вообще сам термин «газета» возник позднее и произошел от гасеты — мелкой итальянской монеты, которую в XVI веке платили за прочтение ежедневного публичного листка с информацией (сообщениями о придворной жизни, торговыми новостями из других городов). А название самой монеты произошло от *гасы* (итал. *gazza*) — по-нашему сороки, изображенной на ней. И неслучайно один из конкурсов журналистского мастерства журфака ВГУ, располагающегося по адресу: Хользунова, 40-а, мы назвали «Сорока»...

В России предшественниками печатных газет были периодические рукописные обзоры немецкой и голландской прессы, которые составлялись в Посольском приказе для царя и бояр. Их называли курантами. Первый сохранившийся выпуск газеты «Ведомости» датируется 13-м января 1703 года.

С тех пор многое изменилось: после газет появились журналы, затем, через три века, изобрели радио, телевидение, потом наступила пора Интернета... Сегодня вовсю говорят о кризисе бумажной прессы — недавно даже книга вышла под названием «Когда умрут газеты»... Но давайте не будем спешить: когда изобрели фотографию, некоторые горячие головы тоже начали хоронить живопись, когда изобрели кино — стали отпевать театр... Но жизнь оказалась мудрее псевдооракулов: сегодня музеи живописи полны посетителей, театры — зрителей... Газете также найдется место в огромном информационном пространстве. Конечно, она будет иной, ведь технологии стремительно меняются, не изменится лишь суть газетной работы.

Вот отрывок из стихотворения «Газетный день», написанного Владимиром Маяковским почти сто лет назад. Наш гениальный поэт был еще и журналистом, который по-своему описал один день редакции:

Рабочий
утром
глазеет в газету.
Думает:
«Нам бы работешку эту!
Дело тихое, и нету чище.
Не то что по кузницам отмахивать ручища.
Сиди себе в редакции в беленькой сорочке —
и гони строчки.
Нагнал,
расставил запятые да точки,
подписался,
под подпись закорючку,

и готово:
строчки растут как цветочки.
Ручки в брючки,
в стол ручку,
получил построчные —
и, ленивой ивой
склоняясь над кружкой,
дуй пиво».
В искоренение вредного убежденья
вынужден описать газетный день я.

Это — только начало большого стихотворения, которое рассказывает о непростой и даже опасной работе газетчиков.

Современные газеты, несмотря на своих мощных конкурентов в лице электронных средств массовой информации, сохранили массу достоинств. Например, одну страничку текста сложно дослушать до конца по радио или по телевизору, а в газете мы легко прочитываем многостраничные статьи и очерки. Причем можем делать это многократно в любое время и в любом месте.

Медиаэксперты ищут и находят аргументы в пользу бессмертия газет. Вот некоторые из них: доверие к печатному слову по-прежнему высоко; каждый газетный номер — это отдельное подготовленное профессионалами произведение, это иерархия новостей, это сжатая панорама мира. Ведь вовсе неслучайно крупные и дальновидные инвесторы продолжают покупать газеты, как магнат Джефф Безос, который недавно приобрел за $250 млн *The Washington Pos*t, как другой богач Джон Генри, купивший *The Boston Globe*...

Писатель Оноре де Бальзак еще в 1850 году выпустил «Монографию о парижской прессе», в которой образно классифицировал работников прессы. Сначала великий француз выделил два вида журналиста — публициста и критика, затем — более десятка их подвидов: памфлетиста-фельетониста, публициста с портфелем, критика старого закала, юного белокурого критика и т.д.. Эта классификация продолжает действовать и сегодня, когда среди газетчиков мы выделяем информационщиков, аналитиков, пропагандистов, развлекателей. Есть и журналисты-гуманисты, специалисты, творцы, а еще — корреспонденты и редакторы. Первые по преимуществу добывают, обрабатывают и транслируют информацию, а вторые — в основном редактируют и компонуют информацию. Так что актуальными остаются стихотворные строки Маяковского:

Если встретите человека белее мела,
худющего,
худей, чем газетный лист, —
умозаключайте смело:
или редактор,
или журналист.

ДЕМАГОГ И ДИЛЕТАНТ

В свое время мне, начинающему журналисту, посчастливилось брать интервью у прекрасного актера Георгия Буркова. Он собирался в Сростки на юбилей Василия Шукшина, и, наверное, потому разговор в основном вышел о дружбе этих замечательных людей. Георгий Иванович вспоминал: «Перед самой смертью зашел он ко мне в каюту и сказал: «Ну, Жорка, кажется, я напишу для тебя хорошую пьесу. Нашел «героя нашего времени». — «Кто же это?». Он загадочно посмотрел на меня и четко сказал: «Де-ма-гог». Он давно говорил о теме социальной демагогии (помните «Срезал»?) — наверное, речь шла о демагогии чувств, инфантильности...»

Итак, демагоги. Интересно, что в Древней Греции так называли демократических лидеров, «народных» политиков, защитников интересов масс. То есть первоначально это

слово вовсе не имело негативного оттенка и только с годами приобрело совершенно иной смысл. Сегодняшний демагог — это лицо, «старающееся создать себе популярность среди народных масс недостойными средствами (извращением фактов, лестью и т.д.)». В общем, популист. Таков, кстати, герой комедии Аристофана «Всадники» Пафлагонец, таков Фома Фомич Опискин из повести Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели», таков Глеб Капустин из уже упоминавшегося рассказа Шукшина «Срезал».

Демагогу не нужна правда, ему лишь хочется доказать, что прав ОН, и никто другой. И для достижения этой главной цели демагог применяет массу запретных приемов: скрытие истинного положения вещей, недомолвки, отказ от рациональной аргументации, «подколки», цепляние к отдельным словам и т.д. Алогичность умозаключений демагога может поставить в тупик. Ну как ответить, например, на такое восклицание: «Что может сказать об архитектуре мужчина без прописки?» Это — замечательный остроумец Жванецкий...

К нашему несчастью, демагоги стремятся в политику, и им это нередко удается сделать: вон они мелькают на экране, бросая лживые и безответственные обещания, извращая факты, обманывая, льстя, манипулируя сознанием людей, спекулируя на чувствах и стремлениях масс, вводя их в заблуждение. Самое печальное, что массы охотно «ведутся» на такой, как говорится, «развод», и политики-демагоги безбедно существуют десятилетиями.

Поскольку основа демагогии всегда дилетантизм, обратимся и к этому не менее современному явлению.

Кто такой дилетант? Это — любитель. Журналистов, знающих немногое о многом, нередко называют дилетантами, и хороший журналист этого не скрывает — он как бы говорит интервьюируемому: я ничего не знаю о вашем предмете, но вы расскажите мне о нем так, чтобы я понял, и я расскажу об этом массовой аудитории, чтобы и она все поняла. Конечно, и в журналистике ценят специализацию: так, наш земляк Василий Песков стал, по сути, экспертом в проблемах экологии, он со знанием дела рассказывал о природе, о растениях и животных. А его коллега Ярослав Голованов специализировался в научной журналистике. И есть немало выдающихся политических, экономических, спортивных публицистов...

Но вернемся к дилетантам. Какая-то мода на них пошла... Кто-то посчитал, что руководить армией может и должен не военный, системой здравоохранения — не медик... Так в советское время на ту или иную отрасль «бросали» партийных деятелей или чиновников. Помните товарища Огурцова из «Карнавальной ночи» в исполнении народного артиста Игоря Ильинского? Одни его фразы чего стоят: «В то время, как нашей задачей является охват трудящихся культурными мероприятиями, отдельные работники дома превращают его в балаган. Зная мое желание придать вечеру сурьезный характер, вышеназванные товарищи позволили себе подорвать мой авторитет, для чего сунули мне в карман птицу...» Или: «Ну, что ж, заслушаем клоунов... Ну и что, что квартет? Добавьте сюда еще людей — будет большой, массовый квартет!»

С премьеры «Карнавальной ночи» прошло уже более 50 лет, а век Огурцовых все не проходит и не проходит. Они руководят газетами, театрами, вузами... То же и в спорте. Недавно прочитал интервью с экс-президентом «Локомотива» Николаем Наумовым, который сетовал: «Человек без категории Pro тренировать команду премьер-лиги не имеет права. Почему же должность спортивного директора или руководителя селекционной службы может занимать кто угодно? И для них надо ввести лицензирование».

Чем страшен дилетант? Стремясь доказать свою состоятельность, он вынужден лебезить перед начальством и, обладая недюжинной энергией (иначе бы зачем ему принимать новую должность?!), действует как слон в посудной лавке. Все рушит, унижая подчиненных и постепенно скатываясь в хамство, о котором писатель Дмитрий Мережковский сказал так: «Одного бойтесь — рабства и худшего из всех мещанств — хамства, ибо воцарившийся хам и есть черт — уже не старый, фантастический, а но-

вый, реальный черт, действительно страшный, страшнее, чем его малюют, — грядущий Князь мира сего, Грядущий Хам».

Конечно, не просто противостоять заурядным, но самодовольным и толстокожим, привносящим дух коммунальной кухни в любое сообщество, где они намерены воцариться. Но надо! По мере сил надо противостоять демагогам и дилетантам с их комплексами неполноценности. Иначе они, ощущая полную безнаказанность, будут активно размножаться...

ЕЛЕЦ

Елец — это городок в соседней Липецкой области. Всего в 133 километрах от Воронежа, час сорок пути.

Расположен Елец на берегах реки Быстрой Сосны, которую не следует путать с Тихой Сосной — рекой, которая объединяет Воронежскую и Белгородскую области, рекой, на которой раскинулись города Бирюч, Алексеевка и Острогожск. Но вернемся к Ельцу.

Почему именно Елец? Да, например, потому, что с ним многое связывает наш город. Так, в середине XVIII века до административной реформы 1779 года Елец вообще был центром провинции Воронежской губернии, объединяющей уезды Чернавы, Ливен, Лебедяни, Скопина, Данкова и Ефремова.

Как за право называться родиной Гомера боролись семь городов, так и Бунина считают своим и Воронеж, и Елец, а также Орел, Ефремов, Москва, Одесса, а еще Париж и Граас. Действительно, Бунин родился у нас, в Воронеже, и три года младенчества провел в небольшом домике на улице Дворянской. А затем его Бунины переехали на хутор Бутырки, в последнее поместье семьи, расположенное в Елецком уезде Орловской губернии. Вот такие загадки и разгадки административно-территориального деления России...

Есть еще одна ниточка, связывающая Елец с Воронежем: оказывается, самый маленький в России заповедник Галичья Гора, расположенный между Ельцом и Липецком, лишь в 1934 г. был передан Воронежскому государственному университету. Теперь этот ботанический феномен — гордость ВГУ, крупный региональный научно-исследовательский центр.

Я довольно часто бываю в Ельце — читаю лекции, возглавляю государственную аттестационную комиссию студентов-журналистов. В часы отдыха мне нравится гулять по этому небольшому городку, бережно сохраняющему все, что является исторически ценным. А сохранять и охранять есть что: ведь Елец основан аж в середине седьмого века.

В нем чудесно соседствуют небольшие деревянные домики, современные здания из стекла и бетона и храмы, купола которых сопровождают тебя, кажется, повсюду — их около или более тридцати.

Мне нравится, что на указателях размещены два уличных названия — сегодняшнее и дореволюционное.

Мне нравится бывать у памятника художнику Николаю Жукову, по книгам которого свое время я учился рисовать детей.

Люблю бывать на главной площади Ельца, которая называется (догадайтесь сразу!), конечно же, — Красная. Пусть она маленькая, но — с великолепным видом на настоящее чудо архитектуры — Вознесенский собор с его изумительной мозаикой из итальянского мрамора, с огромнейшей люстрой под куполом (говорят, что в старые времена в ней горело так много свечей, что их зажигали более получаса!)

Памятников Бунину в городе — целых три. Есть и дом-музей писателя, ведь в Елецком уезде Иван Алексеевич прожил 20 с лишним лет.

Мне нравится памятник Тихону Хренникову, мелодии которого просто обожаю. Бюст композитора установлен на фоне серебряного рояля с нотами романса «Светлана», ставшего знаменитым после премьеры рязановского фильма «Гусарская баллада».

Нельзя не упомянуть и знаменитые елецкие кружева, которыми сегодня можно привлечь и самого дальнего путешественника: ведь Елец внесен в каталог ЮНЕСКО как город с богатым историческим наследием. Он также внесен в число 115 древнейших городов России. Не каждый населенный пункт со стотысячным населением может похвастаться 226 памятниками истории и культуры, из которых 90 являются памятниками регионального и федерального значения.

Недавно на 10-летие факультета журналистики Елецкого государственного университета имени И. Бунина я написал такие строки:

Древний город Елец, город воинской славы,
что у Быстрой Сосны развернул свою стать,
что ельчанам отец — в куполах златоглавых
его храмов семья, из Москвы аж видать.
Здесь и Пимен бывал, Тамерлан красовался,
Сагайдачный сжигал город древний дотла,
немец атаковал, да вконец надорвался —
было это давно, вы не помните зла.
Древний город Елец, город чести и славы,
Бунин нас повенчал — мы давно с ним родня.
Пришвин, Хренников, Жуков — это целые главы,
главы русской культуры, главы нашего дня.

ЗАГРАНИЦА

Впервые за границей я оказался в 31 год. Поскольку это была годичная командировка, то пришлось настоять, чтобы со мной направили и семью: жену, девятилетнего сынишку, двухлетнюю дочку. Кроме меня, в Китайскую Народную Республику были командированы еще 12 вузовских преподавателей, которые оказались «первой ласточкой» в налаживании культурных отношений между СССР и КНР после более чем двадцати лет политического и даже военного противостояния. В общем, с сентября 1985-го по июль 1986-го года мне посчастливилось преподавать русскую и советскую литературу в Пекинском институте иностранных языков.

Не скажу, что я мечтал о загранице — вызвали в ректорат и, как говорится, поставили перед фактом... Кстати, поначалу я вообще отказывался от Китая, будучи уверенным, что там все еще хозяйничают хунвейбины... Справедливости ради замечу: жертвами пропаганды оказались и китайцы, искренне удивлявшиеся после просмотра, например, фильма «Служебный роман», что у нас, оказывается, ходят троллейбусы, ездят такси, что наши люди модно одеваются, шутят, влюбляются, ревнуют...

Признаюсь честно: все члены нашей делегации пережили определенный шок: во-первых, Китай с его древнейшей культурой (все иное!); во-вторых, преподаватели со всех континентов, с которыми запросто и каждый день общаешься; в-третьих, отношение к иностранным специалистам: мы проживали в гостинице, в которой раньше размещалось советское посольство и в которой все, как говорится, было на самом высоком уровне; в каникулы нам дали возможность посмотреть страну: Тянцзинь, Шанхай, Нанкин, Сучжоу, Ханчжоу, Уси...

Оказывается, важно иногда посмотреть со стороны не только на себя, но и на общество, на страну, которую представляешь. Оказывается, история внешнеполитических, межгосударственных отношений отражается и на отношениях между людьми: например, те китайцы, которые изучали русский язык в пятидесятые годы, в большинстве своем относились к нам очень, очень тепло, как и чилийцы, вынужденные после прихода к власти Пиночета находиться в эмиграции... Выяснилось и то, что за границей национальная специфика становится особенно заметной: шумные заполошные соотечественницы были слышны издалека, особенно в магазинах; всегда важным и чуточку надменным выглядел пан Тадеуш; говорливой и предприимчивой была

болгарка Снежана... Эта же специфика ярко проявилась и в нашей многонациональной любительской команде футболистов: уравновешенные англичане прекрасно играли головой, экспансивные латиноамериканцы демонстрировали великолепный дриблинг, горячие итальянские парни постоянно апеллировали к судье, молчаливые северные корейцы играли жестко и до конца...

Конечно, это лишь внешние проявления национальных особенностей. За границей важнее перенимать то значительное, что поможет тебе измениться в лучшую сторону. Ведь русские — народ переимчивый, и много чего хорошего восприняли от чужеземцев. При этом мне крайне симпатична позиция «нашего все», т.е. Пушкина Александра Сергеевича, который в письме к Чаадаеву высказался так: «...Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя. Как литератора — меня раздражают, как человек с предрассудками — я оскорблен, но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал». Неслучайно и наш философ и религиозный мыслитель Семен Франк писал, что Пушкин, глубоко воспринявший западную культуру, не перестал от этого не только быть, но и чувствовать себя русским человеком. «В его душе, — писал Франк, — утонченнейшие влияния западной культуры мирно уживались с наивным русским духом, жившим в нем и питавшимся народными сказками няни Арины Родионовны. Он любил Россию Петра, стихию Петербурга, но он любил и Москву и древнюю Русь, и никогда у него не возникал вопрос о несовместимости того и другого».

Люди по-разному относятся к пребыванию за рубежами родины. Кто-то днями и ночами мечтает о продлении срока пребывания, а кто-то — о скорейшем возвращении к домашнему очагу. Вряд ли стоит осуждать первых, но мне лично ближе живущие согласно пословице «Где родился — там и пригодился».

ИГРА

Кто-то замечательно сформулировал: «Игра — дело серьезное». Конечно, серьезное, если еще Платон говорил о существовании «игрового космоса», а Кант размышлял об «эстетическом состоянии игры»; если поэт Шиллер утверждал, что «путь к свободе ведет только через красоту, суть же последней заключена в игре», а философ Ганс-Георг Га́дамер доказывал, что история и культура проявляются «как своеобразная игра в стихии языка». Да что там говорить, когда существует целая теория игр и даже написана книга под названием «Человек играющий» («Homo ludens», 1938). Кстати, ее автор — очень серьезный нидерландский философ, историк и культуролог Йохан Хейзинга.

Посмотрите, как серьезны дети, строящие за́мки на песке! Пусть не каждый из них станет архитектором, но, возможно, «конструкторское» и «художническое» начала будут заложены в них именно в этой песочнице.

Посмотрите, как весело смеются дети, играющие в «прятки» или в «догонялки»! Ловкость, умение выйти из трудного положения в честной (по правилам!) игре обязательно пригодятся им во взрослой жизни.

Игра имеет четкие цели: во-первых, это развитие тех или иных качеств человека (обучаемся и воспитываемся одновременно!); во-вторых, это получение удовольствия от самого процесса игры; наконец, в-третьих, это снятие напряжения, что объясняет постоянную тягу к игре и вполне взрослых людей.

Следуя за учеными, можно систематизировать и основные мотивы, по которым к игре также следует отнестись крайне серьезно.

Мотив 1. Потребность выхода избыточной жизненной силы. Не потому ли динамичные (если не агрессивные) люди великолепно проявляют себя в единоборствах: в боксе, в борьбе и т.п.?

Мотив 2. Потребность в отдыхе и развлечениях. Лозунг древних римлян «Хлеба и зрелищ!» не теряет актуальности.

Мотив 3. Предварительная тренировка перед серьезными делами. Тренинги, основанные на методе «Деловая игра», становятся все более востребованными в современном образовании.

Мотивы 4-5. Врожденная потребность в двигательной активности, в стремлении что-то совершить, что-то уметь; восполнение монотонной односторонней деятельности или невыполнимых в реальности желаний. Несмотря на «врожденную леность», большинство из нас хотя бы умом понимает, что жизнь — это движение, а лучшее движение — в игре!

Мотивы 6-8. Упражнение в самообладании; стремление к главенству или соперничеству; компенсация вредных побуждений. То, что заложено в нас природой, желательно направлять в правильное русло, чему может помочь и игра.

В общем человек нуждается в праздниках — он ждет и даже жаждет игры. И она к нему приходит — в воскресные или в рождественские дни, в дни свадеб или в дни юбилеев!.. Мы создаем семейные легенды, мы охотно облекаем обряды в ритуальные действа, как это делали наши пращуры, стремившиеся понять окружающий мир, укорениться в нем, сделать его для себя приемлемым и безопасным.

Для большинства игра — это сфера «любительства» и, значит, зона свободы, в которой ты действуешь не по принуждению, а по своей воле (во многом от тебя и от твоих партнеров зависит, получится ли игра нескучной). Но для кого-то, как, например, для спортсменов, игра становится профессией и приносит деньги. Игра также суть искусства (игра словами, цветом, голосом, мимикой и т.д. и т.п.), она немаловажна и в экономике (биржевые игры), и в дипломатии (дипломатический этикет), и в политике («политические игры»)...

А сегодня, в эпоху компьютеров и Интернета, игра вообще становится важной повседневностью.

Благо — когда компьютерные игры, используются как тренажеры и способствуют «развитию эффективного восприятия пространственных отношений, более экономному распределению внимания; развитию гибкости, креативности, критичности; быстрому накоплению знаний о технических устройствах, что создает благоприятную почву для развития конструкторских навыков у юных пользователей; увеличению частоты вступления в социальные контакты, что формирует коммуникативные навыки».

Вред — когда компьютеры, Интернет, «игра всегда, во всем, во что бы то ни стало» уводят человека в виртуальную реальность, лишая его контактов с настоящей природой, с живыми людьми.

Не заиграться бы, не переиграть бы!

И это замечание относится не только и не столько к детям, сколько к нашему — взрослому? — миру...

КИНО

Ленинская фраза «Из всех искусств для нас важнейшим является кино» поистине стала крылатой. Кто-то произносит ее с иронией, а кто-то — с уважением к истории произнесения. Ведь 100 лет назад, когда большинство россиян было неграмотным, при помощи кино, как и при помощи тех же плакатов, простым людям объяснялись сложные вещи. Так что кино стало едва ли не лучшим средством ликбеза — кампании по ликвидации безграмотности.

И вообще изобретение братьев Люмьер дало огромный толчок интеллектуальному развитию всего и вся, и в этом заключается гениальность их изобретения, ставшего известным миру 28 декабря 1895 года.

А еще — в доступности: ведь уже малыш, не умеющий ходить, подползает к экрану, чтобы лучше разглядеть «движущиеся картинки».

А еще — в синтетичности: кинематограф добровольно объединяет таланты ли-

тераторов, художников, фотографов, музыкантов, актеров ради одного произведения, называемого фильмом. Причем самых разных жанров — от серьезной драмы до эксцентричной комедии.

У каждого из нас есть своя история любви к кино. Моя началась с фильма «Бродяга», с великого Раджа Капура, теперь всем известного как «индийский Чарли Чаплин», «отец индийского кино» и знаменитый «голубоглазый король Востока». Кстати, в нашей стране Радж Капур получил звание «товарищ Бродяга», а в Европе — «индийский Петр I».

Я помню письмо доярок из Татарии, опубликованное в «Советском экране». Они писали примерно следующее: вы все время насмехаетесь над индийским кино, а у нас, когда знаем, что вечером в клубе будет идти «Есения» или «Цветок в пыли», знаете, как увеличиваются надои...

А вот еще недавний случай. Университетские студенты из Индии решили посмотреть индийский фильм, дублированный на русский язык. В процессе просмотра они стали хихикать, и им тут же сделали замечание: «Если ничего не понимаете в индийском кино, то сидите тихо!..»

Но продолжу о своих детских киновпечатлениях. В середине 60-х пришло время «Парижских тайн», «Скарамýша», «Фантомаса» и, конечно же, «Неуловимых мстителей», гайдаевских фильмов со знаменитой троицей — Бывалым, Балбесом и Трусом... Билетов, как и денег, всегда не хватало, и мы, мальчишки, изобретали массу вариантов незаметных проходов-проскоков мимо контролеров.

Какое же счастье было смотреть «Белое солнце пустыни» в маленьком ДК «Строитель»!

Какое же удовольствие было идти гурьбой, вспоминая и пересказывая только что просмотренные эпизоды!

Мои сестры собирали фотографии актеров, которые бережно и с любовью помещались в альбомы, и такие альбомы были почти в каждой семье — гостям, перед тем как пригласить за стол, обязательно показывали это богатство...

Помню, как в пионерском лагере, где я проходил студенческую практику, мы десятки раз просматривали «Бриллиантовую руку» в будке киномеханика, который по окончании сеанса еще и дарил нам маленькие кадрики, отрезанные от пленки...

Конечно, со временем пристрастия изменились — мы росли вместе с кинематографом XX века.

Вместе с великими итальянцами Федерико Феллини, Микеланджело Антониони, Бернардо Бертолуччи, Джульеттой Мазина, Анной Маньяни, Софи Лорен, Адриано Челентано, Марчелло Мастроянни.

Вместе с великими французами: Люком Бессоном, Роже Вадимом, Клодом Лелюшем, а также с Бельмондо, Габеном, Марэ, Жирардо, Делоном.

А потом пришло время Дастина Хоффмана, Аль Пачино, Роберта де Ниро и наших замечательных режиссеров Шукшина, Тарковского, братьев Михалковых, Данелия, Рязанова, время наших актрис Мордюковой, Гурченко, Гундаревой, время наших актеров Смоктуновского, Евстигнеева, Леонова, Ульянова, Янковского... Да разве всех перечислить!..

Поэт Юрий Левитанский написал в свое время стихотворение «Кинематограф», ставшее словами песни, которую потрясающее исполнил еще один великий русский актер Андрей Миронов. Вот всего лишь несколько строк оттуда:

Это город. Еще рано. Полусумрак, полусвет.
А потом на крышах солнце, а на стенах еще нет.
А потом в стене внезапно загорается окно.
Возникает звук рояля. Начинается кино.
И очнулся, и качнулся, завертелся шар земной.
Ах, механик, ради бога, что ты делаешь со мной!

Этот луч, прямой и резкий, эта света полоса
Заставляет меня плакать и смеяться два часа,
Быть участником событий, пить, любить, идти на дно...
Жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!

ЛАГЕРЬ

Если спросить, какие ассоциации вызывает у вас слово «лагерь», то наверняка большинство ответит что-то вроде: «Тури, тура, туристы...». Но были времена, когда на ум приходили другие значения: трудовой лагерь, концентрационный лагерь, лагерь капитализма, лагерь социализма. Представители же поколения, чье детство выпало на счастливые шестидесятые годы прошлого столетия, уверен, ответят однозначно: «Пионеры... Пионерский лагерь».

И это действительно так: ведь каждое лето один или два месяца мы проводили в пионерских лагерях. Путевки по льготным ценам давали родителям на производстве, и поэтому из года в год мы отдыхали в одном и том же месте, и поэтому дружба, возникшая в лагере, нередко продолжалась годами.

Я обожал свой пионерлагерь «Спутник». Конечно, как и все, не любил тихий час и линейки, но ведь это мелочь по сравнению с тем, что каждый год дарил мне новые знакомства, юношеские влюбленности, что я играл в сборной лагеря по футболу, что капитанил в кавээновской команде... Конечно, наш скромный лагерь не мог сравниться по комфорту с «Артеком» или «Орленком», но уж по теплоте общения точно им не уступал.

Лагерь многому учил.

Во-первых, коллективизму. Эгоисту туго приходилось в отряде, и, надо сказать, многие маменькины сыночки перевоспитывались.

Во-вторых, лагерь учил коммуникации. Умение общаться, умение найти свою ноту в общем хоре — это приходило как бы само собой.

В-третьих, лагерь учил проявлению того или иного таланта. Каждый мог выбрать из множества кружков и секций то, к чему лежала его душа. Особой популярностью пользовался фотокинокружок. Наиболее способным киномеханик позволял крутить вечером кино, демонстрировавшееся на огромной простыне, на открытом воздухе в окружении темного леса...

В-четвертых, лагерь учил проявлению организаторских способностей: ведь почти каждый за что-то отвечал. Помимо командира отряда, выбирались звеньевые, редакторы и художники отрядной стенгазеты, спортсектор и т.д. Эти качества особенно ярко проявлялись в турпоходах, а старшие отряды ежегодно уходили в трехдневные походы — и это, конечно же, было суперсобытие!

Для меня не менее интересной страницей жизни стала и работа в пионерских лагерях. До сих пор помню их названия: «Золотой колос», «Энергетик», «Водник», «Североморец». Удалось поработать и старшим пионерским вожатым, и воспитателем, и физруком, и художником. В одно лето даже трудился на два фронта: в студенческом строительном отряде и в пришкольном пионерлагере в рамках педагогической практики студента-филолога.

Помню ли я трудных детей? Честно, не помню. Просто, когда по-настоящему увлекаешь ребят, когда не сюсюкаешь и при этом не унижаешь их, они это оценивают по достоинству. К тому же у меня же был принцип «суточной занятости»: в первой половине дня укрепляем организм (соревнования, игры, купание и т.п.), во второй — развиваем культурного человека (песни, театр, рисование). И еще один принцип «обязательного поощрения». Помню, мы купили целый мешок медалей с ленточками, которые на каждой вечерней линейке вручали отличившимся спортсменам, актерам, санитарам и т.д.

Я с легким сердцем отправлял и своих детишек (а их у меня трое) в пионерские

лагеря, откуда они возвращались и окрепшими, и повзрослевшими, и много чему научившимися.

Вообще, дети — лучшие люди, и очень благодарные люди. Их энергия помогала и помогает нам, взрослым, строить и жить.

МЕНТАЛИТЕТ

Это слово, как и слова «ментальность», «ментальный», прочно вошли в современный лексикон. Они имеют латинскую основу: *mentalis* — значит, умственный. Конечно, слово «характер» привычнее для нашего уха, но оно все же имеет более узкое значение, а менталитет — это сложнейшее явление, по-научному, — совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих человеку или общественной группе. То есть не только характер, но и склад ума, образ мыслей, умонастроение, мироощущение, мировосприятие.

Если считать ментальность составной частью национальной культуры, то интересно узнать: что же нас, жителей многонациональной России, объединяет? По каким чертам нас почти безошибочно узнают даже на краю света? Помню, как в многомиллионном Пекине обгоняем с женой парочку соотечественников и слышим сзади: «О, наши пошли!..»

Кто только не пытался разобраться в русском характере — философы и писатели, политики и обыватели, друзья и недруги... К единому мнению, кажется, так и не пришли. Может, потому что очень текуча эта субстанция — «менталитет»?.. И то, о чем писали в свое время Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Иван Гончаров, Федор Достоевский, Иван Ильин, Василий Ключевский, Николай Лесков, а позднее Лев Гумилев, относится лишь к прошлому?.. А сегодняшний россиянин совсем иной, далекий от наших книжных представлений?..

И все-таки, мне кажется, что некое «ядро» существует — ядро, которое формировалось на протяжении столетий, если не тысячелетий. И думается, глубоко ошибаются те, кто мгновенно пытается изменить, а то и разрушить тот или иной менталитет. С большими народами это уже точно не получится. А сами народы тем более интересны, чем больше прилагают усилий для сохранения своей национальной идентичности, национальной специфики, чем более стремятся развить свои лучшие качества.

Вот и в русском характере, считают многие, на первом стоит *противоречивость*. Она, мол, обнаруживается самым различным образом — как «наличие ангельского и демонического», «жажда свободы и раба», «жертвенность и жестокость в любви», «боязнь и потребность страдания», «религиозность и атеизм». Некоторые отмечают особую святость русского человека, который в глубине души «поклоняется не потому, что благоговеет перед святым, а потому, что втайне ждет прощения, если ему вдруг случится согрешить»...

Мы сами любим себя покритиковать, а тут еще и ученые научно обосновывают такие отрицательные народные черты, как *ведомость и пассивность, незнание меры, проявляющееся в русской удали и размахе, покорность, вера в доброго царя или в судьбу, отсутствие самодисциплины и самоограничения.* Но при этом, оставаясь объективными, называют и — *огромную силу воли, упорство, преклонение перед красотой, неприхотливость, практическую направленность ума, ловкость и рациональность, оптимизм, чувство мощного единения друг с другом, примирительное отношение к народам-соседям.*

Конечно, в каждом народе есть и яркие представители, по которым судят о национальном характере, и отщепенцы, которые — как капля дегтя в бочке с медом... Увы, иногда их удельный вес начинает зашкаливать. Возможно, это позволило писателю сказать следующее:

«Мы агрессивны.
Мы раздражительны.
Мы куда-то спешим и не даем никому времени на размышления.

Мы грубо нетерпеливы.
...
Нас видно.
Нас слышно.
...
Наш диагноз — мы пока нецивилизованны.
У нас очень низкий процент попадания в унитаз, в плевательницу, в урну.
Язык, которым мы говорим, груб.
Мы переводим с мата.
Мы хорошо понимаем и любим силу, от этого покоряемся диктатуре и криминалу. И в тюрьме, и в жизни».

Как не хочется во все это верить и как хочется думать, что это всего лишь субъективный взгляд пожилого человека...

Говорят, русский менталитет находится где-то между американским индивидуализмом и японским группизмом. А может, не надо сравнивать, может, следует идти своим путем?

И — пусть только пока самому себе — задать и выполнять такую жизненную программу, в которой бы проявлялись лучшие черты русского характера *(широта души, вольность, духовная свобода)* и всячески нивелировались отрицательные *(подавленность, бесхозяйственность, безынициативность, лень)*?

Чтобы мы оставались по-прежнему *хлебосольными, гостеприимными*, чтобы не исчезали *коллективизм и чувство локтя, наша мечтательность, наблюдательность и вдумчивость*, чему так способствуют в том числе климат, ландшафт, огромные просторы и замечательная природа нашей любимой родины.

НАЦИЯ

Слово, как говорится, серьезное, необыкновенно серьезны и проблемы с прилагательным «национальные»... Кстати, не помню, чтобы в детских компаниях мы делились по национальному признаку. Думаю, потому, что наши родители, только что пережившие войну, знали истинную цену дружбе народов, которая и помогла одолеть такого страшного врага, как фашизм. И на нашей улице мирно соседствовали русские, украинцы, башкиры, татары, немцы, евреи, мордва. Некоторые, несмотря на то, что со временем переселились из частных домов в современные «многоэтажки», до сих пор дружат семьями.

Но в последние годы что-то «неспокойно стало в датском королевстве»: все чаще мы становимся свидетелями межнациональных конфликтов и даже войн. Тому есть несколько причин, и первая все-таки — экономическая: мировой кризис продолжается; конкуренция между людьми, как и безработица, растет...

Вторую причину я бы назвал социально-психологической. Мы действительно пережили время исторического слома, время перманентной конфронтации, и та же молодежь привыкла к состоянию борьбы, воспринимая его как нормальное. А к продолжающемуся росту эмиграции в Россию оказались не готовы ни население, ни власть, ни средства массовой информации (тем более что после распада страны, как после семейного развода, остаются взаимные обиды, возникают новые проблемы и т.д.).

Третья причина — идеологическая. Прошло не так много времени со дня подписания президентом России Указа «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», и пока рано подводить какие-то итоги. А вот факт, что до этого в нашей стране, совершившей крутой общественно-политический разворот, отсутствовала продуманная государственная национальная политика, признать следует. Как и то, что информационное обеспечение

этого направления также не отличалось последовательностью, квалифицированным и глубоким освещением межнациональных отношений — у СМИ по-прежнему в приоритете — негативные факты, криминал, скандалы и т.п.

Наконец четвертая — культурная — причина. Имеются в виду различия в менталитете, в традициях и обычаях народов, которые важно, с одной стороны, бережно сохранять, с другой стороны, — делать это без ущемления интересов других наций. На глазах падает уровень общей культуры: резко снизилась грамотность населения; заметно упал уровень литературных, кино- и театральных произведений. Снизился и уровень публицистики: если процент доверия к СМИ в конце 1980-х — начале 1990-х гг. прошлого века порой превышал порог 90, то сегодня, по разным данным, он не дотягивает и до 10-20 %.

Как известно, системообразующими элементами нации являются культура и язык. И если российская нация является гражданской общностью людей, то русский язык — это одновременно и родной язык русского народа, и государственный язык Российской Федерации, и один из мировых языков общения, который необходимо не только развивать, но и защищать.

Между тем плодятся фильмы, книги, песни, отмеченные тюремной романтикой, в моде — специфические татуировки, блатной жаргон и т.д. Увлечение жаргонизмами, криминальным арго приводит к формированию устойчивого противоправного поведения (негативное отношение к честному каждодневному труду; детабуизация категорий преступления, насилия, унижения человеческой личности; размывание норм нравственности). Агрессия во взаимоотношениях становится нормой, а эгоцентризм — доминантой: я — все остальные; моя семья — все остальные; мои родные — все остальные; моя нация — все остальные и т.п.

В общем, очевидно, что проблема налицо и что она — комплексная. А посмотрите, кто и как освещает национальный вопрос в современных СМИ... Авторы публикаций, к сожалению, в основном не эксперты, хотя в данном случае важно давать слово именно ученым-этнологам и обязательно — представителям самих национальных диаспор.

Конечно, СМИ должны показывать и резко осуждать все случаи проявления межэтнической неприязни и шовинизма, но при этом рассказывать не только о криминале, но и о социальных трудностях мигрантов, о людях разных национальностей, об их деятельности и позитивном вкладе в культурную и социальную жизнь Воронежа, Воронежской области и страны.

Иногда уже в заголовках статей заложена определенная конфронтационность и стрессогенность, а «слова вражды» не обязательно звучат в содержании статьи или передачи — они могут угадываться в тональности и стиле изложения, в подборе фотографий. Стороны противостояния нередко описываются этническими категориями или категориями миграционного статуса; при этом одна из сторон («Мы») оценивается позитивно, а другая («Они») — негативно.

В свое время проводилось исследование центральных СМИ, и выяснилось, что лидерами среди объектов «языка вражды» являются кавказцы (84 примера), евреи (60), американцы (57), китайцы (53). Некорректные высказывания встречались и в отношении русских (58), и в отношении украинцев (46). Ученые пришли к выводу, что большинство журналистов использует «лексику вражды» ненамеренно, без расистского умысла, не имея профессиональных ориентиров, либо не владея специфическими навыками освещения таких деликатных тем, как расовая, этническая и религиозная. Воспитание терпимости, толерантности, взаимоуважения — этих принципов должны придерживаться СМИ, и другого пути нет. Но только делать это следует талантливо, избегая общих слов и избитых лозунгов. И, конечно же, следует вспомнить о принципе интернационализма, без которого, если думаешь об интеграции — политической, экономической и культурной, не обойтись...

Да, необходимы обучающие программы, семинары, конференции. Но один из простейших способов внедрения элементов толерантности в массовое сознание — это употребление в позитивном контексте толерантных слов и выражений, таких как: *гуманизм, взаимопонимание, уважение, милосердие, великодушие, дружба народов, взаимопомощь, сотрудничество* и т.п. А пока чаще встречаются «конфликтогенные» лексемы — *агрессия, бандитские разборки, ссоры, криминал, нападение* и др., — вызывающие и нагнетающие у читателя и зрителя тревожность и обеспокоенность.

А закончить я бы хотел стихами, которые написал давно и которые называются «У книжного шкафа»:

Стоят на полках книги, стоят спокойно в ряд,
под кожею обложек так многое таят...
Впитав в страницы время и личности творцов,
несут в себе ошибки и опыты отцов,
нешуточные страсти нешуточных времен —
трагедиями, драмами мой шкаф обременен...
Как в комнате огромной, расселись тут и там
Великий Дант и Пушкин, Дефо и Мопассан,
Распутин и Думбадзе, Авижюс и Белов,
Айтматов, Сулейменов, Владимир Соколов...
Ведут беседу мирно на разных языках
француз и англичанин, литовец и казах,
шестнадцатый, двадцатый и двадцать первый век...
Вот — главное богатство, не правда ль, человек?..
Весь мир разнообразный на полках расселен —
не белый и не красный, а многоцветный он.

РИСОВАНИЕ

Сколько себя помню, столько рисую — простыми или цветными карандашами, тушью или акварельными красками... Первый альбом для рисования — солидный, с обложкой из черной кожи — мне подарил отец. Когда старшие сестры уходили в школу, а родители на работу, я садился у окна и что-то малевал-мазюкал. Кроме того, меня с детства окружали картины. Отец любил передвижников, и в доме было много репродукций в его исполнении: «Охотники на привале» Василия Перова, «Аленушка» Виктора Васнецова, «Дети, бегущие от грозы» Константина Маковского...

А в четвертом классе я сдал экзамены в ДХШ — детскую художественную школу. Там было все солидно: расписание с дисциплинами «Рисунок», «Живопись», «Лепка», «Композиция», «История искусств», учительская, библиотека... Помню, как стал пропускать занятия из-за того, что не мог приобрести инструменты для резьбы по дереву, так классный руководитель из художки приехал к нам домой и после беседы с мамой вернул «блудного сына» к учебе. Кстати, все обучение в ДХШ было бесплатным. И очень интересным: например, по воскресеньям нам специально заказывали маленький зал в кинотеатре для показа фильмов о художниках; в начале лета мы обязательно выезжали на пленэр...

А зачем вообще нужно рисовать?

Мне кажется, изобразительный дар живет в каждом из нас, и он пришел к нам из глубокой древности. Человек всегда стремился запечатлеть этот прекрасный окружающий мир — в музыке, в стихах, в рисунке: «Остановись, мгновенье — ты прекрасно!»

Великий педагог В.А. Сухомлинский утверждал: «Истоки способностей и дарования детей — на кончиках их пальцев. От пальцев, образно говоря, идут тончайшие нити — ручейки, которые питают источник творческой мысли. Другими словами, чем больше мастерства в детской руке, тем умнее ребенок». Вот как!

Воображение и фантазия — важнейшие стороны нашей жизни, которые мы можем и должны развивать с малых лет. К тому же рисование связано с мышлением. К тому же в процессе рисования включаются зрительные, двигательные, мускульно-

осязаемые анализаторы. А еще рисование, утверждают специалисты, развивает память, внимание, мелкую моторику, учит думать и анализировать, соизмерять и сравнивать, сочинять и воображать.

Все это крайне важно для креативного класса, о котором сегодня так любят говорить политики. И правильно: ведь увлечение рисованием — верный путь приобщения к общечеловеческой культуре. Психологи утверждают, что человек, занимающийся каким-либо видом искусства, менее склонен к депрессиям и асоциальному поведению.

Такой человек всегда занят, его мысли сосредоточены на высоком, а не на низком.

Такой человек творчески подходит к реальности, и, если художество для него всего лишь хобби, он обязательно нестандартно проявит себя в основной профессии.

Вот и для меня — журналиста и педагога — изобразительное искусство всегда было любительством. Но в редакции меня просили нарисовать то заголовок, то заставку, то шарж, то карикатуры... Но дипломным проектом стала композиционно-графическая модель газеты и обе диссертации — кандидатская и докторская — были связаны с газетным дизайном. То есть художество, придя к тебе, не отпускает, более того — всегда помогает в жизни.

Сколько я перерисовал портретов детей в пионерских лагерях, сколько изувековечил коллег в дружеских шаржах! И когда на юбилей мне подарили мольберт, холсты, кисти, краски, я стал серьезно осваивать масляную живопись. И вот уже почти десять лет почти каждый день пишу — маслом, акрилом, темперой... А акварельный набор теперь непременно сопровождает меня в командировках.

Картины я дарю друзьям и знакомым, как я шучу — насаждаю свое искусство... И работы, написанные в Воронеже, теперь висят в квартирах моих друзей и коллег в США, Израиле, Чехии, Португалии, Испании, Голландии, Польше, Тунисе, Швеции и, конечно, во многих городах России. Так что я бесконечно благодарен отцу, который в свое время подарил мне огромный — с обложкой из черной кожи — альбом для рисования.

Рисуйте и вы! Не бойтесь — все обязательно получится: ведь наверняка кто-то из ваших предков обладал даром изображения.

У меня есть такое стихотворение, адресованное внуку:

Пузыри разноцветные, мыльные
Улетают с балкона пыльного...
Дуй, малыш, — никого не спрашивай,
В меру сил этот мир разукрашивай!
Видишь: радуга коромыслом, —
Ведь и в ней ровно столько ж смысла...

СПОР

Дети любят спорить, особенно мальчишки. Вот и я, помню, с двоюродными братьями-одногодками мог дискутировать, кажется, по любому поводу: чей город или чья футбольная команда лучше, какая книга интересней или какой фрукт вкусней... Но как-то наша бабушка усадила меня рядом на крылечке, погладила по голове и сказала: «Ты зачем так, Вовка, споришь? Ведь ты гость...» Этот этический урок я запомнил на всю жизнь, но об этических моментах чуть ниже... А вот то, что спор — прекрасная школа для развития ребенка, я уверен на сто процентов.

Важность спора для выяснения истины поняли еще античные мыслители. Они же утверждали, что истина в споре рождается лишь при соблюдении определенных правил, которые и сформулировал великий философ, создатель теории спора — Аристотель. Он назвал искусство спора ради поиска истины диалектикой. Ей он противопоставил эристику (искусство любой ценой остаться правым в споре) и софистику (стремление добиться победы в споре путем преднамеренного использования ложных доводов).

Со студенческих лет помню классический пример софистики, называемый «Куча». Одна песчинка не есть куча песка. Если n песчинок не есть куча песка, то и n+1 песчинка — тоже не куча. Следовательно, никакое число песчинок не образует кучу песка. И наоборот: если из кучи песка взять песчинку, останется куча. И значит, даже когда останется одна песчинка, это тоже будет куча...

Очень важно уметь не только выигрывать, но и проигрывать споры, сохраняя при этом лицо. Чтобы не получилось, как у оппонентов Сократа, которые, проигрывая, не находили лучшего способа, чем поколотить или потаскать за волосы философа. Однажды прохожий, видевший, как очередной проигравший пнул старика, удивился, почему тот так терпеливо сносит оскорбления. На что мудрец остроумно ответил: «Если бы меня лягнул осел, разве стал бы я подавать на него в суд?»

Тот же Сократ учил, что зло проистекает не от злых намерений, а от неумения, беспомощности, незнания. И вообще человек по натуре своей очень глубоко стремится к отрицательным эмоциям. К сожалению, во всем мире эмоционально отрицательная информация ценится выше — даже чисто финансово, чем информация эмоционально позитивная. Вот и журналисты ищут отрицательную информацию. Профессор МГУ Акоп Назаретян, сравнивая общество с экологической системой, уподобил журналиста стервятнику: «который питается падалью, скандалами, кровью и т.д. Журналисту это надо. Опасность журналиста состоит в том, когда он поддается соблазну из стервятника превращаться в хищника; когда он начинает не просто искать скандалы, а провоцировать их, создавать и т.д.» Даже в чем-то соглашаясь с психологом, я все же уверен, что профессиональный и ответственный журналист не имеет права на агрессию. Особенно в наше суперстремительное время, когда информация распространяется мгновенно и сразу по всему миру. Особенно, если ты не глубоко «в теме» и не имеешь возможности проверять, перепроверять факты, которыми оперируешь. В свое время я написал такое стихотворение:

Есть люди по имени Против,
есть люди по имени Нет:
как будто бы тоже — из плоти,
но суть их одна — Пистолет.
Как будто бы не из железа —
глаза есть, и губы, и рот
(но видно же головореза,
который и молча орет...).
Он только с собою согласный,
он — первый, всегда на виду,
в правлении крайне опасный,
накликать готовый беду.
Он даже как будто начитан —
умелый софист, демагог,
но злобой до края напитан —
для ссоры не нужен предлог...
Есть люди по имени Нате,
есть люди по имени Я,
а надо б по имени Хватит
и даже побольше — Нельзя,
по имени Дружба, Согласье,
по имени Вместе Вперед,
по светлому имени Счастье
и с кратким названьем — Народ...

Настоящие мастера дискуссии умеют формулировать тезисы, находить, использовать аргументы и способы доказывания, различать факты и мнения. То есть они соблюдают основные законы формальной логики, придерживаясь стратегии истины — «высшей формы спора, самой благородной и самой прекрасной». Иногда можно придерживаться стратегии убеждения или стратегии победы, но даже при этом нельзя унижать и оскорблять оппонента. Чтобы не было спора ради спора, чтобы не применялись различные уловки типа: «подмазывание аргумента», увод разговора в другую сторону, безапелляционность, обструкция, т.е. намеренный срыв спора, и т.п.

Уверенность — его беда.
Вердикт? Любой! Без сожаления,
без продуктивного сомненья
и без растерянных Нет-Да...
Такой полезен на войне.
Незаменим. Хотя, наверно,
и на войне издать неверный
приказ — обходится вдвойне,
втройне дороже. Ведь цена
огромная — живые люди!
Но о войне сейчас не будем —
сегодня, к счастью, не война...

ТРАДИЦИЯ

«Даешь традицию!», «Даешь продуктивные стереотипы!» — вот такие бы лозунги я начертал, проводись дискуссия архаистов и новаторов. Но мне кажется (да что там кажется — я уверен!), спор консерваторов и новаторов не только вечен, но и крайне полезен! Потому что он суть диалектического развития, больше того — суть бытия.

Ученые определяют традицию как «множество представлений, обрядов, привычек и навыков практической и общественной деятельности, передаваемых из поколения в поколение». Ключевое слово здесь — *передача*. То есть своеобразная *эстафета поколений*. И выражаясь современным языком — *нематериальный актив*. Даже прожженный прагматик задумается: стоит ли отказываться от того, что тобой не создано и тебе не принадлежит, но может быть абсолютно легально и с пользой для будущего использовано?..

Не верьте тем, кто тотально отвергает традицию, связывая ее лишь с однозначным противодействием развитию и обновлению, считая ее предвестником застоя. Подлинная традиция включает в себя качественное начало, и действительный новатор по-особому уважительно относится к переданному как к дару и, соответственно, к самому процессу передачи.

Такие великие художники, как Пикассо или Ван Гог, начинали как реалисты и только затем, в поисках собственного пути, применяли что-то новое. То есть, освоив азы искусства, изучив традицию, они стремились преодолеть канон. У Пикассо были голубой и розовый периоды, он пробовал себя как кубист, как абстракционист... А иные горе-художники не могут ничего нарисовать с натуры, сделать, как говорится, похоже, а сразу начинают с подражательства модерну. И получается — вторичный примитив.

В общем, надо отличать традицию как главную движущую силу истории от псевдотрадиции, следование которой можно уподобить действию «духовного опиума», усыпляющего индивидуальную инициативу и критическое мышление.

Вы спросите: как же рассмотреть продуктивную традицию, как отделить ее от той, что становится орудием манипулирования массовым сознанием, квинтэссенцией обывательской косности? Ответ один — читайте, образовывайтесь, овладевайте всеми теми знаниями, которое выработало человечество.

Как говорится, от знаний — к умению, от умения — к навыку.

Вот почему школа — начальная, средняя, высшая, где эта цепочка и реализуется, по определению должна быть консервативной.

Подчеркиваю — консервативной, но не косной.

Вот почему реформы, не учитывающие традиции, отторгаются как учениками, так и учителями. Мне кажется, это происходит еще и потому, что в России постулат «Справедливость выше закона» остается незыблемым. Например, почему идея единого государственного экзамена продолжает вызывать мощный внутренний протест у населения? Потому что люди нутром чувствуют подмену целей, когда для выпускников главным становится не овладение знаниями, а сдача ЕГЭ любым способом.

Известный педагог Евгений Ямбург говорит: «Сколько себя помню в профессии, школу постоянно реформировали, каждый раз затачивая ее под новые идеологические, политические и экономические задачи. Особенно интенсивно этот процесс пошел в последние годы: характеристика «инновационный» бесконечно применяется как к процессу обучения, так и к реорганизации всего школьного дела. А что на деле? Рискну высказать предположение, — продолжает Ямбург, — что никакой реформы образования не было и нет. А чем же мы тогда занимались последние годы с таким энтузиазмом?

Реформой не образования, а экономики образования и его сервисного обеспечения».

Те же, кто знает историю (читай — традиции), может и должен сказать: российская школа — плоть от плоти европейской фундаментальной классической системы образования.

Те же Оксфорд и Кембридж скептически оценивают Болонский процесс и вовсе не собираются переходить на прикладные рельсы. Скажете: «Ну, это же англичане...» Правильно — англичане, известные своим мудрым консерватизмом. Англичане, которых при этом было бы смешно обвинить в непринятии прогрессивных идей: во многих социальных сферах — от юриспруденции до промышленности — эти заядлые консерваторы были и остаются впереди планеты всей...

ТУРИЗМ

Более четверти века назад мне пришлось жить в Пекине. Нас — первых тринадцать преподавателей из университетов Санкт-Петербурга, Минска, Казани, Воронежа, Уфы — пригласили преподавать русский язык и литературу после долгих лет непростых отношений между СССР и КНР.

Китай уже почти десять лет как проводил реформу, в нашей же стране только-только объявили новый курс. Поэтому мне (в том числе и как журналисту) было крайне интересно наблюдать, сравнивать, делать выводы. Помню удивление от того, что китайцы все время говорили о туризме. Правда, не только говорили, но и много чего показывали. Страна была буквально заполонена иностранцами со всех континентов — бизнесменами, инженерами, учителями и, конечно, обычными туристами. Китай открыл границы для сотрудничества в политике, экономике, культуре, спорте. Именно тогда начался прорыв, позволившей ему сегодня выйти по многим показателям на первое место в мире. И туризм, на мой взгляд, сыграл в этом не последнюю роль.

Потенциальные инвесторы восхищались великолепными отелями, отличными дорогами, Великой китайской стеной, пекинской оперой, китайским шелком и китайской кухней — все было необычно и все... приносило Поднебесной огромную прибыль.

Последние несколько лет мы на журфаке постоянно обращаемся к теме туризма.

Вот вывод из одной дипломной работы, посвященной концепции рекламного и PR-продвижения краеведческого туризма в Воронежской области: позиционируя наш регион, не следует ограничиваться АПК, ВПК и самолетостроением — у Воронежской области, занимающей выгодное географическое положение, находящейся в районе мягкого климата, имеющей богатейшую и уникальную историю, в том числе историю культуры, есть огромный туристический потенциал. У нас можно развивать любой из многочисленных видов туризма: лечебно-оздоровительный, экскурсионно-познавательный, спортивный, любительский, деловой, научный, коммерческий, образовательный, паломнический, этнический, экологический, детский, молодежный, купально-пляжный, лечебный, охотничий, рыболовный, экологический и так далее, и так далее.

И хотя специалисты уверены, что Воронежская область обладает уникальными условиями для развития курортного бизнеса, к нам по-прежнему едут неохотно. Причины? Они на поверхности: у нас нет крупных гостиниц туристского класса и вообще отсутствует развитая туристская инфраструктура, зато в наличии серьезные транспортные проблемы; у нас нет должного разнообразия организационных форм охраны и использования объектов культурного наследия, зато есть большие проблемы в коммунальном хозяйстве...

Между тем ресурсов — историко-культурных, природно-оздоровительных, экономико-географических — достаточно, чтобы область стала еще более привлекательна в туристическом плане. Стоит ли напоминать о сохраненных памятниках архитектуры XVIII-XIX веков, о таких личностях, которыми гордится воронежская земля, как сказочники Афанасьев и Барышникова, основатель русского народного хора Пятницкий, художники Крамской и Ге, поэты Кольцов, Никитин и Веневитинов, писатели Бунин и Платонов, академики Бурденко и Басов, изобретатель трехлинейной винтовки Мосин и выдающийся зоогеограф и путешественник Северцов и многие-многие другие. Уникальны коллекции воронежских музеев. Уникален академический театр драмы имени Кольцова, на сцене которого выступали Щепкин и Мочалов, Комиссаржевская и Ермолова.

Как не гордиться достопримечательностями Рамонского района: от курганных групп, городищ и поселений II-I тысячелетий до н.э. до дворцовых комплексов Ольденбургских, Тулиновых, Ромахиных, Веневитиновых, Толстых, старинных церквей во многих селах района.

Село Костенки Хохольского района Воронежской области знаменито теперь на весь мир, по крайней мере у тех, кто так или иначе соприкасается с проблемами изучения первобытной истории, оно на слуху: ведь на территории этого села в разное время было открыто и исследовано более 26 стоянок первобытного человека каменного века.

Природный архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье», Хреновской конезавод, Никольская и Введенская церкви, Графский заповедник, видовой заказник «Каменная Степь», охотничий заказник «Михайловский» — можно перечислять и перечислять...

Конечно, сегодня в Воронеже и в Воронежской области существуют и внутренние туристические услуги, интереснейшие экскурсии, но пока это не система, сочетающая сразу три важных условия туристского развития, а именно: историко-культурные достопримечательности, природную среду и их транспортную доступность. А ведь туризм — это и самостоятельная перспективная отрасль экономики, и своеобразный «локомотив», который может потянуть за собой другие отрасли (строительство, транспорт, сервис и др.), как это происходило и происходит во многих странах мира. Перефразируя слова великого Ломоносова, можно сказать, что наша экономика должна и будет прирастать туризмом.

УЧИТЕЛЬ

Первая запись в моей трудовой книжке «Художник молодежной газеты». Я много лет проработал в редакциях разных периодических изданий, но своим основным делом считаю учительство. Потому что и по диплому, и по существу я прежде всего учитель, к тому же еще и сын учителя, и муж учительницы, и отец учительницы... Как говорится, сам Бог велел.

Впервые за партой я оказался в пятилетнем возрасте. В большой комнате одного из домов поволжского поселка Новая жизнь устроили начальную школу для десятка ребятишек, и я, приехавший погостить к дедушке с бабушкой, как толстовский Филиппок, напросился на занятия... До сих пор помню тот трепет малышни перед учительницей, объяснявшей урок и первоклашкам, и тем, что были постарше.

Но официально учеником я стал, как и полагается, через два года. Есть фотография с пометкой «1 сентября 1961 года», на которой улыбающийся пацан с портфелем, букетом георгинов, в специальной форме с ремнем, в фуражке с кокардой. Такая была форма у тогдашних школьников. Двухэтажное здание восьмилетки казалось огромным, а все учителя представлялись просто небожителями, хотя, казалось бы, мой отец был преподавателем физики и математики, директором школы...

В общем, если слово «учитель» мы и не писали с большой буквы, то воспринимали именно так и только так — Учитель! И у меня это сохранилось по сей день: встречая своих университетских преподавателей (увы, все реже и реже), испытываю совершенно искренний пиетет и глубокое уважение — каждый из тех, с кем сталкивала меня школьная, студенческая и аспирантская жизнь, оставил что-то свое. И хотя я абсолютно согласен с Галиной Щербаковой, написавшей: «Каждому человеку в жизни, в сущности, нужен всего один учитель... Настоящий. Остальных можно стерпеть», скажу, что мне повезло со многими наставниками. Явно или не явно все они — прежде всего личным примером — дали понять, что настоящие знания даются лишь через преодоление, через трату сил, нервов, времени; что образованность и ум — вовсе не одно и то же; что даже в самых сложных ситуациях необходимо оставаться человеком... Повезло и с первой — очень строгой — учительницей Александрой Дмитриевной, и с руководителем драмкружка Ольгой Васильевной, и с педагогом в детской художественной школе Георгием Максимовичем, и с классным руководителем нашего выпускного класса Галиной Ивановной, и с вузовским куратором Ниной Степановной, и с научным руководителем диссертации Гориславом Валентиновичем...

Кстати, мне до сих пор нравятся книги Пантелеева, Кассиля, Сотника, а также фильмы «Путевка в жизнь», «Республика ШКИД», «Доживем до понедельника, «Дневник директора школы». Во-первых, потому, что их авторы — настоящие мастера, а во-вторых, созданные ими литературные и кинообразы Учителя и Школы не расходятся с жизненными примерами. Мне тоже встречались нудные и истеричные училки, бывало, что и по отношению ко мне допускалась явная несправедливость, но все же светлых страниц оказалось гораздо больше. Может быть, оттого, что в моем случае любовь оказалась взаимной...

Наверное, и сегодня у большинства дело обстоит в основном так же, хотя добавление «в основном» уже необходимо. Потому что все чаще в телепередачах видишь униженного во всех смыслах учителя, потому что не он сегодня герой литературы и искусства и не по нему сегодня предлагают сверять и строить жизнь...

Но я уверен, что проверка каждого из нас на порядочность и человечность начинается с отношения к родителям, старикам и учителям. А в роли последних могут быть и родители, и старики, и, конечно же, школьные педагоги и профессиональные наставники. Будем же помнить о них! Замечательно об этом написал Андрей Дементьев:

Не смейте забывать учителей.
Они о нас тревожатся и помнят.

И в тишине задумавшихся комнат
Ждут наших возвращений и вестей.
Им не хватает этих встреч нечастых,
И, сколько бы ни миновало лет,
Слагается учительское счастье
Из наших ученических побед.
А мы порой так равнодушны к ним:
Под Новый год не шлем им поздравлений.
И в суете иль попросту из лени
Не пишем, не заходим, не звоним.
Они нас ждут. Они следят за нами.
И радуются всякий раз за тех,
Кто снова где-то выдержит экзамен
На мужество, на честность, на успех.
Не смейте забывать учителей.
Пусть будет жизнь достойна их усилий —
Учителями славится Россия,
Ученики приносят славу ей.
Не смейте забывать учителей!

УПОЕНИЕ

Уинстону Черчиллю приписывается выражение «Кто в молодости не был революционером — у того нет сердца, кто в старости не стал консерватором — у того нет мозгов». С годами понимаешь высшую справедливость этих слов, которые, кстати, можно трактовать широко. Например, заменив слово «революционер» словом «романтик»...

Можно и продолжить синонимический ряд: «*воодушевленный*», «*самозабвенный*»... Правда, в новые времена эти слова все чаще заменяют одним, новомодным — «*экзальтированный*». Какое-то холодное, слишком иностранное слово «*экзальтация*», мне ближе — «*упоение*», «*восторг*».

И сразу вспоминается пушкинское: «*Есть упоение в бою // И бездны мрачной на краю, // И в разъяренном океане, // Средь грозных волн и бурной тьмы, // И в аравийском урагане, // И в дуновении Чумы*». А рядом встают строки Семена Гудзенко: «*Когда на смерть идут, — поют, // а перед этим можно плакать. // Ведь самый страшный час в бою — // час ожидания атаки*»...

Итак: *упоение, восторг* (пусть иногда и щенячий), *восторженность, восхищение, оживленность, возбужденность и даже экстаз*. Все то, что мы относим к поре, называемой весной нашей жизни. То есть к детству, отрочеству, юности и молодости.

Уверен: лишь от восторженности жизнью, от искреннего интереса к другим людям рождаются *дружба* и *любовь*, движущие миром.

Можно с иронией отнестись к поступку двенадцатилетних московских мальчишек, поклявшихся друг другу на Воробьевых горах посвятить жизнь борьбе за свободу и счастье Родины. А можно с уважением констатировать, что они до конца своих дней остались верны идеалам юности и заметно повлияли на Россию: я имею в виду Николая Огарева, ставшего известным публицистом, и Александра Герцена — выдающегося философа, социального мыслителя, великого русского писателя.

Можно скептически отзываться об истории отношений русского государственного деятеля Николая Резанова и дочери коменданта испанской крепости Сан-Франциско, а можно написать замечательные стихи о чарующей истории любви русского мореплавателя и юной испанки, как это сделал Андрей Вознесенский. Ведь людям нужны и легенды!

Любое доброе начинание, если оно делается с подъемом и воодушевлением, приводит к талантливому результату. «Креативный класс», о котором говорят как о двигателе прогресса, может воспроизводиться лишь на основе большой мечты. И прав был тот, кто вывел почти как формулу: «Не ставьте перед собой мелких целей — они не обладают волшебным свойством волновать кровь!..» Без сомнения, Циолковский, Королев, Гагарин были мечтателями. Они упивались мечтой о космосе, и это лишь потом в дело вступил жесткий научный расчет.

Конечно, важно, чтобы ваша искренняя оживленность не перерождалась в болезненное состояние, доходящее до исступления — особенно плохо, когда к этому приходят намеренно, выставляя напоказ свои чувства. Подлинное же упоение — это чистота и свежесть чувств. У Ивана Бунина находим: «И я в упоении целовал ее душистые руки с колючими перстнями и не знал, что сказать ей, от счастья...». А вот у Михаила Салтыкова-Щедрина: «В особенности его пленяла Жорж Занд в своих первых романах. Он зачитывался ими до упоения, находил в них неисчерпаемый источник той анонимной восторженности, которая чаще всего лежит в основании юношеских верований и стремлений».

Так что упивайтесь жизнью, господа, упивайтесь!..

ФУТБОЛ

В свое время я написал стихотворение «Футбол как отражение жизни», которое начиналось так:

Магнит глобального масштаба,
биологический мотив,
инстинкт, потребность и отрада...
Самолюбив, честолюбив!
Награда смелым, горделивым,
трудолюбивым, терпеливым,
сметливым, в меру шаловливым,
ну и, конечно же, счастливым,
орущим во все горло: «Гол!!!» —
Его величество Футбол.

Да, замечательная, поистине народная игра, хотя есть скептики, утверждающие, что Россия и Футбол — «две вещи несовместные». Но я думаю, что это всего лишь изящная фраза. Ведь стали совсем недавно наши пляжные футболисты чемпионами мира, причем уже двукратными, опередив в том числе знаменитых бразильцев, которые чуть ли не с пеленок тренируются на морском песочке. А вспомните достижения в мини-футболе (по-научному футзале)!.. Да если обратиться и к истории большого футбола, то и там есть чем гордиться. Мы были первыми в Европе, выигрывали Олимпийские игры, становились призерами чемпионата мира. О клубных победах я уже и не говорю. В мире знают «Спартак», «Динамо», ЦСКА, «Локомотив», а с недавних пор «Рубин» и даже «Анжи»...

Среди экспертов ходит такая шутка: «В России многие умеют играть в шахматы, но мало кто в них серьезно разбирается. В России мало кто хорошо играет в футбол, но все в нем разбираются...» Может, действительно, у россиян слишком завышенные требования к футболистам? Может, и так: ведь кого больше любишь, от того большего и ждешь. Между тем, представители других видов спорта нередко сетуют: мол, у них успехов в десять раз больше, чем у футболистов, но те получают — и славы, и денег — на порядок больше. Трудно с этим не согласиться. Как и с тем, что главные проблемы нашего футбола все-таки лежат в области психологии.

Давайте вспомним знаменитое турне 1945 года команды «Динамо» по Великобритании. Встречаясь с сильнейшими профессиональными клубами Англии, Уэльса и Шотландии, москвичи в двух матчах добились победы, а две игры закончили ничьей. Разница мячей 19:9 в пользу «Динамо»! Не думаю, что наши спортсмены были

обучены лучше футболистов «Челси» или «Кардифф Сити», «Арсенала» или «Рейнджерс», — просто их вел вперед победный дух. Именно психология победителя отличала Всеволода Боброва, Константина Бескова, а в дальнейшем — Льва Яшина, Игоря Нетто, Валерия Воронина, Игоря Численко, Анатолия Банишевского. И этот дух как будто бы переселился в наших хоккеистов, от которых мы вот уже более 60 лет ждем только побед. А вот футболисты, к сожалению, нередко наши ожидания обманывают. Но болельщики продолжают верить, что победный дух вернется и в любимый всеми футбол.

Как в малой капле живо море,
так в этой праздничной игре
характер нации — поспорим! —
все ж отражается вполне.
Одни логичны и упорны,
другие яростно моторны
и артистичны, и проворны,
а третьи лучшие бесспорно
во всем, и тренер их — орел!
Все это, граждане, — Футбол!

Такое странное явленье:
бумага-лакмус, реактив...
Всех черт прекрасных проявленье
и безобразный негатив...
Он — будто разум коллективный,
бурливый или неактивный...
Игра? Согласен. Но не только...
Падений, взлетов, жизней сколько
пересчитал, перемолол
Его трагичество Футбол!

Не новой кажется нам мысль:
Футбол — судьба. Да просто — жизнь...

ХОККЕЙ

Как и многие советские дети, я один из летних месяцев проводил в деревне у дедушки с бабушкой, но однажды случилось приехать туда и в зимние каникулы. Январь выдался снежным, морозным, и я пожалел, что не привез с собой хотя бы коньков. Но вот в избу забежал соседский паренек Пашка и пригласил сыграть в шербалку. Я не сразу понял, что так в деревне называлась игра с маленьким мячом. Пацаны сами мастерили из коряг подобия хоккейных клюшек и гоняли ими тот самый мячик по льду замерзшей речки от ворот до ворот, помеченных хворостинами. То есть *шар гоняли палками*, отсюда и название — шербалка...

К тому времени я уже был заядлым хоккейным болельщиком. Любимой командой была ледовая дружина ЦСКА, любимым игроком — Анатолий Фирсов, любимым тренером — Анатолий Владимирович Тарасов, любимым комментатором — Николай Николаевич Озеров. Мы буквально гонялись за дефицитными газетами «Советский спорт» и «Футбол-Хоккей», вели вслед за энциклопедистом спорта Константином Есениным свою статистику, смотрели все игры сборной СССР на черно-белых экранах наших «Рекордов» или «Спутников»... И даже женщины становились болельщицами — помню, как мама причитала: «Жалко мне этого вашего Петрова — все время, бедный, на скамейке штрафников сидит...» Речь шла, конечно же, о знаменитом центрфорварде Владимире Петрове, игравшем с легендами № 13 и № 17 — Борисом Михайловым и Валерием Харламовым.

Матчи «Спартак» — ЦСКА становились чуть ли не главными событиями страны. Помню забастовку в прямом эфире Тарасова, за которую его сняли из тренеров сборной. Окончание матча задержалось почти на час, а в вип-ложе сидел искушенный болельщик, генсек Леонид Ильич Брежнев...

Помню не только знаменитые игры с канадцами, но и перманентное противостояние СССР и Чехословакии. Было время, когда им улыбалась удача в матчах с нашими хоккеистами, но не везло со шведами, которых мы зато почти регулярно побеждали... Вот такой получался равнобедренный треугольник.

Помню и времена, когда сборная СССР обыгрывала финнов и американцев с двузначным счетом, а немецкие и швейцарские команды даже не мечтали об участии в европейских и мировых финалах.

Но времена меняются. Пришел в хоккей рынок, а с ним — новые имена, новые хоккейные центры, новые условия. В знаменитой НХЛ ежегодно выступает несколько десятков российских игроков, а в КХЛ — не меньшее число представителей Северной Америки и Северной Европы. Но поскольку сегодня хоккей — целая индустрия, умелый менеджмент позволяет даже в южных городах, к которым относится и Воронеж, развивать этот вид спорта. Вот и «Буран» в последние годы радует нас победами, а воспитанники воронежской хоккейной школы уже заявляют о себе в ведущих клубах — назову хотя бы Александра Черникова, играющего ныне в Ярославле.

Теперь не встретишь спортсмена, который бы одинаково успешно и на высшем уровне играл летом в футбол, а зимой — в хоккей. Думаю, сегодня это было бы не под силу даже великому Всеволоду Боброву — в спорте наступили времена узких профессионалов. А вот нам, болельщикам, такая специализация не грозит — мы постоянно в тонусе. Более того, если говорить об одном хоккее, то и он обогатился почти десятком разновидностей. Это и роллер-хоккей, и хоккей на траве, и индорхоккей, и русский хоккей, и ринк-бенди, и флорбол, а еще вертикальный, саночный хоккей — разновидности хоккея для инвалидов.

И в каждом случае — борьба характеров, проверка мастерства. Как в песне:

Суровый бой ведет ледовая дружина.
Мы верим мужеству отчаянных парней.
В хоккей играют настоящие мужчины —
Трус не играет в хоккей!
Трус не играет в хоккей!

ЦИРК

Знаменитый циркач Леонид Енгибаров по-своему признался в любви к цирку, написав о жонглере: «Потом, когда кончится дробь барабана и подойдет к концу жизнь, тебе скажут, что был несчастлив в жизни, потому что ты всегда работал и ни на что другое у тебя не оставалось времени.

Но зато ты делал невозможное — человек, чьи ладони в кровавых трещинах...

Разве это не Счастье?»

А разве не счастье: дарить радость миллионам людей, и прежде всего — мальчишкам и девчонкам? Тем, у кого уже в фойе начинают блестеть глаза! Тем, кто так восторженно смотрит на арену! Тем, кто так жадно вдыхает запах опилок!

А в цирке широкие двери,
Арена, огни, галуны,
И прыгают люди, как звери,
А звери, как люди, умны.
Там слон понимает по-русски,
Дворняга поет по-людски.
И клоун без всякой закуски
Глотает чужие платки.

Это — поэт Давид Самойлов о цирке и цирковых, с которым солидарен другой поэт — Николай Заболоцкий:

Цирк сияет, словно щит,
Цирк на пальцах верещит,
Цирк на дудке завывает,
Душу в душу ударяет!

А им двоим вторит Владимир Высоцкий, который, оказывается, мечтал о работе в цирке:

Парад-alle, не видно кресел, мест.
Оркестр шпарил марш, и вдруг, весь в черном,
Эффектно появился шпрехшталмейстер
И крикнул о сегодняшнем коверном.

Немало книг написано о цирке: «Гуттаперчевый мальчик» Григоровича, «Каштанка» Чехова, «Три толстяка» Олеши, многочисленные рассказы Куприна...

Немало художников были влюблены в него и посвятили ему свои картины: Лотрек, Ренуар, Дега, Пикассо, Шагал, Юон, Коненков...

Для нашего города цирк вообще — часть бренда: ведь именно в Воронеже восемнадцатилетний Анатолий Дуров дебютировал как клоун. В 1901 году он обосновался здесь, и в его доме часто гостили Куприн, Гиляровский, Заикин, Шаляпин. (Кстати, увлечение знаменитого дрессировщика авиацией привело к тому, что с его участием состоялся первый в Воронеже полет на аэроплане; его любовь к кинематографу подтолкнула к съемкам в Воронеже кинофильма; его страсть к коллекционированию подтолкнула власти к открытию именного музея, и сегодня Дом Дурова является одной из достопримечательностей нашего города).

Есть версия, что чеховская «Каштанка» создана на основе реальной истории, которая произошла с братом Анатолия Леонидовича — дрессировщиком Владимиром Дуровым.

Воронежский цирк имел разные адреса: Староконная площадь, Театральная площадь, улица Плехановская, Первомайский сад и, наконец, улица Моисеева. Он имел разный статус — первый цирк, открытый более 130 лет назад, был частным и принадлежал итальянцу М. Труцци, затем — уже государственный цирк — стал носить имя С.М. Буденного. После того, как здание цирка было разрушено в годы Великой Отечественной войны, лишь в 1975 году на смену цирку-шапито пришло современное здание.

Пять лет назад на втором этаже воронежского цирка благодарные зрители открыли памятник Анатолию Леонидовичу Дурову. Примечательно, что это был совместный проект национальных общин Воронежа: грузинской, греческой, армянской, украинской, немецкой и курдской, а автором скульптуры стал грузинский скульптор Вано Арсенадзе.

Вот так цирк сплачивает народы!

Потому что цирк — это праздник красок, таланта, смелости и творчества. Всего того, что ценится каждым народом в каждом народе.

ЧТЕНИЕ

Как-то мне на глаза попалась статья нашего знаменитого философа и литературоведа Валентина Фердинандовича Асмуса под характерным названием «Чтение как труд и творчество». Познакомившись с ней, я задумался: что мы сегодня читаем? как мы читаем? много ли мы читаем?..

Кажется, раньше, когда наша страна справедливо считалась одной из самых читающих, такие вопросы казались праздными, поскольку существовала определенная

система знакомства с литературой различного характера и различного уровня. В детсадовском возрасте мы любили книжки с картинками, в школе наряду с учебниками знакомились с детскими художественными книгами, авторами которых были лучшие писатели (К. Чуковский, С. Маршак, С. Михалков, А. Барто), а иллюстраторами — лучшие художники страны (Ю. Васнецов, В. Лебедев, Е. Чарушин, А. Пахомов, В. Конашевич, Т. Маврина). Затем появлялась подростковая литература, книги для молодежи...

Конечно, деление это условное (какой возрастной категории, например, адресовать книги Александра Грина или Александра Беляева?), и все же, все же, все же... Постепенность чтения, на мой взгляд, способствует гармоничному развитию личности: ведь ни для кого не секрет, что юношеский возраст — возраст увлечения романтикой, возраст острых чувств. Отсюда — поиск соответствующих героев, мотивов, ситуаций. И — крайне важное наблюдение — какие-то книги необходимо успеть прочитать в определенном возрасте.

Вот строки из песни Владимира Высоцкого, написанной для фильма «Стрелы Робин Гуда», а использованной в фильме «Баллада о доблестном рыцаре Айвенго»:

Детям вечно досаден
Их возраст и быт, —
И дрались мы до ссадин,
До смертных обид.
Но одежды латали
Нам матери в срок,
Мы же книги глотали,
Пьянея от строк.
Липли волосы нам на вспотевшие лбы,
И сосало под ложечкой сладко от фраз,
И кружил наши головы запах борьбы,
Со страниц пожелтевших слетая на нас.

Сегодня, к сожалению, прервалась традиция семейного чтения, но, значит, родителям следует искать другие варианты управления чтением ребенка. Естественно, что главными в этом процессе остаются школы и библиотеки. Мне и моим сверстникам в этом смысле повезло: в нашей восьмилетке библиотекарь Ольга Васильевна Кацерик вела два кружка — библиотечный и драматический. Первый собирал многих любителей чтения, обсуждавших литературные новинки, второй — юных актеров, выступавших затем с инсценировками на смотрах художественной самодеятельности.

Уже взрослым человеком я прочитал небольшую повесть Евгения Дубровина «В ожидании козы», которую затем дал своему старшему сыну, тогда подростку, и он так же, как я, был просто ошеломлен, повесть и в мальчике вызвала ту же бурю чувств.

Возвращаясь к статье В. Асмуса, выскажу следующее мнение: чтение не просто труд — это тот процесс, благодаря которому человек и приобретает подлинную грамотность (известно, что, например, иностранное слово становится вашим, входит в ваш лексикон, или тезаурус, по-научному, если вы произвели с ним 5 или 7 «операций»: прочитали, проверили значение в словаре, применили в контексте и т.д.).

Итак, регулярное и качественное чтение. Что это значит?

Это значит, что книгочей быстрее и надежнее социализируется, приобретая комплекс умений: умение выделить основную мысль, смысл прочитанного (как говорится, «схватывает все на лету»); умение отделять главное от второстепенного (от т. н. «информационного шума»); умение рассуждать, т.е. приводить доводы, аргументы в доказательство какой-либо известной точки зрения; умение вырабатывать свою собственную точку зрения и обосновывать ее; наконец, умение определять причины поступков людей или явлений, соотнося все это с собственным опытом.

Каждый из нас наверняка замечал, что при чтении мы, рефлексируя, как бы про-

износим внутренний монолог: с чем-то соглашаемся, с чем-то спорим... И это хорошо: человек читающий — это человек с развитым критическим и аналитическим мышлением.

При умном, т.е. отборном, чтении происходит воспитание чувств. Эмоционально переживая, мы учимся сочувствию, мы тренируем наше воображение. Через литературу многие приходили к изобразительному искусству, к театру, к кинематографу, т.е. расширили свои познания о мировой и национальной культуре.

Я заметил, что если ребенок по каким-то причинам часто оставался один (либо по причине своей болезни, либо потому, что старшие уходили на работу), и нередко — наедине с книгами, то затем он отличался от сверстников лучшим умением сосредоточиться, сметливостью ума, верностью суждений и т.д.

Теперь о качестве чтения. Приведу опять строки Высоцкого:

Если, путь прорубая отцовским мечом,
Ты соленые слезы на ус намотал,
Если в жарком бою испытал, что почем, —
Значит, нужные книги ты в детстве читал!

В общем, привычку к чтению, которая превратится в потребность, надо вырабатывать в детстве. Ведь современный человек — это тот, кто понимает: как нельзя жить без воды и пищи, так нельзя жить без информации — пищи духовной. Ищите эту информацию в нужных книгах, т.е. прежде всего в книгах классиков, в книгах, прошедших испытание временем.

ЭНТУЗИАЗМ

Всю жизнь был энтузиастом, ни секунды об этом не жалею, хотя и состоялся у меня как-то любопытный в связи с этим разговор...

В заграничной командировке встретился с другом, вузовским однокашником, который, сидя за рулем своего автомобиля, задумчиво сказал: «Как же много мы с тобой в юности делали на голом энтузиазме — тратили время на всякие глупости...» Скорее всего, он имел в виду факультетскую стенгазету (до 20 ватманских листов в длину, между прочим), выпускавшуюся нами с первого по пятый курс; участие в команде КВН, а затем в самодеятельном театре, порой действительно мешавшее учебе; организацию городской «Юморины»... «Нет, — ответил я своему товарищу, — это не глупости. Все это помогло нам, в том числе в профессиональном плане. Вот ты приехал в другую страну, и уже через год заявил о себе как способный журналист, а затем и как редактор одной из центральных газет...»

Словари определяют энтузиазм как положительно окрашенную эмоцию, высокую степень воодушевления и душевный подъем. И если поначалу энтузиастами называли людей, «одержимых божеством или находящихся под его влиянием», затем — людей, реагирующих на возвышенное, прекрасное («поэтический энтузиазм»), то в наше время энтузиастами называют людей целеустремленных, ориентированных на результат, но — и это главное! — не на получение прямой выгоды. Возможно, отсюда — насмешливое отношение современных прагматиков к такого рода субъектам. Юмористы даже придумали ироничное слово «энтуазизм», подвергая осмеянию излишнюю степень энтузиазма, доходящего до фанатизма и экзальтации.

Так высмеивался излишний пафос советских времен, плакатная призывность, направленная, как правило, на других. Но ведь и успешный капиталист Генри Форд утверждал: «Если у тебя есть энтузиазм, ты можешь совершить все, что угодно». И еще очень и очень многие состоявшиеся профессионалы считали и считают энтузиазм источником жизни и движения.

Действительно, когда человек находит путь для достижения какой-либо важной

ему цели, когда он внутренне убежден в собственной правоте, то начинает работать вдохновенно, с удвоенной энергией. Возможно для того, чтобы, доделав работу, скорее применить ее результаты.

Особенно важен энтузиазм на этапе ученичества. Если ты учишься, как говорится, «с огоньком», берешься за самые разные дела, пытаясь научиться новому и сделать все хорошо, — ты работаешь на свое будущее.

Например, сегодня мне — руководителю, преподавателю, журналисту — помогает то, что я 10 лет провел в драмкружке (приобретено умение коммуницировать, владеть аудиторией и др.), что я закончил художественную школу (знание истории искусств, дизайна и др.), что занимался спортом (выносливость, умение играть в команде, а при необходимости брать игру на себя). Помогает и то, что в студенчестве выезжал «на картошку», работал каменщиком в строительном отряде, вожатым в пионерских лагерях... Практически везде необходим был энтузиазм, без которого все вышеперечисленное могло превратиться в рутину, «обязаловку»: ведь репетиции продолжались нередко до ночи, ведь занятия спортом и искусством — это не только релаксация, но и упорный труд...

В общем, мой жизненный опыт говорит: любое дело начинается с энтузиазма. Ведь, например, открытие новых специальностей и направлений высшего профессионального образования (а я участвовал, как минимум в открытии 6 университетских образовательных программ) требует долгой и кропотливой предварительной работы по составлению учебных планов и других серьезных документов для министерства, по поиску квалифицированных кадров и т.д. и т.п. Но настоящие энтузиасты — они же оптимисты — знают: дорогу осилит идущий, победа обязательно придет!

Завершить хочу такой крылатой фразой: «Энтузиазм заразителен. Его отсутствие — тоже».

ЯЗЫК

Сегодня можно только предполагать и строить догадки по поводу феномена возникновения языка. Одни считают, что язык дан человеку Богом; другие — что он является генетически заложенной функцией человека; третьи рассматривают язык как продукт развития древних систем общения наших предков... Фридрих Энгельс, например, утверждал, что язык развился из трудовых выкриков, когда у первобытных людей в процессе деятельности «появилась потребность что-то сказать друг другу», а вот Жан-Жак Руссо и Чарльз Дарвин — каждый отдельно — настаивали на точке зрения, говорящей о развитии языка из музыки. Наконец, есть и теория внезапного появления языка — в результате какой-то случайной мутации по причине космического влияния или благословенной «ошибки природы».

Но не будем углубляться в теорию, тем более задача наша иная — поразмышлять о языке как о факторе национальной культуры. И поскольку ее формой является именно национальный язык, мы поведем речь о русском языке, о котором Иван Тургенев почти полтора века назад написал такие проникновенные строки: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

Ученые справедливо считают Пушкина основоположником современного литературного языка, но при этом нельзя не сказать и о его предшественниках и современниках, которые подготовили благодатную почву для оформления нашего языка: это авторы летописей и «Слова о полку Игореве», это Ломоносов, Державин, Фонвизин, Радищев, Карамзин, Жуковский, Батюшков, Крылов, Грибоедов.

Остановлюсь лишь на вкладе двух последних.

В баснях Ивана Крылова звучит истинно народная речь, причем в различных ее

оттенках и нюансах: то мы слышим голос бедняка («Разбойник мужика, как липку, ободрал»), а то — чиновника («Пошли у бедняка дела другой статьей»). В крыловских баснях найдется место и крепкому народному словечку, и краткому резюме, вырастающему до «крылатого слова» — афоризма.

Александр Грибоедов также мастерски отразил живую разговорную речь тогдашнего московского дворянства. Пушкин необыкновенно высоко ценил Грибоедова за его ум и талант, за его непринужденный и легкий стиль. Вот как он отозвался о знаменитой комедии своего тезки: «О стихах не говорю, половина войдет в пословицы». Ведь так оно и вышло!

Если говорить о русском языке, то, конечно же, нельзя обойти фигуру Владимира Ивановича Даля с его главным детищем — «Толковым словарем живаго Великорускаго языка», по праву считающимся богатейшей сокровищницей русского слова и народной мудрости. Созданный в середине XIX века, он содержит около 200 000 слов и 30 000 пословиц, поговорок, загадок и присловий, которые и сегодня активно применяются в речи и на письме: «Ученье — свет, а неученье — тьма», «Добрый портной с запасом шьет», «Живы своими грехами, вашими молитвами!», «На сердитых воду возят, на упрямой лошади»...

Богат и силен русский язык. Но, несмотря на свою пластичность, позволявшую и позволяющую впитывать иноязычную лексику, делать своими слова из других языков (тюркских, финно-угорских, романских и др.), русский язык нуждается в защите. Вот что говорит по этому поводу филолог Валентин Недзвецкий: «За прошедшие 15-20 лет экспансия иноязычной лексики оказалась многократно большей степени, чем во времена Петровских реформ. Тогда нужно было создавать флот, промышленность, науку, и в русский язык хлынуло огромное количество технических терминов — германизмов, англицизмов... Позже, в начале XIX века, Шишков в своей «Беседе любителей российского слова» предлагал слово «кий» заменить словом «шаротык», а калоши — «мокроступами». Попытка была неудачной, но обеспокоенность понятна».

С этой проблемой сталкиваются и в других странах. Так, сорок лет назад французы приняли закон о защите французского языка от бесконтрольного вторжения английского и любого другого языка, а значит, и чужой культуры. Закон также касался гарантий языкового статуса в определенных коммерческих и некоторых других сферах в самой Франции.

Конечно, прежде всего мы должны озаботиться внутренними угрозами для языка, а именно — тревожным фактом заболевания общества тюремной культурой, блатным жаргоном, фактом «огульного вхождения в современный язык криминального арго». Замечено, что даже простое употребление криминальной лексики способно оказать существенное влияние на мировоззрение человека. Общаясь в сети, люди смешивают устную речь с письменной, не следят за грамотностью, применяют ненормативную лексику, что приводит к огрублению и опрощению языка. И если раньше эпистолярный жанр, имеющий свои правила и речевые обороты, воспитывал стиль и вкус, то сегодня — в эпоху эсэмэс — люди просто пишут так, как и говорят, не обращая при этом внимания на орфографические и пунктуационные нормы. Более того — не считают грамотность обязательным качеством культурного человека.

Напоследок приведу слова нашего знаменитого земляка Самуила Яковлевича Маршака: «Мы должны оберегать язык от засорения, помня, что слова, которыми мы пользуемся сейчас, — с передачей некоторого количества новых — будут служить многие столетия после вас для выражения еще неизвестных нам идей и мыслей, для создания новых, не поддающихся нашему предвидению поэтических творений. И мы должны быть глубоко благодарны предшествующим поколениям, которые донесли до нас это наследие — образный, емкий, умный язык. В нем самом есть уже все элементы искусства: и стройная синтаксическая архитектура, и музыка слов, словесная живопись».

***Светлана Сергеевна Голубева** родилась в городе Пскове. Окончила естественно-географический факультет Псковского педагогического института. Публиковалась в журналах «Роман-журнал XXI век», «Новый Енисейский литератор», «Огни Кузбасса», региональных альманахах и изданиях. Автор книг «Вера», «Ветра и птицы», «Капельки». Дипломант конкурса им. А.Толстого, лауреат Всероссийской поэтической премии «Вешние воды». Член Союза писателей России. В журнале «Подъём» публикуется впервые. Живет в городе Орле.*

Светлана Голубева

ВЕТЕР

НОСТАЛЬГИЯ

Я растерялась, словно ветер
Меня на атомы раздул,
Разнес на сто дорожных петель,
Оставив от меня лишь гул.

Теперь в морях былья степного
Я — дальний бесприютный вой.
А где мне взять тепла родного,
А где мне снова стать собой?

Когда закончатся порывы
По всей земле, во все края,
На берег опущусь счастливый —
То будет родина моя,

Где мне сложиться воедино,
Где поднимать своих детей;
Так жить — судьба, а не судьбина,
Там ветер лишь слуга вестей.

В ЗАБРОШЕННОЙ ДЕРЕВНЕ

Забытый край, осиротевший дом.
Здесь было все, что мне вдохнуло душу:
Букеты льна, который рвешь с трудом,
И лес, в которой сызмальства не трушу,

Валок недавно скошенной травы,
Окутанный прощальным ароматом,
Осенний сад, уставший от листвы,
И желтый плёс за ближним перекатом.

Здесь ржали кони, грузовик пыхтел,
Был слышен зычный покрик бригадирши.
Крапива лишь теперь да чистотел
Глядят из срубов, уронивших крыши.

И тихо все. И сгорбились дома,
Из тына накрест вывалились жерди.
Один лишь сад замшелый вдоль холма
Весь в поросли, ненужный даже смерти.

Скрипят тоскливо ветви ли, душа ль.
Вдоль улиц ветер смерчиком пылится.
Вернуть бы все. На то себя не жаль.
Вернуть бы все — и в этом раствориться.

НАДЕЖДА

Слушаю музыку службы пасхальной.
Светлый, торжественный близится миг:
Должен огонь из обители тайной
Вынести важный, сановный старик.

Ждут прихожане чудесной минуты,
Но, что касается лично меня,
Чуточку боязно мне почему-то:
Вдруг этой ночью не будет огня?

Вдруг не подарит Господь нам надежды
И, разуверившись в чадах земных,
Ввергнет всех нас, неразумных, мятежных,
В сумрак и холод ветров ледяных?

Страшно. Но чудо, однако, случилось:
Вышел старик, и заветным огнем
Тысячи, тысячи лиц озарились!
Вспыхнула искра и в сердце моем.

УЖЕ И ЕЩЕ

Уже ненужный, но остался пыл
От наших увлеченных разговоров,
И отголосок незабытых споров
Еще вчера зачем-то слышен был,

И дневников постыла дребедень,
Подобная занудному рассказу,
Но все еще не наступил тот день,
Что не напомнил о тебе ни разу.

Необратимо привыкаю жить,
Сама себе в ответе и в совете,

И это как невидимая нить,
Что душу не дает пустить на ветер...

Туманом начинается рассвет,
И день без солнца, словно обезглавлен.
Мне кажется, что твой могильный крест
Тобою Богу за меня поставлен.

НОЧНАЯ НЕПОГОДА

Ветры метались каленые, будто из стали,
Видно, Луну, непутевую девку, искали.
В клочья порвали ее бархатистые юбки
(Хватит отныне плясать ей, бедовой голубке).

Тщетно ревнивцы носились, сверкая серпами,
Тщетно от них закрывались деревья ветвями,
Нет здесь беглянки, за юбкой она не вернется:
Бедра нагие ей шелком укутает солнце.

* * *

Нет, ты не канул в безысходный мрак
И через годы явишься, как чудо.
Я буду ждать и верить в это так,
Что даже плакать никогда не буду.

По выходным затею пироги
И переглажу все твои рубашки,
И никогда от вас, друзья-враги,
Ни в чем пустячной не приму поблажки.

* * *

Вода не была голубой.
Оливковой — в озере в чаще лесной,
Похожем на листик ракиты весной;
Асфальтовой — в тихом, заросшем пруду,
Забывшем давно про свою красоту;
Был на море ртутным тяжелый прибой —
Вода не была голубой!

Сиял Иссык-Куль бирюзовым кольцом;
Катунь в рукава изливалась свинцом;
Струилась Многа серебром меж камней,
Медовою отмель казалась на ней,
И омут чернел под отвесной скалой —
Вода никогда не была голубой!

ВИД НА МОРЕ

Луна серебряной лузгой
На море черное сорит,
Холеной девичьей тоской
Лицо унылое горит —

Портрет мещанки молодой,
Лениво в бдении ночном
Смахнувшей полною рукой
Скорлупки в кустик под окном.

* * *

«Переплелись века и нравы».
А посмотреть вблизи — найдешь
Все в той же позолоте право,
Все с тем же ароматом ложь.

Глупцы не стали гениальней,
Людьми не сделалось зверье.
Вот только правда все банальней,
Все незатейливей вранье.

9 МАЯ

Какая тишь! И так необорима
В рассветной неге дремлющая жизнь,
Как будто все снаряды были мимо,
Все мины до одной не взорвались,

И генералы живы, и солдаты,
Все дети родились у матерей,
А если здесь и слышались раскаты,
То разве гроз, примчавшихся с морей.

Зарей румянясь, в лепестках лежала,
Дыша малейшей гранулкой земной,
Такая жизнь, как будто не пропало
Из завершенных судеб ни одной.

«РОСКОШНЫЙ ТАЛАНТ, В КОТОРОМ ТАИТСЯ ЧТО-ТО ВЕЛИКОЕ»

В. Белинский

Рисунок И. Лопатина

***Иван Александрович Щёлоков** родился в 1956 году в селе Красный Лог Воронежской области. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Многие годы находился на журналистской работе. Автор десяти поэтических книг и многочисленных публикаций в журналах «Москва», «Молодая гвардия», «Наш современник», «Литературной газете». Лауреат премии ЦФО в области культуры и искусства, а также ряда международных и всероссийских литературных премий, заслуженный работник культуры РФ. Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.*

Иван Щёлоков

ВЕЧНЫЕ СТРАННИКИ

(Воронежские страницы
в кавказских скитаниях М.Ю. Лермонтова.
Эссе на фоне дождливого летнего утра)

Ненастное летнее утро. Только что закончился короткий, не по-июльски тихий и мелкий дождь. Чуть прояснилось, и по небу даже не плывут, а нехотя передвигаются густые, не сплошные, а разорванные небесной десницей тучи. Серебристо-свинцовые, причудливо-вихрастые... Я провожаю их взглядом, и неожиданно из глубины сердца выплывает величественно-грустная музыка строк:

Тучки небесные, вечные странники,
Степью лазурною, цепью жемчужною...

И моя фантазия несет меня вслед за лермонтовскими тучами по просторам воображения. Где еще, если не у нас, в воронежском раздолье, ухватила и отнесла в тайники памяти душа поэта удивительный образ лазурной степи, чтобы однажды в Петербурге, незадолго до своей последней поездки на Кавказ, глядя в окно, с горечью признаться:

Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники...

А тучи плывут и плывут. Не откуда-то, а прямиком «с милого севера в сторону южную...» И возникает беспокойство, и ты теряешь в это мгновение душевное равновесие от странного слияния собственного настроения с лермонтовским стихотворением и с привычным, не таким уж редким природным явлением — моросящим летним дождем.

Не этот ли ветер гнал поэта с вереницей «тучек небесных» через воронежские степи туда, в тревожно-опасный горный край, чтобы за хребтами Кавказа, либо в укромном таманском домике у моря, в тени чинар, с их прохладой и покоем, укрыть поэта-изгнанника от «всевидящего ока и всеслышащих ушей», от насмешек и притеснений высшего света? Не этот ли ветер искал приют певцу, подобно дубовому листку, оторвавшемуся «от ветки родимой», чтобы на чужбине обогреть, приласкать и передать его вечности, испытав на стойкость, верность и преданность через предательство, подлость и зависть соплеменников?

Вместе с думами о поэте ветер будто подхватывает и меня. Я что — странник? И тот незнакомец под зонтиком на тротуаре — тоже странник? Может, человек вообще странник на этой земле и под этим небом? Мы все — «тучки небесные»? «Степью лазурною, цепью жемчужною» каждого из нас гонит судьба по дорогам Отчизны. И в сокровенные минуты понимаем: любим мы ее, но почему-то тоже, как и поэт, «странною любовью». Может, потому, что и ее любовь к нам странная? Молодой Лермонтов зацепил, натянул в каждом из нас струнку, отозвавшуюся глубинной болью. Иначе откуда эти необъяснимые состояния тоски и обреченности, униженности и одиночества, безумства и мужества, бесшабашности и жертвенности, совестливости и добра? Отчего они? Из каких источников проистекают? Какими ветрами надуло в сквозящую щель раздвоенного сознания и духа? По какому праву? И что это, наконец: божье предначертание или уязвленная, разреженная русскими пространствами страждущая душа?

Я часто задумываюсь, сколько же этой мерзкой философской субстанции, которую ни пощупать, ни понюхать, нужно, чтобы заполнить бездны российских расстояний, среди которых томятся наши святые и грешные души! И мы несем все это из поколения в поколение, столетиями надрываясь, надламываясь, буйствуя и радуясь, любя и проклиная в извечном поиске правды и воли. Амплитуда наших душевных колебаний так велика, что выплескивается не то что под лермонтовские «тучки небесные», но и прихватывает пространства, где «звезда с звездою говорит».

* * *

Через несколько минут небо снова заволоклось, кругом потемнело. Задождило. В третий раз за утро.

А фантазию уже не остановить... Время перепуталось, границы стерты... Поток чувств, перемешиваясь с дождевыми струями, несет в прошлое. Туда, туда, почти на два века назад, к Лермонтову. Он уже здесь, на подступах к нашему городу... Он — тучка. Он — вечный странник на русской земле, изгнанный из привычного окружения.

Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную...

На счастье потомков Воронеж оказался уникальной географической и исторической точкой на пути скитаний гордого, свободолюбивого юноши.

В принудительных путешествиях на Кавказ (а первый раз поэт был сослан туда в 1837 году за стихотворение «На смерть поэта») через столицу Черноземья Лермонтов не был одинок.

В 1818 году в Воронеже короткую остановку совершил будущий автор «Горе от ума» А.С. Грибоедов. Как секунданта на дуэли его отправили в почетную ссылку в Персию — набираться дипломатического опыта.

В 1829 году через Воронеж в Минеральные Воды и Тифлис проезжал А.С. Пушкин.

Расположение Воронежа на пути опального русского вольнодумства сослужило ему одинаково как дурную, так и яркую славу города, ставшего знаковой частью истории России. Попавшие в немилость царей и сосланные на «перевоспитание» под пули горцев подданные Российской империи, как правило, люди передовых идей и мыслей, не могли миновать на изгнаннической тропе губернский центр с таинственным, неразгаданным, притягательно-пугающим набором звуков — *Воронеж*.

Безымянных «вечных странников» русской судьбы гнали с севера на юг, по меткому определению Лермонтова, и «зависть тайная», и «злоба открытая», и «друзей клевета ядовитая». «Транзитных» особ Воронеж встречал, скорее всего, как это и было повсеместно, с жандармской настороженностью, равнодушно и холодно, буднично и скучно.

Впрочем, и высоким столичным пилигримам город представлялся рядовым привалом в длительной тряске по отеческим ухабам.

Среди вечных странников русской литературы, в биографии которых значится губернский город Воронеж, были К.Ф. Рылеев и Д.В. Веневитинов.

Поэт и вольнодумец, будущий основатель альманаха «Полярная звезда», один из организаторов восстания декабристов 14 декабря 1825 года Кондратий Рылеев в 1817-1819 годы служил в конно-артиллерийской роте, расквартированной в Острогожском уезде. Был женат на дочери местного помещика — Н.М. Тевяшовой. Частенько наведывался в Воронеж. Тернистый путь бунтаря-стихотворца, возжаждавшего свободы и равенства, пролег с меловых круч Дона к Сенатской площади Петербурга.

В 1824 году родовое воронежское имение в с. Новоживотинном в последний раз посетил знаменитый любомудр, философ и поэт Дмитрий Веневитинов. Поездка оставила в сердце юноши неизгладимый след. Вместе с братом Алексеем Веневитиновым он побывал на приеме у воронежского губернатора П.И. Кривцова, известного своей близкой дружбой с А.С. Пушкиным. Много гулял в окрестностях Новоживотинного, любовался картинами природы. В письме к сестре Софье в Москву признавался: «...я такой любитель деревни, что скоро забываю все неприятности, чтобы спокойно отдаться наслаждению, а здесь есть чем наслаждаться. Всякий раз, когда я переправляюсь через Дон, я останавливаюсь на середине моста, чтобы полюбоваться на эту чудную реку, которую глаз хотел бы провожать до самого устья и которая протекает без всякого шума, так же мирно, как само счастье...» Но это счастье не было долгим. Вскоре Веневитинов возвращается в столицу. Симпатизируя декабристам, тяжело переживает исход событий 14 декабря 1825 года. Осенью 1826 года, будучи переведенным в Петербург на дипломатическую службу, подвергается аресту и обыску. Петербургский период для восходящей звезды русской словесности оказывается недолгим — в марте 1827 года Дмитрий Веневитинов, простудившись, умирает. Его жизнь, короткая, как вспышка молнии, озарила на миг несостоявшийся в полной мере путь избранника и вечного странника, но успела оставить свой неповторимый след в судьбе Воронежа.

Транзитным пунктом русского свободомыслия Воронеж оставался на протяжении всего XIX века и даже в дореволюционные годы XX столетия. Толстой и Чехов, Горький и Маяковский, — кто только ни останавливался в городе в своих скитаниях по отеческим просторам... Избежал «транзитного» воронежского привала разве что Есенин. Вынужденный побег в Баку совершил по железной дороге через Курск...

Последним трагическим штрихом этого «транзита» стала ссылка в Воронеж О. Мандельштама и приезд к нему в гости в 1936 году А. Ахматовой.

Но и для своих, родных кровинушек, Воронеж нередко являлся «транзитным пунктом».

Вспомним А.В. Кольцова. Разве не странник? Разве не отверженный? Душа тянулась к стихам, а суровая действительность отправляла в бесконечные скитания по Дикому полю. Месяцами не жил дома, гонял отцовский скот. Ночевал с чумаками в степи, у костра. Пел и горевал вместе с крестьянами, вел задушевные беседы с пешими странниками. В степи их тогда хватало: кто бродил в поисках лучшей доли, кто таким образом познавал Бога.

Страница из походного альбома Лермонтова

А Иван Бунин? Воронеж подарил младенца миру, записал дату рождения в метрики — и будь здоров, Алексеич, сам разбирайся в своих «окаянных днях» вечного странствования — от двухэтажного особнячка на центральной воронежской улице до тихого парижского кладбища.

В конце 20-х годов прошлого века Воронеж отправил в вечные скитания еще одного своего титана — Андрея Платонова. Сказал ему: ступай! Тот пошел искать сокровенных человеков, ювенильные моря и котлованы новой социалистической жизни в стремительном и яростном мире, да так и не пристал больше к родному берегу, пополнив гряду «летучих голландцев». Зато мотив странничества стал едва ли не самым распространенным в его творчестве. Трудно понять, в чем причины такого обращения к теме, скорее всего, по душевному строю писатель и был странник. Не так давно мне попалась в руки работа Л.П. Фоменко «Мотив железной дороги в прозе Платонова». Исследователь творчества писателя точно подметил: «В художественном мире Платонова железная дорога связана с важнейшим философским мотивом движения, включающего «уход», «возвращение», «дом», «дорогу», «странничество» и т.д... Странничество и поиск, как правило, в русской традиции связаны с пешим передвижением. Такой образ есть и у Платонова (стихи из «Голубой глубины», «Чевенгур», «Глиняный дом в уездном саду», «Июльская гроза» и др.). Совместив традицию странничества с железной дорогой, Платонов обогащает ее неожиданным обертоном, который особенно ярко сказывается в «Сокровенном человеке».

Во второй половине двадцатого столетия список «воронежских скитальцев» пополнился именами Анатолия Жигулина, с юности прошагавшего сибирскими дорогами с клеймом врага народа, и Алексея Прасолова, кочевавшего в своей бесприютности из одного района области в другой...

Ссыльные и не ссыльные, служивые и отдыхающие на кавказских минеральных водах, знатные и разночинные особы — писатели, артисты, музыканты и художники, дипломаты и военные — поручики, капитаны, полковники и генералы, — все они в равной степени были «тучками небесными». И Лермонтов, наверное, первый и единственный из поэтов России, особо остро ощутил трагичность великого духовного тракта из Санкт-Петербурга и Москвы на Кавказ:

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя
И вот, наконец, докатился до Черного моря...

* * *

Дождь не кончается. Моросит, злит, портит настроение. Тучи, нагоняя и подпирая друг друга, слились в сплошное серое марево, будто что притормозило их беспрепятственное скольжение по воздушной лазури. Я больше не различаю их сказочные силуэты, но инерция лермонтовского поэтического эха сильней переменчивых погод.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Читаю на память эти строки и будто слышу голос поэта. Нет, он не утверждает, и даже не вопрошает, он кричит на ветру, на этом высокомерном зазнайке-потоке, перед которым даже тучи — жалкие, слабые существа. Эти крики-вопросы — словно шифр к разгадке истинного смысла написанного. Какая сильная, оказывается, в этом вспыльчивом, честном юноше, пусть хоть и «странная», но искренняя любовь к Отчизне, к ее героической истории, которую «недаром помнит вся Россия» и которую опошлили «наперсники разврата»! Какая неподдельная любовь к народу, даже к купцу Калашникову, поплатившемуся жизнью в схватке за честь жены и своего рода!.. Лермонтов — тучка. Он мог бы легко скользнуть за горизонт, пролиться дождем — и нет его больше для «севера милого», для «голубых мундиров» и пашей... Но он выше «мелочных обид», его душа полна веры в торжество справедливости и разума, чести и закона: «...есть и божий суд... Есть грозный суд... мысли и дела он знает наперед». Поэт надеется на возвращение, он не желает разделить участь дорогих и близких ему по внутреннему ощущению мира небесных образов. В «минуты роковые» его обуревают сомнения:

Что если я со дня изгнанья
Совсем на родине забыт!
Найду ль там прежние объятья?
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца после многих лет?..

«Под бременем познания», горького открытия он готов сравнивать себя с тучками, но его судьба, в отличие от небесных странниц, иная, куда более незавидная. С тучами все понятно: у них нет родины. А у него есть! Он любит «ее степей холодное молчанье, лесов безбрежных колыханье...», любит «проселочным путем... скакать в телеге» и «встречать по сторонам... дрожащие огни печальных деревень». И он жертвует возможностью обрести почти космическую свободу от всего, потому что осознает: человеку этого свыше не позволено. Пусть вокруг «...скучно, и грустно, и некому руку подать», пусть даже: «...печально я гляжу на наше поколенье...», все-таки выбор души однозначен: «Нет у вас родины, нет вам изгнания...» Последней строкой поэт как бы возвращает себя из стихотворной иллюзии в суровую объективную реальность.

А это уже — поступок, это — знак пророка! Печать себе и своему времени.

Обладая фантастической силой поэтического перевоплощения, Лермонтов не только был способен «уйти» в образ, раствориться в нем до последней живой клеточки, он обретал его сущностную энергию. Мысленно срастаясь с «тучками небесными», не оттуда ли, с высоты воплощенного, он взирает на землю? Что ему видится в то мгновение? Лазурная степь? Жемчужная цепь? Нет, это только атрибуты реального мира, его детали. Они важны, без них стихотворный каркас рухнет. За ними поэту являются глубочайшие противоречия мира. Он недоумевает от заложенного природой конфликтного предназначения человека как высшего разумного существа на земле. С одной стороны, человек создан по образу Божьему и должен быть носителем добра и света, с другой — откуда в нем столько демонического, ярого, откуда столько зла, готовности жестоко и бессмысленно расправляться, мстить, убивать?

И с грустью тайной и сердечной
Я думал: «Жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?»

Даже без анализа сложнейших жанрово-композиционных и тематических особенностей стихотворения «Валерик» ясно, что в своих поэтических произведениях 40-х годов поэт достигает пика мастерства, высшей степени художественной обобщенности. Остается удивляться, как удается. Его душевное состояние крайне напряженное. Поэт замотан, растерзан, беспрестанно трясется по дорогам между столицами и Кавказом, участвует в военных операциях с горцами, рискует жизнью...

И всякий раз на его пути — Воронеж. Дорожная неизбежность? Или все-таки божье благорасположение: дать возможность передохнуть в тихом губернском городе, собраться с мыслями, привести себя в чувство?

Дорога в судьбе поэта — мощнейшая мотивация творческого взросления. Дорожные впечатления — уникальная возможность понять себя и других, прикоснуться к земному — сиюминутному и небесному — вечному. Кто еще из его стихотворцев-современников мог легко, подобно космическому кораблю пришельцев, взмыть с сельской обочины, с каменистого берега горной речки, с места боя сразу под облака, к звездам, свободно переместиться в пространстве и времени, сделав рядовую деталь земного бытия неотъемлемой частью мирозданья и высшей гармонии? Наше общество только сегодня с помощью информационных технологий научилось создавать иллюзию картинки, в которой человек будто бы становится живым участником воображаемого действия. А поэтический гений Лермонтова с помощью нехитрых приемов со словом, образом и метафорой, как в современных технологиях 3D, творил объемную поэтическую иллюзию мира, помещая в него человека, чтобы понять, каков он, откуда в нем столько противоречий и отступлений от «подобия божьего».

Под ним струя светлей лазури.
Над ним луч солнца золотой.
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Стихотворение «Парус», 1836 год. Поэту всего 22 года. Начало поэтического движения к вечному странствованию. Все написанное до этого в основном — ученичество и подражательство, оно — от общей культуры, образованности, начитанности. А в «Парусе» уже сама судьба будущего пророка водит пером по бумаге. Мятежный дух человека с его первородной обреченностью перед силами природы органично вписан в глобальные координаты земли и неба, моря и солнца!

Засада. *Картина Лермонтова*

...А уже через год Лермонтов будет сослан на Кавказ за дерзкий стихотворный отклик на смерть Пушкина. И маршрут его впервые проляжет через незнакомый ему город — Воронеж.

...А в 1839 году наконец-то закончит поэму «Демон», в которой по воле автора пространство, время и дух то сведены в точку, то отодвинуты до башен монастыря, а то распахнуты до космических горизонтов, над которыми «...за веком век бежал, // Как за минутою минута, // Однообразной чередой...». И кульминацией авторской медитации станет сцена клятвы Демона. Это — не воспаленный бред влюбленного юноши, стоящего на коленях перед любимой, это — голос неба, дыхание вселенной:

Клянусь я первым днем творенья,
Клянусь его последним днем...

...А через четыре года Лермонтов напишет «Тучи»... И такая же, как в «Парусе», простота, ясность и обманчивая внешняя безыскусность. Но вместо юношеского показного бунтарства мы угадываем пророческую мудрость мужа, воина, поэта, соединившего в себе несоединимое — все параллели мира, его философско-этические и духовно-нравственные потоки.

* * *

Дождь снова прекратился, небо стремительно очистилось. Синева и солнце. Два цвета торжествуют, наполняют красками каждый уголок земного пространства. И — ни одной тучи.

А как же Лермонтов? Как же мои попытки повстречать его на Большой Дворянской — главной улице старого Воронежа? Ведь он уже тут бывал. И когда ехал в конце января 1841 года из Новочеркасска... Останавливался в гостинице Колыбихина. Не сильно задержался, правда, спешил, не терпелось в столицу, к друзьям... И когда в конце апреля — начале мая того же года, но уже на обратном пути, из Петербурга на юг... Ехал не один, со своим другом и родственником А.А. Столыпиным — Монго. Ехал с неохотой, трудно. Словно нехорошие предчувствия одолевали. Потому, наверное, и задержался на несколько дней в провинциальном Воронеже. Сняли с Монго номера в гостинице Евлаховой и немного покутили, повеселились с местными барышнями...

...Мысли навязчивы, от них тяжело отмахнуться. И я хочу, чтоб снова по небу поплыли тучи. И тогда поэт будет мне ближе. Ведь он — тучка! У него этот образ по всему творчеству. Помните:

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана...

Я пытаюсь остановиться на этих строчках и не могу: они выскальзывают из сознания наружу:

Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя...

И пока нервничаю по поводу перемен погоды, пока надрываю сердце глупыми вопрошаниями, кажется: все эти небесные существа из всех лермонтовских стихотворений и поэм, прозы и писем наползают на меня, обволакивают, завораживают и под воздействием счастливого колдовства, растворившегося в крови, обжигающего прелестью и тайной, уносят за собой в край вечной гармонии...

И я спрашиваю, не знаю у кого, просто спрашиваю: как удалось поэту в этом стихотворении соединить волшебную простоту и глубочайший философский и нравственный подтекст? Ни единого намека на конкретную житейскую ситуацию, ни малейшего штриха в описании места или времени действия и уж тем более — открытой обиды и презрения, как, например:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ...

Только настроение и музыка. Вечные мотивы, понятные любому чуткому сердцу и здравому уму. Это как у Пушкина в стихотворении «Я вас любил...».

Кто только не следил за плавным движением небесных путешественниц! Кто не дивился их причудливыми неземными формами! Не правда ли, красиво, романтично, забавно? Наверное, и через сто лет какой-нибудь гордый юноша — ровесник Лермонтова, только не с саблей на боку и верхом на лихом коне, а с чипом в башке и с монитором в зрачке, будет с интересом следить за полетом туч. Может, даже будет испытывать чувство легкой грусти, одиночества от мимолетности жизни. Что поделать: присутствие человека в обществе себе подобных не гарантирует защиту от таких душевных состояний. При виде проплывающих мимо «тучек небесных» почему-то наиболее остро осознаешь себя пылинкой в космической бездне...

А вот Лермонтов двумя последними строчками разрушил стандартные романтические ощущения, придав стихотворению ненавязчиво-горестное, но легко прочитываемое гражданское звучание:

Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания...

Парадоксальный, нежданный поворот авторского настроения — словно отрезвляющая от романтического опьянения дождевая струя. Иллюзии созерцания, созданного в первом четверостишии, рассеялись. Дохнуло хладом космической бездны, взглядом оттуда, откуда всего видней: кто ты — властелин, раб, избран-

ник, изгнанник, пророк или бунтарь-одиночка? Согласен ли ты разделить судьбу «вечно свободных» тучек, кому «чужды... страсти и чужды страдания» или все-таки лучше оставаться в трудной доле изгнанника, но вместе с родиной? И только потом, перед последней поездкой на Кавказ, за несколько месяцев до трагической дуэли, Лермонтов будто сделает «контрольный» поэтический выстрел:

Прощай, немытая Россия!..
Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь...

* * *

Небо слышит своих избранников. Небо не теряет с ними связи, сколько бы лет ни минуло на земле, сколько бы туч ни проплыло по голубой лазури.

...Слава богу, после короткого прояснения тучи вновь вынырнули откуда-то, будто из-под карнизов многоэтажек или из-под придонских холмов, и плывут себе — на радость фантазиям лета.

Степью лазурною, цепью жемчужною...

...Все-таки здорово, что поэт всякий раз отправлялся на Кавказ через мой город. Наверное, поэтому я слышу его голос, различаю в забытом сонме людских шагов чеканный строй его гусарских сапог. А еще я пытаюсь представить образ поэта, во что он одет, похож ли на того, что привычно смотрит с книжных страниц. Мысленно рисую нашу возможную встречу.

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть...

Нет, это не пойдет — финал трагичен. Может:

Из-под таинственной холодной полумаски
Звучал мне голос твой отрадный, как мечта?..

Пожалуй, это ближе к настроению. Но смущает слово «отрадный»...

И вдруг случайно, почти беспричинно из памяти выплывают строчки его «Казачьей колыбельной песни»:

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой...

Я не могу сообразить, отвечают ли они воображаемой сцене встречи. Скорей всего, нет. Но строчки помимо воли льются из души музыкой — немножко грустной, немножко светлой. Я пытаюсь понять, откуда эта музыка? Почему эта песня мне знакома? Где я мог ее слышать раньше?

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой...

И меня озаряет: эту песню пела нам, братьям, бабушка. Она училась в церковно-приходской школе еще в начале прошлого века. Когда ей было восемьдесят лет, она свободно цитировала наизусть целые куски из стихотворений Кольцова, Никитина. А «Колыбельную...» Лермонтова пела...

Вот как учили наших бабушек русской поэзии!

* * *

Лермонтов трижды проезжал на Кавказ через воронежский край. Однажды, в 1840 году, он отправился к месту службы с однополчанином Александром Гавриловичем Реми. Впоследствии попутчик и однополчанин поэта стал известным генералом. Погиб трагически в 1871 году в железнодорожной катастрофе. О совместной поездке на юг договаривались в Петербурге с еще одним товарищем по лейб-гвардии гусарскому полку Александром Львовичем Потаповым, который взял с Реми и Лермонтова слово, что они попутно погостят в его имении, в деревне Семидубравное Землянского уезда Воронежской губернии, куда он отправлялся несколькими днями раньше.

Потапов, происходивший из знатного генеральского рода и являвшийся внуком воронежского губернатора екатерининского времени, письменных воспоминаний о полковом товарище Лермонтове не оставил. Известно лишь, что некоторые сведения о поэте сообщил первому биографу Лермонтова П.А. Висковатому. В 1891 году тот издал книгу «М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество». Из сообщенного Потаповым стало известно, что в Семидубравном Лермонтов сочинил музыку для своей «Казачьей колыбельной песни» и что ноты этого произведения находились в имении.

Впоследствии этот примечательный факт из биографии М.Ю. Лермонтова использует Ираклий Андроников в статье «Образ Лермонтова».

В 1877 году «Донская газета» опубликовала «Случай из жизни М.Ю. Лермонтова», записанный якобы неким автором, укрывшимся под криптонимом «Гр.», со слов покойного генерала А.Г. Реми. Из газетного сообщения следовало, что эта поездка для Лермонтова не была простой. (Кстати, в публикации называется дата — 1841 год, но исследователями, в частности Г.В. Антюхиным, Б.Г. Окуневым и другими, на основании краеведческих материалов указывается 1840 год — *прим. авт.*). Поначалу Реми не хотел брать в попутчики поэта из-за его сложного характера. Лермонтов дал клятву вести себя в дороге мирно. Но когда, то ли еще в Петербурге, то ли по дороге, поэт узнал, что у полкового товарища в Семидубравном гостит к тому же его двоюродный дядя — генерал Потапов, слывший в среде офицеров свирепым «зверем», Лермонтов отказывался заезжать в деревню, отговаривал и Реми. Однако гусарское слово было дороже непредвиденных обстоятельств. Опасения Лермонтова оказались напрасными. По сообщению той же газеты, когда после обеда Реми и Потапов-младший пошли зачем-то во флигель, поэт остался наедине с генералом. Каково же было удивление последних, когда они, возвратившись примерно через полчаса, увидели на одной из площадок сада сидящего на генеральской шее Лермонтова. «Оказалось, что «зверь» и до лихорадки боявшийся его поэт играли в чехарду», — пишет газета. Развязкой коллизии стали генеральские слова: «Из этого случая вы должны заключить — какая разница между службой и частной жизнью — будьте и вы такими же. На службе никого не щажу — всех поем, а в частной жизни я — человек, как и все».

«А.Л. Потапов, — заключает «Донская газета» — бывши на Дону атаманом, подтвердил этот рассказ».

...Некоторые исследователи высказывали предположение, что каприз Лермонтова объяснялся не боязнью поэта повстречаться с генералом-«зверем», а свободолюбивыми идейными настроениями. Из биографии генерала Алексея Николаевича Потапова следует, что он повел себя крайне верноподданнически в день восстания декабристов, 14 декабря 1825 года на Сенатской площади, за что и был пожалован взошедшим на престол новым императором Николаем I званием генерал-адъютанта. Затем вошел в следственный комитет, который занимался делом

Воспоминание о Кавказе. *Картина Лермонтова*

декабристов, в августе 1826 года был произведен в генерал-лейтенанты... Лермонтову, симпатизировавшему декабристам, эти факты были известны.

Увы, как бы там ни было, история рассудила всех.

А мы благодарим судьбу за то, что поездка Лермонтова в Семидубравное в тот раз все-таки состоялась.

Все дни, проведенные в имении Потапова, Лермонтов был бодр и весел, музицировал и наверняка не единожды презентовал в собственном исполнении «Казачью колыбельную песню».

* * *

Воронеж... Степь... Тучи... Колыбельная песня...

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.

Как это все мило и грустно, понятно и близко. И тревожно!

И — образ поэта как воплощение настроения. Скользит по небу тучкой из исторического небытия, чтоб хоть одним глазком взглянуть на город, в котором когда-то местная газета в хронике сообщала: в гостинице такой-то такого-то числа останавливался господин поручик М.Ю. Лермонтов...

Пытаюсь вместе с поэтом представить ту старину, и мне почему-то верится, что Лермонтову наверняка льстило, что он, автор стихотворения «На смерть поэта», несколько раз повторял маршрут своего поэтического кумира — Пушкина.

Но вот случился же парадокс истории! О Лермонтове губернская действительность оставила память в виде коротких строчек в хрониках «Воронежских губернских ведомостей» и в воспоминаниях современников. О посещении же нашего края

«солнцем русской поэзии» воронежские архивы молчат. Пока ни единой строки, кроме страстного желания местных краеведов разыскать хоть какое-то упоминание. И желание это постоянно подпитывается строчкой самого Пушкина из «Путешествия в Арзрум»: «Наконец увидел я воронежские степи и свободно покатился по зеленой равнине». С этим авторским признанием следы пребывания поэта в воронежских просторах затерялись. Живут, правда, легенды. Лично мне известны две.

Первую я услышал лет десять назад в старинном донском селе Нижний Мамон. Это примерно километров двести с небольшим на юг от Воронежа. Село растянулось на пятнадцать верст вдоль берега Дона.

В те годы, когда вечные странники русской литературы совершали поездки на Кавказ, в Нижнем Мамоне осуществлялась переправа через Дон. В наши дни здесь, в обыкновенной деревенской избе, располагается этнографический музей. В нем весьма даже уютно. Есть и уголок, посвященный А.С. Пушкину. Среди вещей и утвари привлекает старинный чайник. Местная экскурсоводша всегда увлеченно и с гордостью рассказывает, что именно из него нижнемамонский пастух угощал Пушкина чаем. «Иначе и быть не могло, — говорила она убежденно, — потому что другого пути на юг в ближайшей округе не было. Стало быть, Пушкин в нашем селе был!»

Наверное, жаль, что это — легенда! И, наверное, это — счастье, что у села Нижний Мамон и у его жителей есть легенда: такие легенды помогают нам выжить, сохраниться в нынешних безжалостных тисках глобализма и вымывания мультимедийными технологиями из молодого национального сознания исторической памяти...

Вторую легенду о пушкинском маршруте по воронежским землям услышал летом 2012 года, в день рождения Александра Сергеевича. И совсем в другой стороне от исторического кавказского тракта — около Нововоронежа, в селе Олень-Колодезь. Местные жители убеждены: именно из их родников Пушкин пил студеную воду. Автор исторической хроники о Петре I не мог не заехать сюда, потому что наверняка знал, что в Олень-Колодезе император бывал не один раз. Почему бы не посмотреть на село, куда приезжал сам царь-корабел?

Поклонники красивой легенды даже установили на околичном взгорке памятный знак. Он напоминает чем-то треногу. На знаке надпись о том, что через это село проезжал Пушкин. Ежегодно в день рождения поэта, шестого июня, у этого знака собираются самодеятельные поэты из окрестных сел и из города атомщиков. Читают стихи, делятся новостями и впечатлениями. Приглашают в гости профессиональных авторов из Воронежа. В качестве гостя я и побывал на легендарном месте.

Конечно, жалко, что в Воронеже, кроме легенд, нет документальных свидетельств о пребывании Пушкина. И все-таки прочная незримая нить соединяет и роднит наш город с великим поэтом-странником. И этой связующей нитью, несомненно, является Алексей Кольцов, который был лично знаком с Пушкиным. Встречались они в Петербурге в 1836 году.

Их встреча — символический знак судьбы в литературной биографии Воронежа и в его историческом предназначении быть не только транзитным пунктом русской свободомыслия, но и родиной отечественной поэзии.

Тогда в северной столице встретились не просто два поэта, но и два достойных сына Отечества. Дворянин и разночинец. Эстет и самородок. Представители двух сословий, двух эстетик и культур... Один гениально переплавил застывшую, омертвевшую в строгих канонах классицизма дворянскую литературную традицию в живую, звенящую, солнечную энергию человеческого торжества. Другой вывел крестьянскую душу, чистую, как утренняя роса, звонкую, как речная струя, и

вольную, бесконечную, как воронежская степь, за деревенскую околицу. И по ухабам, по большаку, по почтовому тракту дошла она, томящаяся в нужде и празднествах, буйстве и лени, в трудовом гнете и мироедстве помещиков, в веселой и грустной песне, в безответной, нежной любви и огневой, безрассудной пляске, — до столичных бульваров.

Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась!
В гости я к тебе
Не один пришел:
Я пришел сам-друг
С косой вострою;
Мне давно гулять
По траве степной
Вдоль и поперек
С ней хотелося...

Пушкин интуитивно рассмотрел в Кольцове родоначальника пробивающегося из глубин народного поэтического сознания самостоятельного литературного направления. Наверное, это же самое рассмотрели в Кольцове и воронежский книгопродавец Д.А. Кашкин, и семинарист А.П. Сребрянский, а также современники и друзья Пушкина: Н.В. Станкевич, В.Г. Белинский, В.Ф. Одоевский, П.А. Вяземский, В.А. Жуковский (кстати сказать, Василий Андреевич дважды встречался с поэтом в Воронеже в 1837 году — по дороге на юг в составе придворной свиты и обратно). А русские композиторы охотно создавали на кольцовские тесты музыкальные произведения. Но самое важное, что стихи и песни Кольцова принял простой народ, который и ныне поет их, не догадываясь, кто автор слов.

Странническая поэтическая судьба Кольцова, как и его великих современников, в век экспансии информационных технологий поучительна: они не дают нам оторваться от истоков, от почвы, не позволяют просвещенному цинизму и прагматической выгоде от всего выкорчевать из народной памяти корни нашей духовности и культуры.

Особенно остро понимается это во время поездок по воронежской глубинке. Ни современные машины и агрегаты в поле, ни звук авиалайнера в небе, никакая другая деталь окружающего мира не способны компенсировать даже сотой доли настроения, которое мы получаем при общении с природой. Человек — природа — мир. Божественное триединство от Сотворения... Меняется материальная обстановка, на смену устаревшим приходят более усовершенствованные предметы быта, а человек в сущности остается собой: работает, гуляет, влюбляется, воспитывает детей, бывает — пьет, буянит и ленится. Ничего не поделаешь — это жизнь. Как во все времена. И во все времена у человека один и тот же проклятый вопрос: он над природой и миром — властелин или природа и мир — над ним...

...Наверное, это глупо, нелогично, но почему-то и об этом тоже думалось мне в эти дождливые часы июльского утра, в моменты духовного и эмоционального сопряжения с «тучками небесными». Да и размах-то у Кольцова разве не схожий, не близкий лермонтовскому?! Вон куда замахнулся — «к морю Черному». Даже настырных юношеских амбиций не скрывал: давно ему гулять с косой «по траве степной... хотелося...».

Оказывается, этот самородок-прасол в творческом полете способен был проникать воображаемые поэтические пространства, как и Лермонтов — вечный изгнанник на земле и вечный избранник неба.

Остается сожалеть, что у Кольцова и Лермонтова не было встречи. Хотя каждый из них друг о друге, наверное, слышал. Интересно, каким бы могло быть их знакомство? Лермонтов — не Пушкин. Пушкин — певец земли и сердца, он с радостью поддержал такое поэтическое явление, как Кольцов. Лермонтов — певец неба и мятущейся души. Принял бы он Кольцова, рассмотрел бы в нем родственную странническую душу? Захотел бы пригласить в сообщество «тучек небесных»?

Черкес. *Картина Лермонтова*

* * *

Летний дождь — капризное созданье...
Пока я любовался лермонтовскими тучами, пока готовился к мысленной встрече с поэтом, пока размышлял над строчками его стихов, к полудню ветер поменял направление. Горизонт очистился. И где теперь те чудные небесные пилигримы, которые всколыхнули сердце, разбередили, взволновали? В каких краях-пределах?..

Не в такой ли точно день 27 июля (по новому стилю) 1841 года у горы Машук предательская пуля прервала земной полет поэта?..

...А деревню Семидубравное Землянского уезда Воронежской губернии в годы Советской власти переименовали в Новую Покровку Семилукского района. Вряд ли теперь различит ухо среди земных звуков этого селения мелодию «Казачьей колыбельной песни», которую Лермонтов написал здесь, в степной глуши, когда гостил в имении Потаповых...

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...

* * *

ПОСЛЕДНЯЯ ПОЕЗДКА ЛЕРМОНТОВА НА КАВКАЗ. 1841 ГОД.

Пусты дороги Черноземья.
Печален юноша-гусар.
В походном скарбе — груз презренья,
В душе — священный неба дар.

Ужель поэт в России — странник?
Иль званья все в одном сошлись:

Избранник — то же, что изгнанник?..
Иных судéб не терпит жизнь!

Неспешна музыка степная.
И далеко еще Кавказ.
И в небе тучка золотая
Торопит к югу тарантас.

«Прощай, немытая Россия...»
И степь лазурная, прощай!
Донской волной плеснул над синью
И скрылся в дымке милый край.

«Монгó, Монгó, мой друг прелестный!
Тоска на сердце, как свинец...
Ужели тучкою безвестной
Мелькну в лазури — и конец?!»

Весна не лечит ран душевных
И даль теснит тревогой грудь...
«Монгó, я — брат сих тучек бренных!»
Воронеж... Степь... Последний путь...

17.07.—29.07.2012 г.

***Николай Федорович Блохин** родился в 1952 году на Ставрополье. Окончил отделение журналистики Ростовского государственного университета. Работал в средствах массовой информации Ставрополя, Волгограда, Луганска, Киева. Автор двадцати книг, среди которых «Лес и степь», «Изгнание Параджанова», «Ермоловский бульвар», «Черное золото Прикумья». Лауреат литературных и журналистских премий. Живет в Ставрополе.*

Николай Блохин

«ПРИВЕТСТВУЮ ТЕБЯ, КАВКАЗ СЕДОЙ!»

Весной 1825 года тарханская помещица Елизавета Алексеевна Арсеньева (урожденная Столыпина) объявила домочадцам, что вместе с внуком снова едет на Кавказ, дабы поправить водами и горным воздухом здоровье Мишеньки. Зная, что Мишу скоро придется отдать в учение в Москву или Петербург, бабушка решила сделать внуку подарок, очень щедрый — поездку на Горячие Воды на целое лето.

К БАБУШКЕ ЕКАТЕРИНЕ

Это была ее третья поездка «на Воды» с юным Лермонтовым, которому в то лето шел одиннадцатый год. О двух первых поездках поэта известно немного. Считается, что первый раз Лермонтова ребенком бабушка привезла на Кавказ летом 1818 года. Отдыхала Арсеньева с Мишелем и семьей брата Александра Алексеевича Столыпина в имении сестры Екатерины Алексеевны Хастатовой в станице Шелкозаводской на Тереке, за Владикавказом, ближе к Кизляру. Имение именовалось Шелковицей, или «Земной рай», а военная крепость — Ивановской.

«...Имение, — писал первый биограф поэта профессор П.А. Висковатый, — подвергалось частым нападениям горцев; кругом шла постоянная мелкая война. Однако Екатерина Алексеевна так привыкла к ней, что мало обращала внимания на опасность. Если тревога пробуж-

дала ее от ночного сна, она спрашивала о причине звуков набата: «Не пожар ли?» Когда же ей доносили, что это не пожар, а набег, то она спокойно поворачивалась на другую сторону и продолжала прерванный сон. Бесстрашие ее доставляло ей в кругу родни и знакомых шуточное название «авангардной помещицы», так как имение Хастатовой было расположено на рубеже, за которым жили горские племена.

В рапорте Кизлярского окружного землемера Кудрявцева от 21 января 1824 года за № 6 содержится описание этой пограничной линии:

«...Проходя по оному урочищу реке Тереку, направо — земля, с лесными угодьями общего владения ген.-майорши Хастатовой, а налево — река Терек и за оной — горские владения. Длина этой линии 188 саж...»

«...Дошед до поворота 486 саж., с оного места поворот на румб от S к W 52 градуса 30 мин., направо — земля и лесные угодия владения г-жи Хастатовой, а налево — река Терек, а за оной — горские народы...»

«...С оного места поворот на румб от N к W 68 градусов, направо — крепость Ивановская, а налево — река Терек, а за оной — лесные угодья г-жи Хастатовой...»

И еще одна важная деталь из архивного дела №1342 Государственного архива Ставропольского края за 1819 год:

«3. Крепость Ивановская или Шелкозаводская. На реке Тереке — между селениями Паробичевого и Шелкозаводского — обращена в военный пост, в котором находятся 2 роты. Обывателей же и предместья нет, почему и земли для оной не назначаются».

Эти документы впервые были обнаружены Сергеем Ивановичем Недумовым, который в должности старшего научного сотрудника, затем заведующего отделом фондов, с 1939 года до ухода на пенсию в 1961 году работал в музее «Домик Лермонтова в Пятигорске». Но, к сожалению, до сего времени современные лермонтоведы практически не обращают внимания на эти находки. А между тем, считали составители книги С.И. Недумова «Лермонтовский Пятигорск», которая была издана полностью только после смерти автора, они объясняют, как могло так долго существовать имение Хастатовой на самой границе с горцами. Никакая храбрость владельцев имения, замечают составители, о которой сохранились воспоминания современников, не могла бы противостоять отчаянным набегам. Крепость находилась под охраной военных.

И, тем не менее, в списке, «кому именно старейшим в дворянском роде женска пола по Кавказской губернии розданы бронзовые медали, установленные для дворянства в память 1812 года» под номером 24 значится: «Кизлярского (уезда) Хастатова Екатерина Алексеевна, вдова, генерал-майорша».

Бабушка Екатерина, как позднее узнает юный Лермонтов, в тяжелый для России год, помимо управления имением, как могла, помогала Отечеству, за что и была удостоена медали «В память Отечественной войны 1812 года». Но для окружающих эта награда была лишь подтверждением храбрости бабушки Екатерины.

В качестве доказательства, что Лермонтов побывал впервые в Шелкозаводской в 1818 году, литературоведы ссылаются на запись в альбоме, якобы принадлежавшем его матери, и который он возил с собою с детства: «1818 июля 30-го, Шелкозаводск». Запись эта сделана рукою дяди Лермонтова Павла Ивановича Петрова под стихами, обращенными к Арсеньевой. Как позднее установила исследователь жизни и творчества поэта В.Б. Сандомирская, альбом принадлежал М.А. Шан-Гирей, «любимой тетеньке» Лермонтова.

Екатерина Алексеевна Хастатова (урожденная Столыпина), сестра Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, была замужем за генерал-майором Акимом Васильевичем Хастатовым, но рано овдовела. Прожив 53 года, Хастатов скоропостижно скончался в 1809 году. Екатерина Алексеевна осталась с тремя детьми: Марией, Анной и Акимом.

Одна из дочерей Анна Акимовна Хастатова, тетя Лермонтова, была замужем за Павлом Ивановичем Петровым. У них было четверо детей: три дочери и сын. В 1818 году Петров был назначен командиром Моздокского казачьего полка. Через восемь лет он, уже войсковой атаман Астраханского казачьего войска, произведен в полковники «за отличие в сражениях с горцами». А в 1834 году Петров произведен в генерал-майоры и назначен начальником штаба войск на Кавказской линии и в Черномории. Жил с семьей в Ставрополе. Многое сделал для облегчения участи опального поэта во время его первой и второй ссылок на Кавказ.

Дяде Лермонтова Акиму Акимовичу Хастатову, брату Анны Акимовны и Марии Акимовны, в 1825 году исполнилось 18 лет. Начинал военную службу прапорщиком лейб-гвардии Семеновского полка. По материалам П.А. Висковатого: «Хастатов этот был известный всему Кавказу храбрец, похождения его переходили из уст в уста. Это был удалец, достойный сын мужественной матери, рассказы которой так сильно возбуждали воинственный дух маленького Лермонтова». Некоторые приключения из жизни дяди Акима Акимовича Хастатова Лермонтов использовал в повестях «Бэла» и «Фаталист».

Тетя Лермонтова Мария Акимовна, сестра Анны Акимовны и Акима Акимовича, к приезду Мишеля Лермонтова в 1825 году на Кавказ, уже была замужем за Павлом Петровичем Шан-Гиреем.

В то лето Лермонтов подружился с Акимом Павловичем, сыном супругов Шан-Гиреев. Он был моложе Лермонтова на четыре года. В семье бытовал рассказ о том, как однажды Екатерина Алексеевна спасла своего внука. Как-то горцы напали на Шелкозаводское и застигли врасплох Екатерину Алексеевну с малолетним внуком Акимом. Но она не растерялась, встала в простенке и спрятала мальчика под своей широкой юбкой. Горцы не тронули смелую женщину и ушли. Так Екатерина Алексеевна спасла внука от смерти.

Впоследствии Аким Павлович Шан-Гирей написал мемуары о Лермонтове, которые, по оценке литературоведов, оказались одними из самых значительных и содержательных воспоминаний о великом русском поэте.

Второй раз юный Мишель Лермонтов, от роду которому не было и шести лет, побывал на Кавказе летом 1820 года. О втором путешествии в том же альбоме рукой двоюродного деда поэта Александра Алексеевича Столыпина сделана запись: «Кислые воды, 1820-го, августа 1-го».

В статье «Дуэль и смерть Лермонтова», опубликованной в многотомном издании «Записки русской академической группы в США» (Т. 23. — Нью-Йорк, 1990. — С. 75-101), ее автор профессор Павел Николаевич Пагануцци привел карты путешествий Михаила Лермонтова. На одной из них указан маршрут поездок для лечения: Москва — Железноводск и Пятигорск. Пагануцци полагает, что Лермонтова возили на Кавказ трижды: в 1818 году, 1820 и 1825-м. Именно три раза. И приводит, по его мнению, точные даты этих поездок. Пагануцци убежден, что все «три маршрута» начинались в Москве.

Исследователь жизни и творчества П.А. Висковатый в свое время не очень-то был уверен в этом. Для этого Арсеньевой с внуком пришлось бы проделать крюк в несколько десятков верст. Проще было ехать из Тархан на Тамбов или Кирсанов, а уж оттуда выбираться на столбовую дорогу Москва — Воронеж — Черкасск — Ставрополь. Да и опыт поездок на Кавказ уже был. До Арсеньевой и юного Лермонтова дорогу на Кавказ проложили их близкие родственники, их рассказы об особенностях столь долгого путешествия передавались из уст в уста.

О том, что близкие родственники Лермонтова бывали на Горячих Водах, мож-

но судить по «Ежемесячным ведомостям о прибывающих на Минеральные Воды и отъезжающих с них», хранящимся около двухсот лет в фонде Начальника Кавказской области Государственного архива Ставропольского края.

Среди прибывших на Горячие Воды в «Ведомостях» за 1813 и 1815 годы значится двоюродная бабушка поэта «г-жа генеральша Екатерина Хастатова из Ивановской крепости, при ней людей — 7», в 1814 году — двоюродный дед Афанасий Алексеевич Столыпин, в 1815 году — прадед Алексей Емельянович Столыпин, в 1817 году — дядя Павел Иванович Петров.

ОТЪЕЗД НА КАВКАЗ

Самые подробные сведения сохранились о третьей поездке юного Лермонтова на Кавказ. Отъезд задержало печальное известие: 7 мая 1825 года в Санкт-Петербурге умер брат А.А. Арсеньевой и А.А. Столыпина тайный советник обер-прокурор Сената Аркадий Алексеевич Столыпин. Извещение о его смерти опубликовано 9 мая 1825 года в «Северной пчеле».

Но откладывать поездку на Кавказ из-за столь печального события Арсеньева не стала. В начале мая 1825 года она объявила домочадцам день отъезда на Горячие Воды. К путешествию готовились долго, сборы начались еще в апреле, за несколько недель до отъезда. Дорога из имения Тарханы на Кавказские Минеральные Воды предстояла неблизкая. Даже поездка из Тархан в Москву была целым событием, не говоря уже о поездке в Петербург, а тем более — на Кавказ.

«В то время железных не было, — замечает литературовед Н.С. Шер, — надо было ехать на лошадях. От имения Тарханы до Пятигорска, или, как тогда его называли, Горячих Вод, ехали около месяца; часто останавливались в пути, ночевали на почтовых станциях; было весело, интересно».

Независимо от настроения путешественников, поездка на Кавказ тогда была нелегкой. Не день, не два, и не три. И даже не неделя!

Существовавшие тогда способы передвижения и дорожные правила описаны в «Путеводителе по Пушкину». Заглянем в него.

«Дальние поездки на лошадях имели несколько подразделений, — отмечают составители «Путеводителя...», — ездили *на перекладных* или *на почтовых* (так назывались казенные лошади, которых ехавший менял на *почтовых станциях*). Почтовые лошади нанимались по определенной таксе); *на вольных* — когда ямщики нанимались по вольной, договорной цене; *на долгих* — когда ехавший нанимал пару или тройку лошадей «от места до места» и на одних и тех же лошадях ехал всю дорогу; езда на долгих была действительно медленной, но обходилась дешевле езды «на почтовых». Помещики, не желавшие тратиться на наем вольных ямщиков, ехали «на долгих», в собственных экипажах и на своих лошадях... В поездке *на своих* путники, не имея надобности в казенных, почтовых лошадях, совершенно не зависели от расположения почтовых станций, делали остановки там, где находили нужным.

Желавший ехать на почтовых должен был получить *подорожную*. В подорожной обозначались: маршрут, должность и фамилия ехавшего, *по казенной* или *по своей надобности* он едет, какие лошади следовало ему дать («почтовые» или «курьерские») и число лошадей... Без подорожной нельзя было выехать за черту города, *за заставу*... Для перемены лошадей и отдыха были устроены *почтовые станции*, но они были неблагоустроенны и неудобны. Почтовая станция находилась в ведении *станционного смотрителя*, мелкого чиновника... Станционный смотритель проверял подорожные, получал прогоны и отпускал лошадей, которых обычно не хватало, и из-за чего возникали неизбежные споры с проезжающими...»

В начале мая установилась хорошая погода. Дороги к этому времени на юге уже просохли. У помещиков, даже не слишком богатых, в обозе было до десяти экипажей, а в упряжке шло по 40-45 лошадей.

В ту весну Арсеньева выехала из имения Тарханы тоже большим обозом. «На Воды» отправились Арсеньева с внуком, бабушкин брат Александр Алексеевич Столыпин. Он ехал с женой Екатериной Александровной и дочерьми Марией, Агафьей и Варварой. В других экипажах ехали родственник бабушки Михаил Пожогин-Отрашкевич, доктор, учитель, гувернантка. В отдельной бричке ехала кухня с поварами, чтобы готовить обед на остановках. В дорогу Арсеньева приказала взять «погребец» — этакий дорожный ларец с чайным и столовым прибором.

О том, что еще брали с собой в дорогу отъезжающие на Кавказ, представление дает «Наставление больным», изложенное в книге А.П. Нелюбина «Полное историческое, медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских Минеральных Вод» (Соч. в 2-х кн. Кн. 2. — С. -Петербург, 1825. — С. 642-643).

Для больных, делился своим опытом Нелюбин, изнуренных продолжительною болезнью, и маленьких детей лучше избирать дорожную карету, в которой во время пути можно было бы в степи проводить ночи. Более слабые люди могут ехать удобно в дорожных колясках, прикрытых спереди зонтиком и задергиваемых с боков особыми полами. Люди одинокие, не имеющие изнурительных болезней, часто предпринимают путешествие в почтовых повозках (на перекладных). Дорожное платье должно быть простое и покойное. Мужчины могут иметь сюртуки, фраки, шинель на вате, фуражку и на всякий случай вязаные шерстяные сапоги для ночи. Дамы, кроме обыкновенного платья или капота, подложенного тонкою ватою, надевают сверху салопы или шинельки, подбитые ватою; на ноги — башмаки или полусапожки на байке; едущие же в открытых экипажах запасаются и вязаными сапогами для обратного пути. Для головы дамы употребляют чепцы, девицы — коленкоровые шляпки с маленькими полями, дети же носят шапочки. Перед отправлением в путь надлежит запастись потребным количеством всякого белья, особенно нижним и постельным, поскольку при употреблении ванн переменяемое белье должно быть чистым. Пуховики и огромные подушки излишни, весьма громоздки и много занимают места в экипаже. В дороге достаточно иметь легонькие матрацы и сафьяновые подушки.

Из Санкт-Петербурга, советовал А.П. Нелюбин, всего лучше отправляться в начале мая, то есть между 5 и 10 числами, или не позднее половины мая. Лучше всего выезжать в такое время, когда дороги после весенней распутицы уже просохли и разлившиеся реки вошли в свои берега.

В дальнейших наставлениях Нелюбин дает указания относительно прислуги, дорожных припасов и режима в пути.

«Должны, — пишет он, — взять для услуги одного или двух человек (весьма нехудо, когда один из них будет повар); а дамы — горничную девушку или кухарку. Отъезжающим надлежит запастись потребным количеством шоколада без ванили, также кофеем, чаем, сахаром и мадерою; запас сей пополняют в Москве, Воронеже, Новочеркасске и других городах».

И далее в «Наставлениях...» читаем, словно про обоз Арсеньевой: «Многие особы из смежных с Кавказскою областию губерний... часто предпринимают путешествие к водам на собственных лошадях и с многочисленною свитою. Такой вояж, без сомнения, имеет свои выгоды, особливо для больных, расслабленных и для тех, коим тряская и скорая езда может вредить; с другой же стороны, посетители делают значительные сбережения, продовольствуя лошадей во всю дорогу и на самом месте подножным кормом и покупая овес за самую сходную цену».

Путникам же, живущим в 800 и более верстах от Кавказских Минеральных

Вод, надлежит ехать на почтовых лошадях. Проезд «на Воды» и обратно до Санкт-Петербурга на восьми лошадях обошелся лично Нелюбину в 2300 рублей.

Арсеньева, имевшая 600 крепостных, а собственников с таким количеством душ в России было немного, тем не менее, не считала себя слишком богатой. И потому отправилась «на Воды» на собственных лошадях.

Обозом управляли свои кучера. В дороге на остановках Арсеньевой и путникам прислуживали ее дворовые, обеды готовили из своих припасов ее повара.

Обоз двигался медленно. Из прошлых поездок Арсеньева знала, что путешествие займет много времени, и потому приказала заложить для нее и внука «дормез» — карету с раскладными постелями.

Свое название этот вид кареты получил от французского слова «dormeur» («соня») или «dormir» («спать»).

Вот на таком бабушкином «дормезе» Мишель Лермонтов трясся не менее двух недель, учитывая, что из Тархан надо было ехать в Тамбов, так как губернские дороги были лучше. Затем в Воронеж, а из Воронежа через Казанскую, Павловск на Черкасск.

ПОЧТОВЫЕ СТАНЦИИ

У Аксая была долгая остановка: экипажи переправляли на левый берег Дона. Для юного Мишеля переправа через Дон — настоящее приключение после долгой и однообразной дороги. А почтовая станция в Аксае — островок бурной жизни. Кто-то едет на юг, кто-то возвращается на север. Приезжают одни постояльцы, уезжают другие, кто-то обедает, кто-то просится на ночлег. В Аксае сходились две большие почтовые дороги на Кавказ: «великороссийская» и «малороссийская».

Позднее в очерке «Кавказец» Лермонтов опишет жизнь почтовых станций и станционных смотрителей: «Отставка с пенсионом выходит, он покупает тележку, запрягает в нее пару верховых кляч и помаленьку пробирается на родину, однако останавливается всегда на почтовых станциях, чтоб поболтать с проезжающими. Встретив его, вы тотчас отгадаете, что он *настоящий*, даже в Воронежской губернии он не снимает кинжала или шашки, как они его ни беспокоят. Станционный смотритель слушает его с уважением, и только тут отставной герой позволяет себе прихвастнуть, выдумать небылицу...»

В инструкции для станционного смотрителя от 30 сентября 1825 года будет записано: «...все... требования всякого проезжающего немедленно исполнять с кротостью и учтивостью, не позволяя себе ни малейшей грубости».

Аксайская почтовая станция сохранилась до наших дней. Сохранился и постоялый двор со старинными коваными воротами. Во время Великой Отечественной войны он попал под обстрел, но уцелел. Внутри дома почтового смотрителя мебель и предметы быта тех времен: стулья с изогнутыми спинками, старинные стол и тумбы, белые ажурные салфетки, скатерть. Во дворе, на зеленой лужайке, колодец с воротом, погреб с ледником, деревянные скамьи, верстовой столб, на одной стороне которого надпись столбцом в три строки: «С-Петербургъ 1951 верста», на другой: «Ставрополь 371 верста». В сарае — зимний возок, сани, на стенах — конская упряжь, хомуты. На сарае фонарь для ночного освещения. Под навесом — фаэтон, карета. И современная музейная табличка: «Почтовая станция 19 века». На главном здании тоже табличка: «Домик почтового смотрителя. Построен в начале XIX века».

Для туристов отдельный стенд с «Правилами для проезжающих на почтовых лошадях. Параграф 1.1897 год» в современном правописании.

Из них следует: «Почтовые лошади отпускаются проезжающим по их словесному или письменному требованию во всякое время дня и ночи, причем проезжающие обязаны объявить на станции о своем звании и фамилии, а также куда едут.

Примечание: Лица, едущие по казенной надобности, если желают воспользоваться предоставленными им преимуществами, указанными ниже в параграфе 7 и 10, должны предъявить удостоверение или предписание своего начальства о командировании их по делам службы».

Лермонтов проезжал Аксайскую почтовую станцию одиннадцать раз, из них шесть раз с бабушкой. Не миновал станцию и печальный кортеж: гроб с телом поэта везли в Тарханы через Аксайскую.

Во дворе установлен бюст А.С. Пушкина. Он проезжал через станцию с севера на юг в 1820 году, с семьей генерала Раевского, и в 1829 году, когда ехал в Арзрум. Возвращался с Кавказа тоже через Аксайскую.

Аксайская почтовая станция — единственная на всем Азово-Моздокском тракте уцелела до наших дней и, возможно, потому значится в каталоге исторических памятников федерального значения.

После Аксая путешественники проезжали Кагальницкую, Мечетинскую, Нижне-Егорлыкскую, Средне-Егорлыкскую.

Далее шли почтовые станции Кавказской области: Песчанокопская, Разсыпная (она же Летницкая), Калаловская, Медвеженская, Преградная, Безопасная, Донская крепость, Московская. Почтовый дорожник Российской Империи содержит сведения о расстояниях между станциями. Среднее расстояние между станциями 26 верст.

Почтовые станции возникли позднее самих сел. Средне-Егорлыкское, Песчанокопское, Летницкое, Медвеженское, Преградное основаны в 1803 году, Безопасное — в 1804. Донское берет начало от Донской крепости, заложенной в 1777 году, которая входила в цепь крепостей, составлявших Азово-Моздокскую оборонительную линию. На месте крепости Московской, заложенной в 1778 году, также возникло село с одноименным названием. В селах проживали выходцы из средней России, а в бывших крепостях — хоперские казаки с семьями, которые занимались земледелием, скотоводством, огородничеством, садоводством, пчеловодством. Наиболее развитыми промыслами в селах были обжиг извести, древесного угля, ткачество грубого холста, гончарное ремесло, выделка овчин. Кузнечный, бондарный и сапожный промыслы видной роли в бюджете местного населения не играли.

Население в большинстве своем неграмотно. Ни в одном из сел, расположенных вдоль Новочеркасского почтового тракта, не было ни школ, ни фельдшерских пунктов, ни какой-либо торговли.

Самые крупные почтовые конторы были открыты в Медвеженском и в Ставрополе. Старший член Строительной комиссии на Кавказских Минеральных Водах полковник Петр Петрович Чайковский в рапорте от 28 июля 1841 года на имя командующего войсками на Кавказской Линии и в Черномории генерала П.Х. Граббе писал: «В губерниях Московской и Тульской везде есть заездные домы и постоялые дворы. В Орловской и Воронежской — только по городам и некоторым станциям, а в земле Донских Казаков на расстоянии 411 верст, кроме Новочеркасска и Аксайской станции, вообще нет никаких приютов при станциях, вообще расположенных одиноко в степях. Здесь вовсе нельзя уже находить и съестных припасов. От границы Донской и по Кавказской области до Кавказских Минеральных Вод на расстоянии 404 S верст существует пять заездных казенных домов, по одинаковому плану выстроенных. Каждый о четырех комнатах или особых отделениях, из коих одно занимается смотрителем почтовой станции, а три служат для проезжающих, именно при станциях: Средне-Егорлыкской, Медвежье-Колодезной, Московской крепости, Базовой балки и Сабле. Сверх того есть

частные: в Ставрополе — гостиница и заездный дом, в Александрове и Георгиевске в каждом по одному, по тесному постоялому двору».

От Ставрополя путешественники добирались до Пятигорска еще не менее суток. Так путешествовали люди не простые, а имущие. Без особой нужды в те времена никто не выезжал за ворота усадьбы. А чтобы отправиться в дальнее путешествие, нужны были и средства, и мужество. В дороге всякое случалось.

НА ВОДАХ

Подтверждение о пребывании Арсеньевой с внуком «на Водах» в 1825 году находим в альбоме М.А. Шан-Гирей, в котором Лермонтов нарисовал кавказский пейзаж и подписал своей рукой: «13 июня. Горячие Воды». Судя по этой записи, можно сделать вывод о том, что Е.А. Арсеньева и ее спутники в то лето не поехали в станицу Шелкозаводскую? Открываем августовский выпуск журнала «Отечественные записки» за 1825 год. В списке посетителей и посетительниц Кавказских вод в 1825 году по июль, помещенном в «Отечественных записках» П.П. Свиньина, значатся: «Столыпины: Марья, Агафья и Варвара Александровны, коллежского асессора Столыпина дочери, из Пензы, Арсеньева Елизавета Алексеевна, вдова порутчица из Пензы, при ней внук Михайло Лермантов, родственник ее Михайло Пожогин, доктор Ансельм Левиз, учитель Иван Капа, Гувернерка Христина Ремер... Шангерей Павел Петрович, отставной штабс-капитан, из Кизляра... Хастатов Макар Захарович, титулярный советник из Астрахани... Столыпин Александр Алексеевич, коллежский асессор из Симбирска, его супруга Екатерина Александровна.., Петров 3-й Павел Иванович, командир Моздокского казачьего полка, подполковник из Наура, жена его Анна Екимовна, дочери Катерина и Марья... Гнедич Николай Иванович, коллежский советник, Императорской публичной библиотеки помощник библиотекаря, из С.-Петербурга...» («Отеч. записки». — 1825. — № 64 (август). — С. 260).

Еще один свидетель поездки юного Лермонтова на Кавказ — это сам Михаил Лермонтов, к которому тем летом пришла первая любовь. По поводу своей первой любви поэт оставил следующую запись: «Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея 10 лет от роду?

Мы были большим семейством на Водах Кавказских: бабушка, тетушки, кузины. К моим кузинам приходила одна дама с дочерью, девочкой лет 9. Я ее видел там. Я не помню, хороша собою была она или нет. Но ее образ и теперь еще хранится в голове моей; он мне любезен, сам не знаю почему. Один раз, я помню, я вбежал в комнату: она была тут и играла с кузиною в куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни об чем еще не имел понятия, тем не менее это была страсть, сильная, хотя ребяческая; это была истинная любовь: с тех пор я еще не любил так. О! сия минута первого беспокойства страстей до могилы будет терзать мой ум! И так рано!.. Надо мной смеялись и дразнили, ибо примечали волнение в лице. Я плакал потихоньку без причины, желал ее видеть; а когда она приходила, я не хотел или стыдился войти в комнату... Я не знаю, кто была она, откуда, и поныне, мне неловко как-то спросить об этом: может быть, спросят и меня, как я помню, когда они позабыли; или тогда эти люди, внимая мой рассказ, подумают, что я брежу; не поверят ее существованью — это было бы мне больно!.. Белокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринужденность — нет; с тех пор я ничего подобного не видел, или это мне кажется, потому что я никогда так не любил, как в тот раз. Горы Кавказские для меня священны...»

Эту запись Лермонтов сделал 8 июля 1830 года, пять лет спустя с того памятного часа...

Вспоминая лето 1825 года, Лермонтов не преминул упомянуть, что «на Водах Кавказских» «были большим семейством». Где же тогда и у кого оно останавливалось? Листаю «Ведомости посетителей Горячих Вод в сезон 1818 года». Это первая поездка четырехлетнего Лермонтова с бабушкой на Кавказ.

Нахожу запись за 21 июня 1818 года: «Хастатова Екатерина Алексеевна, вдова, генерал-майорша. При ней: дочери ее Анна Екимовна и Марья Екимовна, поручица Шер-Гиреева, поручик Павел Петрович Шергирей. Дворовые люди: Алексей Иванов, Павел Артемьев, Николай Чиков, Павел Анисимов, Александр Савельев, Дмитрий Лаврентьев, Марко Чехов, Константин Павлов, Яков Щербаков, Яков Павлов, Иван Игнатьев, Яков Марков, девицы: Надежда Михалова, Агафья Кузмина, Дарья Юдина, Агафья Захарова; женщины: Марья Васильева, Прасковья Абрамова, Ианна Степанова. Вида не представили. [Остановились] в собственном доме».

Про приезд Е.А. Арсеньевой с внуком сведений нет. Важно другое: у Хастатовой на Горячих Водах был собственный дом. Этот дом упоминается и в «Ведомостях посетителей Горячих Вод в сезон 1821 года»: «7 июля. Петров Павел Иванович, Моздокского казачьего полка командир, подполковник с женой Анною Екимовной и с двумя малолетними детьми. При них пятидесятники Иван Коничев и Осип Гориночев. Крепостных людей: мужска пола — 4, женска — 1. Из Моздока. Виду не представили. [Остановились] в доме генерал-майорши Хастатовой».

Как и в первом случае, так и во втором, упоминание дома генерал-майорши Хастатовой наводит на мысль о том, что Арсеньева с внуком провела большую часть времени на Горячих Водах, а не в станице Шелкозаводской. История этого дома такова.

ДОМА БАБУШКИ ЕКАТЕРИНЫ

В феврале 1820 года, как свидетельствует архивный документ, Е.А. Хастатова подала прошение на высочайшее имя, в котором просила позволения «выстроить при Минеральных Водах Кавказской губернии перевезенный мною из Георгиевской станицы собственный мой в сломке деревянный дом со службами о шести комнатах близ такового же новостроящегося дома от приказа общественного призрения по плану — фасад под нумером 9, а фасад ворот № 60».

Прошение Хастатовой, поступившее в Кавказское губернское правление, было передано губернскому архитектору Мясникову. Заключение архитектора и выполненный им план были рассмотрены 24 марта 1820 года в общем присутствии губернского правления. План дома утвержден. В постановлении губернского правления записано: «Отослать (его) к архитектору Мясникову при указе и велеть в постройке оного генерал-майорше Хастатовой препятствий не делать и смотреть неослабно, чтобы постройка оного произведена и окончена была непременно сообразно плану под опасением ответственности по законам, и о последующем донести».

Скорее всего, дом строился в конце 1820 и в начале 1821 годов. К весне 1825 года камышовая крыша на большом доме стала ветхой, и Хастатова, ожидая к себе в гости родных из Тархан, обратилась в Строительную комиссию с прошением, которое хранится в архивном деле «О домах г-жи генерал-майорши Хастатовой, состоящих на Горячих и Кислых Минеральных Водах»: «Из числа собственных моих домов при Горячих Минеральных Водах, устроенных в большой улице подле дома купца Шапкина, на одном о пяти окошках большом доме камышовая крыша пришла от времени в такую ветхость, что требует неотложного перекрытия. А потому всепокорнейшее прошу оную комиссию, в уважение помянутой необходимости и сближающегося к съезду посетителей время, позволить мне перекрыть на доме моем крышу новым тесом, на что и имею ожидать разрешения. Вдовствующая генерал-майорша Екатерина Алексеевна дочь Хастатова руку приложила».

Прошение Хастатовой было направлено архитектору Бернардацци 1 марта 1825 года. Кто из братьев Бернардацци рассматривал прошение Хастатовой, неизвестно, скорее всего, Иосиф.

Архитекторы братья Иван Карлович (Джованни) и Иосиф Карлович (Джузеппе) Бернардацци прибыли в Россию в 1820 году. После заключения контракта с медицинским департаментом Министерства внутренних дел 22 августа 1822 года на строительство зданий при Кавказских Минеральных Водах оба брата приехали на Кавказ. Они много сделали для застройки Пятигорска.

7 августа 1828 года старший брат Иван Карлович награжден чином 14 класса «за отличные труды и усердие к работе». Младший брат Иосиф Карлович, окончивший Миланскую академию по архитектурному классу, вначале «числился архитектором при кабинете его Императорского Величества», затем был главным архитектором Кавказских Минеральных Вод, 24 февраля 1830 года «за составление планов казенных зданий г. Пятигорска награжден чином 10 класса». 22 августа 1830 года за выслугу лет произведен в титулярные советники.

Скончались оба Бернардацци здесь же, на Кавказских Минеральных Водах: Иосиф — 5 октября 1840 года, Иван — 2 ноября 1842 года.

Сведения о результатах осмотра дома архитектором Бернардацци сохранились до наших дней в том же деле — в рапорте Строительной комиссии на имя генерал-майора Вельяминова от 10 марта 1825 года.

«Вдова генерал-майора Хастатова, — докладывала комиссия, — просит дозволить на состоящем при Горячих Водах на Главной улице ее доме, покрытом камышом, сделать тесовую крышу к наступающему курсу. Как его превосходительству угодно, чтобы по сей улице домы имели хорошую наружность, то комиссия поручила гг. архитекторам, осмотрев оный дом, составить фасад с необходимыми для лучшего вида переменами, по коему и оказалось, что окна оного дома не на своих местах, как показано на фасаде пунктиром (чертежа фасада в архиве не сохранилось. — *прим. Н.Б.)* и стены нужно возвысить на 15 вершков, равно сделать новые ворота и

Кавказский вид. *Детский рисунок Лермонтова*. Внизу подпись по-французски его рукой: «М. Л. 1825 год 13 июня на Горячих водах».

исправить каменный забор, сходно фасаду, который комиссия, у сего Вашему превосходительству представляя, покорнейше испрашивает предписания».

Из дальнейшей переписки видно, что перестройка фасада дома Хастатовой затянулась по разным причинам на несколько лет. Он был перестроен лишь в 1829 году и нанесен на «План Горячеводска, ныне составляющего часть города Пятигорска. При Кавказских Минеральных водах. 1832 год» и значится под №1 на Главном проспекте: «Дом последний Генеральши Хастатовой».

Летом 1825 года во время пребывания на Горячих Водах 10-летнего Лермонтова дом двоюродной бабушки Екатерины Алексеевны Хастатовой был в довольно неприглядном виде, со старой камышовой крышей. Он был похож на тот тип домов, что и чиляевский, в котором поэт останавливался в 1841 году.

Горячеводский дом — не единственный, принадлежавший Е.А. Хастатовой на Кавказских Минеральных Водах. Дом бабушки Екатерины на Кислых Водах имел еще более неприглядный вид.

Вопрос о сносе кисловодского дома окончательно был урегулирован лишь в 1828 году. В марте того же года из Шелкозаводской в Строительную комиссию пришло письмо, в котором Хастатова писала: «Милостивые государи! Приношу мою благодарность за присланный вами план для исправления моего дома при Горячих Водах и согласна по оному плану переделать... Что же касается до дома, находящегося при Кислых Водах, я предписала моему дворнику оный сломать и прошу взамен моего места отвести мне к речке при Солдатской слободке, чем много обяжете».

Представляю, как ликовали чиновники в Строительной комиссии, когда получили такое письмо. Генерал-майорша Хастатова никогда не сдавалась перед всевозможными жизненными обстоятельствами, а тут уступила.

«ЛЮБЛЮ Я КАВКАЗ...»

Путешествия Лермонтова на Кавказ, особенно в 1825 году, произвели на него впечатление, которое оставалось с ним до конца его жизни.

Что мог увидеть любознательный мальчик на Кавказе? Укрепления, казачьи пикеты, войска с пушками, обозами, черкесов мирных в косматых бурках, офицеров на водах, людей цивильных, тоже приехавших полечиться.

На Кавказе Мишель имел возможность в какой-то мере изучить нравы и характеры горцев. В памяти отлагались одни картины за другими. Их никогда не забудет Мишель. Однажды Лермонтов воскликнет:

Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой:
Они меня в младенчестве носили
И к небесам пустыни приучили...

Пагануцци пишет: «Черкесы из соседних аулов ежедневно приезжали в Горячеводск для продажи бурок, седел и баранов... Из Горячеводска Лермонтов ездил в Аджи Аул на празднование байрама, на которое съезжалось все горячеводское общество. Устраивались джигитовки, пели, плясали и угощали всех гостей, а знаменитый певец Закубанья Керим Гирей пел под звуки пишнендук'окъо (вид арфы)».

В поэме «Измаил-Бей», опубликованной впервые в третьем номере журнала «Отечественные записки» за 1843 год, Лермонтов описал этот праздник и выступление на нем народного певца:

Вокруг огня, певцу внимая,
Столпилась юность удалая,

И старики седые в ряд
С немым вниманием стоят.
На сером камне, безоружен,
Сидит неведомый пришлец.
Наряд войны ему не нужен;
Он горд и беден: — он певец!
Дитя степей, любимец неба,
Без злата он, но не без хлеба.
Вот начинает: три струны
Уж забренчали под рукою,
И, живо, с дикой простотою
Запел он песню старины...

Но не только это видел юный Лермонтов: а горы, а снеговые вершины, а грозы в горах, ливни, обвалы, бурные реки, а буйная зелень, а скалы? Разве этого мало для впечатлительной души? Кавказ всем своим своеобразием, всей разноплеменностью, войной и миром вливался в детскую душу незабываемыми картинами. Сюда надо прибавить и различные рассказы кавказских старожилов — и тогда будет понятно, что означали для Мишеля поездки на Кавказ. Здесь могли переплетаться и быль и небылицы, рассказы точные с рассказами нарочито гиперболизированными. Воображение Лермонтова было возбуждено всей новизной бытия, ее неповторимостью и романтичностью. Эти настроения Лермонтова найдут отражение в его ранних стихотворениях: «Черкешенка», «Грузинская песня», «Кавказу», «Утро на Кавказе», «Люблю я цепи синих гор»... В первой главе поэмы «Аул Бастунджи», отрывки из которой впервые опубликованы в 1860 году, Лермонтов описал события, которые разворачивались в Пятигорске:

Между Машуком и Бешту, назад
Тому лет тридцать был аул горами
Закрыт от бурь и вольностью богат.
Его уж нет...

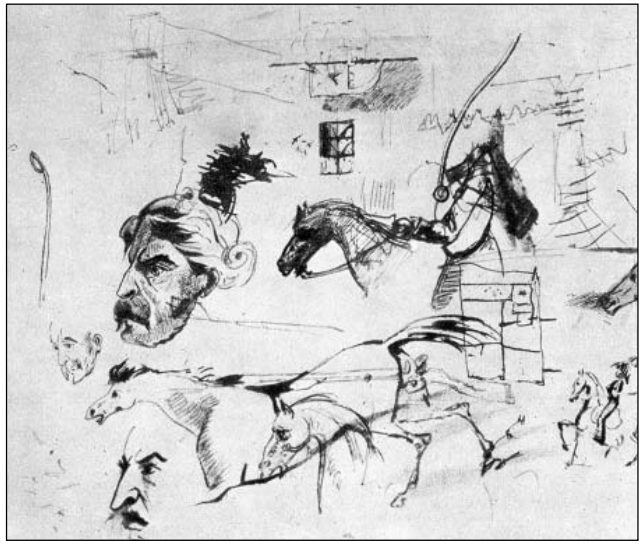
Лермонтов вспоминал горы Машук, Бештау и в поэме «Измаил-Бей»:

Давным-давно, у чистых вод,
Где по кремням Подкумок мчится,
Где за Машуком день встает,
А за крутым Бешту садится,
Близ рубежа чужой земли
Аулы мирные цвели...

Большинство произведений о Кавказе впечатлительный Лермонтов написал рано. В 14 лет были написаны «Черкесы», «Кавказский пленник», «Корсар», в 15 — «Преступник», в 16 — «Две невольницы», в 18 — «Измаил-Бей»... Последнюю высоко ценил Л.Н. Толстой. «Действительно хорош этот край дикой, — писал в Дневнике Лев Николаевич, — в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи — война и свобода».

Но считается, что свои детские впечатления и переживания Лермонтов как бы обобщил и выразил свою искреннюю любовь к этому краю в стихотворении «Кавказ», написанном в 1830 году:

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.



Наброски Лермонтова за шахматной игрой

В 1832 году, вспоминая Кавказ, Лермонтов с волнением писал: «Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю об вас да о небе...»

* * *

После 1825 года Арсеньева больше не ездила на Кавказ. В том не было нужды. На следующий год Шан-Гиреи поселились в трех километрах к югу от Тархан, в небольшой деревне Апалихе. Она была куплена Марией Акимовной Шан-Гирей. Е.А. Арсеньева приняла в этом самое деятельное участие.

Через четыре года, в 1829 году, начальник Кавказской области генерал Г.А. Емануель подал на имя Главноуправляющего на Кавказе генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича ходатайство о скорейшем переводе окружного центра из Георгиевска на Горячие Воды с предложением дать новому городу одно из трех наименований: Новогеоргиевск, Константиногорск или Пятигорск. Все предложения были одобрены: сначала Иваном Федоровичем Паскевичем, затем утверждены указом Сената от 29 апреля 1830 года. Из трех предложенных названий новому городу Паскевич избрал Пятигорск, мотивируя тем, «что гора Бештов (Бештау), к подошве которой прилегает предназначенное для сего города место, известна под сим именем в древних российских летописях». И ни о каких «пяти горах», якобы вошедших в название города, речи тогда не было.

Через пять лет после поездки Арсеньевой с внуком «на Воды» не стало Е.А. Хастатовой. Екатерина Алексеевна умерла 24 августа 1830 года «от холерической болезни в городе Георгиевске», как сообщал комендант крепости штабс-капитан Шишкин в рапорте на имя Начальника Кавказской области генерала Емануеля.

Поездка юного Лермонтова на Кавказ в 1825 году окажется его последним детским летом, проведенным на юге. В следующий раз он окажется на Кавказе, в Пятигорске, через двенадцать лет, в 1837 году, но не по бабушкиной и не по своей воле.

Владимир Петров

«КОГДА МНЕ ВЕЧНЫЙ СУДИЯ...»

Советское лермонтоведение, ярчайшим представителем которого был Ираклий Андроников, завершилось с распадом Советского Союза. Вершиной коллективного труда многочисленных исследователей творчества и жизни гениального поэта стала «Лермонтовская энциклопедия» (1981 г.).

Издание уникальное, ведь даже А.С. Пушкин «не удостоился» такого свода документальных сведений. Сегодня серьезных трудов, продолжающих усилия исследователей-лермонтоведов прошлых лет, немного. Недавно, например, свою трактовку жизнеописания Лермонтова предложил критик Владимир Бондаренко, издав книгу в серии «Жизнь замечательных людей».

Справедливости ради следует отметить — документальных свидетельств о Лермонтове немного. Отчасти потому, что он прожил трагически короткую жизнь. Воспоминания современников о нем рисуют, как правило, портрет малопривлекательный. Что особенно поражает — образ Михаила Юрьевича, созданный по этим свидетельствам, невероятно сильно контрастирует с его творческим наследием. Словно гениальные стихи, магическую прозу писал кто-то другой, а не этот дерзкий, язвительный, неуживчивый, «озлобленный» поручик Тенгинского пехотного полка Кавказской линии и Черномории Отдельного Кавказского корпуса Михаил Лермантов (тогда его фамилия писалась через «а»).

С именем Лермонтова накрепко связана какая-то неразгаданная тайна, которую вот уже почти два столетия пытаются разгадать многие исследователи. Тайна характера, тайна творчества, тайна судьбы, тайна смерти.

В самом деле, как соединить образ безрассудно-смелого, ходившего не раз в поистине «спецназовские» боевые операции против горцев, отважного воина с автором тончайшей лирической и глубоко философской поэзии? Неужто «Валерик» или «В пустыне жаркой Дагестана» написала та же рука, что держала поражающий кинжал или штык в горячих схватках? О Лермонтове, о его жизни сказано все, что позволяет сказать «корпус» сохранившихся сведений о нем. А тайна остается. Были удивительные открытия, находки, прозрения. Были и будут оригинальные трактовки фактов его биографии, поступков, действий. А тайна останется...

В этой статье я не намерен поразить читателей еще одним «открытием», хотя допускаю, что действительно новое еще может появиться. Попытаюсь еще раз прикоснуться к тайне его гибели, вернувшись к роковому выстрелу на склоне Машука, прозвучавшему в грозовом июле 1841 года.

Разумеется, все документы о дуэли Лермонтова с Мартыновым изучались не раз. И выводы делались разные, хотя ответ на вопрос «Кто же направлял руку убийцы?» до сих пор открыт.

Понятно, что в советской исследовательской школе такой ответ был: за спиной убийцы стоял Николай I, «он был лично заинтересован» в смерти поэта. Почему? Ответ не столь доказателен, а скорее рассудочно-неопределенен: не нужен был царю, только что раздавившему свободолюбцев-декабристов, новый «смутьян». Доказательств именно такому направлению развития событий приводится немало, но опять-таки косвенных.

Зададимся вопросом — личная неприязнь Николая, если таковая была, на чем основывалась? За что «гонения», высылки на Кавказ? За дуэль с сыном французского посла Барантом? Тут все, как говорится, по закону. Вторая высылка, приведшая к трагическому концу, — чем вызвана?

Кто, почему, в каком направлении формировал выводы (а затем распоряжения) Николая I? Ведь не сам он во множестве государственных дел (продолжалась, к тому же, затяжная Кавказская кампания) пристально следил за поведением неуживчивого дворянского отпрыска. Да, многих переполошило дерзкое стихотворение «На смерть поэта». Но ведь доселе мало кому известный Лермонтов (впрочем, его откровенно-смелые, фривольно-молодеческие сочинения были широко известны в кругах офицерства) в них не затрагивал ни имени, ни чести царя. Он бросил в лицо приговор царедворцам, тем, что роятся вокруг трона, светской черни, но отнюдь не царю. Не здесь ли сокрыта загадка его гибели? С поправкой — не царь, а эта чернь была заинтересована в убийстве поэта...

Небольшое отступление. Современные исследователи преддуэльных событий, развивавшихся вокруг Пушкина, приходят к оригинальному выводу: «Диплом рогоносца» был написан самим... Пушкиным. И направлен он против царя.

Пушкин якобы знал, что не Дантес (он действовал лишь как прикрытие), а сам Николай покушался на честь Натальи Николаевны, на честь семьи. Дуэль с Дантесом — развязка драмы, открывавшая, таким образом, глаза обществу. Тут прямо или косвенно к убийцам Пушкина причисляется царь. Как и предполагаемая причина желания Николая «убрать» поэта. В строку ложатся и последующая царская помощь семье поэта, и рост в чинах второго мужа Натальи Николаевны, Ланского. То есть была якобы причина, а значит, понятно и следствие. Логика, хоть и зыбкая, но есть...

За что же Николаю ненавидеть Лермонтова? И уж тем более желать его гибели? Тут логики в категоричных выводах меньше.

* * *

В 1939 году издательством «Соцэкгиз» и отделом рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина был издан сборник «М.Ю. Лермонтов. Статьи и материалы», куда вошли документы «Дела штаба Отдельного Кавказского корпуса по дежурству Судного отделения «О предании военному суду отставного майора Мартынова, корнета Глебова и титулярного советника князя Васильчикова, за произведенную первым с поручиком Лермонтовым дуэль, от чего Лермонтов помер». Начато 19 августа 1941. Кончено 6 февраля 1842. На 55 листах».

Внимательное чтение документов Судного отделения о дуэли поэта открывает много интересного для анализа и последующих выводов. Главный вывод, кото-

Иллюстрация Лермонтова к повести
А.А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек»

рый сделан исследователями, весьма категоричен — Лермонтов был убит «по воле царя». Документы сборника вроде бы склоняют именно к такой оценке трагической дуэли. Однако из материалов следствия также складывается и другое умозаключение: дуэль и в самом деле напоминала убийство. Поведение подследственных секундантов — хороший довод в пользу названной версии. Есть и другие странности в ходе разбирательства, но о них чуть позже.

...Когда-то в незабвенные студенческие годы производственную практику мне довелось проходить в Минеральных Водах. Разумеется, первое и главное, что сделали мы, — посетили все обозначенные в путеводителях места, связанные с Лермонтовым и героями его произведений: мемориальный дом в Пятигорске, Эолову арфу, гроты — Дианы и Лермонтовский, питьевые галереи, побывали в Кисловодске и Железноводске, взбирались на гору Змейку и, это был особый маршрут, посетили место дуэли поэта на склоне горы Машук.

Все виденное из сегодняшнего далека кажется сказочным сном, фантастически приближенным ко времени Лермонтова. Память и воображение слились с последующими накопленными знаниями о поэте. Теперь, изучая документы Судного отделения штаба Отдельного кавказского корпуса, зримо возникают те далекие впечатления от Кавказских минеральных вод, где прошли последние мгновения короткой жизни поэта.

Во главе Отдельного Кавказского корпуса, штаб которого располагался в Тифлисе, в то время был генерал от инфантерии Е.А. Головин. Он находился в прямом подчинении военного министра. Штаб войск Кавказской линии и Черномории находился в Ставрополе, в то время напоминавшем большую казачью станицу. Должность командующего войсками занимал генерал-лейтенант П.Х. Граббе, под началом которого и служил Лермонтов. Граббе мог непосредственно, в ходе следствия, связываться с Петербургом, что явно не поощрялось командующим Головиным.

В организации следственных действий наибольшую активность проявил, что

оправданно, начальник штаба полковник Ф.А. Траскин. Рапорт о состоявшейся дуэли на следующий день, то есть 16 июля, командующему войсками представил комендант Пятигорской крепости полковник Ильяшенков. Такого же содержания рапорт о дуэли и аресте Мартынова, Васильчикова и Глебова отправлен Николаю I (понятно, с уведомлением Граббе и Головина).

Одновременно с этим важным документом Николаю адресованы еще два — донесение Траскина военному министру князю Чернышеву и донесение подполковника жандармского корпуса Кувшинникова. В сопроводительном рапорте генерал Граббе писал: «В заключение имею честь донести, что я на основании приказания г. Военного Министра донес о сем происшествии его сиятельству, дабы князь Чернышев известился о сем происшествии в одно время с графом Бенкендорфом, которому донес штаб-офицер корпуса, здесь находящийся».

* * *

Следственная комиссия по дуэли состояла из плац-майора подполковника Унтилова (председатель), дворянского заседателя Черепанова, квартального надзирателя Марушевского и исполняющего должность стряпчего Ольшанского. Этот состав назначен комендантом Ильяшенковым. Траскин потребовал включить еще и подполковника Кувшинникова — для содействия следствию. Подготовлен и список вопросов к участникам дуэли, ответы на которые арестованные должны были дать в письменном виде.

Особую ценность в ряде письменных показаний имеют черновики ответов Мартынова, которые в следственное дело не вошли, но сохранены, вероятно, в архиве их автора.

Если внимательно вчитываться в них, то видно, что Мартынов мучительно искал такую форму ответов, которые убеждали бы комиссию в одном: вина лежит на убитом, а он жертва, чья честь была оскорблена поведением Лермонтова.

Вопросы примерно одинакового содержания были поставлены Глебову и Васильчикову. Но вот что удивительно: всем троим при подготовке ответов была предоставлена возможность согласовывать (негласной перепиской) некоторые, особо важные показания. Консультации эти, что очевидно, определили и характер ответов Мартынова как главного фигуранта дела.

Они договорились не упоминать еще двух участников дуэли — А.А. Столыпина (Монго) и князя С. Трубецкого, что и было сделано. Позже это умолчание было опровергнуто. Тут, очевидно, сказалось желание не ввязывать в опасное по последствиям дело сослуживцев. Траскин и Кувшинников также сочли разумным не доводить до сведения царя о присутствии на дуэли большего числа лиц, не расширять круг свидетелей.

Обстоятельства дуэли также подверглись корректировке в ответах. Вначале Мартынов написал в черновике: «Я сделал первый выстрел с барьера». После переписки с секундантами в ответе появляется совсем другая фраза: «Я первый пришел на барьер». Слова «выстрелил с барьера» им вычеркнуты.

На вопрос, стрелял ли Лермонтов, Мартынов ответа не дал. Однако проговорился Васильчиков, заявив, что Лермонтов не успел выстрелить, а пистолет его разрядил позже он, Васильчиков. Это также оказалось ложью. Да и шок, буквально охвативший участников дуэли, когда Лермонтов «упал, как будто его скосило на месте» (из воспоминаний Васильчикова), вряд ли способствовал «разрядке» пистолета убитого.

За этими противоречивыми ответами арестованные пытались скрыть то, что несло серьезную ответственность для всех: Лермонтов, считая повод для дуэли пустяшным, выйдя к барьеру, выстрелил первым, вверх. Тем самым показав свое

нежелание стрелять в Мартынова. В ответ тот выстрелил от барьера — почти в упор. Что это было именно так, существует немало письменных сведений современников: об убийстве (именно убийстве поэта) писали П.А. Вяземский, Ю.Ф. Самарин, А.И. Тургенев, К.С. Аксаков и другие. Писали уверенно, а значит, не на пустом месте. Да и не случайно впоследствии этот эпизод с выстрелом Лермонтова был предан умолчанию: слишком опасен он. Потому-то и лукавил Васильчиков, заявляя, что именно он «разрядил» пистолет Лермонтова, хотя позже отказался от этого показания, опасаясь строгих наказаний, которых они заслуживали по тогдашним законам: ссылку в Сибирь.

Теперь понятнее становится и переписка арестованных о том, как выгоднее для себя (не убитого же!) изложить в ответах преддуэльные события, исказить важные детали самой дуэли. То есть благодаря попустительству начальства они обеспечивали себе круговую защиту, чтобы как можно больше вины переложить на покойного поэта и снять бремя ответственности с самих себя.

* * *

Есть в последовательности дуэльных событий обстоятельства весьма многозначительные. В воспоминаниях лиц, находившихся в то время в Пятигорске, присутствуют оценки, косвенно указывающие на существенные моменты как преддуэльного времени, так и самой дуэли.

А.И. Арнольд, в частности, вспоминает не только о явных, видимых причинах размолвки Лермонтова и Мартынова, но и указывает на существование неких «темных причин, о которых намекают многие». Н.П. Раевский, давая оценку Мартынову-дуэлянту, рассказывал: «А Мартынов и стрелять-то совсем не умел». Даже припомнил эпизод, когда Мартынов стрелял в забор, а попал в корову. Он же приводит слова Лермонтова о том, что если дуэль состоится, то «Мартынов пускай делает, как знает, а что сам он целить не станет. «Рука, — сказал, — на него не поднимается!»

При рассказе о дуэли, а противники стрелялись, по условиям, в тридцати шагах, Раевский делает вывод: «Тут хотя бы и из ружья стрелять. Пистолеты-то были Кухенрайтера, да и из них на таком расстоянии не попасть». К тому же стоял туман, видимость была плохая.

Однако никудышный стрелок сразил Лермонтова наповал. Почему? Предложим одну версию. Вот что пишет об особенностях русской (в отличие от европейской) дуэли знаток истории ее Яков Гордин: «В русской дуэли все обставлялось так, что бескровный вариант был делом счастливой случайности. Идея дуэли — возмездие (а таковой, очевидно, и была дуэль Мартынова с Лермонтовым — *В.П.*) — требовала максимальной жестокости... Страшной особенностью русской дуэли, требовавшей от поединщика железного хладнокровия, было право сохранившего выстрел подозвать выстрелившего к барьеру и расстрелять на минимальном расстоянии. Поэтому-то дуэлянты высокого класса не стреляли первыми...»

Очевидно, Мартынов, плохой стрелок, так и поступил, но не подозвал, а сам подошел к барьеру. А знания об этом праве он мог получить из рассказов известного дуэлянта, принимавшего участие в четырнадцати дуэлях, поручика Руфина Дорохова, тогда находившегося в Пятигорске. Тот, кстати, советовал противникам разъехаться на время, чтобы отказаться от дуэли. Лермонтов уехал в Железноводск. Мартынов же и спустя время от намерения стреляться не отказался.

Блестящим знатоком русской дуэли был и А.А. Столыпин (Монго), двоюродный дядя Лермонтова. Первым разрядил свой пистолет Лермонтов, тем самым показав свое нежелание стрелять в Мартынова. А далее все произошло так, что гибель поэта была просто неизбежна.

Дуэлянты стрелялись, как сказано, из пистолетов системы Кухенрайтера. Вот что пишет о них в книге «Все дуэли Пушкина» Евгений Гусляров: это были «тяжелые, дуэльные и армейские пистолеты, считавшиеся наиболее совершенными для своего времени. Это были первые пистонные пистолеты, которые весьма редко, в отличие от кремневых пистолетов Лепажа, давали осечку. Кроме того, как отмечалось, они считались дальнобойными, и стреляться из них было опасно даже на условиях европейской дуэли...»

Не потому ли так настойчиво участники дуэли пытались скрыть выстрел Лермонтова? Признание этого факта означало признание убийства его Мартыновым по «праву сохранившего выстрел». То, что последний мог поступить именно так, указывает его упорство, несмотря на уговоры, на том, чтобы дуэль состоялась.

* * *

А теперь вернемся к событиям, которые стали разворачиваться после смерти поэта. Но вначале несколько слов о последствиях дуэли Лермонтова с сыном французского посла и атташе в России Эрнестом де Барантом: это необходимо, чтобы яснее понять поведение петербургского светского общества в ответ на события такого рода. Та дуэль состоялась в феврале 1840 года, а причиной ее, считали современники, было соперничество из-за прелестной вдовы, княгини Марии Щербатовой, которой Лермонтов посвятил такие поэтические шедевры, как «Молитва», «В минуту жизни трудную», «Отчего». Дуэль состоялась, противники помирились. Высший свет, поведение которого в истории с дуэлью Пушкина с Дантесом хорошо известно, на этот раз принял сторону Лермонтова. Как и Военно-судная комиссия, сочтя в поведении Лермонтова желание «поддержать честь русского офицера». Однако участники понесли суровое наказание: секундант Баранта выдворен из России, секундант Лермонтова Столыпин (Монго) арестован и предан суду. Судить Баранта было нельзя, а вот Лермонтова тоже предали Военному суду. Наказание ожидало суровое: лишение чинов, дворянства, разжалование в солдаты. Но наказание смягчили: Николай повелел перевести поручика Лермонтова в Тенгинский пехотный полк тем же чином, принимавший тогда участие в боевых действиях на Кавказе.

* * *

...Окружной суд над Мартыновым, Глебовым и Васильчиковым, безусловно, обнаружил двусмысленность их показаний, знал и о переписке во время следствия. Нужна была определенность в ответах. Однако из Петербурга поступает приказ передать дело в военный суд с тем, чтобы завершить следствие в как можно более краткие сроки. Очевидно, это была воля царя. Поскольку убит офицер, то передача следственных материалов в ведение военного суда была логичной. Военный министр это распоряжение направил в Корпусной штаб Головину и, естественно, в Ставрополь Граббе. В ноябре последний послал военно-судное дело Головину, приложив, как и положено, собственную оценку дуэли. Присутствие Столыпина и Трубецкого на дуэли им не отмечалось, кратко Граббе упомянул и о дуэли, где о выстреле Лермонтова не было сказано ни слова.

К тому времени подсудимые находились на свободе: арест с них был снят еще летом. По «Своду военных постановлений» участникам дуэли полагалось лишение всех прав, состояния, наказание шпицрутенами и ссылка на каторгу. Всего этого Мартынов и секунданты избежали. Граббе предложил смягчить приговор, учитывая военные заслуги Глебова и Лермонтова. Убийцу же лишить чина и ордена и записать в солдаты до выслуги без лишения дворянского достоинства. На-

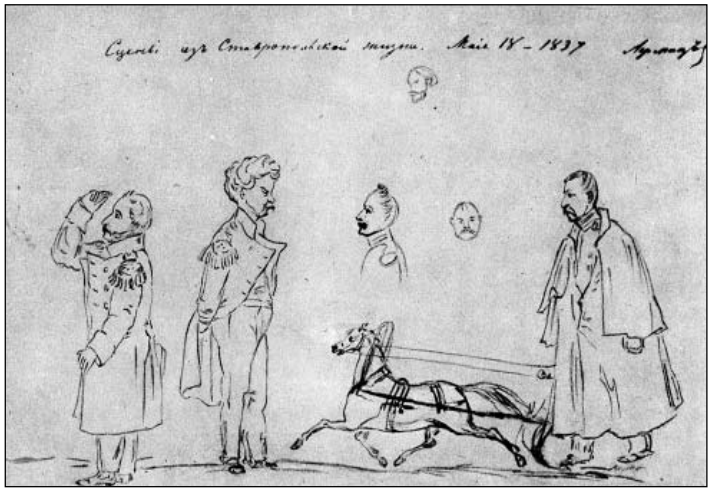
казание Васильчикова ограничить временным содержанием в крепости Пятигорска с занесением в формуляр. Понятна и такая фраза из мнения Граббе: «Впрочем, мнение это и участь подсудимых предано на благоусмотрение Высшего Начальства». «Мнение» командующего войсками на Кавказской линии и Черномории Головина было также отправлено в Петербург.

Военный министр Чернышев сразу же направляет Головину и Граббе бумагу с распоряжением Николая I: «Наш государь император высочайше повелевать изволил: означенным подсудимым майору Мартынову, титулярному советнику князю Васильчикову и корнету Глебову, если суд над ним уже кончен и представлен на конфирмацию высшего начальства, дозволить отправиться князю Васильчикову и корнету Глебову в С.-Петербург, а майору по выбору места жительства, обязав их всех троих подпискою не выезжать из сих мест до окончательной конфирмации военно-судного об них дела».

В конце ноября 1841 года военно-судное дело было отправлено в Петербург. В начале января следующего года Николай заслушал доклад о деле и повелел: Мартынова послать на три месяца на гауптвахту и предать церковному покаянию, Васильчикова и Глебова простить: «первого во внимание к заслугам отца, а второго по уважению полученной им в сражениях раны».

(Отец Васильчикова, Илларион Васильевич, пользовался безграничным доверием царя, был крупным государственным деятелем, участвовал во многих военных кампаниях, генерал от кавалерии и член Государственного Совета. С 1838 года — председатель Госсовета и Комитета министров).

Усматривается в этом решении, как и в передаче дела от Окружного суда в военный, личная заинтересованность царя в «устранении» Лермонтова? Такой вывод, а он проходит через все советское лермонтоведение, мне кажется довольно натянутым. В чем видел Николай I угрозу себе? В позиции поэта, так дерзко выраженной в стихотворении «На смерть поэта»? Но главные слова



Сцены из ставропольской жизни.
Рисунки Лермонтова. 18 мая 1837 г.
Генерал слева похож на барона Г.В. Розена, командира Отдельного Кавказского корпуса, жившего в Тифлисе, начальника Лермонтова

Лермонтов бросил, повторим, в лицо толпе, окружающей трон, царедворцам, высшему свету, черни петербургских салонов. Они — да, могли искренне желать наказания «дерзкого мальчишки». А значит, и стремиться к оправданию убийцы.

Истина светской черни вряд ли была нужна, смерть Лермонтова удовлетворяла их тщеславное честолюбие.

* * *

Какая же все-таки причина заставила Мартынова пойти на расстрел Лермонтова? Именно этот вопрос пытался разрешить Пятигорский окружной суд. Удивляет и хладнокровное поведение Мартынова до и после дуэли, его категоричное настаивание на поединке, причину которого Лермонтов считал малозначимой. Что (или кто?) подогревал тщеславие отставного майора? Жандармский подполковник Кувшинников, исполняющий приказ шефа жандармов Бенкендорфа, а значит, самого царя? Да, очевидно, жандармский штаб-офицер следил за «состоянием умов» кавказского офицерства. Что было естественно, памятуя о не столь уж и давнем бунте масонов-декабристов. Некоторые участники того восстания были сосланы на Кавказ, и Лермонтов встречался с ними в Ставрополе. Но вряд ли Лермонтов при всем его свободомыслии был настроен против существовавшего в России государственного строя, против, наконец, царя. Во всяком случае, все его гражданские стихи таких мыслей и чувств не содержат. Напротив, выражаясь современными терминами, он мыслил категориями имперскими, в империи видел Божье устроение мира и государства.

Да, Лермонтова не любили многие. Но то была нелюбовь скорее бытового свойства: личные обиды, неприязнь, яд сплетен и так далее. Может быть, в отношениях с Мартыновым и его родными случилось нечто, что оскорбляло честь семьи и не красило Лермонтова? А к тому еще и назойливые насмешки последнего над внешностью Мартынова, напыщенного нарцисса.

Возможно, настроение отставного майора подогревалось кем-то из представителей придворной черни Петербурга, «надменных потомков известной подлостью прославленных отцов». Но видеть в поэте государственного преступника, «сокрушителя основ»! Как-то не вяжется это со всем строем мысли гения, с его творчеством. Возможно, тайна убийства поэта (ее причина) была известна Николаю, раскрывать которую он не счел нужным, чтобы не бросить тень на погибшего. Не двору, не светской черни судить его, уже ушедшего в мир иной...

И все-таки что же это за тайная причина, волнующая умы многих исследователей? Одна из них, Алла Марченко, предложила гипотезу, что в краткой беседе с глазу на глаз в доме Верзилиных Лермонтов мог напомнить Мартынову о пристрастии последнего к шулерству в карточной игре. За что тот и был в свое время отправлен в отставку. В полку Мартынова прозвали «маркизом де Шулерхов». И дядя его, Савва Мартынов, весьма преуспевал в шулерской игре. Позже Мартынов распространил «сведения» о том, что якобы прототипом образа Мэри в «Герое нашего времени» была его сестра Наталья, чем Лермонтов оскорбил ее честь. Но, очевидно, что это оправдательный повод, чтобы вызывать на дуэль. Что мог сказать Лермонтов Мартынову во дворе дома Верзилиных? Ответа нет...

Да, мягкость приговора удивляет, заставляет строить разные гипотезы. Но что, по большому, евангельскому, счету, дало бы жестокое наказание Мартынова и секундантов? Что изменило? Думаю, Николай I хорошо понимал, что значат слова, когда-то запечатленные гением Лермонтова:

Но есть и Божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он недоступен звону злата,
И мысли, и дела он знает наперед…

Свою судьбу Лермонтов, «любимец неба», по выражению Василия Васильевича Розанова, знал. Разве случайно незадолго до роковой дуэли им написано пронзительно-щемящее стихотворение, помеченное роком:

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана;
По капле кровь точилася моя…

В поэзии Лермонтова нет ничего случайного: праведная кровь его к мщению не звала…

Валерий Федорович Михайлов *родился в 1946 году в Караганде. Поэт, писатель, публицист. Автор более 20 книг стихов и прозы, среди которых работы «Великий джут», посвященная трагедии голодомора в казахской степи, жизнеописание М.Ю. Лермонтова «Роковое предчувствие». Главный редактор журнала «Простор». Член Союза писателей России и Союза писателей Казахстана. Живет в Алма-Ате.*

Валерий Михайлов

ТАЙНА ПОЭТА

Тайну Михаила Юрьевича Лермонтова разгадывают уже два века, однако раскрыта ли она? Чем ближе пытаются приблизиться к ней, тем дальше уходит она в свои дали, в свои глубины, в свои высоты. Не сказать, что труды исследователей были напрасны, им удалось многое понять и почувствовать в Лермонтове. Но все-таки тайна эта остается недостижимой. Как недостижим земной окоем, как недостижимы звездные пространства.

Его сознание пробудилось в самом раннем младенчестве, и связано это пробуждение с песней, которую певала ему мать. В голосе звучала любовь и печаль, и он плакал от этого напева. Песню он вспомнить потом не мог, но был уверен, что если б услыхал ее вновь, то сразу бы узнал и снова бы у него потекли слезы.

Мать, Марья Михайловна, умерла совсем молодой, когда ребенку было всего два с половиной года. Но она, словно чистый камертон, успела настроить душу сына на ту дивную внутреннюю музыку, которая впоследствии лилась в нем всегда, до конца дней.

Не материнскому ли напеву обязаны мы той благословенной гармонии, которой проникнуто от первого до последнего слога стихотворение «Когда волнуется желтеющая нива…», эта благоуханная, благодарная молитва всей земной красе, что позволила поэту постигнуть счастье на земле и в небесах увидеть Бога…

Все эти и многие другие лермонтовские стихи, откликнувшись в сердцах и душах композиторов и певцов, стали чудесными песнями, а

такие, как «Казачья колыбельная песня» и «Выхожу один я на дорогу...» — сделались народными.

Вообще, музыкой, музыкальной гармонией напоена вся поэзия Лермонтова: и лирика, и эпика; в его зрелой прозе также звучит тонкая музыка, растворенная в слове. И все это не нарочито, не напоказ, а по самому естеству языка, по совершенному чувству меры, благородной точности интонации.

В душе гениального сына образ любимой и любящей матери преобразился в образ Богородицы, *теплой заступницы мира холодного*, и это исполнило его поэзию пречистого молитвенного света. Священник и поэт Сергей Дурылин заметил в дневнике, что души человеческие пахнут, но очень редко так, как того хотел бы ум. И привел в пример Толстого, который исписал много томов о вере, а там ни маленькой струйки религиозного аромата. «А вот грешный и байронический Лермонтов — весь религиозен: религиозный запах его прекрасен».

Врожденная религиозность — естество небесного порядка, которое ничем не подделать и которое невозможно вызвать в себе никакими ухищрениями ума и воли. Это свойство души, может быть, еще более редкий дар, чем творческие способности. Оно или есть, или его нет. У Лермонтова оно — было. И, что характерно, он никогда не пытался его выразить в доводах ума. Он просто жил с этим в глубине души, никому не показывая, по наитию храня как святыню. И лишь в заветных стихах сказывался — дух.

Сильнейшее влияние оказал на Лермонтова отец, Юрий Петрович, хотя они и прожили почти в полной разлуке. В образе отца юноша Лермонтов видел драгоценные обломки *игрою счастия обиженных родов*, попранные новой знатью, прозревал великую и таинственную судьбу своих предков. Поначалу воображение увлекло его в Испанию, но потом он узнал, что родовые корни его имени — в средневековой Шотландии.

Эти гордые прозрения оказались близки к истине: *Лермонты* по древности и знатности гораздо превосходили род Столыпиных, откуда вышла его властная бабушка. Она всячески превозносила себя над небогатым помещиком, отставным капитаном Лермонтовым, что оскорбляло душу юного поэта и жгло его обидой за отца. В короткой своей жизни Михаилу так и не пришлось узнать, что один из его предков, поэт-прорицатель Томас Лермонт, прозванный — Рифмач, в XIII веке положил основания шотландской литературы, а сам он, которого иронически называли *байроненком* (хотя был он — *другой, еще неведомый избранник*) доводится дальним родственником Джорджа Байрона. Но полумифической *арфы шотландской струну* Лермонтов все же *задел*, и даже его критик и недоброжелатель, философ Владимир Соловьев спустя полвека после смерти Лермонтова признал его близким по духу к «вещему и демоническому Фоме Рифмачу, с его любовными песнями, мрачными предсказаниями, загадочным двойственным существованием и роковым концом».

Философа Соловьева явно раздражала лермонтовская тайна, которую ему хотелось считать только лишь напускной таинственностью. Не в силах ее понять, он срывался на иронию и обвинения поэта в «демонизме», в безответственности перед данным ему от природы гением, а смерть поэта назвал духовной гибелью, самовольно отправив его в преисподнюю. Отец Лермонтова куда как лучше знал и чувствовал своего сына: в своем завещании Юрий Петрович сказал семнадцатилетнему Михаилу: у тебя *доброе сердце*, — и пожелал ему жить не забывая о том, что за талант предстоит некогда дать отчет Богу.

Теперь, по прошествии века после «разоблачений» Вл. Соловьева, стало еще более очевидно, что жил Лермонтов — строго по отцовскому завету, не уклоняясь от своего предназначения. Недаром уже в наши дни священник Дмитрий Дудко предложил канонизировать Лермонтова — в ряду любимейших русских поэтов,

пояснив: «Всякий дар исходит от Бога, а дар писателя — особый дар. Русская литература — апостольская литература, так на это и надо смотреть! И она в наше время будет иметь первостепенное значение».

Отец и мать — два самых родных ему человека... А третьим таким человеком стала для Лермонтова его бабушка. Кто знает, как бы сложилась его судьба, если бы рядом с ним не было Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, с ее всепоглощающей любовью к своему «Мишыньке», которая стала смыслом и содержанием ее жизни.

Бабушка пестовала внука в Тарханах, жила вместе с ним в Москве, когда он учился в университете, заботилась о нем в Петербурге, в начале военной службы... Узнав о несчастной дуэли, унесшей его жизнь, она буквально *выплакала очи* — ослепла, повелев убрать от себя и отнести в храм самую дорогую для себя икону, пред которой молилась о его здравии... Через год после дуэли, в 1842-м, Елизавета Алексеевна, испросив позволения у государя, перевезла прах Лермонтова из Пятигорска в Тарханы, перезахоронив в родовом склепе рядом с дочерью, и поставила над ними часовню.

Тарханы, родная земля поэта, — его святыня. Здесь он провел детство и отрочество; здесь возникла его *странная*, не победимая рассудком любовь к Отчизне; здесь пришли к нему стихи — *из пламя и света рожденное слово*. Его поэзия — слияние, сплав земного и небесного начал: *пламь, пламя* — огонь сердца, страсти, ума; *свет* — горнее сияние высшей истины. Все, что связано у Лермонтова с родимым имением в Пензенской губернии, вроде бы появилось само собой, но, если вдуматься, *Тарханы* — самый дорогой дар бабушки своему ненаглядному внуку. Ведь именно здесь он напитался *русским духом*: нашими сказаниями, напевами, обычаями, историей.

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром...», вполне возможно, подслушано поначалу где-нибудь на завалинке крестьянской избы в селе у мужиков-солдат, когда-то сражавшихся на Бородинском поле, — а в Тарханах такие были!.. Совершенный слух поэта в точности уловил народный говор — а чутье и зоркий ум вполне осознали народную правду о сражении с врагом... Лев Толстой назвал «Бородино» *зерном* своей эпопеи «Война и мир», Василий Розанов сказал, что в этом стихотворении «уже взят полный аккорд нашего народничества и этнографии 60-х годов», — вот какую высоту одолел молодой еще по годам поэт, воспитанный, как и все тогдашние дворянские дети, казалось бы, целиком на французской культуре. По жутким рассказам о пугачевском мятеже, что порой велись дома или у соседей за барским столом, отрок Лермонтов сумел понять ту правоту, что вела крепостных людей на бунт *бессмысленный и беспощадный*: в «кровожадных рабах» он разглядел людей, жаждущих справедливости. Незавершенный юношеский роман «Вадим» — лишь черновой набросок к тому, что он задумал создать в прозе об эпохе Екатерины II, да не успел осуществить...

По воспоминаниям старожилов, однажды мальчик заметил с балкона, что в сельских хатах дым через крышу идет: топили избы по-черному. Другой барчонок отвернулся бы и забыл, а Лермонтов попросил бабушку дать мужикам кирпичей с ее *кирпишны*, чтобы они сложили себе настоящие печки с трубами. И скуповатая Елизавета Алексеевна, которая деньги сберегала для внука, выдала селянам кирпичей со своего заводика... Повзрослев, в один из приездов в родные места, Лермонтов задумал по выходе в отставку поставить каменные дома всем крестьянским семьям в Михайловке — деревне, названной в честь его рождения. И наверняка осуществил бы свое желание...

Ни заморские *дядьки*-гувернеры, ни французские классики и романтики, ни Шиллер с Байроном не перебороли в отроке и юноше Лермонтове того, что нады-

Лист набросков Лермонтова, сделанных в Ставрополе 9 ноября 1840 г.

шали, напели, наговорили ему Тарханы. Впервые увидав в Москве людей света и среди них своих ровесников, он был неприятно удивлен их офранцуженностью — скучной *подстриженностью* мыслей и чувств, достойной разве что презрения. В зрелом же возрасте он лишь утвердился в своем мнении. Неспроста хорошо знавший писателей мемуарист Филипп Вигель назвал Лермонтова *руссоманом*.

В ряду лучших поэтов золотого века русской литературы Лермонтов, без сомнения, самый русский по духу.

Да, поэт любил родину *странною любовью*, но в этом чувстве нет ничего сомнительного: столь глубоко, с рождения, оно жило в нем, что даже рассудок не мог достать до корней...

Основа его постижения России — глубокое искреннее чувство и поразительная, провидческая по существу интуиция. Лермонтов всегда был далек от умозрительных рассуждений; будущее отчизны открывалось ему стихийно, в образах и видениях.

В 1830 году, в шестнадцать лет, поэт провидит *России черный год, когда царей корона упадет* — страшную картину гибели монархии и разрушительных народных бедствий. Внешне бесстрастное, несколько сомнамбулическое описание этой жестокой катастрофы (смерть и кровь, болезни и голод) только подчеркивает, что юному поэту было дано некое *откровение* (вряд ли он толком знал подлинные замыслы декабристов 1825 года о цареубийстве, да и история Французской революции, о которой можно было почерпнуть сведения в книгах и рассказах, не давала прямого повода для фантазии апокалипсического размаха).

Тем значимей представляется другое видение Лермонтова о грядущем отчизны, которое он записал незадолго до гибели, в полном расцвете творческих сил, в виде сказочной притчи:

«У России нет прошедшего; она вся в настоящем и будущем.

Сказывается сказка: Еруслан Лазаревич сидел сиднем двадцать лет и спал крепко, но на двадцать первом году проснулся от тяжкого сна, и встал. И пошел... и встретил он тридцать семь королей и *семьдесят* богатырей, и побил их, и сел над ними царствовать.

Такова и Россия».

Тут вера в будущее величие Родины, в ее богатырскую духовную мощь, в ее предназначенье на Земле.

Дар пророчества обычно понимают как способность предсказывать то, что произойдет. Лермонтов, несомненно, был наделен прозорливостью этого рода, что особенно проявилось в его удивительном стихотворении «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...»), этом неповторимом шедевре русской и мировой лирики. За несколько месяцев до роковой дуэли он напрямую увидел собственную смерть — и все так потом и произошло, до совпадения подробностей. Но всего поразительнее даже не это, а образ, в котором картина явилась ему, — *тройное сновидение*. Это был сначала сон о его смертельном ранении; затем сон, что снится ему умирающему — о любимой женщине, которая сидит где-то далеко от него, на

сияющем огнями вечернем пиру; и, наконец, грустный сон *души ее младой*, в котором любимой видится он сам, смертельно раненный, умирающий в опаленной жаром долине Дагестана... — Какие непомерные глубины сознания приоткрывались интуиции гения, обостренной до предела!..

Однако такое явление, как *поэт-пророк*, значит нечто большее, чем прорицатель будущих событий или же обличитель общественного зла и человеческих пороков наподобие ветхозаветных учителей. Сущность этого явления лучше всех раскрыл философ Иван Ильин:

«Они выговаривали — и Жуковский, и Пушкин, и Лермонтов, и Баратынский, и Языков, и Тютчев, и другие, — и выговорили, что *художник имеет пророческое призвание*; не потому, что он «предсказывает будущее» или «обличает порочность людей» (хотя возможно и это), а потому, что *через него про-рекает себя Богом созданная сущность мира и человека*. Ей он и предстоит, как *живой тайне Божией*; ей он и служит, становясь ее «живым органом» (Тютчев): ее вздох — есть вдохновение; ее пению о самой себе — и внемлет художник...»

Поэт-пророк и сам не знает, что происходит в глубине его души, что зарождается, зреет и развертывается там. Но когда созревшее наконец выговаривается, это — *«прорекающийся отрывок мирового смысла, ради которого и творится все художественное произведение, <...> прорекающаяся живая тайна»*.

Василий Розанов однажды заметил по поводу «несносного» характера Лермонтова, что поэт есть роза и несет около себя неизбежные шипы, «<...> и мы настаиваем, что острейшие из этих шипов вонзены в собственное его существо».

Он же, в одной из своих статей о Лермонтове, попытался разгадать, откуда, как и почему появляются поэты:

«Поэт и всякий вообще духовный гений — есть дар великих, часто вековых зиждительных усилий в таинственном росте поколений; его краткая жизнь, зримо огорчающая и часто незримо горькая, есть все-таки редкое и трудно созидающееся в истории миро, которое окружающая современность не должна расплескивать до времени».

Поразительно это уподобление, сделанное философом!.. *Миро*, или, по-старославянски, *миро* — благоуханный освященный состав, точной формулы ко-

Рисунок из походного альбома Лермонтова

торого не существует, сваренный из множества благовонных веществ для таинств служения Господу.

Да ведь и сама поэзия — миро, созданное словно бы изо всех видов искусств и освященное Тем, Кто есть Бог-Слово.

Тут нельзя не вспомнить, что *счастливые способности к искусствам* в Лермонтове домашние и гости Тархан заметили чуть ли не с его младенчества.

Едва заговорив, мальчик стал радоваться созвучиям, — так зарождалась *рифма*.

Рано начал читать: на русском, французском, немецком, — тяга к литературе с годами только увеличивалась.

Превосходно рисовал акварелью и обожал уроки живописи; ваял из крашеного воска целые картины: охоту на зайцев с борзыми, сражение «при Арбеллах» со слонами, колесницами... — Если бы Лермонтов занимался только живописью, он вырос бы в замечательного художника, о чем говорят его пейзажи маслом, акварелью и особенно — блестящая сатирическая графика.

Обожал праздничные потешки и представления на селе — и сам устраивал театр на дому. — Все это проявилось потом в драматургических опытах и позднем шедевре — драме «Маскарад».

Был одарен способностями музыканта, но не прилежен в рутинных уроках... — Выучился игре на скрипке, фортепьяно, пел по настроению и напевал порой собственные мелодии к своим стихам...

Словом, все искусства волновали гениального ребенка и кипели в нем подобно огненной лаве, сменяясь одно другим и обогащаясь друг другом.

А в детских играх со сверстниками проявилась склонность к военным потехам, к верховой езде, к гимнастике и ружейной охоте.

Страсть, движение, игра, огненный восторг, неустанная деятельность — все это было свойственно Лермонтову с самого детства. Но пуще всего в нем бушевало *воображение*.

Созерцание луны, *разновидных* облаков, упоительной красоты солнечных закатов... — небесная стихия властно притягивает его с детства. «Я помню один сон; когда я был еще восьми лет, он сильно подействовал на мою душу. В те же лета я один ехал в грозу куда-то; и помню облако, которое, небольшое, как бы оторванный клочок черного плаща, быстро неслось по небу: это так живо передо мною, как будто вижу», — записал он в юношеском дневнике.

Вершиной всего, что занимало его в детстве и отрочестве, стало — *слово*.

Слово всегда приходит позже, вырастая вместе с сознанием — со-знанием смысла жизни, проявляющемся в образе, когда на смену первоначальным впечатлениям и понятиям приходит мысль, выражающая их суть. Все, что было в душе юного Лермонтова, переплавившись в горниле воображения, претворилось в стихи.

Огненная лавина воображения прорвалась наружу и обернулась лавиной сочинений. Стихи, поэмы, драмы, проза... множество сюжетов, вспыхивающих, как искры, и жаждущие слова... — юношеское творчество Лермонтова похоже на сотворение собственного мироздания.

Это — как зарождение его Вселенной, где хаос преобразуется в космос. Как гигантский черновик, огромнейшая поэтическая мастерская, в которой наскоро записанные, иногда в нескольких вариантах, тексты теснятся грудой еще необработанного материала, дожидаясь своего часа.

Его ранняя лирика — пылкие, романтические, сумрачные, мистические монологи, с беспощадной правдивостью и безудержной отвагой испытывающие глубины собственной души, мирские страсти и человеческий характер — и, наконец, небесные бездны, с их вечным противоборством света и тьмы, добра и зла. Его первые поэмы — исследование героического начала в человеке, широкий экскурс

в историю народов и родной страны, попытка понять вечные законы духовной борьбы (уже в пятнадцать лет написана первая редакция «Демона»). В этом нагромождении стихов, будто в скопище еще темных, необработанных драгоценных камней, впрочем, уже блистали совершенными бриллиантами такие стихи, как «Парус», «Ангел»...

Прошло время, и из такого сырого произведения, как стихотворение «Поле Бородина», написанного в семнадцать лет, возник шедевр — «Бородино». Другая поэтическая вершина Лермонтова — стихотворение «Есть речи — значенье...» тоже была достигнута далеко не сразу — подступом к ней были два ранних наброска: «К Д.» («Есть слова — объяснить не могу я...» и «К*» («Есть звуки — значенье ничтожно...»). Все это свидетельствует о том, что Лермонтов сначала почти что бессознательно *творил*: набрасывал тему, сюжет, схватывал ту или иную мысль, характер, движение души и духа, — предполагая затем вернуться к написанному и довести его до возможного совершенства. «Демона» он писал и бесконечно переделывал в течение всей своей творческой жизни — и, конечно же, создавал и пересоздавал бы поэму и потом, не случись ему погибнуть так рано, — совершенству, как и мысли, нет предела...

Начав *марать стихи* в четырнадцать лет, он только к двадцати двум своим годам ощутил ту полноту духовной, душевной и творческой зрелости, которая победила в нем требовательность к самому себе и наконец вывела его — из глубин одиночества — на открытую поэтическую стезю. До этого Лермонтов показывал любопытствующим лишь легкие, шуточные стихи и мало кого знакомил со своими *серьезными* сочинениями. Скорее всего, по своей исключительной взыскательности он никогда бы не опубликовал бóльшую часть своих произведений, написанных в юности и молодости, — но по его смерти распорядились иначе...

«Бородино» было первым стихотворением, которое поэт сам отдал в печать и подписал своим именем.

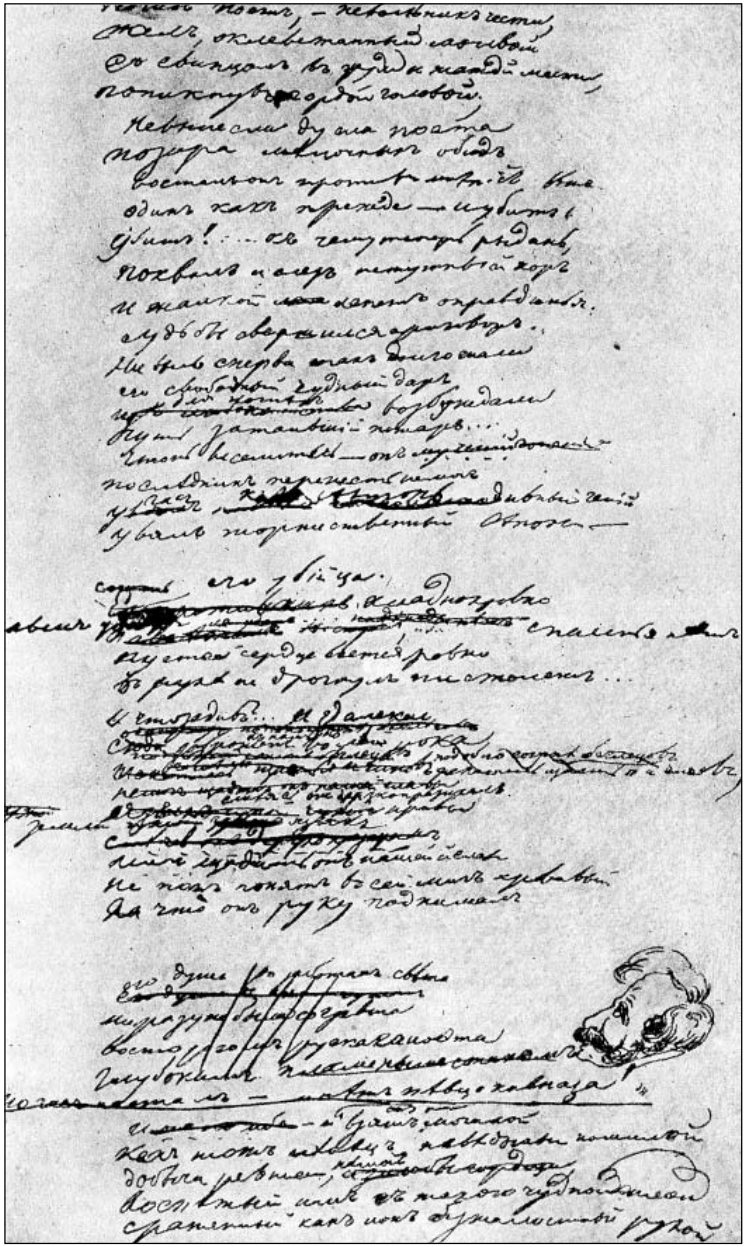
И это произошло не раньше и не позже того, как Лермонтов утвердился в самом себе как *народный поэт*. Конечно, вряд ли он определял свое самоощущение такими словами, но суть от этого не меняется. Перед читающей публикой, а шире — перед народом, он хотел — и появился именно в таком качестве.

Впрочем, к тому времени, то есть к маю 1837 года, когда «Бородино» было напечатано в журнале «Современник», все произошло само собой: Лермонтова уже знала вся читающая Россия. Знала по одному стихотворению — «Смерть поэта» — не опубликованному, но переписанному в тысячах и тысячах экземпляров множеством людей.

В конце января 1837 года в Петербурге умер Александр Пушкин, смертельно раненный на дуэли. Лермонтов был потрясен: Пушкина он любил беззаветно. Пуля Дантеса словно бы вонзилась и в Лермонтова — и вырвала прямо из сердца тот мощный пламень, что до этого, невидимо для других, бушевал у него в груди. Неизвестно, как бы сложилась его судьба, и личная и творческая, если бы не эта страшная для России потеря... Возможно, сияние пушкинской поэзии и было самой важной причиной, из-за которой Лермонтов так медлил с печатанием своих стихов: в виду *солнца* на небе русской поэзии ему не хотелось явиться незаметной звездой...

Стихотворение на смерть Пушкина определило судьбу Лермонтова резко и бесповоротно. Вернее сказать, сам поэт — раз и навсегда — изменил свою жизнь этими стихами. Бесстрашно и безоглядно. Свободно повинуясь порыву своего могучего естества.

Николай I получил по городской почте стихотворение Лермонтова с припиской: «Воззвание к революции». На докладной графа Бенкендорфа царь написал: «Приятные стихи, нечего сказать: я послал Веймарна в Царское Село осмотреть бумаги



«Смерть поэта». *Автограф Лермонтова.*
Справа внизу нарисована голова начальника
штаба жандармского корпуса Л.В. Дубельта

Лермонтова и, буде обнаружатся еще другие подозрительные, наложить на них арест. Пока что я велел старшему медику гвардейского корпуса посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он; а затем мы поступим с ним согласно закону».

За эти *непозволительные* стихи поэт был арестован и отдан под суд. Наказанием стала *ссылка на Кавказ* — перевод из столичной лейб-гвардии в обычный гусарский полк. Если бы не хлопоты бабушки и заступничество влиятельных знакомых, все могло бы обернуться для Лермонтова гораздо хуже. Впрочем, *Кавказ* отнюдь не был тогда курортным местом: там шла война…

Явление Лермонтова было столь ярким и неожиданным, что общество далеко не сразу поняло, что же произошло и что за поэт вдруг возник на небосклоне русской словесности.

Георгий Адамович впоследствии с удивлением отметил, что все современники Пушкина входят в его «плеяду», а вот Лермонтова «туда никак не втолкнешь»:

«<…> он врывается в пушкинскую эпоху как варвар и как наследник, как разрушитель и как продолжатель, — ему в ней тесно, и, может быть, не только в ней, в эпохе, тесно, а в самом том волшебном, ясном и хрупком мире, который Пушкиным был очерчен. Казалось, никто не был в силах отнять у Пушкина добрую половину его литературных подданных, Лермонтов это сделал сразу, неизвестно как, с титанической силой, и, продолжай Пушкин жить, он ничего бы не смог изменить».

И далее:

«По-видимому, в самые последние годы Лермонтов сознавал свое место в литературе и свое предназначение. Но в январе 1837 года он едва ли о чем-либо подобном отчетливо думал. Однако на смерть Пушкина ответил только он, притом так, что голос его прозвучал на всю страну, и молодой гусарский офицер был чуть ли не всеми признан пушкинским преемником. Другие промолчали. Лермонтов как бы сменил Пушкина «на посту», занял опустевший трон, ни у кого не спрашивая разрешения, никому не ведомый. И никто не посмел оспаривать его право на это».

В «Смерти поэта» чувство так живо, простодушно и трепетно, что не сразу понимаешь: стихотворение слишком *личное*, чтобы быть только о Пушкине. Это еще — и о себе: тут невольное предсказание и о собственной участи. Так ведь *смерть-то — поэта*!..

«Бородино» вышло в свет через несколько месяцев, как раз тогда, когда Лермонтов подъезжал к Кавказу на место новой службы.

Жить и творить — отныне уже печатая свои произведения — ему оставалось всего четыре года…

«Смерть поэта» — не самое лучшее и совершенное стихотворение Лермонтова; есть там и фактические неточности. Но при всех издержках оно — по дыханию, по пламенному напору — явление *большого огня*.

Большой огонь обновляет душу.

Впечатление от этого стихотворения было столь сильным, что никто не заметил вдруг возникшего чуда.

Этим чудом была — лирика.

Несколько лет до этого Лермонтов как лирик жил почти в полном молчании. И вот лирические стихи вновь пришли к нему. Они возникли на выжженном пустыре юнкерских поэм, стихотворной эпики с уклоном в прозу, недописанных романов, что он бросал на полпути, торопливых любовных разборок в виде драматических произведений и прочего… всего, что нанесла его могучая, неугомонная творческая натура на опустевший после юности алтарь лирической поэзии.

«Ветка Палестины», «Когда волнуется желтеющая нива…», «Молитва» («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою…»), «Кинжал», «Дума»… — чуть ли не сплошь

отборные стихи, одно лучше другого. Сильное чувство, стальной ум, неповторимый напев, несравненная интонация!..

В Лермонтове появилось новое качество. Время для него предельно уплотнилось, породив в стихах небывалую энергию содержания.

Внешне Лермонтов жил, казалось бы, своей обычной жизнью офицера, светского человека, доброго приятеля, неутомимого на выдумки и шутки в товарищеском кругу. Но внутри — совершалась совершенно иная жизнь. Душа — вошла в область такого высокого поэтического напряжения, что в любое мгновение поэта *искрило* — стихами, прозой, замыслами, сюжетами.

И все равно остается удивительной загадкой, как он, молодой гусар, сполна отдававший суетную дань службе и общению с друзьями, который так часто бывал в долгих и утомительных поездках, ходил на Кавказе в военные походы, участвовал в боевых стычках и сражениях, как он, никогда не располагавший настоящим уединением для творчества и тем более — писательским кабинетом, смог написать так много произведений, отличающихся превосходным качеством.

Далеко не все они являлись сразу целиком и в совершенном виде, хотя случалось и такое. Черновики свидетельствуют о тщательной отделке стихов и прозы. В поиске единственно необходимого ему образа он был поразительно неутомим и необыкновенно требователен. Достаточно вспомнить восемь редакций поэмы о Демоне, в которой *дух изгнанья* всякий раз является другим, обновленным свежими красками и чертами характера. Что вело поэта? что заставляло его вновь и вновь переделывать написанное, порой отбрасывая замечательные строки, изменяя композицию?.. Конечно, им руководила глубокая творческая интуиция, то созидательное наитие проницающего воображения, которое, может быть, и нельзя вполне воплотить в слове. Но Лермонтов и стремился к осуществлению невозможного, не удовлетворяясь до конца ничем...

Одно время он собирался печатать «Демона» и даже получил первоначальное разрешение цензуры — однако им «не воспользовался». Читал отрывки в салонах, снял копию для царского двора, позволял расходиться поэме в многочисленных списках, но сам так и не расстался с ней до конца жизни.

Владимир Одоевский однажды спросил Лермонтова, с кого он *списал* своего Демона? — «— С самого себя, князь, — отвечал шутливо поэт, — неужели вы не узнали? <...>» В этой великосветской шутке кроется невольное признание. Постоянно раскрывающаяся в могучей силе и сложности человеческая и творческая натура Лермонтова требовала такого же по широте души и мощи духа героя: вся внутренняя жизнь поэта была, как и у Демона, полетом *меж небом и землей*.

Лермонтовский Демон отнюдь не дьявольского происхождения. Дьявол — сплошная тьма, сплошное зло; Демон «<...> похож на вечер ясный: // Ни день, ни ночь, ни тьма, ни свет». У тончайшего знатока поэзии Лермонтова Сергея Дурылина это был самый любимый поэтический образ. Этот православный батюшка считал, что около Пушкина стоял ангел Радости, а около Лермонтова — ангел Печали. Он писал:

«В лице Лермонтова написано: *в глазах* — «какая грусть!», *в усмешке* — «какая скука».

Так и в поэзии: *в глазах* — одно, *в усмешке* — другое. А вместе... что ж вместе?

Вместе — самая глубокая, самая прекрасная тайна, какой отаинствована свыше русская поэзия».

Слово найдено — *отаинствована*...

Демон — средоточие этой самой глубокой и самой прекрасной тайны, отраженье в поднебесье и в небесах лермонтовского духа.

Этот образ рос, проявлялся и воплощался в слове вместе с самим поэтом и, наверное, потому попросту не мог быть законченным, как не завершается же вместе

с земной жизнью человеческая душа. Это — осмысление земного существования и всего мироустройства с высоты вечного полета души. *Небу* зачем-то не хватает *земли*: Демон, впервые увидев Тамару, вдруг возненавидел свою свободу, «как позор», и свою власть — и позавидовал невольно *неполным радостям людей*.

Варвара Александровна Лопухина. *Акварель Лермонтова*

И самому Лермонтову в будущей вечности недостает земного; в одном из стихотворений он напрямую говорит: «Что мне сиянье Божьей власти // И рай «святой»! // Я перенес земные страсти // Туда с собой». Наконец, речи Демона к Тамаре так похожи на любимые мысли Лермонтова о ничтожестве земных печалей, бренности человеческой жизни и труда.

Критик Сергей Андреевский писал, что устами Демона поэт *излил* всю свою неудовлетворенность жизнью, «<...> т.е. здешнею жизнью, а не тогдашним обществом, всю исполинскую глубину своих чувств, превышающих обыденные человеческие чувства, всю необъятность своей скучающей на земле фантазии <...>».

По Андреевскому, Демон — даже не падший ангел: причина его падения осталась в тумане, это скорее — ангел, упавший с неба на землю, которому досталась жалкая участь *ничтожной властвовать землей*. «Короче, это сам поэт».

Если в Демоне узнают Лермонтова, то кем же тогда навеян образ Тамары? Судя по всему — Варварой Лопухиной. Ей посвящена третья редакция поэмы (1831), ей же поэт послал шестую редакцию «Демона» с посвящением, и, наконец, незадолго до гибели он отправил ей свою последнюю переделку поэмы. Лопухиной же посвящены такие шедевры, как «Молитва» («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...»), «Валерик», поэма «Измаил-Бей» и другие стихи. Студентом, семнадцати лет, он познакомился с этой милой, умной, *в полном смысле восхитительной* девушкой. Двоюродный брат поэта, Аким Шан-Гирей, вспоминал, что это была натура пылкая, восторженная, поэтическая и в высшей степени симпатичная: «Чувство Лермонтова к ней было безотчетно, но истинно и сильно, и едва ли не сохранил он его до самой смерти своей, несмотря на некоторые последующие увлечения <...>».

«Характер ее, мягкий и любящий, покорный и открытый для выбора увлекал его. <...> В неоконченной юношеской повести он в Вадиме выставлял себя, в Ольге — ее <...>», — писал биограф Лермонтова Павел Висковатый.

Последние его годы на земле удивительны по накалу творческого горения. Жажда жизни и деятельности тем сильнее в нем, чем ощутимее предчувствие скорой гибели. И чем больше поэт убеждался в душе, что смерть близка и неотвратима, тем рискованнее он жил.

Лермонтов очень хорошо понимал, кому он *бросил вызов* теми заключительными шестнадцатью строками «Смерти поэта», и осознавал, что *Свободы, Гения и Славы палачи* никогда не простят его.

Но чем опаснее было жить, тем ярче ему мыслилось и творилось.

Так метеор, приближаясь все с большей скоростью к земле чтобы разбиться, разгорается небывалым пламенем.

С той же стремительной силой проявлялся в нем гений, росло мастерство. Лирика становилась все проникновеннее, поэмы — мощнее и отточеннее, проза — все совершеннее. В эти годы появились такие чудесные произведения, как «Молитва» («В минуту жизни трудную...»), «Памяти А.И. Одоевского», «Как часто, пестрою толпою окружен...», «И скушно и грустно...», «Три пальмы», «Казачья колыбельная песня», «Завещание» («Наедине с тобою, брат...»), «Родина», «Спор», «Сон», «Выхожу один я на дорогу...», «Пророк» и другие; замечательные поэмы «Сказка для детей» и «Мцыри»; первый русский психологический роман «Герой нашего времени».

Критик Виссарион Белинский долго желал поговорить с Лермонтовым *по душам*, да все нарывался на насмешки. Но однажды все-таки добился своего — попав *под настроение*: это случилось в 1839 году в столичном ордонанс-гаузе, где поэт сидел под арестом за дуэль с де Барантом. Под свежим впечатлением он написал своему другу:

«Недавно я был у него в заточении и в первый раз поразговорился с ним от души. Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного! О, это будет русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура! <...>»

А через три года после гибели Лермонтова Белинский, не скрывая изумления, писал:

«Он действовал на литературном поприще не более каких-нибудь четырех лет, а между тем в это короткое время успел обратить на свой талант удивленные взоры целой России; на него тотчас же стали смотреть как на великого поэта... И такой успех получить после Пушкина!..»

Ссылка на Кавказ, где небо ближе, а опасность за каждым углом, только разогрела поэту кровь.

Отроком Лермонтов уже бывал на Кавказе — сюда привозила его бабушка, Елизавета Алексеевна, чтобы поправить внуку здоровье. Тогда же он влюбился в этот дикий край синих гор, первозданной природы, в свободу и естество той жизни, которой жили горцы. Но по-настоящему Лермонтов проникся Кавказом, его духом, только повзрослев.

Что-то темное и неизбежное, непонятное и огромное властно захватило его душу и нашло в ней могучий отклик, и это чувство навеки сроднило его с Кавказом.

Это было — соприкосновение двух стихий!

К стихии гор рванулась навстречу стихия его души.

На русской равнине Лермонтову не хватало этого бунта каменных громад, этих вздыбленных скалистых утесов, этого разреженного хрустального воздуха. На Кавказе все было по нему: резкий контраст света и тьмы, жара и холода, безоблачной неги и мятежной тоски...

Недаром вслед за ним, сосланным на Кавказ, туда же чудесным образом перелетел и Демон. Поскитавшись, как неродной, в Испании, больше похожей на декорацию (первые редакции поэмы), Демон только в Кавказских горах обрел свое истинное место: *земля* в поэме стала настоящей, живой, нашла свои цвета, запахи, звуки.

Глубокой осенью 1837 года он писал к другу, Святославу Раевскому:

«С тех пор как выехал из России, поверишь ли, я находился до сих пор в беспрерывном странствовании, то на перекладной, то верхом; изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами; ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов. Ел чурек, пил кахетинское даже...

Эпизод из сражения при Валерике.
Рисунок Лермонтова и Гагарина

Здесь, кроме войны, службы нету <...>».

Восток, *колыбель человеческой мудрости*, все больше привлекал Лермонтова, он начал учиться *по-татарски*, строил планы поездок в Мекку, в Персию и далее, но это было несбыточно. Оставалось лишь проситься в экспедицию с Перовским в Хиву...

Кавказ, как всегда, необыкновенно его взбодрил: Лермонтов часто бывал в переходах, наскоро *снимал виды* — зарисовывал примечательные места. Слазил на снеговую Крестовую гору и любовался с вершины зелеными долинами Грузии: «<...> право, я не берусь объяснить или описать этого удивительного чувства: для меня горный воздух — бальзам; хандра к черту, сердце бьется, грудь высоко дышит — ничего и не надо в эту минуту: так сидел бы да смотрел целую жизнь».

Во второй своей ссылке на Кавказ (после дуэли с де Барантом) Лермонтову пришлось уже воевать. Он показал себя отчаянным храбрецом, *удивлял удалью даже старых кавказских джигитов*. При этом был всегда весел, острил; впрочем, шутки, как обычно у него, быстро переходили в *злые сарказмы*. Лермонтову поручили командовать сотней *охотников* — фронтовых разведчиков, и он со своим лихим отрядом сражался самозабвенно, выбирая самые опасные *дела*.

В сентябре 1840 года Лермонтов писал к Алексею Лопухину, что *шатается* все время по горам с отрядом, и поведал про сражение у реки Валерик: «<...> У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, которое продолжалось 6 часов сряду. Нас было около 2000 пехоты, а их до 6 тысяч; и все время дрались штыками. У нас убито до 30 офицеров и до 300 рядовых, а их 600 тел осталось на месте — кажется, хорошо! — вообрази себе, что в овраге, где была потеха, час после дела еще пахло кровью. <...>

Я вошел во вкус войны и уверен, что для человека, который привык к сильным ощущениям этого банка, мало найдется удовольствий, которые не показались бы приторными <...>».

С.А. Раевский.
Акварель Лермонтова. 1835-1837

Но в стихотворении «Валерик», написанном вскоре после сражения, Лермонтов с горечью и отстраненным ужасом ведет рассказ о бессмысленной резне, о *жалком человеке*, беспрерывно враждующим под ясным небом на земле, где *места много всем*. Здесь в поэте говорит не столько ненависть к войне, сколько безмерное, высокое сочувствие к человечеству, к человеческой природе, бессильной перед кровопролитием и самоуничтожением.

Лермонтов смотрел прямо на всякую истину, на всякое чувство — и был беспощадно правдив. Верный воинскому долгу, воспитанному в нем поколениями предков, он без колебаний выполнял должное на войне — и чувствовал *опьянение в бою*. Но он понимал драматизм и трагедию того, что совершают и его собратья на земле, и он сам. Двойное зрение, которым он обладал, показывало ему земную правду в свете небесной истины.

Печорин перед самой дуэлью говорит доктору Вернеру:

«Во мне два человека: один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его; первый, быть может, через час простится с вами и миром, а второй... второй...»

Что же второй?.. — осталось недосказанным: Печорин вдруг прерывает свою речь словами: «Посмотрите, доктор, <...> это, кажется, наши противники».

За него договорил критик Сергей Андреевский:

«Вот этот-то *второй — бессмертный*, сидевший в Печорине, и был поэт Лермонтов, и ни в ком другом из людей той эпохи этого великого человека не сидело».

Философ Петр Перцов в своих афоризмах пишет, что Лермонтов — «<...> лучшее удостоверение человеческого бессмертия. Оно для него не философский постулат и даже не религиозное утверждение, а просто реальное переживание. Ощущение своего «я» и ощущение его неучтожимости сливались для него в одно чувство. Он знал бессмертие раньше, чем наступила смерть».

Другое дело, Лермонтов не мог не понимать, что в своем вечном споре с Богом («Демон», стихотворение «Благодарность» и другие произведения) он испытывает Его терпение и рискует жизнью.

Но какова суть его «распри» со Всевышним? «Лермонтов тем, главным образом, отличается от Пушкина, что у него человеческое начало автономно и стоит равноправно с божественным. Он говорит с Богом, как равный с равным, — и так никто не умел говорить <...>. Именно это и тянет к нему: человек узнает через него свою божественность», — писал Петр Перцов. Философ развивает свою мысль: «У Гоголя — еще природный человек, — в вечном смятении перед Богом, как ветхозаветный иудей. Только у Лермонтова он — сын Божий, и не боится Отца, потому что «совершенная любовь исключает страх»»...

Разумеется, береженого Бог бережет. Однако поэту, похоже, хотелось знать больше: а сбережет ли Бог его, не желающего беречься? Он готов был принять все, что ему велено, — потому и жил мгновением.

Весной 1840 года вышел в свет «Герой нашего времени». Поразительно отличие этого замечательного романа от той прозы, что еще недавно выходила из-под пера Лермонтова («Вадим», «Княгиня Лиговская»). У современников поэта роман вызвал восхищение. Николай Гоголь заметил: «Никто еще не писал у нас такою правильною, прекрасною и благоуханною прозой». Виссарион Белинский сказал о «Тамани», что, если ее цитировать, то лишь всю, от слова до слова: «<...> это словно какое-то лирическое стихотворение». Сергей Аксаков писал Гоголю, что находит в романе большое достоинство и добавил: «Живо помню слова ваши, что Лермонтов прозаик будет выше Лермонтова стихотворца».

Около двух столетий прошло с тех пор, а роман, сколько его не перечитывай, все так же свеж, стремителен, захватывающе привлекателен, глубок и по-прежнему блещет живостью, красками, поэзией, умом, юмором, трезвостью оценок, как будто бы написан вчера, — и по языку своему нисколько не устарел. Иван Бунин вспоминает, что Антон Павлович Чехов с восторгом говорил о «Тамани»: «Не могу понять... как мог он, будучи мальчиком, сделать это! Вот бы написать такую вещь <...>, тогда бы и умереть можно!»

Лев Толстой приоткрыл одну из тайн прозы Лермонтова. В пору своей литературной молодости, когда он упорно работал над созданием собственного стиля, Лев Николаевич записал в дневнике: «Я читал «Капитанскую дочку», — и увы! должен сознаться, что теперь уже проза Пушкина стара не слогом, но манерой изложения. Теперь справедливо — в новом направлении интерес подробностей чувства заменяет интерес самых событий... Повести Пушкина голы как-то».

Интерес подробностей чувства — это явно под впечатлением от образа мыслей Печорина, от его самопризнаний...

Примером исключительной требовательности к самому себе стала первая книга стихов Лермонтова, вышедшая осенью 1840 года. Всего 26 стихотворений — но зато каких: сплошные шедевры! — и две поэмы («Мцыри», «Песня про <...> купца Калашникова»). А ведь к тому времени у Лермонтова было написано около 400 стихотворений и 30 поэм...

Откровением стали последние стихи поэта, написанные уже после книги. Он открывает в природе — человека, его макрокосмос; очеловечивает ее. Когда-то в молодости он сказал: «Нет женского взора, которого бы я не забыл при виде голубого неба». Теперь, в предчувствии вечной разлуки, он постигает тайную жизнь всего *творения*: ему больно за камни («Спор»), за растения («Три пальмы»), за воду и ее олицетворение («Морская царевна»). В удивительном стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» печаль отрешенности от земного соединяется с завораживающей полнотой чувства жизни. Тут сказано несказанное про вечную жизнь, которою живет человеческая душа на земле. Тут все земное смыкается с небесным и растворяется в нем, душа переходит в дух, как земля в небо. Лермонтовский пророк из одноименного стихотворения, возможно, самого последнего, — со скорбью уходит от людей, не понявших его чистых учений любви и правды.

Не оттого ли поэт так беспощадно обличал человеческую порочность, что всегда был причастен *живой тайне Божией*.

И *тайна* эта — насквозь религиозна: духом, самой тонкой тканью своей.

Петр Перцов определял:

«Если считать существом религиозности непосредственное ощущение Божественного элемента в мире — чувство Бога, то Лермонтов — самый религиозный русский писатель. Его поэзия — самая весенняя в нашей литературе, — и, вместе, самая воскресная. Отблеск пасхального утра лежит на этой поэзии, вся «мятежность» которой так полна религиозной уверенности».

Мистика, как мерцающее, светящееся таинственным светом облако, всегда окружала имя Лермонтова.

Его загадочную судьбу, напоенное тайнами творчество еще долгие и долгие годы будут осмысливать и постигать люди.

С тех пор как неизвестно куда отлетела эта великая душа, земля словно одушевлена, словно отаинствована ею. И наше слово, наша словесность, наши души — разве не изменились под неповторимым ее и неизбывным, вечным уже излучением! Сам состав *русской души* — переменился в чем-то под воздействием души лермонтовской.

Всем своим существом Лермонтов влился в то, что называется *русским духом*, стал его составной частью, духовной опорой в дальнейшем пути русского народа да и всех людей на земле.

Душа поэта — осознается это или нет кем-либо, да и всеми нами — живет в наших душах, в нашей жизни. И навсегда останется жить.

Александр Сергеевич Высотин *родился в 1936 году в селе Криуша Панинского района Воронежской области. Окончил отделение журналистики Воронежского государственного университета. Работал в районных и областных газетах, собкором газеты «Труд». Публиковался в коллективных сборниках публицистики и прозы, в журнале «Подъём». Член Союза журналистов России. Живет в Воронеже.*

Александр Высотин

«НЕ КОНЧИВ ПЕСНИ ЛЕБЕДИНОЙ...»

В августе 1841 года в воронежском селе Анна (сегодня — рабочий поселок Анна, административный центр Аннинского района) Евдокия Ростопчина написала стихотворение «Нашим будущим поэтам»:

...Не просто, не в тиши,
не мирною кончиной, —
Но преждевременно,
противника рукой —
Поэты русские свершают жребий свой...
Не кончив песни лебединой!..

Село Анна.
22 августа 1841 г.

Все это могло быть написано в другом месте. Воронежское село Анна — как случайность в российском мироздании. Но душу греет — все-таки у нас написано...

Поэта Михаила Лермонтова нет в живых — убит, на дуэли в Пятигорске. Время сороковин. Дата — как свидетельство под стихотворением.

Две души искренно скорбят: бабушка Елизавета Алексеевна в Москве и Евдокия Ростопчина, некогда молоденькая, утонченная в стане, черноволосая Додо Сушкова, прозванная так в детстве Мишелем Лермонтовым, теперь иная, в воронежском селе Анна написавшая стихотворение «Нашим будущим поэтам».

Ничего необычного в появлении стихотворения нет, поэтов связывала сердечная дружба, если не знать одного опасного факта. После смерти Лермонтова дан запрет на публикацию

материалов биографии Михаила Юрьевича Лермонтова, запрет, который просуществовал до 1855 года, то есть до того года, когда умер император Николай I. И вот вопреки властному запрету — стихотворение. Малому ребенку только не понятно, о ком и о чем женская надрывная отповедь, переплавленная в четыре гневные скорбные поэтические строчки, и другие далее, но главные эти четыре…

Ах, да что там запрет для Евдокии Ростопчиной, не потому как графиня, для нее тоже существовал определенный кодекс наказанья, была же высылка в село Анна за стихотворение «Насильный брак», которое, что там говорить, излишне политизировали тогдашние революционные демократы.

А теперь что? Отлучение светским обществом? Боится ли поэт Ростопчина быть отлученной от светского общества? Вовсе нет. Это сам свет нуждается в ней. Пусть, что о ней уже посудачили достаточно, поводов давала более чем, но без графини Евдокии Ростопчиной салон не салон, нет притягивающей тайны, нет некоего магнетического действа.

Ею написанные книги, пиесы, которые идут в театрах, какое любопытство потолковать с самой «авторшей», какой повод покрасоваться в знатоках, затеять разговор, в салонном разговоре все как на балетных пуантах…

А стихи… Они тогда не слагались, словно в наказанье легкая летящая рифма оставляла ее… Может быть, потому что не сложилась семейная жизнь, при всех внешних приметах ее существования, изначально не было взволнованности, какого-то подобия кружения головы. А затем Евдокия, как женщина, устала. Нелюбимый муж-мот. Общий дом, да что там дом! — дворец, салон Ростопчиных на всю престольную. Две внебрачные дочки от Андрея Карамзина, сына знаменитого писателя и историка. Не случайность, не привязанность — любовь! А с ней надежда на что-то, которая уже не давала гореть сердцу, но литературному пристрастию не давала замереть… Не раз воскрешались надежды и гасли. Уже порой *«Мои мечты привыкли к думе погребальной…»* Нет, она не скучающая графиня, она — поэт. К тому же салон Ростопчиных для некоторых не только лишь посплетничать. Сюда вхожи были Пушкин, Гоголь, Крылов, Тютчев, Щепкин, Брюллов, Глинка, Федотов, Тропинин…

Но всю свою поэтическую жизнь Додо Сушкова будет прятать того — Единственного, Таинственного, Любимого. Был ли он? Или это вечный образ Любви? Двоюродная сестра проговорится, то ли случайно, то ли с расчетом, что перед свадьбой Евдокия с отчаянием говорила о своей пламенной и неизменной любви к другому. Был ли он в самом деле, или то был девичий поэтичный призрак любви? Да так ли важно это будет другим? Все равно будут петь, вкладывая свое. Кто беспечно, как романс, как признание в любви, кто — как горькое признание в любви желанной, но не свершившейся, когда уже поется не голосом, а сердцем, надрывом существа, чувствами:

Когда б он знал,
как страстно и как нежно
Он, мой кумир,
рабой своей любим…
Когда б он знал,
что в грусти безнадежной
Увяну я, непонятая им!..
Когда б он знал!

Век был девятнадцатый, могли и увянуть от тоски, не то, что теперь, когда могут просто сказать «Отвали!»

Таковы нравы… Да не судимы будем…

А вот завет — точно по адресу. Той, кто его будет любить. Ею оказалась красавица Аврора Демидова, избранница Андрея Карамзина. От тех времен остались

строки, которые читавшие читатели принимают за обычную лирику Ростопчиной. А там все — сердце нежное и в пламени и ранах, в прощении за женскую докуку, в святом завете хранить любимого Андрея:

Прости же ты, — мой незабвенный!
Немое горе и в душе
Воспоминаний ряд бесценный —
Вот все, что остается мне!
Прости, прости!.. Одной мольбою,
Одним желаньем о тебе
Я буду докучать судьбе:
Чтобы избранная тобою
Любить умела бы, как я…
Чтоб ты был счастлив без меня!

Ничего не осталось, одни воспоминания о былом счастье — как призрак, как туман, как ничто, кроме чувства, что лишь высшей мерою дается, да сердечным заветом «любить умела бы, как я».

Почти примерно в то же время, суть не в том, совпали или нет по времени, главное, что совпали по чувству, другие стихи, обращенные тоже к любимому лицу, но ставшему чужим.

По существу Лермонтов мало того, что умер молодым, *«но, если вычесть годы без любви, // то он умер очень, очень молодым»*. Умер без любви.

Стихи же его, даже когда они не к ней, а к той, кто чем-то напоминает ее черты, полны сдержанного мужского плача, полны поиска любимого лица в чертах похожих и непохожих, но так дорогих, близких. Любимых до каждой веснушки, до каждой черточки, до блеснувшего озорно или приветливо, ах, какая разница, лишь бы с намеком любви или предчувствия любви, но именно бы та… та, единственная, неповторимая ни в ком. И больше ничего, ничего, на этом огромнейшем мире увидеть в другой — только Свою!.. Желанную. Ожидаемую. Всюду. Везде. Всегда. В единственном лице, но уже отчужденном, как умершем:

Я говорю с подругой юных лет,
В твоих чертах ищу черты другие,
В твоих живых устах давно немые
В глазах огонь угаснувших очей.

Но будет общее жуткое понимание ими той несправедливости, если иметь в виду Додо Сушкову и Мишеля Лермонтова, что с ними случилось, хотя и по разным причинам и обстоятельствам, но приведших к одному и тому же финалу, когда «и скучно, и грустно». Их обманули те же сны. Кроме поэзии, где сон оказался в руку. Неужели такой платой нужно было им платить? Неужели это действовал один и тот же единственный на все времена закон, когда «строки нахлынут горлом и убьют»? Неужели это всегда так, когда поэзия так высока…

Признанный, и высоких слов об этом сказано не меньше, чем он их написал, признанный, но так в течение времени без него и непостижимый по глубине философской мысли, космическому ее масштабу, пронзительности до мельчайших чувств души поэт Михаил Лермонтов… Каждое поколение примеряет его творчество к своему менталитету, надобности, особенно надобности политической, идеологической. Все маскарады вокруг Демона, Арбенина, Печорина, разговоры, разговоры катятся, что отразили и не отразили эти и другие персонажи, вплоть до слепого мальчика в Тамани. А что-то истинное течет, как вода сквозь пальцы. Может быть, потому, что так истинно велик?! А если все это была только основа к большим литературным полотнам, то не стыдно и пустить слезу: ах, что же ты наделала, проклятая пуля, пущенная подлецом Мартыновым. Никому не узнать,

При Валерике. *Рисунок Лермонтова*

что мог бы написать настоящий сын своей Отчизны, любивший ее, пусть и странною любовью.

...В первоначальной строке стихотворения Михаила Юрьевича «Родина» («Люблю Отчизну я, но странною любовью!») два последних слова произносятся сами собой. Дальше, подхваченный тихим, с мощью в глубине, течением, в котором ты, и полагающийся на себя пловец и подданный водной стихии, подхваченный ритмикой стиха, неведомой притягательностью поэтических слов, плывешь-читаешь: *«Ее степей холодное молчанье, // Ее лесов безбрежных колыханье, // Разливы рек ее, подобные морям»*. И далее буквально с повлажневшими глазами читаешь про «дрожащие огни печальных деревень», «дымок спаленной жнивы», и строчку, что в свое время журналистская братия эксплуатировала сверх меры — «Чету белеющих берез»...

Но сколько ни перечитывай, все останется, как обозначил Михаил Юрьевич Лермонтов:

Люблю Отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой...

Когда же действа — чтение «на одном дыхании», плавь на стремнине — как одно прекрасное мгновение, заканчиваются, сразу вспоминаются два загадочно сочетающих слова *«странною любовью»*.

Ведь люблю! Однако, странно!.. Но ведь любовью! Однако, странною!.. Остановимся на том, как в статье «К столетию со дня смерти Лермонтова» определил Андрей Платонов: «Недостаток рассудка возмещен поэзией»...

Поэт Лермонтов для людей советского поколения — только: «А он мятежный просит бури»? Всюду, в том числе и в предисловии к четырехтомнику, с трудом приобретенном по подписке в 1986 году, прочитаешь, поверишь, затвердишь... За несколько месяцев до гибели поэт свои чувства о народе раскроет в гениальном стихотворении «Родина»... Лермонтову вслед за Пушкиным открылась великая истина: Россия не едина, давно произошел раскол нации на «простой народ» и господ. В стихотворении «Прощай, немытая Россия» он эту мысль сформулировал афористически: «страна рабов, страна господ». В «Родине» он выразил свою любовь именно к этой истинной родине — крестьянской, народной...

Если это истинно так, то тогда еще загадочней становится с окоема сегодняшнего дня обозначение «странной любви». Какая же это странность, в которой все ясно: «он выразил свою любовь именно к этой истинной родине — крестьянской, народной», где критерий ее, так получается? — «пляска с топаньем и свистом под говор пьяных мужичков»? А если освободиться от прежнего идеологического прессинга, что же сегодня-то мешает взглянуть на Лермонтова, прежде, не как на великого поэта, которому все заранее ясно и понятно, а как на простого человека. Такого же, как многие из нас, оказавшегося в затруднительной ситуации: *«люблю за что, не знаю сам»*. Тогда и сам дерзнешь, в кои-то веки, хотя бы попытаться разобраться в том, есть ли в тебе это чувство любви к Отчизне, и если эта любовь вдруг обнаружена, то на чем она зиждется?

Нелегко человеку понять, что такое истинно Родина, что значит любить ее. «Темна водица в облацех», ой, темна...

Предупредительно об этом русский гуманист, религиозный философ Сергий Булгаков говорил: «Родина есть священная тайна каждого человека, так же, как и его рождение... Теми же таинственными и неисследованными связями, которыми соединяется он через лоно матери со своими предками и прикрепляется ко всему человеческому древу, он связан через родину и с материю-землей и со всем Божиим творением... Нужно особое проникновение, может быть, самое трудное и глубокое, чтобы познать самого себя в своей природной индивидуальности, уметь полюбить свое, род и родину, постигнуть в ней себя».

Естественно, не по плечу сделать то, что сделал поэт Лермонтов, когда открыто, честно объявил всему свету, что *«слава, купленная кровью»*, *«старины заветные преданья»* по неведомой ему причине не трогают его сердце, не вызывают в уме «отрадного мечтанья». Объявил, не боясь снова «попасть в историю». Хотя он уже хлебнул сполна и за стихотворение «Погиб поэт! — невольник чести», и не менее того — за роман «Герой нашего времени». «Героем» Лермонтов сильно разочаровал самого императора Николая I, который поначалу принял за героя «своего» времени Максима Максимовича, а, поняв, что дело не так, буквально вознегодовал на автора и в полной мере использовал властный административный ресурс.

Это в наше время пытаются «попасть в историю», гоняясь за сомнительной славой, а в то упомянутое время «попасть в историю» было опасным занятием, потому что...

О! история у нас вещь ужасная; благородно или низко вы поступили, правы или нет, могли избежать или не могли, но ваше имя замешано в истории... все равно, вы теряете все: расположение общества, карьеру, уважение друзей... Попасть в историю! Ужаснее этого ничего не может быть, как бы эта история ни кончилась!..

Лермонтов не скрывает, что *«с отрадой»* готов всматриваться в простенькие атрибуты родины: *«полное гумно, // Избу, покрытую соломой, // С резными ставнями окно»*...

О том, что готов всматриваться в простенькие атрибуты родины и быть счастливым до небесного прозрения, Михаил Юрьевич сказал еще раньше, первой строкой стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива», завершив:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога...

Чтобы в юбилей, особенно после юбилея, как реставраторам, которые снимают следы побелки или слои штукатурки, добираясь до подлинника, поступать и нам. Прежде восторгаться, а потом уже «думать и страдать». Сказано не мною, но воспользуюсь одним верным заключением: «Это и есть непресечение русской традиции в литературе и искусстве наделения ближних Прекрасным, а Красота и есть одна из Господних Ипостасей».

В самом деле, все-таки поэзия — не прокламации...

Чтобы читать, забыв все предписания, читать с детским восторгом:

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрыпит...

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...

Вот именно так: «скрыпит»...

Чтобы увидеть прежде — белый парус, игру стихии, краски Божьего света. И таким увидеть, каким он есть на акварели Михаила Юрьевича «Морской пейзаж», маленьким игрушечным...

Хорошим подарком к 200-летию со дня рождения Лермонтова явилось издание книги Владимира Бондаренко «Мифический гений», избавляющая от совершенно некорректных, ненормальных, неприличных, неуважительных версий-мистификаций «об отцовстве» ребенка, о невыносимо дурном характере поэта и высоких нравственных качествах убийцы Мартынова, о приписанном авторстве стихотворения «Прощай, немытая Россия», и многое, многое другое... И остается согласиться с тем, что сказал автор в предисловии: пока все еще мнение о Лермонтове «даже в литературной среде или негативное или какое-то сомнительное. Мол, погиб и поделом».

Может быть, со временем человечество поймет, а, может быть, так и не поймет, какое бремя страданий было взвалено несправедливой судьбою на сердце и ум этого 26-летнего юноши. Юноши не по летам. По нежности характера. А ведь величина его таланта была равна величине его личности. Все, что говорят о Лермонтове, его характере, есть лишь относительная правда. Кто из нас, будучи в водовороте жизни, остался сухим? То-то же. И эта желчь, а она тоже была, но не выше его человеческих добрых качеств. Почему-то судьба, как ни к кому другому, была так жестока к нему с самого рождения, с первого вскрика. С рожденья. Столыпины и богаты и знатны. А единственная дочь Машенька выходит замуж за отставного капитана Лермонтова. В двадцать два года угасает от чахотки, сыну нет и трех лет, а бабушке сорок четыре. Отец отлучен, что он может ему дать и чему научить, так считает Елизавета Салтыкова? Не нам судить, да и не к чему теперь. Будем помнить: единственно она не то, чтобы все внуку, она — в с я внуку.

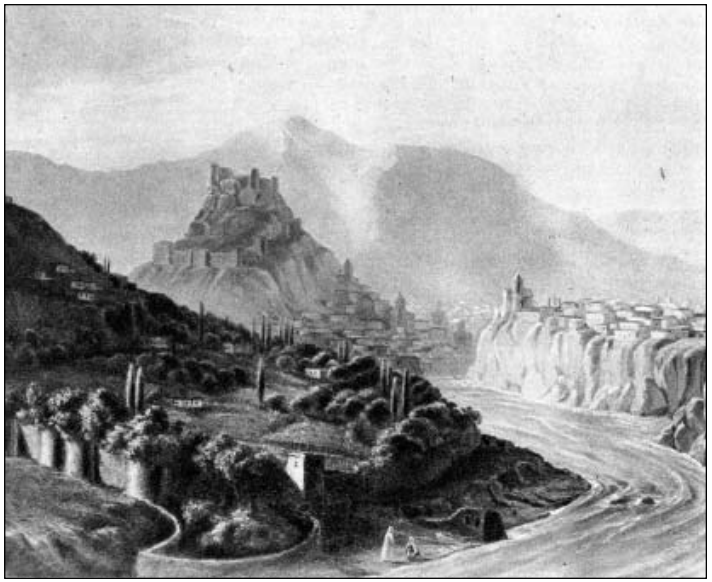
Ростопчина, верный друг Лермонтова, точнее этого многословия сказала:

Но есть заступница родная,
С заслугою преклонных лет:
Она ему конец всех бед
У неба вымолит, рыдая...

Нет, не вымолила, когда четыре мальчишки, не по возрасту, а по неведению что творят. Трубецкой и Столыпин всего на два года старше Лермонтова, но сущие дети, Васильчиков, тот на четыре года постарше, но и у него не было мысли постараться прервать дуэль. Мартынов? Его давно звали меж собой «свирепым человеком». Да, Лермонтов мог бы погибнуть, как и каждый из нас, от любой случайности, но то была бы другая история. Заплачем теми же слезами, какими заплакал комендант Пятигорской крепости Ильяшенко: «Мальчишки, мальчишки, убей меня бог! Что вы наделали, кого вы убили!..»

Он, умеющий любить, ушел никем истинно не любимый из женщин. Вспомним не слова, а его собственную молитву, молитву отчасти дерзкую, но всепрощающую, поскольку она — для другой:

Я, матерь божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,



Тифлис. *Картина Лермонтова*

Не за свою молю душу, пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.
Окружи счастием душу достойную...

...Ростопчина умрет на семнадцать лет позже, но и ей эти годы лишь как счет времени: «живу и живу...»

Лермонтов напишет перед гибельным отъездом на Кавказ в альбом Ростопчиной спонтанный стишок, назовем его так, строки которого станут жемчужиной русской лирики:

Я верю: под одной звездою
Мы с вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны...
.....
Предвидя вечную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать;
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную встречать...

Сны были, может быть, почти по-детски одинаковы, и обманули одинаково. Собственно говоря, не сны, а бытие...

А бытие было такое похожее...

Сиротство для одного, как и сиротство для другой, пусть и при полной обеспеченности.

Бабушка и дед, как могли, скрашивали сиротство Евдокии Сушковой из московской дворянской семьи, жившей возле Чистых прудов. В десять лет она начнет писать стишки — неприличное занятие для девочки-дворянки. Ее то ругают, то

ею же удивляют большую родню. Знакомства Сушковых по-московски обширны. Однажды поэт Петр Вяземский взял листок, исписанный детским, но твердым почерком, и показал Дельвигу. Тот удивился, но стихи напечатал, правда, без фамилии автора. Дельвиг подумал, мало ли что? Вдруг случайность, озарение, детский всплеск, как пришло — так и уйдет. Но Евдокия, бродя по тенистому саду, ощущая сиреневый холодноватый запах, словно ощущала каждым нервическим движением, что «*удел таинственный в нем мне что-то предвещало*».

В те годы с Евдокией и подружился подросток с сумрачными глазами — Мишель Лермонтов…

На одном из маскарадных вечеров ее из толпы отметил своим вниманием взрослый человек. То был Пушкин. Евдокия не была истинной красавицей. Но живость движений, неподдельная радость мигу жизни тогда так были присущи Додо…

Жуковский по одному ему ведомому чувству после гибели поэта подарил только Евдокии Сушковой тетрадь Александра Сергеевича, которую тот не успел заполнить до конца. «Книга-сирота» была почему-то предназначена Евдокии Сушковой с условием заполнить ее стихами. С трепетом она взялась за эту непосильную для девочки проблему и — справилась. Не альбомные стишки «Люби меня, как я тебя, и будем вечные друзья», а сразу с трепетом и придыханием:

…и мне сей дар! —
мне слабой, недостойной,
Мой сердца духовник
пришел его вручить.
Мне песнью робкою,
неопытной, нестройной
Стих чудный Пушкина
велел он заменить!

Странно, заметили современники, а что здесь странного, ведь не женщина, а поэт. Но Додо Сушкова «не заметила» своего превращения в графиню Ростопчину. Заметила, что на время рассталась с Музой, что-то прежнее теряется в ней, что почти не помнит ту свадебную «весну без соловья, весну без вдохновенья, весну без ландышей…»

Потом снова вернется к стихам, к этой не заканчиваемой дуэли с поэтическим словом:

Вы думали, что стих мой страстный
Легко, шутя достался мне
И что не куплен он в борьбе,
Борьбе мучительной, ужасной.

Борьба, к счастью, была словесной. Какую-то часть молодости, поддавшись порыву, она начинала писать про декабристов, откликаясь на общественные запросы времени, про все то, что именуется «политикой» даже в легком значении этого слова. Потом все было решительно отметено в пользу русской литературы и поэзии.

В воронежском селе Анне обретается Евдокия Ростопчина временами…

Русской глуши с ее безвестными деревеньками вдруг да и суждено бывать судьбоносными в литературе: Михайловское… Спасское…

В Анне в распоряжении графини был великолепный, чудесный, с примесью очарования и простоты русской природы дворцово-парковый ансамбль…

Здесь Ростопчина написала первую книгу прозы, продолжила заниматься стихотворчеством. Один за другим появляются романы в стихах и прозе. Об этом достаточно емко недавно писал в журнале «Подъём» воронежский писатель Виталий Жихарев. Добавлю лишь, что имя Ростопчиной тогда не сходило и с афиш знаменитых театров — Малого и Александринки. Ни один из столичных журналов не выходил без ростопчинских стихов и прозы.

Все средства от издания своих произведений Евдокия Петровна передавала на благотворительные цели, помогала начинающим поэтам…

Ее называли «первейший талант».

И — пиковой графиней, давшей много поводов для злословья и сплетен.

Ее обожали театралки, студенчество.

Ее многие одновременно и ненавидели — за прямой до дерзости нрав, за неохоту соврать о себе и других ни в стихах, ни в прозе, ни даже в случайном разговоре. Во всем она оставалась Додо Сушкова.

«Я одна из последних пожала ему руку», — вспоминала потом Евдокия Петровна о Михаиле Лермонтове. Думала — до скорой встречи. Вышло — до вечной разлуки. Лермонтов уходил собранный, сдержанный, но беспокойный, полный мрачных предчувствий, не скрывал, что предчувствует свою смерть. У нее самой сжималось сердце, но она старалась не подавать виду. И позже написанная строчка «Он вернется невредим», как заклинанье не помогла. Об этом заклинании она с русским экстазом скажет Александру Дюма.

Тот, путешествуя по России, после Нижегородской ярмарки и других экзотических для иностранца мест, пожелал видеть знаменитую Ростопчину. Все пошло не так, как и обычно шло не так. Но там больше стремительно, многоголосно, даже крикливо. Во всех этих русских местах, где заядлый сердцеед успевал посматривать на женский пол, не минуя и озорных русских девок. Здесь до графини путь оказался долог по дворцу… Запущенный дом, полупустые комнаты, графиня среди зловещего царства дивана, обложенная подушками. Но стоило ей только заговорить и…

Дюма забыл о своем сожалении, что напросился на визит в этот странный московский дом. Даже сам великий говорун затих, слушая, слушая.

Они решили переписываться для осуществления нескольких проектов, чтобы французам открылись гении России…

Первое ее письмо было о Лермонтове, она спешила, чтобы сны о нем не ушли вместе с ней. Сны уходят — поэзия остается, она спешила передать то зыбкое, чувственное, что несла в себе поэзия друга…

К письму была приложена маленькая записка. Ласковая, Нежная, Живая. Дюма удивила в ней последняя фраза: «Когда вы получите мое письмо, я буду мертва».

Дюма посмотрел на штемпель: письмо, догоняя его в странствиях, долго плутало…

Завершался 1858 год.

Письмо не обмануло — Евдокии Ростопчиной не было в живых…

Белеет парус одинокий…
Когда б он знал…
Сквозь туман кремнистый путь блестит…
Женская душа должна светиться…

Вечны стихи, как стихия…

Эдуард Петрович Ефремов родился в 1946 году в селе Козловка Бутурлиновского района Воронежской области. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Собственный корреспондент газеты «Сельская жизнь». Автор многих проблемных публикаций на темы культуры, пьесы «По минному полю», поставленной на сцене Воронежского театра юного зрителя. Живет в Воронеже.

Эдуард Ефремов

БЫЛА БЫ РОДИНА... С БОРОДИНО

(Легендарное стихотворение в образах Георгия Акатова)

С этим странным «героем» не из нашего времени мы в 1962-1967 годы учились в Воронежском госуниверситете параллельно — он на математико-механическом факультете, ваш покорный слуга — на филологическом. Георгий Акатов как бы приглядывался к тому или иному студенческому собратству, но ни к кому по-серьезному не примыкал. По касательной — с поэтами, бардами, художниками, альпинистами и туристами... Робкий, некоммуникабельный — в принципе и в памяти особо не остался. Ушел с головой в науку. А голова у него работала так, что даже в соседних отделах завода «Электросигнал» инженеры толком не знали, чем занимается «сверхзасекреченный» Акатов. Сотрудничал с вычислительным центром госуниверситета. Круг интересов — информатика и программирование.

Спутницу жизни, Елену Сазанову, встретил поздно. Четыре года назад внезапно умер. Елена начала разбирать стопы бумаг и ахнула! Что ни лист — шедевр! Она и не подозревала, что жила рядом с исключительно талантливым человеком. Его опыты как художника и стали основой первой выставки — «Миры Георгия Акатова». Однако что об увиденном можно было сказать? Только поумничать. Так бы и канул в небытие «заумный» Георгий, если бы не Татьяна Аркадьевна Пяточенко, дочь Аркадия Васильева, одного из лучших художников «старой школы» Воронежа. У него «тихий мальчик Жора» брал уроки, посещал студию.

— Папа его очень ценил и прочил ему будущее большого художника... Он к нам изредка заходил, дарил очень точные, остроумные наброски «из альбома». Но вот тем, что мне на днях принесла Елена, вдова Георгия, я просто-напросто потрясена! Это надо видеть...

«Это надо видеть...» Наследие Георгия Акатова, действительно, надо изучать, открывать его не только для ценителей искусства, но даже для его близких друзей, сокурсников, сотрудников вычислительного центра, отделов завода «Электросигнал», ученых и педагогов агроуниверситета, где он с начала «перестройки» занимался программированием.

Вячеслав Иванович Котарев, нынешний ректор ВГАУ, почитатель поэзии Лермонтова, считает необходимым издать альбом работ художника и поэта Акатова. Георгий писал неплохие стихи, переводил Гейне на русский язык и Лермонтова — на немецкий. Кроме немецкого, в совершенстве знал еще несколько языков.

Сегодня в журнале представляется частица того, чем жил Георгий. У всех со школьных лет отложилось лермонтовское «Бородино», проиллюстрированное в разные годы известными российскими художниками. И вот перед вами книжечка, «выпущенная» в единственном экземпляре Георгием Акатовым. Это далеко не импровизации на классический текст, а соавторство с поэтом, сопереживание вместе с ним. Колоссальная внутренняя работа. Он так же, как и Лермонтов, не философствуя, отвечает на извечный русский вопрос «Что делать?» Отвечает своим творческим проникновением в стихотворение «Бородино»:

...Да, были люди в наше время, —
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!

...Не считающие себя героями, а всего-то — исполнителями воли Божьей:

Не будь на то Господня воля,
Не отдали б Москвы.

Извечные богатыри, исповедующие одну веру с любовью к Отечеству...

Однокурсник и друг Георгия, профессор, математик международного уровня Владимир Костин, увидев рисунки Акатова, не поверил глазам своим:

— Мы же с ним и по линии творчества сотрудничали — оформляли факультетские выступления на «Университетских веснах». Ничего особенного... Правда, однажды в старом «красном» корпусе задержались, где нам под оформительские работы выделили аудиторию на ночь. С заданием справились быстро — можно идти домой, а Жоре так понравились стены на фоне пейзажа за окном, что он, молча, вдохновенно начал эти стены расписывать! Я в ужас пришел: «Что ты делаешь?! Нас же за это самоуправство по головке не погладят!»

Но пришлось до рассвета быть у него подмастерьем. Долгие годы именно эта аудитория (сейчас там читальный зал библиотеки) была в университете наполнена особым смыслом, который несли в себе рисунки не оформителя, а настоящего художника...

И вот неожиданное его «Бородино», из вечности пришедшее в повседневность и навечно в этой повседневности для славного будущего России оставлено.

Только теперь ясно, насколько он был требовательным к себе. Ничто не считал доведенным до совершенства, поэтому и не выходил со своим прочтением русской, немецкой, французской, итальянской, испанской и английской классики на суд общественности...

Великая сила поэтического слова, дававшая нам крылья сызмальства и на всю жизнь. Мой дед, когда служил в Питере, в массовых сценах пел вместе с Шаляпиным. Бас у Петра Степаныча был незаурядный. Вернулся в Козловку Бутурлиновского района, пел в церковном хоре, затем возглавил хор, в репертуаре которого были не только народные песни, но и произведения, исполнявшиеся в Мариинском театре. Зачастую репетиции проходили в доме моего деда.

Торжественная священная тишина. Как перед молитвой, решающей судьбу. И вдруг тихо — то ли с неба, то ли от ветра за окном и опускающейся темени ночи:

«Скажи-ка, дядя, ведь не даром...»

Затем — ударила искра! Не пожар по земле, а превращение в песню незримой силы духа сидящих передо мною дедов. Один сообщает новость — «Москва французу отдана» — остальные повторяют на разные голоса (выше, ниже: соловьи на рассвете, гром небесный — надо, братцы, разобраться!). Постепенно все выстраивается, и пошли, пошли, ведомые Господом (Его же во всем воля — манера церковного песнопения в сочетании с маршевыми переливами это передавала предельно точно)...

Вот он, кто поведет за собой:

«Полковник наш рожден был хватом...» За ним — вперед! «И залпы тысячи орудий слились в протяжный вой!..»

Мы вырастали все из таких вот песен, стихов. И среди нас был Жора Акатов. Его «Бородино», я считаю, необходимо красочно издать: не просто как дань Лермонтову и памяти безвременно ушедшего художника, но и как наследство от нашего поколения детям, внукам нашим. У каждого должно быть свое «Бородино». В жестокий смертоносный декабрь 1942 года Михаил Кульчицкий, как никто иной, точно передал лермонтовскую суть подвига и обыденности:

Не до ордена. Была бы Родина
С ежедневными Бородино.

Михаил Юрьевич в своих записках оставил точное определение причин готовности на ежедневный подвиг и стремление быть «героем нашего времени»:

«Как прежде люди были просты: они знали только то, чему учились. Ныне, ничему не учась, все знают».

Великий Лев Толстой так осознал для себя роль лермонтовского стихотворения: «Бородино» Лермонтова было зерном, из которого вырос роман «Война и мир».

...Теперь мы имеем возможность видением Георгия Акатова открывать для себя Лермонтова, Пушкина, историю России, свое место на земле. Наследие им оставлено богатейшее.

Работы Акатова помогла отсканировать и подготовить к печати Елена Михайлова, работавшая с Георгием в вычислительном центре ВГУ.

Петр Дёмкин

ВСЕ ПАМЯТНИКИ В СБОРЕ

(Уникальный каталог Валерия Кононова)

Журнал «Черноземочка» (главный редактор И. Шукшов, редактор А. Марченко) выпускает одну из самых востребованных серий брошюр, автором которых является известный воронежский краевед Валерий Кононов — «История воронежского памятника». Достойным событием в канун 200-летия со дня рождения великого русского поэта стал 48-страничный каталог «Памятники и мемориальные доски М.Ю. Лермонтову».

Это издание, несомненно, из тех, что дают основу энциклопедических знаний, которая пробуждает интерес к изучению того или иного вопроса. Впервые предпринята каталогизация памятников и мемориальных досок поэту, установленных более чем за полтора столетия. Дана интересная информация и фотографии о 51 памятнике и 15 мемориальных досках.

Листаешь — одно созерцание иллюстраций дает представление о памятных вехах жизни русского гения, значимости силы его слова в истории Отечества.

Первый памятник в Москве был открыт в 1965 году — на месте дома, в котором в октябре 1814 года родился будущий поэт. Ныне только одна Москва воздвигла Михаилу Юрьевичу три памятника. А первый в мире памятник Лермонтову был открыт в 1889 году в Пятигорске. Кавказ немыслим без этого свободолюбивого поручика, который пришел на смену убитому на Черной речке Пушкину. Валерий Иванович дает любопытные штрихи, связывающие великих сынов России. И первый, и второй царями за свою поэтическую дерзость ссылались на Кавказ. Оба влюбились в суровый край монументальных гор и в — под стать им — характеры местных жителей. Оба погибли не в сражениях, а подло убиты на дуэлях. Первый в мире памятник Пушкину (1880 г.) А. Опекушина победил в многотуровой борьбе конкурентов. Через девять лет Опекушин в длительном конкурсе (три тура) побеждает в праве на установку памятника в Пятигорске.

Лермонтов бывал в Воронеже, у друга Потапова в Семидубравном — Кононов один из тех, кто не единожды ставил вопрос об установке памятника поэту в нашем городе. Все предпосылки в год 200-летия рождения Михаила Юрьевича были. Руководство не против. Даже деньги имелись. Но по разным причинам решение вопроса затягивалось. Поэтому и не попал пока в каталог так ожидаемый в Воронеже Лермонтов в бронзе или граните.

Каталог дает представление — почти каждый памятник Лермонтову особый, запоминающийся, символизирующий в единстве и личность, и эпоху, и историю града. Такие ваятели, как И. Гинцбург, В. Крейтан, А. Голубкина, В. Поляков, А. Бурганов, Э. Можаев, А. Аполлонов, М. Рыдзинская — каждый по-своему, до тончайших деталей выражения лица, донесли до нас живой, именно живой образ гения. А уж что говорить о таких изваяниях, которые принадлежат Б. Микешину, А. Торич, О. Комову, И. Бродскому, В. Стамову, Б. Зотову, А. Мгедлишвили, Н. Ходову…

…Вот интересное решение архитектора Байкова, в 1901 году на месте дуэли соорудившего композицию из… оштукатуренного дерева…

Слиты воедино рода Лермонтовых и Столыпиных. Петр Столыпин происходит из пензенского рода Столыпиных, из которого и бабушка Михаила Юрьевича. Один Словом вел Россию к совершенству своего познания и понимания служения Родине, а второй, будучи премьер-министром царского правительства, Делом предпринял значительные преобразования жизни России и ее крестьянства… «Столыпинская реформа» — одна из ветвей развития духа лермонтовского свободолюбия. За это «преобразователю России» тоже была уготована пуля.

…Книжечки В. Кононова, в особенности «лермонтовская», ценнейшее дополнение не только к школьным учебникам. Ведь все мы с вами должны всю жизнь учиться, познавать новое и извечно ценное.

Сергей Владимирович Соколов *родился в 1958 году в городе Боброве Воронежской области. Окончил Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище. Служил офицером на атомных подводных крейсерах Северного и Тихоокеанского флотов. После ухода в запас работал учителем в родном городе. Публиковался в коллективных сборниках, периодических изданиях России и Украины. Автор книги «Гусиная заря». Член Украинского межрегионального союза писателей. Живет в городе Боброве Воронежской области.*

Сергей Соколов

В САДАХ РАЗЛИВШАЯСЯ НОЧЬ

* * *

К морю синему рвануть бы,
В паровозной дымке тая,
Разрывая чьи-то судьбы,
Чьи-то заново латая.

Чай отхлебывая шумно
И помешивая ложкой,
Окунуться вдруг бездумно
В мир дорожного окошка.

И уснуть в купе вагонном,
Как младенец, от болтанки,
Провожая взглядом сонным
Города и полустанки.

После водочки хорошей
Взять бутылочку к обеду,
Как на исповеди Божьей
Отпустив грехи соседу.

Так глядишь, и в разговоре
День пройдет, и слава Богу!
Ну, зачем мне это море?
Интереснее дорога!

ОСЕННИЙ ВОСХОД

Ночь ерепенится, и зря!
Ведь утро сделало отмашку,
И над землей встает заря,
Заря с душою нараспашку,
С холодной утренней росой,
Со звонкой песнею фагота.
Заря в полнеба. Полосой
Туман над пойменным болотом.
И, спрятав стебли камыша,
Как в молоке, наполовину,
Он незаметно, чуть дыша,
Перебирается в низину,
Где гонит воды вдаль Битюг
(Вода-то уж совсем остыла).
И, разбудив осенних мух,
Встает сентябрьское светило.

* * *

«Не распускайте руки, господа,
Не трогайте красавицу, повесы!», —
Шептал столетний дуб кустам, когда
Ты шла с лукошком медленно по лесу.

Такое было в этой ворожбе,
Что рот раскрыть колючая крапива,
Не смея даже, падала тебе
Под ноги нежно и миролюбиво.

И расступались в стороны кусты,
С дороги ели убирали лапы,
И лишь грибы, стесняясь наготы,
Стояли в страхе, спрятавшись под шляпы.

* * *

Ночь пахла звездами и сеном,
В моей руке твоя рука…
Я говорил о сокровенном.
И мчалась кровь по сильным венам,
Как будто в паводок река.

И сердце бешено стучало,
Вот-вот покинет тело прочь.
Я говорил, а ты молчала.
А за спиной сверчком журчала
В садах разлившаяся ночь.

Пятнадцать лет всего, о Боже!
И джинсы Levis с бахромой…
Мурашки бегали по коже.
И мамин крик в ночи: «Сережа!
Сдурел совсем, а ну, домой!»

* * *

Поздний вечер за окошком
Опускаясь, птицей кружит
И хрустит ледовой крошкой,
Отражаясь в стылых лужах,
Неприкаянный и грустный.
Вопреки ноябрьской моде,
Лист, наверное, капустный
На промерзшем огороде
Зеленеет виновато
У заросшего колодца.
Нить осеннего заката
За селом вот-вот порвется,
Натянувшись до предела.
И чуть больше, чем вчерашний,
Месяц робко и несмело
Вылез и повис над пашней.

Петро Ребро

«И ПРАВДУ ВЫПУСТИТЬ НА СВЕТ...»

БЕСЦЕННЕЙ ВСЕХ РЕЛИКВИЙ

Среди множества поэтических строк, посвященных нашему Воронежу, есть одно стихотворение, которое я очень ценю и которое в свое время услышал от автора первым. Написано оно верным моим другом, чрезвычайно талантливым и известным украинским поэтом Петром Ребро осенью 1976 года. В те дни Воронежская земля, собратья по перу, многочисленные воронежские любители поэтического слова горячо принимали делегацию писателей Запорожья. Петро, будучи многолетним руководителем Запорожской писательской организации, возглавлял эту делегацию, а я, тогдашний председатель правления Воронежского отделения Союза писателей, повсюду ее сопровождал и представлял читателям. Однажды утром, зайдя в гостиничный номер, в котором жил Петро, я увидел, что он спешит дописать что-то на листке бумаги.

— Новые стихи? — поинтересовался я.

— Вот, послушай, — сказал он.

Не откажу себе в удовольствии полностью процитировать здесь это замечательное произведение, переведенное в те же дни на русский Владимиром Гордейчевым:

Как видно, здесь поэзии столица.
Каких поэтов слышу имена!
Кольцов, Никитин... И светлеют лица,
Как будто здесь не осень, а весна.

Такой ли вестью сердца не затронешь,
Что мастера в почете на Руси!
Кольцов, Никитин... Ясно мне, Воронеж,
Вокруг какой ты вертишься оси.

Труд мастеров бесценней всех реликвий,
И пыль веков не властна тронуть их.
Кольцов, Никитин... Так тут к ним привыкли,
Что говорят о них, как о живых.

Живут певцы! И поименно знают,
Любой из их наследников каков, —
Настолько им созвучными бывают
Новейшие дерзанья земляков.

Подхваченный живым людским потоком,
К певцам я шел. Во власти вечных дум,
Глядят они в глаза своим потомкам
И слушают шагов немолчный шум.

Никитин тронут улиц голосами,
К Кольцову солнце тянется с высот...
А меж двумя такими полюсами
Незримый ток поэзии течет.

Позднее это стихотворение стало частью ребровского «Воронежского триптиха», многократно печатавшегося как в Воронеже, так и на Украине.

«Незримый ток поэзии» протекал в те годы и между могучим Днепром и тихим Доном. Писатели Воронежа и Запорожья хорошо знали друг друга, часто встречались, обменивались новыми книгами, проводили совместные литературные мероприятия. Душой этого творческого общения был, безусловно, Петро Ребро.

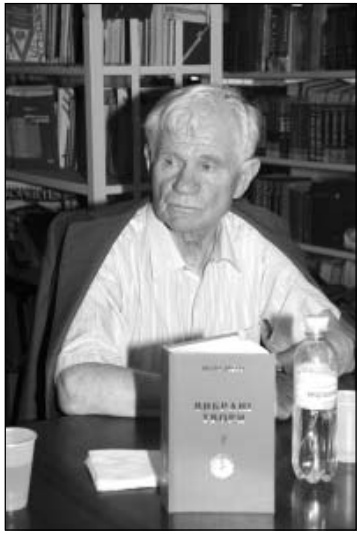
Прекрасный организатор, Петро основал у себя на родине грандиозный литературный праздник под названием «Поетичный травень» — «Поэтический май», ставший традиционным. Изюминкой этого праздника было то, что каждый раз гостями Запорожья становились поэты одного из регионов России, других союзных республик. К Воронежу Петро питал особые чувства, и мы представляли свой край на этом празднике не раз и не два.

Впервые воронежцы принимали участие в «Поэтическом мае» в 1973 году. Поэты Олег Шевченко, Виктор Поляков, Александр Гридчин, литературный критик Сергей Риммар побывали у рабочих знаменитой «Запорожстали», тружеников Мелитопольщины, у колхозников Якимовского района, в прославленных коллективах Днепрогэса и автозавода «Коммунар». Как раз здесь, на «Коммунаре», состоялась тогда встреча, которую запорожские газеты назвали символической. В цехе, выпускающем детали для автомобиля «Запорожец», у пресса со всемирно известной воронежской маркой «ТМП» крепко обнимались писатель Александр Гридчин и слесарь-инструментальщик Григорий Яценко. Отец первого в 1930-е годы строил Днепрогэс, а второй в 1943 году освобождал Воронежскую землю от фашистов.

Позднее гостями «Поэтического мая» — и не однажды! — были воронежцы Виктор Попов, Владимир Гордейчев, Иван Евсеенко, Эдуард Пашнев, Виктор Панкратов, Станислав Никулин, Анатолий Ионкин и другие. Лично я бывал в Запорожье, наверное, чаще других, потому что Петро по-дружески приглашал меня не только на «Поэтический май», но и на Дни города, а также на праздники сатиры и юмора.

Надолго остались в нашей памяти горячие рукопожатия друзей на заводе «Днепроспецсталь» и Запорожской атомной электростанции, в селе Осипенко — на родине Героя Советского Союза Полины Осипенко, в городе Бердянске, встречи в колхозах Куйбышевского, Каменск-Днепровского, Михайловского районов, литературные вечера в педагогическом и индустриальном институтах. Как драгоценные реликвии, хранят многие из нас награды — памятные знаки «50 лет ордена Ленина Днепрострою» и Почетные грамоты Запорожского облисполкома «За активное участие в проведении Дней русской литературы и плодотворную деятельность по пропаганде идей пролетарского интернационализма и братской дружбы народов».

А на Воронежской земле с огромным успехом проходили выступления запорожских друзей. Петро Павлович привозил в Воронеж писателей Павла Омельяненко, Петра Симоненко, Анатолия Рекубрацкого, Владимира Чубенко. Их встречали на заводах имени Калинина, авиационном, радиодеталей, благодарные читатели долго рукоплескали им на большом вечере украинской и русской литературы в Доме актера.



Петро Ребро

Дружба двух литератур — запорожской и воронежской — становилась все более творчески плодотворной, и роль Петра Ребро в этом единении просто трудно переоценить. В Запорожье на «украинской мове» читали Гавриила Троепольского, Юрия Гончарова, Виктора Попова, Людмилы Бахаревой, Геннадия Луткова, Олега Шевченко, Владимира Евтушенко, Владимира Гордейчева и других воронежцев. Многое из их произведений переводил сам Ребро. Он активно привлекал к переводческой работе и своих запорожских коллег.

В воронежских же газетах, в журнале «Подъём» не раз публиковались и Петро Ребро, и Микола Лиходид, и Анатолий Рекубрацкий, и Владимир Чубенко, и многие другие поэты и прозаики из Запорожья. Активно выступали как переводчики украинской литературы воронежцы Владимир Гордейчев, Анатолий Ионкин, Виктор Панкратов, Николай Белянский.

Как-то Петро позвонил мне и предложил:

— Взаимных переводов, особенно в поэзии, у нас накопилось уже предостаточно. Может, выпустим сборники — вы у себя издадите запорожцев, мы — воронежцев?

Идея была настолько интересной, что мы с ним сразу взялись за дело. Вскоре — произошло это в 1984 году — в Центрально-Черноземном книжном издательстве был издан сборник стихов поэтов Запорожья «Зори над Днепром». А вслед за этим в днепропетровском издательстве «Проминь» (в те годы своего книгоиздательства в Запорожье не было) вышла в свет книга стихов «Слово земли світанкове» («Слово земли рассветное»), в которую включены стихи двадцати шести поэтов-воронежцев, начиная от Кольцова и Никитина. Перевод шестнадцати авторов (в том числе Кольцова с Никитиным) был выполнен Петром.

Во многом благодаря именно его заботам творческие контакты между литераторами Запорожья и Воронежа стали одной из многочисленных страниц взаимного влияния, взаимного обогащения двух братских литератур — русской и украинской.

Помнится, во время одной из наших творческих встреч с украинскими друзьями кто-то из воронежских поэтов (если не изменяет память, Виктор Поляков) прочел написанные экспромтом строки, которые Петро цитировал потом так часто, что, кажется, их знало все Запорожье. Он называл их своеобразным девизом братских связей двух писательских организаций:

От великой российской равнины
Шлем привет тебе, степь Украины!
Наша дружба чиста и бездонна,
Словно воды Днепра и Дона!

В ту пору всем нам казалось, что поистине чистую и бездонную дружбу двух народов-братьев, живших в единой семье, ничто не способно замутнить или порушить.

С Петром мы подружились как-то сразу, с первой же нашей встречи. Лично меня привлекли в нем порядочность и ум, чуткость и щедрость на добро. Сами по себе, в отрыве от реальной личности, эти человеческие черты как бы размыты, не вполне определенны. В нем же они были настолько естественны, что не восхищаться Петром было невозможно. В общении с ним каждый чувствовал себя и уверенно, и вполне комфортно. Как писал Давид Кугультинов, Петро Ребро «вобрал в себя лучшие качества своего народа». А Мустай Карим говорил, что Ребро — это «сама чистота и сердечность».

В сочетании с выдающимися организаторскими способностями эти качества делали его человеком в своем роде незаменимым, хоть, как известно, незаменимых не бывает. Запорожской писательской организацией Петро руководил чуть ли не четыре десятка лет! Подобного примера ни в России, ни на Украине не было и нет. Может, уже и не будет. Читатель, понимающий всю сложность взаимоотношений между творческими людьми, поймет, что случай этот не просто исключительный. Он — уникальный.

Не скрою, что наши взгляды на жизнь и литературу иногда не совпадали. Например, по отношению к Тарасу Шевченко, творчество которого украинцы, как я считаю, во многом неоправданно политизируют применительно к тем или иным новейшим событиям. Или, допустим, в оценке будущего Украины и России. Но это никогда не мешало нашей дружбе. Петро был из тех людей, которые уверены: единомыслие нередко ведет к оскудению общественного сознания, а разные взгляды — вовсе не повод для ненависти и тем более — для кровопролития.

Петро всегда отличался умением претворить в конкретные дела любую понравившуюся ему идею. Приведу только один пример. Однажды он попросил меня написать приветствие коллективу редакции и читателям по случаю выхода первого номера созданного им альманаха сатиры и юмора. Откликнувшись на его просьбу, я написал в частности вот о чем:

«Время от времени то Одесса, то Габрово, то какой-нибудь иной город заявляют о том, что они являются столицей сатиры и юмора. А Запорожье лишь скромно улыбается в усы и помалкивает. Здесь-то лучше других знают о вековых традициях запорожского юмора, идущих от знаменитого письма турецкому султану...»

Петро ухватился за идею Запорожья как столицы сатиры и юмора, можно сказать, мгновенно. Вскоре я получил от него письмо, в котором он сообщал, что посетил с этой идеей мэра города. В результате решено было учредить запорожский праздник сатиры и юмора. На первое же такое торжество меня пригласили в качестве почетного гостя.

В 1990 году Петро стал основателем и первым главным редактором литературно-художественного журнала «Хортица», выход которого Олесь Гончар назвал явлением в духовной жизни Украины. С 1993 года по инициативе Петра и под его редакторством в Запорожье выходит уже упомянутый мною выше альманах сатиры и юмора «Веселый курень» (впоследствии «Веселая Сечь»), в котором не раз публиковались воронежцы Владимир Котенко, Алексей Попов, Аркадий Давидович, Иван Анчуков и другие. Ну а Международная ассоциация сатиры и юмора «Веселая Сечь», созданная Петром, известна далеко за пределами Запорожья, потому что ее действительные члены и члены-корреспонденты живут во многих уголках мира.

А еще на его счету — журнал «Великий Луг», авторская программа на Запорожском радио, Всеукраинский конкурс на лучшую басню (да еще за собственный счет!), непосредственное участие в создании Ассоциации национально-культурных обществ Запорожского края, составление и издание на украинском языке антологий абхазской, башкирской, калмыцкой поэзии...

На фоне этих значительных дел созданный Петром музей Запорожской писательской организации «Автограф» выглядит, может быть, не так масштабно, но красноречиво дополняет портрет поэта-организатора.

В 1999 году Петро Ребро возглавил в Запорожской области работу по реабили-

тации людей, незаконно осужденных в годы массовых репрессий. Он и до этого активно участвовал в работе комиссии по реабилитации, и все просчеты в этой работе ему были хорошо известны. Встав у руля комиссии, он первым делом добился снятия табу со многих архивных дел. Результатом его деятельности в этой сфере стал трехтомник «Возвращенные имена», семь выпусков научно-публицистического альманаха «Спокута» («Искупление»), три тома всеукраинской серии научно-документальных книг

«Реабилитированные историей». А главное — возвращение доброго имени сотням ни в чем не повинных земляков.

По его инициативе власти отменили скороспелый проект реконструкции «Запорожстали», грозивший серьезно ухудшить экологическую обстановку в городе. Он первым забил тревогу по поводу не до конца продуманного проекта сооружения новых блоков Запорожской атомной.

Он был членом Совета старейшин Запорожской области, советником главы областной администрации по вопросам культуры, Почетным доктором Запорожского государственного университета.

Его перу принадлежит более сотни книг, изданных в Москве, Киеве, Харькове, Днепропетровске, Элисте. И, конечно, в Запорожье. Их жанровое разнообразие поражает воображение. Трудно даже перечислить все, к чему было приковано его творческое внимание. Лирическая поэзия, юмористические и сатирические стихи, пародии, эпиграммы, стихи для детей, документальные повести, драматические поэмы, рассказы, зарисовки, очерки, эссе, пьесы, литературно-критические статьи, песни... Он создал целую серию книг, рассказывающих о связях знаменитых людей с Запорожским краем: «А. Пушкин и Запорожье», «В. Маяковский и Запорожье», «Т. Шевченко и Запорожье», «Остап Вишня и Запорожье» и т.д. Его работоспособность могла удивить любого. «Кого-то это раздражает, злит, — писал он мне в одном из писем, — но я разве виноват, что он, этот «кто-то», пил горилку, а я этим временем портил бумагу?..»

Понятно, что писал он на родном украинском языке. Но блестяще владел и русским. Когда я переводил его книгу «Запорожцы смеются» (она вышла в запорожском издательстве «Байда» в 2007 году), то иногда приходилось с ним консультироваться. Подчас он давал мне такие советы, что думалось: да он же вполне может писать и на русском!

Его творческая работа отмечена множеством литературных наград. Среди них Всеукраинские литературные премии имени Остапа Вишни, Петра Сагайдачного, Степана Олейника, Миколы Нагнибеды, премии украинского сатирического журнала «Перец», газеты «Радянська Украіна» и другие. Но об одной из премий скажу особо. Она называется «Чувство семьи единой» и присуждена за книгу стихов «Пробратимство» и переводы русской поэзии, поэзии других народов когда-то единой страны.

О том, каков вклад Петра Ребро в развитие украинской литературы красноречиво сказал один из ученых-литературоведов: «Книги П. Ребро ведут нас к нашим корням, без которых мы на земле — бурьян, перекати-поле, люди без роду-племени...»

Меня всегда удивляло, как спокойно, как достойно относился Петро к всевозможному злословию завистников от литературы. Появилась как-то в печати эпиграмма на него, связанная с опубликованной им в Киеве басней «Свинья». По-русски эта эпиграмма звучит примерно так:

Задрав свой нос
Аж до небес,
Петро в «Днипро»
Свиньею влез.

Могу назвать многие десятки имен знакомых литераторов, которых бы нечто подобное возмутило, вызвало бы ответную оскорбительную реакцию, а то и обращение в судебные инстанции. Уверен, что и среди украинских писателей таких предостаточно. Но Ребро среди них никогда бы не оказался.

— Хорошая эпиграмма, — с улыбкой прокомментировал он этот опус в беседе с журналистом. — Правда, «влез» я с этой басней не в журнал «Днипро», а в «Отичизну» (так называется иллюстрированный украинский еженедельник типа нашего «Огонька». — *Е.Н.)*.

Вот и вся его «реакция».

Любой мог запросто подшучивать над ним, и это его только радовало. Вспоминается, как в писательском Доме творчества в Пицунде мы с ним, придя на пляж и устроившись в теньке, каждое утро поджидали третьего — Давида Кугультинова, которого «подбили» на игру в карты. Подходя к нам, Давид Никитич, улыбаясь, говорил Петру:

— Привет, Кабырга!

— Что за «кабырга» такая? — поинтересовался я у Петра.

— Это такое изысканное калмыцкое приветствие, — ответил он.

Вижу, что шутит. Спросил у Кугультинова. Все оказалось проще, чем я думал: «Кабыргой» в шутку окрестил Петра хороший друг Кугультинова — поэт Мустай Карим, потому что по-башкирски «кабырга» означает «ребро».

Сам большой мастер шутки, каламбура, яркого экспромта, Петро мог покорить любую аудиторию буквально за считанные мгновения. К примеру, некоторые свои выступления в Воронеже он начинал так:

— Мы долго думали, кого из запорожских писателей привезти на Воронежскую землю? Самых умных? Но у нас все умные! Самых талантливых? Но у нас все талантливые! И мы решили привезти самых красивых. Мы провели конкурс красоты, и к вам приехали его победители.

Сделав небольшую паузу, Петро добавлял:

— Конечно, вы вправе спросить: если эти — самые красивые, то какие же остались там, в Запорожье?

Все. Зал был «схвачен» им так, что до конца встречи его слушали, затаив дыхание.

На подобные «побрехеньки» (так он сам на украинский лад называл свои шутки) Петро был весьма горазд.

В своих юмористических и сатирических стихах он предпочитал опираться на богатейшие традиции украинского народного юмора. Наиболее ярко это нашло свое отражение в двенадцати книгах «Козацкие шутки». Многим казалось, что это всего лишь поэтическое переложение шуток былых времен. Но вот что говорил по этому поводу сам автор:

«Я придумал этот проект, как сейчас говорят, чтобы под видом козацких шуток сказать то, что хочу... Ставил козаков в разные ситуации и предлагал юмористический выход — по пословице: «Козак не тот, кто поборол, а тот, кто выкрутился». Меня спрашивали: «Откуда вы это взяли — из летописи?» Но в летописях юмора не было, летописцы на юмор внимания не обращали, потому что он на Запорожской Сечи был таким обычным явлением, как воздух. Я рассказывал, что под дубом на Хортице выкопал кованый сундук... Не знаю, верили ли этой шутке».

До последнего дня своей жизни он думал и писал о чистом и светлом. Работал над составлением и изданием «Избранных произведений», восемь томов которых пришли к читателю. В девятый том, по задумке Петра, должны были войти его переводы. «В книге будет более двадцати воронежских поэтов», — писал он мне. А вскоре сообщил, что этот том уже составлен. Но выйти книга не успела.

...19 мая я позвонил в Запорожье, чтобы поздравить своего друга с очередным днем рождения. Трубку взяла его милейшая супруга Клара Саввишна. С дрожью в голосе сказала:

— Женя, нет уже Пети. Уже два месяца нет. Он так переживал все, что творится на Украине, что происходит между Украиной и Россией! Так переживал, что сердце не выдержало...

Большое и доброе сердце Поэта и Человека... Оно не смогло вынести тяжелого груза трагических событий, смириться с бедой, нахлынувшей на родную землю, со злом и неправдой.

Светлая тебе память, дорогой друг!

Евгений НОВИЧИХИН

ИЗ «ВОРОНЕЖСКОГО ТРИПТИХА»

Земля Донщины, ты озонна
Для соловьев и соловьих.
Но кто сказал, что лишь сезонна
Любовь к тебе людей твоих?

Ты блещешь красок чистотою,
Под росплеск молнийных клинков
Промытый воздух твой настоян
На травах множества веков.

Я все, что мне в тебе открылось,
Восторгом сердца унесу:
Твоих степей ширококрылость
И речки Девицы красу.

Чем отплачу за трепет зорь я,
Сотку узор из слов каких
За то, что вижу Дивногорье
И слышу шепот волн донских?

Пребудь в добре — одно и скажешь —
Паши и сей, богатства множь.
Столь все здесь русское, что даже
Тебе сравненья не найдешь.

* * *

Ты, может быть, строгим не будешь
Вот к этой не новой молве:
Воронеж, с тобой не пошутишь,
Что ты — без царя в голове.

Царей мы забыли. Однако
Один и у нас не забыт,
Что в сквере старинном, о якорь
Рукой опираясь, стоит.

Года быстролетны. Непросто,
Как тройку, придерживать их.
Но слышу и ныне я поступь
Петра на откосах твоих.

Он думал о мощи державы.
Хоть труден был путь и тяжел,
Но Русь он под парусом славы
К причалу бессмертья привел.

Коснуться он берега взором
Хотел бы. Но жалость остра,
Что пойма с воронежским морем
Лежит за спиной у Петра.

Перевод Владимира ГОРДЕЙЧЕВА

* * *

Я ничего от вас не скрою —
О чем наш Днепр поведал мне.
Теперь я знаю, где весною
Ночуют громы, — на Днепре!

Там, где шуршат дремотно волны,
А воздух чист и невесом,
Они расслабленно и вольно
Спят богатырским славным сном.

Под головой у них — туманы,
В ногах — уступы берегов.
Над ними — запах трав духмяный,
Приплывший к вечеру с лугов.

Спят громы крепко. Не тревожат
Их ближних бакенов огни...
А наблюдали вы, быть может,
Как просыпаются они?

Сначала слышен только шорох,
Затем тревожный гул и... гром!
И полыхает Днепр, как порох,
И скачут молнии кругом.

Как наваждение, как небыль,
Они сверкают над Днепром

И исчезают в темном небе,
Им ширь Днепра — как космодром.

А отшумят и гром, и ливни —
И снова солнышко печет,
И Днепр, могучий и счастливый,
Под арку радуги течет.

* * *

Вы заметили: все лето
У березок молодых
Ножки чистенькие? Это
Тайна маленькая их.

Но поверье есть в народе:
Когда сладко спим мы все,
По траве березки ходят,
Моют ноженьки в росе.

Перевод Анатолия ИОНКИНА

БЕРЕЗОВЫЙ ПРОСПЕКТ

Ты, чудесная Россия!..
П. Тычина

Поэзия меркнуть не будет,
И Солнца не выцветет спектр,
Коль есть он, дарованный людям,
Березовый этот проспект.

На мраморе кипенно-белом
Огонь изумрудной листвы.
В живительном свете неделю
Мы мчимся от самой Москвы.

Начало проспекта — на Ладоге,
На Дальнем Востоке — конец.
И кажется: едем по радуге
Под стук изумленных сердец.

Какие открылись просторы!
Здесь каждая пядь дорога —
И чистые эти озера,
И гордая эта тайга.

И нив неоглядные шири,
И гор голубая гряда.
И люди, что славились в мире
Своими делами всегда.

Маршрут наш, пожалуй, обычен.
Но каждый растроган до слез —
И высвечен, и возвеличен
Красою российских берез.

Как будто источники света,
Они поднялись над Землей.
Их держит, как факел, планета
И в вечность несет за собой.

Поэзия меркнуть не будет,
И Солнца не выцветет спектр,
Коль есть он — подаренный людям
Березовый этот проспект!

* * *

Сверкнула в сумерках Непрядва.
Днипро пороги разметал.
Но не сожжешь в печах неправду
И не расплавишь, как металл.

С лихвой отвешивая, щедро
Вручали каждому ее.
И шли с ней — кто ворочать кедры,
Кто прямиком в небытие.

За горло взяв, доселе душит
Загадка нас: по воле чьей
На наши головы и души
Свалилось столько стукачей?

Да, тайны есть поудивительней
Самой загадки НЛО.
Ну, скажем, племя исполнителей
Неужто от людей пошло?

Да, безусловно, актуален
Вопрос (хоть и непрост весьма):
У нас один был «батько Сталин»
Или была их, батек, тьма?

И мысль ко мне тропой сомнений,
Одолевая страх, пришла:
Один, будь это даже гений,
Наделал разве б столько зла?

Чтоб снова злу не повториться,
Чтоб род людской спасти от бед,
Разрушить мы должны темницу
И правду выпустить на свет.

Перевод Евгения НОВИЧИХИНА

ЗАПОРОЖСКИЕ НОЧИ

Как светло! Опять не спится.
За окошком — говор, пенье...
Может, по небу жар-птица
Разбросала к ночи перья?

Или бьют по острым кручам
Великанские кресала,
Искры вскидывая к тучам
Так по-праздничному ало?

Стала ночь от полыханья
Вся рассветно-огневою,
Хоть вступай в соревнованье
С белой ночью над Невою!

* * *

Ты ли, Солнце, людьми не воспето!
Но небесного мало светила
Для того, чтоб горячего света
Нам на всю путь-дорогу хватило.

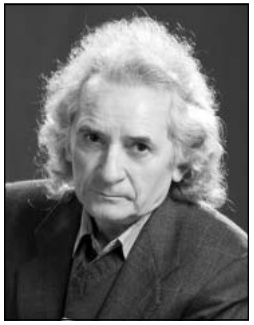
Ты царишь в синем небе по праву,
От тебя — все земные начала.
Но хотим, чтоб тебе же во славу
Дело рук наших свет излучало.

А еще в этой жизни нам нужно,
Чтоб, как утренний свет твой привычный,
Разливала сияние дружба
По земле нашей многоязычной.

А еще — чтобы сердце хранило
Чистый свет материнской заботы,
Чтоб любви лучезарная сила
Вдохновляла на новые взлеты.

Будут коротки хмурые зимы,
Будет наша весна дольше века —
Только б солнечный свет негасимый
Изнутри озарял человека.

Перевод Валентина КОРЧАГИНА



***Николай Николаевич Тимофеев** родился в 1939 году в городе Старый Оскол Курской области. Окончил Рязанский радиоинститут. Работал инженером, учителем физики. Литературный и театральный критик. Публиковался в журналах «Юность», «В мире книг», «Подъём», «Литературной газете». Автор радиоспектакля «Русская любовь во Франции» о И.А. Бунине, ряда театральных инсценировок. Живет в Воронеже.*

Николай Тимофеев

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТОЧНОСТЬ И СВОБОДА

(К 190-летию И.С. Никитина.
Иван Бунин о великом русском поэте)

В пантеоне русских классиков Иван Алексеевич Бунин и Иван Саввич Никитин — фигуры весьма далековатые. Как по количеству и качеству созданного ими, так и по социальному происхождению.

Такое отношение в обыденном сознании формируется со школьных лет. Школа дает, конечно, весьма поверхностное представление о жизни и творчестве писателя. И это представление, чаще всего, на уровне примитивном, вкусовом. А если еще оно и с привкусом идеологии, как это подавалось в мои школьные советские годы, то где уж тут до объективной и самостоятельной оценки... Так, об Иване Никитине я вынес из школы во взрослую жизнь весьма мрачную по содержанию строчку: «Вырыта заступом яма глубокая...» А вместе с этим погребальным мотивом — и одобрительный идеологический посыл обо всем его творчестве в целом, потому что «поэт правдиво изобразил жестокое социальное неравенство в царской России второй половины XIX века». Подразумевалось: уже этим заслужил уважение и почтение.

Позже, начав интересоваться театром, я вычитал свидетельство уважаемого человека о болезненности И.С. Никитина, которое еще более утвердило меня в физической «хилости» и полной «беспросветности» судьбы воронежского

мещанина. Драматург А.Н. Островский, узнав о популярности его пьес в Воронеже, в мае 1860 года посетил наш город, где имел восторженный прием. В письме своему приятелю, актеру Малого театра Прову Садовскому, он пишет, в числе прочего: «Познакомился я с Никитиным, он очень дельный и милый, но болезненный господин».

Известная скульптура сидящего у кинотеатра «Пролетарий» в задумчивой, скорбной позе бронзового человека также не прибавляла светлых красок к восприятию поэта.

Другое дело — Иван Алексеевич Бунин. Первый русский Нобелевский лауреат в области литературы, всемирно известный писатель, потомственный дворянин (мать княжеского рода, его жена Вера Муромцева-Бунина говорила о нем — Князь!), человек неизменно гордой осанки, резкий и беспощадный в оценке своих знаменитых современников. Он был высокомерен в первородном значении этого понятия. Высокой мерой оценивал творческие и человеческие качества и своих собратьев по перу, и столь же беспощадно свои собственные.

Всего несколько литературных имен из XIX века удостоились сочувственного персонального разбора в творчестве И.А. Бунина. Особое место отведено, конечно, Л.Н. Толстому и А.П. Чехову, которые были для него ориентирами во всех отношениях. Размышления о каждом из них он писал почти всю свою жизнь. Но вот среди прочих имен есть у него очерк, посвященный И.С. Никитину, — «Памяти сильного человека». Уже само название контрастировало со сложившимся ранее в моем сознании впечатлением о Никитине.

«Однажды, пробуя свою силу, Никитин поднял громадную тяжесть, — так начинается этот очерк, — «что-то оборвалось у него внутри»... Это надломило его здоровье. Новая же неосторожность — ранней весной он бросился купаться в реку — доконала его совсем: сперва была горячка, а потом пришлось надолго лишиться ног и лежать в постели. Но редкая физическая мощь, удивительная сила духа долгие годы боролись с недугами»... Приведенный текст прежде всего свидетельствует о живом интересе Бунина к Ивану Никитину как личности, к его биографии.

Но мало этого — Бунин восхищается Никитиным как поэтом: «Да, это был сын своего отца, первого бойца на кулачных боях в Воронеже, сын своего оригинального сословия. *Какая полнота его лучших типических черт сохранилась в великом поэте!* (выделено мной. — *Н.Т.)*. Всмотритесь в его лицо на портрете: и посадка, и черты лица, и эти немного приподнятые брови, и этот взгляд прекрасных скорбных глаз — все типично! Откройте его книгу — в языке поэта много своеобразных выражений, оборотов именно того говора, которым отличается его сословие». Восхищается Бунин и картинами природы в стихах своего земляка: «Посмотрите хоть на изображение природы! В словах его, передающих ее картины, есть та неуловимая художественная точность и свобода, та даже расстановка слов, тот выбор их, которыми руководствуется невольно только *художник, знающий природу всем существом своим* (выделено мной — *Н.Т.):*

Весело сияет месяц над селом,
Белый снег сверкает синим огоньком...
.....
И Бог весть отколе с песней удалой
Вдруг промчался в поле песенник лихой.
И в морозной дали тихо потонул
И напев печали, и тоски разгул!

Очерк «Памяти сильного человека» появился к 70-летию со дня рождения Ивана Саввича Никитина в газете «Полтавские губернские ведомости» №72 за 1894 год. Начинающий поэт Иван Бунин писал о зачисленном временем в классики своем земляке поэте Иване Никитине. Несмотря на итоговую творческую «далековатость», в детстве и юности судьба «барчука» Ивана Бунина имела немало сходственного с судьбой воронежского мещанина Ивана Никитина. Оба знали нужду. Будучи уже Нобелевским лауреатом, Бунин не раз вспоминал, что одну зиму семья питалась только лишь яблоками. Оба остались «неучами». Иван Никитин был уволен из семинарии «по малоуспешности и по причине нехождения в класс». Зато «пристрастился к книгам». По причине бедности был отчислен из четвертого класса Елецкой гимназии Иван Бунин с формулировкой «за неуплату». По сути, Бунин в детстве и юности повторил судьбу своих земляков Кольцова и Никитина, людей совсем иного сословия. Алексея Кольцова отец забрал из второго класса уездного училища («считать научился — и хватит!»). Все трое в полной мере могли бы сказать о себе словами М. Горького: «Всем лучшим во мне я обязан книгам!». Бунину повезло больше в том плане, что его образованием занимался старший брат Юлий, блестяще окончивший Московский университет.

Еще одно драматическое обстоятельство, сближающее Бунина с Никитиным. Отец Никитина страдал запоями, что доставляло мучения его сыну. Этому же недугу был подвержен и отец Бунина...

Но самое главное, что сближает всех троих земляков-воронежцев — это доскональное знание народной жизни, чуткое и сочувственное отношение к человеку и органическая близость и любовь к природе срединной России.

Детство Ивана Алексеевича прошло на хуторе Бутырки, память о котором хранит сегодня лишь каменный столб, установленный посреди голой степи. Потом семья жила в елецкой деревне Озерки (сегодня там восстановлен барский дом). Бунин, как никто в его поколении, знал в подробностях быт русской деревни, нравы и нужды крестьян, их будни и праздники. Это позволило создать ему в 1910 и 1911 годах одну за другой две повести «Деревня» и «Суходол», которые своей беспощадной реалистичностью произвели эффект разорвавшейся бомбы в среде русской интеллигенции.

Не окончивший ни гимназии, ни университета, достигший в творчестве таких олимпийских высот, которые только придумало человечество, Бунин являет нам ярчайший образец человека, доказавшего, что самое главное в образовании — САМОобразование. В детстве и юности Бунин активно ищет ориентиры среди предшественников. Ему необходимы ориентиры и творческие и личностно-человеческие. И Иван Никитин естественно оказался в этом ряду.

Об этом он пишет и в очерке «Памяти сильного человека»:

«Я не знаю, что называется хорошим человеком. Верно, хорош тот, у кого есть душа, есть горячее чувство, безотчетно рвущееся из глубины сердца.

Я не знаю, что называется искусством, красотою в искусстве, его правилами. Верно, в том заключается оно, чтобы человек, какими бы словами, в какой бы форме ни говорил мне, но заставлял бы меня видеть перед собою живых людей, чувствовать веяние живой природы, заставлял трепетать лучшие струны моего сердца.

Все это умел делать Никитин, этот сильный человек духом и телом. Он в числе тех великих, кем создан весь своеобразный склад русской литературы, ее свежесть, ее великая в простоте художественность, ее сильный простой язык, ее реализм в самом лучшем смысле этого слова. Все гениальные ее представители — люди, крепко связанные с своей почвой, с своею землею, получающие от нее свою мощь и крепость. Так был связан с нею и Никитин, и от нее был силен в жизни и творчестве».

Приведенный текст, посвященный Никитину, в не меньшей степени характеризует ценности и пристрастия и самого автора.

Для характеристики целостного творческого пути Ивана Бунина важно, что в поэтическом творчестве — и формой и содержанием — он начинал как продолжатель и последователь демократической поэзии Кольцова, Никитина, Некрасова.

Бунин — Поэт. Большой русский Поэт. Об этом, к сожалению, даже сегодня знают не все читатели его «Темных аллей» и «Жизни Арсеньева». Первая

публикация — «Над могилой Надсона» — состоялась в 1887 году, в 17 лет, в журнале «Родина». Следующая — в том же журнале в том же году. Это было стихотворение «Деревенский нищий», датированное 1886 годом. Заканчивается оно такой строфой:

Он заснул.. А потом со стенаньем
Христа ради проси и проси...
Грустно видеть, как много страданья
И тоски и нужды на Руси.

Подобных стихотворений, трогающих сочувствием тяжелой судьбе простого человека, в начальном поэтическом творчестве Бунина немало. Он был, вероятно, самым талантливым продолжателем русской классической поэзии XIX века.

Писал стихи всю жизнь. Последнее датировано 1952 годом. 66 лет в поэзии! Создано более полутысячи стихотворений. И еще переводы — американских, английских, французских, итальянских, польских, армянских, украинских поэтов. И признание в литературе получил сначала как поэт. В 1903 году он был удостоен Пушкинской премии Российской академии наук «по разряду изящной словесности» — за сборник стихотворений «Листопад» и перевод поэмы американского поэта-романтика Генри Лонгфелло «Песнь о Гайавате». Буниным-поэтом восхищался Владимир Набоков. Александр Блок в 1907 году отмечал его в первом ряду русских поэтов. А в то время уже вовсю расцветал «серебряный век русской поэзии». «Так знать и любить природу, как умеет Бунин, — писал А. Блок в том году, — мало кто умеет. Благодаря этой любви поэт смотрит зорко и далеко, и красочные и слуховые его впечатления богаты».

Прожив 33 года в эмиграции, Иван Бунин глубоко переживал, что его не воспринимают в качестве поэта. «Я — поэт! Я, прежде всего, — Поэт!», — говорил он в сердцах приятельнице, поэтессе и писательнице, княгине Зинаиде Алексеевне Шаховской во второй половине 1940-х годов.

Бунин развивался как человек, как творец, всю жизнь. В XX веке его поэзия стала более глубокой, философской, пантеистической в лучшем смысле этого понятия, объемлющей и Время и Пространство. Многие его стихи, высокого поэтического напряжения, поражают глубиной содержания.

Конечно, он далеко ушел в своем развитии от начального периода, когда так восхищался творчеством И.С. Никитина. С течением времени он, вероятно, не столь эмоционально стал бы оценивать его и согласился бы с более спокойной и взвешенной оценкой, которую дал поэту Никитину приятель Бунина критик Юлий Айхенвальд, создавший целую энциклопедию «Силуэты русских писателей».

Все истинно талантливое и честное имеет вечный адресат. «Дневник семинариста» и поэма «Кулак» И.С. Никитина позволяют нам сегодня узнать нечто интересное о быте и нравах разночинной среды середины XIX века. А лучшие его стихотворения, отмеченные присутствием Музы Поэзии, взывают и к разуму, и к сердцу нашего современника. Например, каждый чувствующий и мыслящий увидит в стихотворении «Обличитель чужого разврата» знакомых персонажей наших дней:

Дышит речь твоя жаркой любовью,
Без конца ты готов говорить,
И подумаешь, собственной кровью
Счастье ближнему рад ты купить.
Что ж ты сделал для края родного,
Бескорыстный мудрец-гражданин?
Укажи, где для дела благого
Потерял ты хоть волос один!
Твоя жизнь, как и наша, бесплодна,
Лицемерна, пуста и пошла...
Ты не понял печали народной,
Не оплакал ты горького зла.
Нищий духом и словом богатый,
Понаслышке о всем ты поешь
И бесстыдно похвал ждешь, как платы,
За свою всенародную ложь.
Будь ты проклято, праздное слово!
Будь ты проклята, мертвая лень!

А знаменитая никитинская «Русь» человека неравнодушного к судьбе своей Отчизны заставит глубоко задуматься о ее нынешнем положении...

Широко ты, Русь,
По лицу земли
В красе царственной
Развернулася!
.....
У тебя ли нет
Про запас казны,
Для друзей — стола,
Меча — недругу?
У тебя ли нет
Богатырских сил,
Старины святой,
Громких подвигов?
Перед кем себя
Ты унизила?
Кому в черный день
Низко кланялась?
И давно ль было,
Когда с Запада
Облегла тебя
Туча темная?...

Статья И.А. Бунина «Памяти сильного человека», как и поэзия Никитина, удивительно актуальна. Бунин противопоставляет в ней национальную ценность творчества Никитина творчеству современных ему поэтов и писателей. Это, напомним, был всего лишь 1894 год, когда декадентские течения, расцветшие в последующие два десятилетия, только зарождались. Будто о нас говорит Бунин в заключение своей статьи:

«Подумайте над теперешней литературой: главная ее черта та, что в ней уже утрачивается этот особый склад и характер именно русской литературы. Многие новейшие произведения можно приписать какому угодно автору — французу, немцу, англичанину. А поэты? Он пишут триолеты, сонеты, рондо, на средневековые, на декадентские темы — и все выходит бедно, безжизненно, мелко... выдумывают феноменальные рифмы, высиживают нелепые образы с претензией на поэтичность, нелепые выражения.

Они сознательно уходят от своего народа, от природы, от солнца. Но природа жестоко мстит за это. Это надо твердо помнить!»

***Елена Евгеньевна Смолицкая** родилась в городе Боброве Воронежской области. Окончила юридический факультет и аспирантуру Воронежского государственного университета. Работает преподавателем в Воронежском юридическом техникуме. Публиковалась в альманахе «День поэзии ВГУ», региональной печати. В журнале «Подъём» печатается впервые. Живет в Воронеже.*

Елена Смолицкая

ПРОСТЫЕ ВЕЩИ

ГРАНИЦЫ

На одном языке
В разных странах всегда поют птицы.
Солнце светит у всех…
Знаешь, душам так чужды границы.

На телеге судьбы
Едут русские и украинцы,
Дружно песни поют:
Звукам песни нелепы границы!

Почему затрясло?
Кто же вставил в колеса нам спицы?
А на карте ползут
И чернеют зловеще границы…

Кто учебник писал?
Где мне правды найти хоть крупицу?
Через книги в умах
Воздвигают злонравно границы…

В языке много слов
Ухитрилось родных сохраниться.
Но в культуре опять:
Предписанья, запреты, границы…

ДЕКАДЕНТКА

Она сидела в вязкой тишине,
Надев свое изысканное платье,
Топя остатки истины в вине,
И одиночество брало ее в объятья.

Она прочла так много разных книг.
Пестрили философские идеи…
И отчего так все разнится в них?
«Нет истины». Исканья надоели.

Простые вещи стали ей скучны,
И вскоре утомило то, что сложно.
Осколки искушенному нужны:
Из них сложить свою картину можно.
Кичиться. Вдруг рассыпать. Клеить вновь.
Все отрицать, опять сменить картинку…
Всех эпатировать и извратить любовь.
И так и не найти свою тропинку.

«Во что все верят — это лишь обман,
Бесплотный хлам идей и тлен иллюзий», —
Она так думала, закрывши дверь мирам,
Что грезились «обычным серым» людям,
Мирам, которые вполне могли цвести
Изысканно, как кружево на платье…
Когда нет смысла — некуда идти.
И тишина берет ее в объятья…

УЛИЦА

Асфальтная серая улица,
Зажатая между домов.
А где-то пшеница волнуется
И пчелы жужжат у цветов.

Здесь душно и так многолюдно…
Мы снова спешим кто куда…
А там под черешней уютно,
В колодце сверкает вода.

По осени в маленьком городе
Снова все жгут костры.
Птицы резвятся на холоде,
Деревья вокруг пестры.

А здесь — лишь высотки тяжелые.
И их никому не поднять!
А где-то дубы свои желуди
Уже начинают ронять…

***Полина Андреевна Бороздина** родилась в селе Перво Рязанской губернии. Окончила Ашхабадский государственный педагогический институт. Работала учителем русского языка в Туркменской ССР. В Воронеже с 1949 года. Работала на филологическом факультете Воронежского госуниверситета преподавателем, заведующей кафедрой, деканом. Кандидат филологических наук. Автор около 100 научных и учебно-методических работ, в том числе монографий по истории литературы народов СССР, творчеству А.Н. Толстого, а также мемуарных книг. Живет в Воронеже.*

Полина Бороздина

СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ

Памяти моих родителей Андрея Николаевича и Евгении Филипповны Дашковых посвящаю

Мне давно хотелось написать историю жизни моего отца Андрея Николаевича Дашкова. О том, как его предки из крепостных князей Дашковых стали династией «колокольного дворянства». В нашей семье существует интересная легенда. Мне о ней поведал старший брат Федор. Истоков ее я не знаю. Где-то в Московской губернии было имение князей Дашковых, имеющих какое-то отношение к знаменитой Екатерине Романовне Дашковой. Среди дворовых мальчишек князь заметил одного смышленого и любознательного. Возможно, мальчик был из тех, кто появился на свет не без его участия. Барин приблизил его к себе, обучил грамоте и подготовил к поступлению в духовное училище, дав свою фамилию. Потом этот мальчик окончил семинарию и получил приход, став священником, основателем нескольких поколений служителей церкви. Мой отец уже по традиции в конце XIX века также оказался в семинарии. Отличаясь свободолюбивым нравом, он увлекся недозволенной в семинарии литературой: книгами писателей-народников и творчеством Льва Толстого. В результате стал скептически относиться к религиозному учению и церковным догмам. Студент-семинарист стал говорить о том, что в семинарии «учат обману обманутые дураки». Вызванный к ректору, он отказался извиниться и был с треском изгнан из семинарии. Впоследствии отец шутя говорил, что был исключен за «тихие успехи и борзое поведение».

Перед Андреем Николаевичем встал выбор: или идти солдатом в армию, или в дьячки. В среде духовенства существовал закон — писаный, неписаный, не знаю, — по которому оставшаяся сиротой дочь священнослужителя должна выйти замуж за священника, дьякона или псаломщика (дьячка), который унаследовал бы осиротевший приход.

В селе Перво (Перья) осиротела дочь дьячка Наталья и ей подыскивали подходящего мужа, который бы заменил умершего и стал служить в церкви псаломщиком. Отец мой согласился и вместе с женой получил приход.

Позволю себе сделать большую выписку из книги Л.И. Кузнецова «Из века в век переходя: исторические хроники Касимова» (Рязань, изд-во «Поверенный», 2002), где в качестве приложения опубликована статья моего брата Федора «История села Перво».

«Село Перво расположено на правом берегу Оки, на 12 километров ниже г. Касимова. Раньше село называли «Перья». Такое название было ему дано в связи с тем, что в старину на берегу реки в этом месте водилось много птицы. Об изобилии птицы свидетельствует также название «Гусинка», небольшого участка в лугах на противоположном берегу. От птицы на этом месте накапливалось большое количество перьев. В начале XX века местные помещики переправили название села на «Перви», а после событий октября 1917 года село стало называться «Перво». <...> Существует предание, что село принадлежало князьям Шуйским, и, вероятно, именно при них была построена церковь. На стене внутри церкви долгое время сохранялась надпись, сделанная славянской вязью и свидетельствующая о том, что здесь похоронен майор Засецкий. Очевидно, Засецкий владел селом после Шуйского, при нем и была построена колокольня.

Позже была построена так называемая Новая церковь. Она была возведена после смерти богатого помещика Киселева, вдова которого вышла замуж за врача, лечившего ее мужа, Гильдебрандта. Гильдебрандты владели поместьем вплоть до революции».

Возвращаюсь к описанию жизни отца и нашей семьи.

Я слышала, что мой отец и священник Архангельский относились к своим обязанностям довольно прохладно. Бывало так, что они сокращали службу, что вызывало недовольство дьякона Марка Твердова, фанатически преданного церкви. Впоследствии мне рассказывала об этом любившая меня дьяконица Клавдия Михайловна. Будучи довольно начитанным человеком (окончила епархиальное училище), она много говорила со мной о литературе, давала читать журнал «Нива», часто рассказывала об истории религии. Это было уже в начале 30-х годов прошлого века. Когда дьякона сослали, ее выселили на край села в маленький ветхий домишко. Жители села и окружающих деревень (бывшего прихода) с уважением относились к дьяконице и постоянно оставляли ей на подоконнике «тайную милостыню»: кринку молока или сметаны, кусок сала, хлеб и прочую снедь. «Тайной милостыней» это подаяние называлось потому, что делалось тайно ночью и являлось безымянным.

Клавдия Михайловна была одинока. Ее приемная дочь Люба, будучи старше меня, училась где-то недалеко от Рязани, жила у родственников и по известным причинам редко появлялась у матери.

Я была любознательной девочкой и охотно слушала рассказы Клавдии Михайловны. Интересно, что она нисколько не заботилась о моем религиозном воспитании, понимая, по-видимому, в какое время мне предстояло жить. Во всяком случае, ее беседы оставили заметный след в моей памяти. В том числе они касались библейских тем, которые преподносились как исторические события. На наши встречи никто не обращал внимания. Всем было не до меня.

У отца от первого брака осталось пять человек детей. Старший, которого звали Иваном, умер уже взрослым, младшая Анна была совсем маленькой. Отец затосковал и начал пить. Об этом рассказывал своей дочери Елене брат Федор, которому было в то время лет восемь. Андрей Николаевич, выпивая, наказывал сыну: «Федя, не пей. И не рассказывай деду, что я пью». Однако Николай Федорович, в то время священник села Горицы Спасского уезда, откуда-то узнал о бедствии и стал наезжать с инспекторскими проверками. Какое-то время Андрею Николаевичу удавалось скрывать «грехи», но однажды отец застал его спящим в амбаре после довольно основательной выпивки. Разразился скандал, в результате которого Андрею Николаевичу стали подыскивать жену, благо дьячкам в отличие от священников (вспомним пословицу: «последняя у попа жена») это разрешалось. Нашлась и невеста — молодая девушка из деревни Поповка, что находилась за рекой в семи верстах от нашего села и в пяти от города Касимова, дочь потомственного рыбака Евгения, ставшая моей матерью. Она была на семнадцать лет моложе отца и замуж шла по приказу родителей.

Не думаю, что брак был счастливым: они были очень разные по характеру и по степени образованности (мама училась в школе всего полтора года). Отец обладал общественным темпераментом, был плохим хозяином, мать — заботливая хозяйка, которой не нравились общественные заботы мужа.

Дом был ветхим, крыт соломой. Нередко семья жила без собственной коровы, которую отец порой менял на понравившуюся лошадь. Лошадей Андрей Николаевич очень любил и даже сумел вырастить породистого жеребца Кузьку, который дважды спас моим родителям жизнь. Однажды святочным вечером мама ехала из Поповки через обширные заливные луга, раскинувшиеся между знаменитым Муромским лесом, известным по стихотворению А. Вельтмана «Что затуманилась, зоренька ясная?» и Окой, которая была довольно широкой как раз под нашим селом, расположенным высоко над рекой.

Ехала она в санках, запряженных Кузькой. Рядом бежали две болонки. Мама их очень любила и всегда брала с собой, когда ездила в гости в родную деревню. Неожиданно из леса выскочил волк и бросился вдогонку за Кузькой. Одна собачка прыгнула в санки и прижалась к маме. Вторая оказалась между ног лошади, стараясь бежать в такт с ней. Волк догнал Кузьку, но перегнать и броситься ему на шею не сумел. Испуганная до ужаса мама несколько раз пыталась пожертвовать собачкой, бросив ее волку, чтобы спасти себя и коня, но болонка так прижималась к ней, что маме становилось ее жаль, и гонка продолжалась. Волк так и не смог перегнать Кузьку. Жеребец выскочил на покрытую льдом реку, на противоположной стороне которой резвилась молодежь, катаясь на санях и санках. Волк испугался, погоня прекратилась. Не удивительно, что мама очень любила Кузьку и иногда говорила, видимо, в шутку (однажды я слышала сама), что согласилась выйти замуж за отца ради коня. Годами позже лошадь спасла отца, но это было по другую сторону села.

Андрея Николаевича любили и уважали в селе и в деревнях, принадлежащих приходу. Часто по церковным праздникам он уезжал в какую-нибудь деревню в гости и, как обычно, его, в достаточной степени опьяневшего, хозяева усаживали в санки, привязывали вожжи к рукам и выводили Кузьку на первинскую дорогу. Кузька подъезжал к дому, стучал копытом о порог, будил хозяйку. Мама выходила, помогала отцу выбраться из санок и отводила коня в конюшню. Отец, смирный во хмелю, послушно разрешал раздеть себя и отправлялся на свое излюбленное место — на печку. Обычно это происходило на святках.

И вот однажды, когда отец в таком состоянии возвращался домой из соседней деревни через пустынное поле, откуда-то выскочил волк и погнался за санками. Недалеко от околицы волк почти догнал Кузьку. Отец протрезвел и закричал: «Караул!» Дело было поздним святочным вечером, когда по улице бродила и озорничала орава молодых парней. Озорство их было ограничено определенными рамками. Бывало так. Если хозяева забывали крепко закрыть ворота, то парни вытаскивали со двора сани и катились на них с горы, где расположено наше село, к реке, оставляя сани на льду. Наутро хозяева, беззлобно ругаясь (сами в молодости делали так), возвращали свое добро. Порой парни заваливали вход в дом кирпичами, закладывали дымоход и проделывали еще какие-либо безобразия. Часто наряжались разными чудовищами, пугая случайных прохожих. В общем, в наших местах происходили карнавальные действия, что было привычным и не слишком опасным, тем более что пьянство в эти дни не допускалось. В тот вечер среди разгулявшейся молодежи (девушек среди них не было) находился и мой брат Федор, со слов которого я и пишу об этом эпизоде. Парни, услышав отчаянный призыв отца, бросились с криками к околице, открыли калитку, в которую буквально влетел перепуганный Кузька, спасший протрезвевшего хозяина. После этого отец перестал разъезжать зимой по соседним деревням, как бы ни заманивали его друзья.

Как я уже писала, Андрей Николаевич довольно холодно относился к своим церковным обязанностям. Его больше интересовали общественные дела. Так, он принимал активное участие в работе «Ссудо-сберегательного товарищества». Это была своеобразная касса взаимопомощи. Члены ее вносили определенный денежный вклад. И если кому-либо нужна была денежная помощь, он ее получал. Деньги хранились в шкатулке, которая была доверена отцу. Ключ от нее находился у другого активиста, жившего в соседней деревне.

Февральскую революцию Андрей Николаевич принял и, когда были выборы в Учредительное собрание, голосовал за партию эсеров, активно пропагандируя ее идеи. В дореволюционные годы отец был дружен с помещиком Андреем Ивановичем Гильдебрандтом, судя по всему очень интересным и талантливым человеком, вероятно, имевшим агрономическое образование. Оказавшись хозяином имения, он перестроил его. Гильдебрандт увлекался идеями Мичурина, выводил новые сорта плодовых деревьев, построил оранжерею, где у него росли экзотические растения. Я еще застала бамбуковые заросли и удивительной красоты цветы. Помню липовую аллею, китайскую беседку, украшенную разноцветными стеклами, из которой через прорубленную аллею с высокой горы была видна Ока. Гора, на которой было расположено поместье, как и все наше село, отделенное от него глубоким оврагом, было засажено деревьями, среди которых преобладали ели и лиственницы. Помню каменные конюшни, где, по-видимому, обитали породистые кони. Двухэтажный деревянный дом сохранился и поныне. В постреволюционные времена в нем располагались то школа, то клуб, то сельсовет, пионерский лагерь, и многое другое.

Главное внимание Гильдебрандт уделял садам. Их было два: один в поле, другой тянулся от липовой аллеи до нашего дома. Очень хорошо помню каменную ограду, отделявшую барский сад от нашего огорода, расположенного через дорогу от дома. Большой заслугой помещика было стремление рассадить сады по всему селу. И он добился этого. В селе не было ни одного даже захудалого дома без сада, где росли яблони, вишни, груши самых лучших сортов. Был, конечно, сад и у Андрея Николаевича. Я еще помню разные сорта груш и особенно слив, необычайно вкусных. Помню и разные сорта вишен; их мы называли «коломенка» и «шпанка». Ягоды «коломенки» были мелкими и кислыми, зато держались до глубокой осени. Ягоды «шпанки» созревали рано, были крупными, сочными и необыкновенно сладкими. После Октябрьской революции Андрея Ивановича лишили имения, и

он с семьей переехал в Касимов, где стал главным озеленителем города. Его уважали, и памятью об этом замечательном человеке остались в Касимове парки и скверы.

В конце лета 1918 года произошла история, которая могла бы окончиться трагически и для моего отца и для одной из сестер. Мама в это время тяжело болела и лежала в Касимовской больнице. На руках отца оказались Василий, Сергей, Анна, Саша и годовалая Наташа.

Когда в барском саду созрел урожай, женщины из окрестных деревень бросились его грабить, растаскивая, главным образом, яблоки. А тут раскапризничалась Наташа, и отец, держа ее на руках, пошел в огород, граничащий с барским садом, чтобы сорвав сливы, успокоить ее. Вдруг начался обстрел. Отцу удалось благополучно вернуться в дом. А в саду, возле нашей ограды, ранили женщину, кажется, из деревни Савино, и она умерла прямо под нашим окном. Что это было — не знаю. И кто стрелял? Знаю лишь о том, что после этой трагедии грабежи прекратились. Скорее всего, стреляли комбедовцы, которые в то время имели большую власть. Они не хотели разгрома имения и, охраняя его, применили оружие. Шальная пуля смертельно ранила женщину. А так как это происходило напротив нашего дома, то неудивительно, что пули летели над огородом, где в это время находился Андрей Николаевич с маленькой Наташей на руках.

После революции Андрей Николаевич еще какое-то время служил псаломщиком. Я помню свое первое причастие и, по-видимому, первое посещение церкви. Вспоминаются яркий свет, блестящие одежды служителей, церковное пение и что-то сладкое во рту. В это же время наша семья строила новый дом вместо ветхого старого. Мы с моим младшим братом Колей (он родился в 1923 году) жили у соседки Марьи по прозвищу Макеня. Помню, как сестра Анна, жившая у кого-то из односельчан, скорее всего у нашей двоюродной бабушки Аксиньи, рассказывала нам сказки. Я даже запомнила одну: это была сказка о музыкальной шкатулке (должно быть, «Черная курица» А. Погорельского).

Примерно в это время Андрей Николаевич публично объявил, что снимает с себя сан псаломщика и становится крестьянином. Твердо знаю, что уважения к нему сельчан и жителей окрестных деревень не уменьшилось.

Я помню, как делили землю, участки которой были неодинаковыми: одни более плодородными, другие — менее. Чтобы не было обид и ссор, бросали жребий. Это происходило так. Каждый участок имел определенное название. Его записывали на клочке бумаги, бумажку сворачивали в трубочку и бросали в фуражку Андрея Николаевича. Ее встряхивали, и каждый вынимал свой жребий. Одни радовались, другие огорчались, но смирялись. Такова судьба: авось, на следующий год повезет больше. Мои родители, как и все жители села, пахали, сеяли (причем крестьяне советовались с отцом о времени сева).

Однажды в поле произошел такой случай. Я ходила с мамой жать рожь. Женщина, работавшая на соседней полосе, порезала палец и останавливала кровь, пользуясь собственными средствами.

Все это вспоминается какими-то отдельными эпизодами, но представляется ясно, словно было вчера. Хорошо запомнились рассказы старших о событиях прошлого. В годы гражданской войны и некоторое время после нее в наших местах была дефицитом соль. Крестьяне сильно страдали от этого, так как купить ее по спекулятивным ценам не могли. К счастью, у нас на чердаке старого дома в течение нескольких лет стояла дубовая кадка, обитая железными обручами. В эту кадку каждый год насыпали соль с таким расчетом, чтобы ее хватало надолго. Естественно, кадка так просолилась, что дубовые доски стали такими же солеными, как и сама соль. Односельчане приходили к нам за солью. Мама сердилась на отца за то, что

он никому не отказывал, но слышала в ответ одно и то же: «Как все, так и мы».

Наконец запас соли кончился, и Андрей Николаевич, сняв обручи, разбил кадку на дощечки и стал давать сельчанам дубовые щепки, которые они, как и мы, клали в чугун во время приготовления еды. Надолго ли их хватило — не знаю, но все это показательно для отцовского нрава.

Второй случай носил комический характер. Наш дом стоял рядом с кладбищем, так что покойника несли мимо нас, тем более что церковь находилась близко от дома. В селе тогда говорили вместо «похоронить» — «отнести за Андрея Николаевича».

Дом наш был очень гостеприимным и открытым, так что нередко у нас ночевали женщины из соседних деревень, чтобы вовремя попасть к ранней заутрене. А отца моего не только уважали, но и побаивались. Так, например, некоторые верили, что он ночами встречается с мертвецами, которые ходят мимо нашего дома к колодцу, чтобы утолить жажду, и будто бы Андрей Николаевич выносит им ведро с веревкой. И вот однажды, в ночь перед Рождеством, у нас ночевали женщины из соседней деревни. В полночь одна из них спросила, вправду ли рассказывают о встречах Андрея Николаевича с мертвецами? Отец любил пошутить. Он ответил утвердительно.

— И сегодня они могут прийти?

— Могут и сегодня, — ответил отец. — Вот ударит колокол (по традиции ночами каждый час звучал удар колокола), они и постучат в окно.

И надо же было тому случиться, что за ударом колокола кто-то постучал в окно и глухой голос позвал:

— Андрей Николаевич, выйди!

— Ну вот, — сказал отец, — они и пришли.

Испуганные женщины стали прятаться, умоляя не впускать усопших в избу.

Отец же сразу догадался, в чем дело. Он узнал голос одного своего приятеля, любившего в подпитии ездить по окрестным деревням. Оказывается, тот заблудился, но потом понял, что подъехал к Дашковым. Андрей Николаевич вышел и направил сани с незадачливым седоком в нужном направлении. Об этом мне рассказал кто-то из старших, кажется, сестра Маша.

После принятия Конституции 1924 года для нашей семьи начались трудные годы. Отца, как бывшего служителя церкви, лишили права голоса, после чего моим братьям и сестрам стало значительно труднее работать и учиться. Старшие были учителями, вели уроки в младших классах, учили грамоте взрослых, вели просветительскую работу. Я однажды присутствовала на одном вечере, где старшая сестра Софья через «волшебный фонарь» показывала народу картины жизни разных народов. Люди с интересом смотрели на импровизированную сцену, где висела белая простыня — экран, на которой высвечивались эти картины.

Все мои старшие братья и сестры увлекались самодеятельностью. Мои сестры играли в спектакле-водевиле «Теща в дом — все вверх дном». Они вообще, где бы ни работали, обязательно устраивали спектакли, которые пользовались в народе большим успехом. Для постановки из дома уносились разные вещи, порой без возврата. Мама сердилась, но отец поощрял нашу просветительскую деятельность. В том, что все его дети, за исключением младшего, стали учителями — заслуга Андрея Николаевича.

Человек очень начитанный, знающий историю родной страны, он прививал детям любовь к чтению, к истории, развивая желание помочь своему народу.

Вспоминается, как вечером при свете горящей лампады мы с моим младшим братом Колей лежим на широкой деревянной кровати (почему-то ее называли «коником»), отец, напротив, на печке. Перед сном, он рассказывает нам различные эпизоды из русской истории, чтобы потом, через какое-то время устроить своеобразный допрос.

— А ну, кто скажет, в каком году была Куликовская битва?

— Как был одет Дмитрий Донской?

— Кто возглавил засадный полк?

Мы любили эти разговоры, и потому охотно читали произведения на историческую тему. Рассказывал он нам и разные притчи. Одну я запомнила, но до сих пор не знаю, откуда она: из напечатанного или это фольклорное произведение. В притче повествуется о двух братьях. Старший (назовем его Петр), повзрослев, решил спасти свою душу и, чтобы не грешить, стал жить в пещере вдали от родного селения. Младший (Иван) остался с людьми, стараясь помочь им. Пришла беда: какая-то страшная болезнь стала губить людей. Петр, молясь о спасении своей души, совсем порвал связи с жителями селения. Иван стал помогать людям: кормил их, лечил, купал, хоронил умерших. И при этом не переставал поносить Бога, укоряя его за жестокость. Прошло время, оба брата умерли и явились на суд Божий.

Господь спросил старшего, чего он заслуживает, рая или ада.

— Господи, — воскликнул Петр. — Я ведь прожил безгрешную жизнь. Я только молился, сторонясь грешной мирской жизни, стараясь спасти свою душу. Конечно, я заслужил райское блаженство.

— А ты, Иван, куда мне определить тебя? — спросил младшего Господь Бог.

— Куда же, как не в ад, — печально ответил младший брат. — Ведь я не заботился о спасении своей души и только бранил тебя за то, что ты не жалеешь людей и губишь даже младенцев.

— А еще что ты делал? — спросил Господь.

— Помогал больным, лечил их, кормил, хоронил умерших. Не до тебя мне было. А теперь я покоряюсь воле твоей.

— Ну, вот что, — изрек Господь. — Ты, Петр, думал лишь о себе, не желая замечать человеческих страданий, тебе дорога в ад. А ты, Иван, души своей не пожалел ради ближних своих, так иди теперь в рай…

Об отношении моего отца к нерусским народам свидетельствует такой эпизод. Дело было в конце 20-х годов. Я еще тогда не училась. В один из святочных вечеров он увидел на главной улице села две цыганские повозки. Был лютый мороз, и в повозках плакали дети. Пожилой цыган, видимо, старший в таборе, умолял собравшихся около повозок сельчан, приютить их и спасти от возможной гибели. Крестьяне, хоть и сочувствовали им, но боялись цыганского коварства. Андрей Николаевич позвал их к себе. Мама испугалась, но глава табора сказал о строгом цыганском законе, предписывающем с благодарностью относиться к тем, кто помог им в трудную минуту. Цыгане прожили у нас до тех пор, пока не ослабел мороз, и мы с Колей подружились с их детьми. Когда они уехали, горячо поблагодарив моих родителей, обнаружилась пропажа ножниц, предмета в то время дефицитного. Мама стала упрекать отца, но в это время верхом на взмыленной лошади прискакал цыган. Он сказал, что забыл предупредить — куда положил ножницы, боясь, что дети по глупости могут украсть их. Ножницы нашлись, и цыган, еще раз поблагодарив родителей, уехал.

К Андрею Николаевичу с искренним уважением относились и жители близко расположенной к нашему селу татарской деревни Баишево. Не могу не рассказать об удивительной встрече, происшедшей в Туркмении осенью 1940 года. Я и мои подруги, фельдшерицы местного медицинского пункта Лида и Дуся, приехавшие из Днепропетровска, шли в пограничный с Афганистаном город Керки. По дороге нас догнала машина «ЗИС», остановилась, и сидевший в ней единственный пассажир пригласил нас. По дороге мы разговорились и наш гостеприимный попутчик, узнав, откуда я, с удивлением сказал, что он родился и вырос в Баишеве, хорошо помнит моего отца, которому чем-то был даже обязан. Это был председатель Совнаркома Туркмении Акмаев. Потом он несколько раз заезжал к нам в медпункт и очень помог нам в отношениях с местным начальством.

Когда отец женился второй раз, он старался молодую жену приучить к чтению, развить ее, обогатить духовный мир. (Дочь потомственного рыбака, она училась в школе всего полтора года). Мама была талантливым человеком, но отца не понимала, сердясь на его бесхозяйственность и увлеченность общественными делами. Хозяином он, действительно, был неважным. В то же время жена уважала мужа, хотя они нередко и ссорились. После 1927 года, когда был взят курс на раскулачивание и организацию сначала кооперативных хозяйств, а затем колхозов, семье Дашковых стало худо.

В эти годы начали высылать кулаков, нередко зачисляя в кулаки, как известно, крестьян, ни с какой стороны кулаками не являющихся. В нашем селе кулаков не оказалось, но решением совета были выслан на Соловки хозяин хутора Еремеев, дьякон Марк Твердов и владелец маленькой лавчонки Николай Иванович Самгин. Стоял вопрос и о судьбе Андрея Николаевича, но ни одна рука не поднялась за то, чтобы выслать его из села. Когда стали выяснять, почему так, оказалось, что в селе не нашлось ни одного дома, который не был бы чем-либо обязан Дашковым. Правда, было несколько человек, враждебно относящихся к Андрею Николаевичу, но их голоса не были решающими.

Главной причиной такого отношения сельчан к моему отцу была его забота об охране села и соседних деревень от страшных пожаров, являющихся бедствием в летнее время. Интересно, что по конституции 1924 года Андрей Николаевич был лишен гражданских прав, а по решению районных органов его наградили за антипожарную деятельность почетной каской, блестевшей, как золотая. К сожалению, она где-то затерялась, хотя я видела ее на чердаке перед своим отъездом в 1940 году в Туркмению. Добровольную пожарную дружину Андрей Николаевич организовал еще до революции и продолжал руководить ею до 30-х годов. Командный пункт ее находился возле церкви, где было установлено дежурство, рядом с противопожарной машиной обязательно стояла наготове чья-либо лошадь.

Машина всегда была полна воды, а дежурный время от времени обязан был подниматься на колокольню, зорко осматривая окрестности. Увидев дым или пламя, он ударял в главный колокол. Тотчас собиралась дружина, молодые, сильные парни, и все мчались на тушение пожара, в какой бы окрестной деревне он ни возникал.

Набатный колокол был необычайной силы — звон его разносился в округе километров на пятнадцать. Этот колокол звонил каждый час, спасая заблудившихся в зимнюю метельную ночь в лугах за Окой, что случалось нередко. Представляю, как тяжело было моему отцу, когда с колокольни в пылу борьбы с религией сбрасывали колокол, спасший немало жизней.

Наше село и окружающие его деревни были благодарны дружине и их руководителю, не раз спасавших крестьян при пожарах. Я знаю много случаев, когда дружина героически боролась с огнем, отводя гибель не только от дома, но и от людей. Во всех случаях руководил спасательными работами Андрей Николаевич.

Мама нередко сердилась, даже ссорилась с отцом, потому что он уделял слишком много внимания своей дружине — где пожар, там и отец. Лишь однажды она решила, что один из пожаров обошелся без его участия, но ошиблась. Андрей Николаевич поехал в Касимов продавать овес, а в это время возник пожар в соседней деревне.

— Ну вот, — сказала кому-то мама, — хоть один пожар обойдется без него (натренированная дружина и без руководителя знала свое дело). Каково же было ее изумление, когда через несколько часов, весь черный от копоти, верхом на лошади отец вернулся домой.

— А где телега с овсом? — спросила мама.

— А там, за рекой, — махнул рукой отец.

— Как так! — ахнула мама. — Ведь украдут.

— Не украдут, — твердо возразил отец. — Поймут, чье это.

И действительно, телега с овсом уцелела, не исчез из нее ни один мешок. С Андреем Николаевичем считались в народе, да и побаивались его.

Стоит рассказать и о таком случае. Недалеко от Перво, через довольно глубокий овраг, расположена деревня Шемякино, состоящая всего из одной улицы, или, как у нас говорят, порядка. И вот случилось так, что между жителями началась вражда, о причинах которой никто уже и не помнил. Но каждый год одна сторона улицы поджигала другую и любовалась, глядя на бушующее пламя. Андрею Николаевичу в конце концов надоело тушить шемякинские пожары. И вот однажды, сговорившись со своими ребятами, он скомандовал: «Хватай баб! Бросай их в огонь!». Стоявшие без дела и любующиеся на огонь, люди испугались, когда дружинники схватили одну женщину и потащили к горящему дому.

— Андрей Николаевич, прости! Больше не будем! — со страхом закричали поджигатели.

Когда пожар был потушен, отец собрал всех в один круг и грозно сказал, что ему и его дружине надоело тушить их пожары. И если еще случится хоть один поджог, дружина зажжет деревню с обоих концов, и она сгорит вместе с жителями. Крестьяне дали клятву, что пожаров больше не будет, и их, действительно, больше не было. Таким авторитетом пользовался в округе Андрей Николаевич Дашков.

А однажды отец своей находчивостью вместе с малыми детьми спас целую улицу, а, может, и все село от страшного пожара. Так случилось, что он один из взрослых оказался в селе: остальные были за рекой на сенокосе. В это время загорелись риги на Конопляниках. Так называлась улица, дома которой располагались только на одной стороне. Противоположную сторону занимали риги. Ветер дул в сторону улицы, грозила большая беда, так как паром и лодки почему-то оказались на стороне села. За рекой началась паника. Молодежь бросилась вплавь за лодками, а взрослые в ужасе стояли на противоположном от села берегу. Вдруг кто-то спросил: «А где Андрей Николаевич?» Когда народ узнал, что мой отец в селе, женщины стали молиться, чтобы Бог вразумил его спасти село. А отец в это время уже действовал вовсю. Собрав плачущих ребятишек, он велел каждому принести из дома ведро с водой и веник, и рассадил их на крыши домов улицы, параллельной ригам. Так был обезврежен огонь.

Искусство борьбы с огнем унаследовали от отца и его сыновья: Василий и Сергей. В начале 30-х годов они учительствовали в школе деревни Мальцево, неподалеку от нашего села. Однажды вечером они вышли из избы-читальни, где происходило какое-то собрание, и увидели вдруг загоревшуюся избу. Ветер дул в сторону реки, куда спускалась улица, и пожар грозил уничтожить все избы, крытые соломой, вместе со спящими людьми. Медлить было нельзя, и братья, схватив палки, побежали вдоль улицы — один по левой стороне, другой по правой. Они стучали в окна и громко кричали: «Пожар! Просыпайтесь и бегите на улицу!» Огонь почти догнал их, но люди проснулись и выскочили из домов. Улица сгорела, однако жертв не было. Обитатели домов успели спастись.

Разумеется, жители Перво и окрестных деревень были благодарны Андрею Николаевичу, и поэтому отстояли его, когда стал вопрос о высылке «чуждого» элемента. Однако и при этом жить нашей семье было очень трудно. Во второй половине 20-х годов, в период организации колхозов, мы стали изгоями. Отец не только был лишен избирательных прав, но и получал так называемое «твердое задание», которое заключалось в том, чтобы семья сдавала государству довольно большое количество зерна и денег. Если это не выполнялось, приходили с обыском и отбирали все, что находили в доме. А мы жили бедно, и продуктов едва хватало, чтобы прокормиться. Как правило, от нас уходили с пустыми руками. Могли бы конфисковать что-то ценное, но из ценных вещей в семье была только одна швейная машинка фирмы «Зингер», полученная мамой в качестве приданого, которую успевали спрятать.

Вспоминается такая сцена. Узнав о предстоящем обыске, машинку по распоряжению мамы отец относил в овраг, благо, он был рядом с домом. У печки висели ону́чи, а на столе стоял искалеченный самовар, ножки которого заменяло ведро. Рядом грудилась видавшая виды посуда, кровать была покрыта старой дерюгой. Единственным украшением служили старенькие настенные часы-ходики да два больших бумажных портрета декабристов — князей Трубецкого и Волконского в генеральских мундирах.

С этими портретами была связана забавная история. Отца обвинили в преклонении перед царскими генералами, что означало враждебность Андрея Николаевича к Советской власти. К счастью, проверкой полученного доноса занялся человек в достаточной степени образованный, и все обошлось.

Однажды среди тех, кто приходил с обыском, оказался инструктор райкома, кажется, по фамилии Якунин. Я и брат Коля в это время рисовали плакат, восхваляющий праздник Октябрьской революции. Я была активной пионеркой при родителях-лишенцах, и это никого не удивляло. За ударную работу меня даже наградили путевкой в пионерский лагерь, который располагался в бывшем барском имении. Правда, узнав, из какой я семьи, меня через два дня оттуда с треском выдворили, но, как ни странно, я и после этого руководила пионерским отрядом. Помню, что Якунин, оглядев нищую обстановку дома, вполголоса обругал председателя сельсовета Синякова: «Ты куда меня привел, так твою...» И тотчас ушел.

Справедливости ради надо сказать, что Синяков был очень порядочным человеком и искренне уважал моего отца. Думаю, что в судьбе отца, который не последовал за дьяконом, отцом Марком, хозяином хутора Еремеевым и владельцем торговой лавки Н.И. Самгиным, есть и его доля участия.

Интерес представляет история, случившаяся с Самгиным. Пробыв некоторое время в ссылке, он бежал. Жил в своем доме, ночевал на сеновале, а днем прятался в чулане. Все село и все сельское начальство знали об этом, но никто его не выдал. Вечерами он иногда приходил к нам, и они с Андреем Николаевичем разговаривали, сидя в темноте за кухонным столом. Однажды, проснувшись, я услышала их разговор. Отец уговаривал Николая Ивановича сдаться властям. Он говорил: «У тебя три сына, пожалей их. Ведь рано или поздно кто-нибудь выдаст тебя, и что тогда?»

В конце концов, Самгин последовал советам отца и явился с повинной в милицию. Ему простили побег, он отбыл срок и вернулся домой, не испытав никаких репрессий. Умер он на собственной постели, уже после войны. Два его сына, как работали учителями, так и работали. Поступок отца никак не сказался на их судьбе.

Дела в колхозе пошли неплохо, особенно, когда председателем его стал двадцатипятитысячник Курков, честный и порядочный человек. Приведу один пример. Соседка наша Марья (Макеня) жила, как я уже писала, так бедно, что каждую зиму она и ее дети ходили по дворам, прося милостыню. В колхозе она стала ударницей, льноводом. Нищенство ее окончилось. И вот однажды рядом с селом приземлился самолет. Мы, конечно, впервые увидев такое чудо, побежали к нему. Оказывается, самолет прилетел для того, чтобы покатать ударниц, среди которых была и тетка Марья. Можно представить себе, с какой гордостью она вышла из самолета после воздушной прогулки. Она сказала потом, что впервые почувствовала себя человеком. Это было, и об этом не

следует забывать, ругая колхозную жизнь.

Курков с семьей жил в бывшем помещичьем доме рядом с садом, но не позволял ни себе, ни детям чем-либо попользоваться. Помню такой случай. Возле нашего дома однажды остановились дети: мальчик и девочка. Они со слезами на глазах смотрели на яблоню, растущую недалеко от дороги и всю покрытую вкусными плодами. Мама спросила детей, что им нужно.

— Тетя, дай нам по яблочку, так хочется...

Мама знала, что это дети председателя колхоза, и с удивлением спросила: «Но ведь вы живете среди яблок?» Девочка ответила, что эти яблоки принадлежат колхозу и отец запрещает к ним притрагиваться. Мама вынесла ведро яблок, высыпала в какой-то мешок и отдала детям.

Потом Курков уехал, и председателем стал некто по прозвищу Филиппок, которого в селе считали придурком. И в колхозе дела пошли худо. Кончилось тем, что на колхозном собрании его с треском выгнали из председателей. Почему-то я оказалась среди присутствующих и хорошо запомнила, как дружно и единогласно колхозники, кажется, даже вопреки воле представителя РК партии проголосовали за нового председателя, которого выдвинули сами. Это был степенный мужчина — Михаил Михайлович Кондралев. Дела в колхозе пошли в гору. Михаил Михайлович был председателем всю войну и после нее, до укрупнения колхозов.

Мы долго были изгоями. Пожарная дружина распалась, но отец отстоял обязательное ночное дежурство в летнее время — обход села, чтобы не допустить возникновения опасной ситуации. Отец, по-видимому, тяжело переживал свое положение, но я не могу припомнить, в чем это выражалось. Василия и Сергея исключили из касимовской школы, старшие мои братья и сестры, работавшие учителями, домой приезжали редко, стараясь быть незамеченными. Братьев восстановили в касимовской девятилетке, но сестра Саша вынуждена была, скрыв свое происхождение, учиться в Михайловском педтехникуме, который благополучно окончила.

Отношение сельчан к семье Дашковых по-прежнему было доброжелательным и уважительным, но обыски продолжались. Однажды во время осмотра подпола, где обнаружено было лишь несколько ведер картофеля, один из парней увидел бутылку, запечатанную сургучом и, приняв за водку, украл. Торопясь выпить, он, раскрыв ее, обнаружил вместо водки нечто другое (мама запечатала сургучом освященную в церкви воду). Разбитую бутылку мы нашли потом рядом с домом, на скамейке, что стояла между двух берез. Мама долго дразнила парня, и он, чуть не плача, умолял ее о прощении. Потом это все позабылось. Интересно, что у этого «героя» было прозвище «Рамзин», которым его наградили после процесса Промпартии в 1927 году.

Мама очень тяжело переживала свое отлучение от народа. Она была талантливой огородницей, выращивала такую капусту, что однажды даже получила премию на каком-то конкурсе (скорее всего это было до коллективизации). Мама была человеком, что называется, компанейским, и вынужденное одиночество тяготило ее. Ей хотелось к людям, в огородную бригаду, которая выращивала овощи на прибрежном лугу. Да и бригаде мама была нужна. Помню, как вечерами под окна приходил бригадир дядя Саня Морозов, чтобы посоветоваться с мамой о неотложных огородных делах. Мама никогда не отказывала ему в помощи.

Вместе с коллективизацией началось гонение на церковь. И я видела из окна, как сбрасывали с колокольни любимый отцом набатный колокол. Церковь разорили, несмотря на то, что на стене ее висела доска, на которой было написано, что она является памятником старины и охраняется государством.

С разгромом церкви связана целая история. О судьбах ее разрушителей помнят до сих пор. А было так. Руководил

всем некто Иван Иванович Воронин, который играл главную роль в событиях 20-х — начала 30-х годов. Хозяин он был никудышный, семья его была одной из самых бедных. Зато он был активнейшим коммунистом в селе. Уважением Иван Ворона (таково было его прозвище) в народе не пользовался, но его боялись. Конец жизни Ивана Ивановича был ужасен. Его укусила бешеная собака, он не стал лечиться и умер от водобоязни.

Один из активистов-безбожников по прозвищу Иван Горюн, выбрасывавший из окна церкви иконы, умер мучительной смертью от гангрены. Женщина-активистка (кажется, ее звали Арина), плясавшая на выброшенных иконах, в течение многих лет болела какой-то неизлечимой болезнью и, как говорили в народе, «заживо сгнила». Иван Старостин, по прозвищу Камб, который сбрасывал колокол, умер от туберкулеза. От этой, тогда неизлечимой болезни, умерли его отец, сестра и брат. Трагическая судьба постигла и его старшего брата Василия, друга моего детства. Окончив военное училище, он вместе с целым эшелоном выпускников попал в плен. «Нас предали», — с горечью говорил он мне в 1946 году, когда я впервые приехала в родное село после шестилетнего пребывания в Туркмении. Всю войну он промучился в концлагере, расположенном где-то на территории Чехии. Однажды был избит охранниками за то, что голодный осмелился поднять картофельные очистки, да так, что у него началась какая-то легочная болезнь, которая вскоре после войны, когда он работал учителем в Первенской школе, свела его в могилу. «Как мне обидно, — жаловался Василий, — хоть бы одного врага я прикончил, мне было бы легче». Все его родные умерли, и он знал, что жить ему остались считанные дни. Так погибли все, кто был причастен к разорению церкви. «Божья кара», — говорили в народе. Как относился к разорению церкви отец — не помню. Но вряд ли он одобрял это варварство. Особенно он жалел колокол, спасший многих от гибели.

Андрей Николаевич мужественно переживал все невзгоды. Он верил в будущее страны, и эту веру внушал своим детям. Он нередко повторял: «Власти меняются, а Россия остается». Теперь я думаю, что он был убежден в том, что его положение изменится к лучшему. Во всяком случае, отец не хотел, чтобы мы выросли в ненависти к Советской власти. Убежденными советскими людьми были и его старшие дети — учителя. В этом была большая заслуга Андрея Николаевича, который много внимания уделял воспитанию своих детей, приучая к чтению и развивая интерес к истории России.

В трудные для семьи времена нас, младших, брали к себе старшие сестры, и мы жили и учились у них. Так, учась в третьем классе, я жила у сестры Маши, которая стала для меня второй матерью. Я вернулась домой только потому, что Маше представилась возможность жить и работать в Москве. Со мной вместе жил и учился в первом классе брат Коля. В пятом классе я училась в селе Романово, недалеко от поселка Тума, и жила у сестры Анны. У нее же жил брат Сергей, ставший учителем. Наташа какое-то время жила и училась в Туме у сестры Софьи.

Отец мучительно переживал свое положение человека, лишенного гражданских прав. Но никогда ни слова не говорил против колхозов и политики партии. Его пытались спровоцировать, чтобы подвести под репрессии, но это никому не удалось. Помню, как однажды к нам неожиданно пришла жена Ивана Ивановича — Зина Ворона — за советом, вступать ли ей в колхоз. Отец выругал ее и, схватив палку, выгнал из дома.

Обрабатывая свой участок земли как единоличник, он в то же время работал ночным сторожем. Его озорной нрав проявлялся и тогда. Однажды в избе-читальне, которая располагалась в бывшем доме дьякона, в пасхальную ночь комсомольцы проводили антирелигиозный вечер. Отец с деревянной колотушкой в руках зашел в зал, постоял у две-

ри, а потом громко крикнул: «Православные! Христос воскресе!» Все хором откликнулись: «Воистину воскресе!» Последовала пауза, а потом раздался громкий хохот. И такие поступки сходили ему с рук. Видимо, уважение к Андрею Николаевичу ничем нельзя было пошатнуть.

А жить было все труднее. Особенно в начале 30-х годов, когда почти всю страну в результате засухи охватил голод. Ведь в 1932 году с апреля и до сентября не выпало ни одного дождя. Я помню, что земля была вся в трещинах, трава пожухла, деревья поникли. В селе было уныние, один парень повесился с голоду. Кто-то распространил слух, что обильно растущий в бору мох (ягель) съедобен. Мы с сестрой Сашей ходили за ягелем, мама вываривала из него крахмал и добавляла в хлеб. Мох был съедобный, но очень невкусный.

Мы кое-как перебивались. Спасала корова и учительский паек, который получал Василий, работавший в школе в деревне Мальцево, находящейся в трех километрах от нашего села. В эти годы в некоторых городах открылись магазины «Торгсин». В них можно было за золото и серебро купить продукты. Василий поехал в Муром и привез оттуда мешок муки. Платой за муку были золотые обручальные кольца родителей. Привез он оттуда мне и сестрам брезентовые туфельки, белые, отделанные голубым бантом и на голубой резиновой подметке. Туфельки казались изящными, мы их берегли и когда они загрязнялись, чистили зубным порошком. Народ голодал и мечтал о куске хлеба. Был такой случай.

В 1932 году к нам из Москвы приехала Маша. Она известила нас, что ее из Касимова привезет кто-то на лодке, и просила ее встретить. Мы пошли с Сашей на берег Оки к перевозу. Подошла лодка, мы радостно поздоровались с любимой сестрой. Привез ее молодой сельчанин, теперь не помню кто. Однако хорошо запомнила их разговор. Маша спросила, сколько она ему должна. Он на минуту задумался, а потом спросил: не может ли Мария Андреевна дать ему чистого московского хлеба. Маша достала из мешка буханку и отрезала ему половину. Не могу забыть, как он обрадовался и как благодарил сестру.

Отец в это время обрабатывал свой участок земли. Получал ли твердое задание? Не знаю. Во всяком случае, в 1932-33 годах я обысков не помню, хотя не уверена, что их не было. Потом он стал работать на карьере. Братья и сестры ненадолго заглядывали к нам, помогали, чем могли. Мама потихоньку консультировала дядю Саню, благо, на заливном лугу овощи вызревали даже в засуху. Они были большой подмогой колхозникам.

Летом 1936 года я увидела возвращающихся из города Василия и Сергея. Вид у них был какой-то странный: они словно подтанцовывали и при этом размахивали газетами. Это была «Правда» с опубликованным на ее страницах проектом новой Конституции. С этого дня жизнь наша переменилась. Нас приняли в колхоз, и отец получил единые права со всеми. В колхозе он работал мало, лишь помогал мужчинам метать стога — этим искусством владел не каждый.

Впервые в 1936 году открыто собралась в летние каникулы большая семья Дашковых. Среди десяти детей Андрея Николаевича только я и Коля учились, остальные учительствовали. Зятья и снохи тоже были учителями. У нас собирались веселые вечерние застолья, с забавными рассказами, танцами под гармонь, на которой искусно играл Федор Самгин, тоже учитель. Наташа, Сергей и Саша были отличными плясунами, особенно Наташа, которая неизменно занимала первые места на различных конкурсах. Она же сочиняла частушки. Однажды пропела:

Развелося девок много:
Уничтожить нужно.
У папаши моего
Их целая полдюжина.

Действительно, у отца было шесть дочерей и четыре сына.

Семья в сборе. *1936 год*

Однажды Наташа вызвала на пляску отца, и тот так чудесно прошелся по кругу, что мы все залюбовались. Я никогда не видела его таким счастливым, как в 1936-37 годах, когда летом собиралась вся семья Дашковых.

Интересно, что нам не завидовали. Все знали, какой трудовой жизнью живут дети Андрея Николаевича зимой. Ведь учителей тогда уважали. Мама была счастлива: летом 1936 года нас приняли в колхоз, а ее сразу назначили звеньевой в огородной бригаде. Я тоже работала, возглавляла звено подростков. Наша обязанность заключалась в том, что мы ведрами из реки носили воду и поливали овощи, черпая воду из ведер ковшами. В эти годы наш колхоз процветал. На трудодни давали много зерна, овощей, других продуктов. Организовывали веселые вечера с танцами под гармошку или под учительский струнный оркестр. На Покров (14 октября) колхозники праздновали День Урожая. Один из таких праздников справлялся в нашем доме. Мама напекла пирогов, она была большой мастерицей по этой части, остальные принесли, кто что мог. Пили брагу, веселились, пели песни, плясали под звон балалайки. Эти годы были счастливыми не только для нашей семьи, но и для всех колхозников. Мне в это время купили гитару, Федор Самгин научил играть, и я нередко вечерами пела под аккомпанемент оркестра или соло под гитару. Я и мои сверстники учились в НСШ (неполная средняя школа) в селе Бетино, в пяти километрах от Перво. В зимние морозные дни снимали квартиру, в остальное время ходили гурьбой пешком.

Учась в седьмом классе, я вместе со своими друзьями вступила в комсомол. Моей общественной нагрузкой было участие в драмкружке, организованном учителями. В спектакле «Крепостные» по мотивам повести Н. Лескова «Тупейный художник» на главную роль была выбрана я, ученица 7-го класса. Спектакль имел большой успех, как, впрочем, и другие спектакли с моим участием. Я уже писала, что в самодеятельности принимали участие все мои братья и сестры. Среди них по-настоящему талантливыми были Федор и Саша. Мне кажется, что если бы Саша рискнула и

поехала в Москву, ее бы там приняли, и она могла бы стать настоящей актрисой. Но вот смелости у нее не хватило.

Чаще всего для постановки выбирали пьесы русских драматургов. До сих пор перед глазами сцена: Федор в роли Несчастливцева грозно приказывает Сергею: «Аркашка, подай мои ордена!» Орденами служили елочные игрушки. Интересно, что Федор уже в почтенном возрасте ставил в Перво спектакль по пьесе Островского «В чужом пиру похмелье», закончив перед этим заочные режиссерские курсы. Говорят, что он очень талантливо сыграл роль Тита Титыча. Спектакль был показан дважды: в Перво, а затем на сцене касимовского Дома культуры.

Учась в Касимовском педтехникуме, режиссурой увлекалась и я. Я поставила в нашем сельском клубе и исполнила главную роль в пьесе, которая имела два названия «Псиша» и «Лиза Огонькова». Мы выбрали, конечно, второе название. Автором пьесы, кажется, был Ю. Соболев.

Отец относился к нашим занятиям самодеятельностью спокойно и, думаю, с одобрением. Помню два эпизода, связанных со спектаклем. По сценарию Лиза была обижена «барской барыней», приревновавшей ее к барину, любовницей которого была (отсюда название «барская барыня»). В антракте на сцену вдруг явилась группа доярок, желая расправиться с обидчицей, которую играла наша фельдшерица. Мне с трудом удалось объяснить им разницу между жизнью и сценой и уладить конфликт. Второй эпизод был связан с братом Колей, игравшим народного заступника, похожего на Радищева (действие пьесы происходило в век Екатерины II). В одной из сцен я стояла на коленях перед барином, моля его о чем-то. Я плакала настоящими слезами, недалеко от нас стоял Коля, игравший вольнодумца. В зрительном зале послышались всхлипывания, затем все замолкло, и вдруг я услышала смешки. Оглянулась на Николая и увидела, что он, глядя на зрителей, строит гримасы, смешно передразнивая меня. Спектакль мог рухнуть, но, к счастью, стоявший за кулисами недалеко от «вольнодумца» учитель Александр потихоньку рукой, ухватив его за пояс, осторожно выдворил со сцены. Действие благополучно продолжалось, и все обошлось. Я надеялась, что отец отругает брата, но тот стал оправдываться, обвиняя меня, что я слишком «разнюнилась» и чуть было и его не довела до слез. Папа засмеялся, и на этом все закончилось.

Явно одобряя нашу самодеятельность, отец видел и в нас с Колей будущих учителей. Работу учителя он ценил превыше всего. Наверное, поэтому все его дети, кроме Коли, которому война помешала связать свою жизнь со школой, стали учителями.

С 1939 года жизнь сильно изменилась в худшую сторону. В Касимове появились очереди за хлебом, товары начали пропадать, а колхозники на трудодни стали получать значительно меньше.

Как Андрей Николаевич отнесся к пакту Молотова-Риббентропа? Резко отрицательно. Он говорил: «Разве можно верить немцам? Они ведь, начиная с Фридриха II, мечтают овладеть богатствами русской земли. Войны нам не избежать. Гитлер-людоед обманет Сталина».

Надо сказать, что и народ не верил немцам. Войны боялись, чувствовали, что она неизбежна. Нам в техникуме говорили, что благодаря пакту мы избежим войны, но в то же время наши мальчишки уходили в военные училища. Туда ушли мои друзья — Алексей Калмыков, ставший потом Героем Советского Союза и генералом, Вася Старостин, переживший войну в немецком концлагере и преждевременно умерший уже после войны, как я об этом уже писала.

В техникуме была усилена боевая и спортивная подготовка. Все комсомольцы сдавали зачет на значок ГТО (готов к труду и обороне), учились стрелять. Я оказалась жертвой одного из стрельбищ. Шел спектакль «Падь серебряная». Я играла шпионку, которую застрелили пограничники, когда она пыталась перейти границу.

На сцене стояли елки на железных и деревянных крестах, через которые я и пробиралась, пытаясь скрыться. По мне стреляли. Обычно стреляли холостыми, а в этот раз в мосинской винтовке оказался настоящий патрон (в этот день на стрельбище стреляли боевыми). Я, торопясь, споткнулась и упала на железную подставку, сильно разбив нос. В это время раздались выстрелы и наш военрук и директор техникума П.П. Авдин с ужасом увидели, что один из выстрелов был настоящий. Я так сильно ушиблась и так естественно корчилась от боли, что заслужила овацию, а военрук и директор бросились на сцену за закрытый занавес и нашли меня лежащей на полу с лицом, залитым кровью. На мне был парик, пристегнутый шпильками к моим собственным волосам. Петр Петрович Авдин закричал: «Что с тобой?» Я, обливаясь слезами и кровью, обильно текущей из разбитого носа, нашла в себе силы ответить: «Не видите разве? Я ранена». Впоследствии разбитый нос и зубы дали о себе знать, но это уже после войны. Ну, а тогда я к своему «ранению» отнеслись, скажем прямо, легкомысленно. Не очень-то сочувствовал мне отец, узнавший о происшедшем. Он сказал только: «Любишь кататься, люби и саночки возить».

В 1940 году в наших местах были страшные морозы. Однажды в субботу я решилась пойти в Перво, чтобы принести оттуда хлеба, которого в Касимове трудно было достать. Вместо варежек на мне были перчатки, и я основательно обморозила руки. Я их не чувствовала, но когда вошла в избу, и отец увидел, в каком они состоянии, он заставил меня опустить руки в ледяную воду, поставив ведро с водой в сенях и не разрешив мне войти в теплую кухню. Боли были адские, но меня заставили терпеть и тем самым руки мои были спасены. Так когда-то при других обстоятельствах отец спас мне глаза. Я, совсем маленькой, вместе с подружкой Соней сидела на передке телеги, и нас ударила по глазам хвостом лошадь. Ну, конечно, мы стали руками тереть глаза и натерли себе бельма. Отец откуда-то знал народное средство, довольно жестокое, но верное. Родители Сони пожалели свою дочку, а мой отец решился на жестокую меру. Несмотря на то, что я была в возрасте 2-3-х лет, я помню все. Это была настоящая пытка, меня ловили, клали на подушку, лежащую на столе, и, несмотря на отчаянный рев, отец через бумажную трубочку вдувал мне в глаз сахарную пудру, которая разъедала его, но не давала развиваться бельму. Мой глаз был спасен, а Соня всю жизнь ходила с бельмом, что сильно уродовало ее. Я благодарна на всю жизнь сильному характеру отца, сумевшего выдержать такое «издевательство» над ребенком.

В конце 30-х годов отец начал работать сторожем на карьере, находящимся от села Перво в нескольких километрах. Ездил он туда на катере, который делал остановку недалеко от карьера и под нашим селом. Он одевался так же, как и остальные колхозники, работающие на карьере: лапти, рубашка-косоворотка, пиджак и кепка. Однажды с ним приключилась забавная история. Возвращаясь с работы, отец подсел к группе молодых людей, видно, студентов, яростно споривших по поводу религиозных взглядов Льва Толстого. Он послушал, а потом попросил разрешения высказать и свое суждение. Студенты, переглянулись и дали слово странному на их взгляд старику. Андрей Николаевич, знавший философские взгляды Толстого с юности, четко и ясно высказал свою позицию. Молодые люди, помолчав, спросили, откуда у него такие познания по столь сложному вопросу. Он ответил, что его дети — учителя, и они часто говорят между собой о творчестве Льва Толстого. Вот он и запомнил их разговоры. Воцарилось молчание, и в это время катер подошел к пристани, отец сошел с него и стал подниматься в гору, на которой располагалось наше село. Свидетели этой истории рассказывали, что молодые люди долго смотрели вслед странному мужику. Знали бы они, каким начитанным был этот «странный мужик», и как любил он и уважал великого русского писателя.

Я не знаю, когда отец перестал работать, так как в самом начале августа 1940 года уехала по путевке Наркомпроса и призыву нашей комсомольской организации в Туркмению, чтобы учить аульных ребятишек русскому языку. Мама одобрила мое решение, считая, что каждый человек — кузнец своего счастья. Отец и старший брат Федор были решительно против, но отговорить меня было невозможно. Воспитанная комсомолом и находящаяся под влиянием романа Н. Островского «Как закалялась сталь», я рвалась туда, где были нужны мои знания и моя энергия. Рассерженные отец и брат уехали в Туму к сестре Соне, даже не простившись со мной. Правда, письма в аул отец писал регулярно и, как всегда, каждое его письмо начиналось словами: «От берегов красавицы Оки, мы, родители твои...» До войны я посылала в Перво посылки с мануфактурой. В Туркмении было много ситца, а в наших местах его невозможно было достать, поэтому мои посылки были очень кстати.

О том, каким был отец в военные годы, я узнала от сестер, главным образом, от Саши, после войны, когда отца уже не было. Беспокойство за сыновей (все четыре его сына были на фронте) и страну сильно ослабило его. Он едва ходил и мог что-нибудь делать (например, колоть дрова), только стоя на коленях. Дом наш стал своеобразным центром, где вечерами собирались жены, сестры и матери фронтовиков. К отцу приходили и старики с вопросом, устоит ли Россия. Особенно страшно было осенью 1941 года, когда враг был под Москвой. На тревожные вопросы сельчан, отец неизменно отвечал: «Устоим. Наполеон был в Кремле, и все равно выгнали. Нашу страну победить никто не может».

В субботние вечера, когда приходила из Касимова Наташа, устраивались спиритические сеансы. Отец ни в какие гадания, конечно, не верил, но не возражал, считая, видимо, проделки Наташи полезными. Кто научил сестру проводить спиритические сеансы, в которые она сама не верила, не знаю. Однако она ухитрялась делать так, что блюдце на большом листе крутилось и вызванный «дух» отвечал на поставленные вопросы. Говорят, чаще всего откликался «дух» Пушкина. Вопросы были однотипными: «Жив ли отец, брат, сын, муж и вернется ли он с фронта». Чаще всего «дух» обнадеживал: вернется живым или в плену находится, или у партизан...

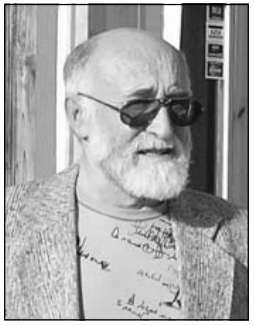
Женщины успокаивались и в следующую субботу вновь приходили на встречу с Наташей. Надо же тому случиться, что, как мне говорили, пока ее сеансы продолжались, не было ни одной похоронки.

Осенью 1943 года моя жизнь в Туркмении резко изменилась. Мне удалось поступить на 3-й курс стационарного обучения, совмещая учебу с работой в качестве заведующей институтской библиотекой. Обо всем этом я написала домой. Из письма Саши я узнала, что, получив это известие, папа заплакал. Чем были вызваны его слезы? Радостью за меня? Укором совести? Ведь отец не ожидал, что я пойду тем же путем, что и другие его дети. Он знал, как это трудно — учиться, да еще в голодные военные годы. О трудностях заочного обучения в свое время написал брат Сергей нашей любимой сестре Маше. Письмо это было напечатано в 1940 году в «Учительской газете» в статье В. Проценко «Семья Дашковых» (7 ноября).

Поздравляя Машу с окончанием вечернего пединститута, Сергей писал: «Ведь я и сам иду по такому же пути. На маленькую горку влез, теперь лезу в гору. Скользит подчас под ногами, но ты лезешь, карабкаешься и жутко подумать: неужели на полдороги сил не хватит, оборвешься? Думаешь, нет, дай вон за тот кустик ухвачусь! Глянешь вниз: а уж высоко, дело-то идет. И... лезешь дальше».

Эти слезы я запомнила на всю жизнь. Быть может, это были последние слезы радости в жизни моего отца — Андрея Николаевича Дашкова!

Осенью 1944 года он умер, не дождавшись конца войны и возвращения своих сыновей.



***Геннадий Михайлович Литвинцев** родился в 1946 году в китайском городе Харбине в семье русских эмигрантов. Окончил исторический факультет Уральского государственного университета. Работал журналистом, корреспондентом ряда союзных изданий в Прибалтике, «Российской газеты» в Воронеже. Автор сборника стихотворений «Часы, которых нет на циферблате», многочисленных публикаций в журналах и альманахах. Живет в Воронеже.*

Геннадий Литвинцев

ЖИВЕМ ЛИ МЫ НЕ ПО ЛЖИ

(Встречи с Александром Солженицыным и его уроки)

27 мая 1994 года авиалайнером из Анкориджа, приземлившимся в аэропорту Магадана, после двадцати лет изгнания вернулся в Отечество Солженицын, один из самых значительных русских писателей XX века. Его высылали на Запад — а он замыслил возвратиться с востока. Александр Исаевич не спешил — целых 55 дней длилась его дорога из Владивостока в Москву со всеми многочисленными остановками и встречами в попутных городах и селах. Писатель как будто не мог надышаться воздухом России, наговориться с людьми, набраться впечатлений. Пять недель на устройство и отдых в Москве — и снова в путь, теперь на родной ему юг, в Ставрополье, Ростов-на-Дону. Оттуда Солженицын заехал на пару дней в Воронеж.

В гости приезжают к родным и друзьям. И хотя раньше Солженицыну, по его словам, доводилось бывать в Воронеже только проездом, но и здесь нашлись люди, поддержавшие писателя в годы гонений и травли. Они и встречали Александра Исаевича ранним утром 4 октября на железнодорожном вокзале. Один из них — поэт Владимир Гордейчев, не побоявшийся послать в конце 1960-х годов автору «Ивана Денисовича» слова уважения и поддержки. Тогда этот поступок стоил Владимиру Григорьевичу должности ответственного секретаря областной писательской организации. Пришел на вокзал и пожилой, убеленный сединами человек — Дмитрий Федорович Кулаков, товарищ Солженицына по «шарашке», описанной в романе «В круге первом».

А.И. Солженицын в Воронеже. 1994 год. Слева — Г.М. Литвинцев.
Фото Валерия Степнова

В тот же день Солженицын был приглашен в мэрию Воронежа. Мы с женой тоже решили пойти на эту встречу. Началось с курьеза. Только мы вошли в вестибюль администрации города, как стоявшие там служащие с каким-то торжественным вниманием уставились на нас, начали поправлять галстуки, все смолкли и подтянулись, а одетые в парадное милиционеры стали по стойке «смирно». И уж совсем удивительное: сам мэр Анатолий Гольц метнулся навстречу и, крепко взяв меня под руку, запел на ухо:

— С приездом! Так ждали, так ждали! Все в сборе! Вот сюда, пройдемте... ступеньки!

Что за притча! Откуда такое внимание к скромному журналисту?

Так, под ручку, поднялись до второго этажа, пока я, догадавшись, не прервал любезного градоначальника:

— Извините, да вы, похоже, не за того меня принимаете.

— Да за кого же еще? Так ждали! А впрочем, постойте...

Гольц отстранился от меня и, глянув с расстояния, вскричал:

— Что за черт! Так вы не... И точно ведь, извините, обознался, вы и моложе...

— Вон он стоит, встречайте же наконец! — показал я мэру рукой вниз, на сиротливо стоявшего у двери с портфельчиком Александра Исаевича.

Так обманула главу города моя основательная в ту пору борода, действительно придававшая некоторое сходство с Солженицыным. Ну а жена, стало быть, сошла за Наталью Дмитриевну. Из-за бороды в те дни и на улице некоторые обозначались, подходили знакомиться, а один интеллигентный воронежец приглашал в гости. Впрочем, радоваться тут особенно было нечему: все же Александр Исаевич почти на тридцать лет меня старше. Но выглядел он в свои 75 лет вполне бодро, даже, я бы сказал, молодцевато, ничего стариковского ни в фигуре, ни в походке, ни в манере говорить у него тогда не было, что, несомненно, шло от духовной силы, внутренней свободы и независимости. Так должны выглядеть люди, поправшие смерть, насилие, достигшие высот человеческой мудрости, получившие право учить людей не от власти, а от собственного опыта жизни.

— Ваш город центральный в России, очень своеобразный, можно сказать, узловой, — говорил Солженицын в мэрии. — Мне важно узнать, что тут у вас происходит, какие у людей настроения.

Приглашенные городские чиновники выступали в привычном жанре отчетов перед начальством: все хорошее объясняли своим персональным усердием, неудачи и трудности сваливали на «отсутствие законов и общее неустройство». Александр Исаевич хмурился, но старательно строчил что-то в блокноте.

На другой день состоялась встреча с жителями города. Солженицын поставил условие: пускать всех, без всяких ограничений. Огромный зал «Апекса» был полон. Писателя встретили аплодисментами и приветственными возгласами. А вот между собой штатные активисты не терпящих друг друга течений не смогли поладить и в присутствии классика: захлопывали выступающих, кричали, шумели, вырывали микрофон друг у друга. Дошло до драчки на сцене. Александру Исаевичу пришлось вставать и растаскивать сцепившихся ораторов. Так, наверное, в лагере мог разнимать подравшихся зэков.

— Вот пример того, как мы распустились за семьдесят лет, — сказал с укоризной писатель. — Давайте же слушать и стараться понимать друг друга, чувствовать себя соотечественниками.

Немало горьких и справедливых слов сказал он в заключительной речи о нравственном состоянии нашего общества, о том, что мешает подлинному духовному и экономическому возрождению страны. Для того, чтобы понять суть того выступления Солженицына, следует вспомнить атмосферу времени, наэлектризованного острейшими политическими и идейными схватками, разрядами столкнувшихся друг с другом социально-экономических систем — старой и нарождавшейся новой, глухим недовольством народа начинавшимся криминально-олигархическим произволом, «прихватизацией» всего и вся, в том числе и самой «демократической» власти.

Возвращение Солженицына стало для ельцинского окружения нелегким испытанием. Писатель поставил несколько принципиальных условий. Он приедет, — но не раньше, чем «Архипелаг ГУЛАГ» будет напечатан массовым тиражом. Он приедет, — но прежде окончит «Красное колесо», работу всей жизни, то есть «живо и бережно уберет урожай». Он приедет, — но прежде с него должны публично снять позорное обвинение в измене.

«Солженицын показал пример несуетного поведения в момент наивысшего общественного нетерпения, и потому его физическое возвращение домой пришлось как раз вовремя: остыла горячка ожидания («приедет», «возглавит», «рассудит»), осталось позади опьянение гласностью, рассеялся псевдодемократический туман. На смену романтической, хмельной эпохе пришли продажность и цинизм. Самое время, чтобы заговорить о национальном самосознании, исторической памяти, моральной ответственности; самое время, чтобы начать кропотливую работу», — пишет Людмила Сараскина, автор наиболее основательной биографии нобелевского лауреата.

Однако не о «национальном самосознании» думалось новым хозяевам жизни, всякое напоминание о «моральной ответственности» было им как острый нож к горлу. Сама перспектива присутствия в стране писателя, призывавшего «Жить не по лжи!», многим отравляла существование. «Жить не по Солженицыну!» — такой «альтернативный» девиз накануне приезда писателя бросила в массы одна из столичных газет, выразив тем самым жажду «новых русских» действовать и дальше без оглядок на мораль, с правом на бесчестье, так, чтобы вокруг никто и ничто не посмело колоть глаза.

«Является в Россию безнадежно устаревший протопоп Аввакум, вермонтский Вольтер! А кому он, в сущности, нужен? Время Солженицына прошло. В нафталин его! И на покой». Подобное яростное шипение либеральных СМИ не один раз придется услышать Солженицыну в первый год своего возвращения. Самые известные перья заявляли публично, что ни в коем случае не станут ни единомышленниками, ни соратниками, ни придворными Солженицына. Ждали и боялись, что явится стране подлинно моральный авторитет, действительно совесть нации, обнаружив тем самым духовное и идейное убожество партии власти. И еще неизвестно, какое знамя подымет, какую партию создаст и возглавит, с кем пойдет на выборы или кому даст выдвинуть себя — подобные гадания стали привычными для журналистов и политических аналитиков. Один из них возмутился даже средством передвижения: «В Россию нельзя возвращаться на самолете или на поезде. Если уж Солженицын

взвалил на себя ношу пророка, надо было возвращаться пешком».

Разумеется, звучали и другие голоса — лучших людей России. «Как будет выглядеть на фоне бойко тусующихся «пародистов действительности» огромный человек, который перерос литературу и сам стал героической действительностью XX века?» (Евгений Евтушенко). «Приезд Солженицына — настоящий праздник для всех нас. Сам он, его жизнь и то, что он приезжает, — настоящее Чудо Божье» (Иннокентий Смоктуновский). «Счастлив, что мое преображающееся Отечество может вернуть народу своего великого изгнанника. Думаю, что Александру Исаевичу будет у нас интересно...» (Марк Захаров). «Он возвращается ни к правым, ни к левым, а в Россию. И думаю, что он употребит свой огромный мировой авторитет на поддержку России национальной и самостоятельной» (Валентин Распутин).

Однако новостные телепрограммы держали страну на голодном пайке — не показывали ни встреч, ни пресс-конференций. Секундные включения, невнятные сообщения — и предвзятые комментарии ведущих: «Есть ли повод для ажиотажа? Приезжает пожилой человек, книги которого лежат в магазинах и большим спросом не пользуются». «В Россию возвращается русский националист», — встревожено объявили «Итоги».

Следуя по Транссибу, Александр Солженицын выступал в особом, «вечевом», по слову Бориса Можаева, жанре. 55 дней он обращался к людям с просьбой выйти и сказать о главном — что нужно сделать для возрождения страны, для улучшения жизни. Обычно откликались на призыв человек 15-20. И только потом слово брал сам писатель. Постепенно втягиваясь в проблемы, он все более загорался, говорил образно, горячо. Мигом пролетали два-три часа захватывающего действа. «По сравнению с этими собраниями-встречами заседания нашей Думы — жалкий и скучный лепет младенцев», — писал один из сопровождавших Солженицына журналистов.

Очевидцы и участники общения Александра Исаевича в российской провинции свидетельствовали об обоюдном дружелюбии встреч, о многих тысячах людей, приходивших услышать слово писателя. Ему жаловались, его упрекали, его побуждали выступать, от него требовали объяснений, но все происходившее было подлинным, от души, без глума и зубоскальства. Русская провинция оказалась той самой аудиторией, с которой можно было говорить на одном языке. Солженицын назвал его языком боли.

«Что слышно об Александре Исаевиче?» — такой вопрос, по слухам, Ельцин задавал своим приближенным каждое утро. И однажды добавил: «Солженицын будет на нашей стороне, он мощное оружие». Но первые же шаги писателя по русской земле поставили президента в тупик.

Патриот и антикоммунист, Солженицын говорил правду без оглядки на власть и оппозицию, называл режим «мнимой демократией», ставил тяжелейший диагноз: «Россия сегодня в большой, многосторонней беде. Стон стоит. Деревня работает бесплатно. Крестьянство по-прежнему во власти колхозно-совхозного начальства. Сельское хозяйство может иссякнуть. Врачи и учителя работают уже по инерции долга. 63 процента населения или бедны, или нищие. Людям не во что одеться, ходят в старом запасе. Двух буханок хлеба в день уже не купить, нельзя поехать к родным даже на похороны. Позвонить в другой город, другую республику — месячный заработок. Рождение ребенка — подвиг, почти безрассудство. Вымирают люди среднего возраста, людей низа выбросили из жизни. Москва отвернулась от России...» На встрече в Москве: «Народ у нас сейчас не хозяин своей судьбы. А поэтому мы не можем говорить, что у нас демократия. У нас нет демократии. Демократия — не игра политических партий, а народ — не материал для избирательных кампаний...»

1994-й, напомню, был первым годом, когда страна жила по новой Конституции, когда президент победил всех своих врагов, и ему уже не мешал Верховный Совет. Но радости от того у народа не было: шла преступная приватизация, породившая олигархию, финансовые пирамиды, залоговые аукционы, жуликов неслыханно крупных размеров, захваты и переделы собственности, заказные убийства и прочие отличительные признаки дичайшего капитализма. Страна катилась к неведомой бездне, а Солженицын, способный видеть дальше и глубже, начал писать книгу «Россия в обвале».

И на юге России, куда Александр Исаевич отправился с женой после непродолжительного обустройства в Москве, и позже у нас в Воронеже, он продолжал «секретарствовать», то есть слушать людей и записывать их вопросы. «Я сейчас объезжаю страну, чтобы лучше понять ее общие и местные проблемы, потому прошу вас поднимать вопросы не личного, но общего значения, имеющие интерес для всей России», — говорил Солженицын.

Зал поначалу терялся, повисало тягостное молчание, затем публика понемногу освобождалась от скованности и тянулась к микрофонам. «Я не раз повторял и продолжаю повторять: в возрождение России я верю, и произойдет оно тогда, когда сорок самых крупных старинных городов России будут иметь такой же культурный потенциал, как Москва», — говорил он.

В вестибюле гостиницы «Дон» Солженицын устроил общественную приемную, где несколько часов принимал воронежцев с просьбами, бедами, вел задушевные разговоры о будущем и насущном. Каждый день выслушивал по 25-30 человек. Как не похожи были его встречи на модные в годы перестройки поездки «прогрессивных писателей» к простому народу или на «концерты» популярных экономистов в лучших залах столицы.

Комментируя состоявшуюся 16 ноября того же 1994 года встречу Солженицына с президентом, «Комсомольская правда» писала: «На наших глазах происходит реставрация Слова как глубинной, почти геологической силы. Солженицын пытается повлиять не на Бориса Ельцина, а на ход истории Отечества... То, чем сейчас занимается Солженицын, — не текущая политика, а текущая история, попытка понять течение истории в его невидимых даже из Кремля глубинах». Понять «глубины», ощутить боль России писателю помогло многодневное сердечное общение с народом «один на один», поверх всех барьеров — официальных и неофициальных.

Но актуален ли Солженицын в наши дни? Как вам сказать... Пожалуй, лучше каждому задать самому себе сначала такие вопросы: «Стали ли мы жить не по лжи?», «Обустроена ли Россия?», «Вышла ли страна из обвала?». Сами тогда и ответите.

□ □

Департамент культуры и архивного дела Воронежской области

Государственное бюджетное учреждение культуры Воронежской области «Журнал «Подъём»

Директор-главный редактор Щёлоков И.А.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан); номер страхового свидетельства государственного пенсионного страхования; банковские реквизиты (название местного банка) СБ РФ: корсчет, БИК, расчетный счет, ИНН; в назначении платежа указывается номер филиала и лицевой счет клиента.

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчетливо читаемый.

Корректор Кобелева Л.В.
Художник Зибров Ю.А.
Компьютерная верстка Вовчаренко И.К.

Адрес редакции: 394036, г.Воронеж, пр.Революции, 3а.
Телефоны: директор-главный редактор — 253-14-50, заместитель директора-главного редактора, ответственный секретарь, отдел поэзии — 253-11-28, отдел прозы, производственный отдел, корректор — 253-11-34, бухгалтерия — 253-13-77, отдел верстки — 253-14-09.
Факс: 253-11-34.
Электронная почта: podiem@mail.ru
Сетевая версия журнала «Подъём»: http//www.podiem.vsi.ru
Электронный архив журнала с №1, 2001 г. по №6, 2008 г.: http//www.pereplet.ru/podiem
Журнал «Подъём» зарегистрирован в Минпечати РФ.
Свидетельство № 331 от 03.10.1990 г.

Рассылку журнала осуществляет цех экспедирования печати Воронежского главпочтамта: 394068, г.Воронеж, ул.Лизюкова, 2, ЦЭП.

Во всех случаях полиграфического брака в журнале обращаться в ОАО «Воронежская областная типография — издательство им. Е.А. Болховитинова».

Подписано в печать 17.10.14. Формат 70x100 1/16 Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,85.
Тираж 1000 экз. Заказ .

Отпечатано с готового оригинал-макета в ОАО
«Воронежская областная типография —
издательство им. Е.А. Болховитинова»:
394071, Воронеж, ул. 20 лет Октября, 73а.